Γ. P.

P. o. rel. 3470 (12,1

<36636137930018

<36636137930018

Bayer. Staatsbibliothek

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 21-го Мая 1847 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

2. Ex.

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

Bayerische Staatsbibliothek München

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

Stadtbibliothek München

Abgeschrieben
Stadtbibliothek München

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Карла Крайя.

1848.

Ga 164/945

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Цѣна за три тома три рубля серебромъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

И

СТАТЬИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ I.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стр.

Опытная Соломонова мудрость, или мысли, выбранныя изъ Экклезіаста . . . 1
Волга . . . 9
Къ милости . . . 13
Кладбище . . . 16
Къ богинѣ здравія . . . 18
Къ прекрасной . . . 19
Раиса, древняя баллада . . . 20
Эпитафіи . . . 24
Молитва о дождѣ . . . 25
Веселый часъ . . . 27
Военная пѣснь . . . 28
Пѣснь мира . . . 29
Осень . . . 33
Пѣснь божеству . . . 34
Посланіе къ Дмитріеву . . . 36

Стр.

Къ Д . 42
Къ соловью 44
Филлидѣ. 45
На разлуку съ П. 47
Прости . 49
Надгробная надпись Боннету. 51
Любезной, въ день ея рожденія. 52
Странность любви, или безсонница —
Весеннее чувство 55
Надежда. 57
На смерть князя Хованскаго 59
Къ бѣдному поэту 62
Отставка 66
Посланіе къ А. А. Плещееву 69
Отвѣтъ моему пріятелю 76
Къ ней . 77
Двѣ пѣсни: 1) Мы желали — и свершилось . . . 78
2) Доволенъ я судьбою 80
Приписаніе къ Г-жѣ N. 81
Басня соловей, галки и вороны 82
Прощаніе —
Къ самому себѣ 83
Пѣсня, Нѣтъ, полно, впредь не буду 85
Время. Подражаніе. 87
Къ портрету Императрицы Елисаветѣ Алексѣевны . —
Въ день рожденія Императрицы Маріи Ѳеодоровны . 88
Къ Мелодору —
Хлоя . 89
Лилея. 90
Гекторъ и Андромаха 91
Посланіе къ женщинамъ. 96
Графъ Гвариносъ, древняя пѣсня 112
Послѣднія слова умирающаго 118
Любовь и дружба —

Стр.
Печаль и радость 119
Страсти и безстрастіе. —
Спорщикъ. —
Любовь ко врагамъ. 120
Къ невѣрной. —
Къ вѣрной . 125
Долина Іосафатова, или долина спокойствія . . . 129
Эпитафія . 131
Стихи на день рожденія А. А. П—ой —
Тріолетъ Алетѣ. 132
Тріолетъ Лизетѣ —
Отвѣтъ на стихи одной дѣвицы 133
Impromptu Графинѣ Р**. 134
Impromptu двумъ молодымъ дамамъ —
Деліины слова 135
Надпись къ дамской табакеркѣ —
Нескромное эхо 136
Надпись къ портрету жестокой —
Къ лѣсочку Полины —
Дарованія. 137
Къ Алинѣ на смерть ея супруга. 156
Къ Лилѣ . 157
Выборъ жениха 160
Разлука. 162
Клятва и преступленіе 163
Хоръ и куплеты, пѣтые въ Мароинской Рощѣ . . . —
Куплеты на тотъ же голосъ 167
Надписи на статую Купидона 168
Два сравненія 171
Дурной вкусъ —
Вопросы и отвѣты 172
Характеръ Нисы —
Покой и слава —
Исправленіе 174

Стр.
Непостоянство . 176
Эпиграмма. 177
Истина . —
Мыслятъ и не мыслятъ —
Надгробіе Шарлатана. —
Перемѣна цвѣта . 178
Желаніе . —
Тацитъ. —
Къ Шекспирову подражателю 179
Куплеты изъ сельской комедіи 180
Протей, или несогласія стихотворца 185
Его Императорскому Величеству Александру I, Самодержцу Всероссійскому, на восшествіе Его на престолъ. 198
На торжественное коронованіе Его Императорскаго Величества Александра I, Самодержца Всероссійскаго. 204
Меланхолія. Подражаніе Делилю 211
Гимнъ глупцамъ 213
Басня, Филины и соловей, или просвѣщеніе. . . . 217
Эпитафія Калифа Абдулрана 218
Стихи на слова, заданныя мнѣ Хлоею 219
Стихи къ портрету И. И. Дмитріева 223
Къ Эмиліи. —
Берегъ . 227
Къ добродѣтели 228
Стихи на смерть П. А. Пельскаго 233
Пѣснь воиновъ 1806 г. 236
Освобожденіе Европы и слава Александра I. 238
Илья Муромецъ богатырская сказка 255

—

ПРОЗА.

СТАТЬИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Стр.

Историческое похвальное слово Императрицѣ Екатеринѣ II. 275
Извѣстіе о Марѳѣ Посадницѣ, взятое изъ житія Св. Зосимы . 381
О россійскомъ посольствѣ въ Японію 388
О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михаиловича. 398
О Тайной Канцеляріи. 418
Записка о Московскихъ достопамятностяхъ 427
Путешествіе вокругъ Москвы 448
Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ . 458
Русская старина 502
Статьи политическія изъ Вѣстника Европы 525
Пантеонъ россійскихъ авторовъ 561
О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ 603

ОПЫТНАЯ СОЛОМОНОВА МУДРОСТЬ,

или

МЫСЛИ, ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ ЭККЛЕЗІАСТА.

—

Во цвѣтѣ пылкихъ, юныхъ лѣтъ
Я нѣжной страстью услаждался;
Но ахъ! увялъ прелестный цвѣтъ,
Которымъ взоръ мой восхищался!
Осталась въ сердцѣ пустота,
И я сказалъ: «любовь мечта!»

Любилъ я пышность въ лѣтахъ зрѣлыхъ,
Богатствомъ, роскошью блисталъ;
Но вмѣсто счастья, дней веселыхъ,
Заботы, скуку обрѣталъ;
Простился въ старости съ мечтою,
И назвалъ пышность суетою.

Искалъ я къ истинѣ пути,
Хотѣлъ узнать всему причину:
Но намъ ли таинствъ ключь найти,
Измѣрить мудрости пучину?

Всѣ наши знанія мечта,
Вся наша мудрость суета!

Къ чему намъ служитъ власть, когда, ее имѣя,
Не властны мы себя щастливыми творить,
И сердца своего покоить не умѣя,
Возможемъ ли другимъ спокойствіе дарить?
Въ чертогахъ кедровыхъ, среди садовъ прекрасныхъ,
Въ объятіяхъ Сиренъ, ко мнѣ любовью страстныхъ,
Томился и скучалъ я жизнію своей;
Нѣтъ щастья для души, когда оно не въ ней.

Унывіе мое казалось непонятно
Наперсникамъ, рабамъ: я вкусъ свой притупилъ,
Излишней нѣгою всѣ чувства изнурилъ —
Ненужное для насъ бываетъ ли пріятно?

Старался я узнать людей;
Узналъ — и въ горести своей
Оплакалъ жребій ихъ ужасный.
Сердца ихъ злобны — и нещастны;
Они враги врагамъ своимъ,
Враги друзьямъ, себѣ самимъ.

Тамъ бѣдный проливаетъ слезы,
Въ судѣ невинный осужденъ,
Глупецъ уваженъ и почтенъ;
Злодѣй находитъ въ жизни розы,
Для добрыхъ терніе растетъ:
Темницей кажется имъ свѣтъ.

Смотри: невѣрная смѣется —
Любовникъ горестью сраженъ —
Она другому отдается,
Который ею восхищенъ;
Но скоро клятву онъ забудетъ,
И скоро . . . самъ обманутъ будетъ.

Ехидны зависти вездѣ, вездѣ шипятъ;
Достоинство, талантъ и трудъ безъ награжденья.
Творите ли добро, вамъ люди зло творятъ.
Отъ каменныхъ сердецъ не ждите сожалѣнья.

Злословіе свой ядъ на имя мудрыхъ льетъ;
Не судитъ ни объ комъ разсудокъ безпристраст-ный:
Лишь страсти говорятъ.—Кто въ роскоши живетъ,
Не знаетъ и того, что въ свѣтѣ есть нещастный.

Но онъ нещастливъ самъ, не зная, отъ чего;
Желаетъ получить, имѣетъ и скучаетъ;
Желаетъ новаго — и только что желаетъ.
Онъ врагъ наслѣднику, наслѣдникъ врагъ его.

По грозной влагѣ Океана
Мы всѣ плывемъ на кораблѣ
Во мракѣ бури и тумана;
Плывемъ, спѣшимъ пристать къ землѣ —
Но вѣтръ ярится съ новой силой,
И море . . . служитъ намъ могилой.

Умы людей ослѣплены.
Что предковъ нашихъ обольщало,

Тѣмъ самымъ мы обольщены;
Ученье ихъ для насъ пропало:
И наше также пропадетъ —
Потомковъ та же участь ждетъ.

Ничто не ново подъ луною:
Что есть, то было, будетъ ввѣкъ.
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ,
И прежде былъ онъ жертвой рока,
Надежды, слабости, порока.

И Царь и рабъ его, безумецъ и мудрецъ,
Невинная душа, преступникъ, извергъ злобы,
Исчезнутъ всѣ какъ тѣнь—и всѣмъ одинъ конецъ:
На всѣхъ грозится смерть, для всѣхъ отверсты
гробы.

Для тигра, агницы сей лугъ равно цвѣтетъ,
Равно питаетъ ихъ. Нещастныхъ притѣснитель
Покоится въ землѣ какъ бѣдныхъ утѣшитель;
На хладномъ гробѣ ихъ единый мохъ растетъ.

Гордися славою, великими дѣлами,
И памятники строй: что пользы? ты забытъ,
Какъ скоро нѣтъ тебя, народомъ и друзьями;
Могилы твоея никто не посѣтитъ.

Какъ жизнь для смертнаго мятежна!
И мы еще желаемъ жить!
Какъ власть и слава ненадежна!

И мы хотимъ мечтамъ служить,
Любить,чего любить не должно —
Искать, чего найти не можно!

Нещастный, слабый человѣкъ!
Ты жизнь проводишь въ огорченьи,
И кончишь дни свои въ мученьи.
Ахъ! лучше не родиться ввѣкъ,
Чѣмъ въ жизни каждый мигъ терзаться
И смерти каждый мигъ бояться!

Ничтожество! ты благо намъ;
Ты лучше капли наслажденій
И моря страшныхъ огорченій;
Ты другъ чувствительнымъ сердцамъ,
Всегда надеждой обольщеннымъ,
Всегда тоскою изнуреннымъ!

Что насъ за гробомъ ждетъ, не знаетъ и мудрецъ.
Могила, тлѣніе всему ли есть конецъ?
Угаснетъ ли душа съ разрушеннымъ покровомъ,
На небо ль воспаривъ, жить будетъ въ тѣлѣ новомъ?

Сей тайны изъ людей никто не разрѣшилъ.
И червя произвелъ Творецъ непостижимый;
Животныя и мы Его рукой хранимы;
Имъ такъ же, какъ и намъ, Онъ чувство сообщилъ.

Подобно намъ, они родятся, умираютъ:
Гдѣ будетъ ихъ душа? гдѣ будетъ и твоя,

О бренный человѣкъ? Въ нихъ чувства исчезаютъ,
Исчезнутъ и во мнѣ: увы! чтожь буду я?

Но кто изъ смертныхъ разсуждаетъ?
Скупецъ богатство собираетъ,
Какъ будто ввѣкъ ему здѣсь жить;
Пловцы сражаются съ волнами—
За чѣмъ? чтобъ Тирскими коврами
Глаза роскошнаго прельстить.

Предъ мощнымъ слабость трепетала;
Онъ громъ держалъ въ своихъ рукахъ:
Чело скрывая въ облакахъ,
Гремѣлъ, разилъ—земля пылала—
Но меркнетъ свѣтъ въ его очахъ,
И богъ земный . . . падетъ во прахъ.

Какъ розы юныя прелестны!
И какъ прелестна красота!
Но что же есть она? мечта.
Темнѣетъ цвѣтъ ея небесный:
Минута — и прекрасной нѣтъ!
Вздохнувъ, любовникъ прочь идетъ.

Такъ все проходитъ здѣсь — и скоро гласъ прі-
ятный
Умолкнетъ навсегда для слуха моего;
Свирѣли, звуки арфъ ему не будутъ внятны;
Застынетъ въ жилахъ кровь отъ хлада своего.

Исчезнутъ для меня всѣ прелести земныя;

Ливанское вино престанетъ вкусу льстить;
Преклонится отъ лѣтъ слабѣющая выя,
И томною ногой я долженъ въ гробъ ступить.

Подруги нѣжныя, которыхъ ласки были
Блаженствомъ дней моихъ! простите навсегда!
Уже Судьбы меня съ любовью разлучили;
Весна не расцвѣтетъ для старца никогда.

А ты, о юноша прелестный!
Спѣши цвѣты весною рвать,
И время жизни, даръ Небесный,
Умѣй въ забавахъ провождать;
Забава есть твоя стихія:
Улыбка краситъ дни младыя.

За чашей свѣтлаго вина
Бесѣдуй съ умными мужами;
Когда же тихая луна
Явится на небѣ съ звѣздами,
Спѣши къ возлюбленной своей —
Забудь... на время мудрость съ ней.

Люби!... но будь во всемъ умѣренъ;
Полъ нѣжный часто намъ не вѣренъ;
Любя, умѣй и разлюбить.
Привычки, склонности и страсти
У мудрыхъ должны быть во власти:
Не мудрымъ цѣпи ихъ носить.

Намъ все *употреблять* для щастія возможно:
Во зло употреблять не должно ничего;

Спокойно разбирай, что истинно, что ложно:
Спокойствіе души зависитъ отъ сего.

Самъ Богъ тебѣ велитъ пріятнымъ наслаждаться,
Но помнить своего великаго Творца:
Онъ нѣжный вамъ отецъ, о нѣжныя сердца!
Какъ сладостно Ему во всемъ повиноваться!

Какъ сладостно предъ Нимъ и плакать и вздыхать!
Онъ любитъ въ горести нещастныхъ утѣшать,
И солнечнымъ лучемъ ихъ слезы осушаетъ;
Прохладнымъ вѣтеркомъ ихъ сердце освѣжаетъ.

Не будь ни въ чемъ излишно строгъ;
Щади безумцевъ горделивыхъ,
Щади невѣждъ самолюбивыхъ;
Безъ гнѣва обличай порокъ:
Добро всегда собой прекрасно,
А зло и гнусно и ужасно.

Прощая слабости другимъ,
Ты будешь слабыми любимъ:
Любовь же есть святой учитель.
И кто не падалъ никогда?
Мудрецъ, народовъ просвѣтитель,
Бывалъ ли мудръ и твердъ всегда?

Въ какихъ странахъ благословенныхъ
Сіяетъ вѣчно солнца лучь,
И гдѣ не видимъ бурныхъ тучь,
Огнями молній воспаленныхъ?

Ахъ! самый лучшій изъ людей
Бывалъ игралищемъ страстей.

Не только для благихъ, будь добръ и для коварныхъ,
Подобно какъ Творецъ на всѣхъ дары ліетъ.
Прекрасно другомъ быть сердецъ неблагодарныхъ!
Награды никогда великій мужъ не ждетъ.

Награда для него есть совѣсть, духъ покойный
(Безуміе и злость всегда враги Уму:
Вниманія его ихъ стрѣлы не достойны;
Онъ ими не язвимъ: премудрость щитъ ему.)

Сіяютъ передъ нимъ безсмертія свѣтилы;
Божественный огонь блеститъ въ его очахъ.
Ему не страшенъ видъ отверстыя могилы:
Онъ тѣломъ на землѣ, но сердцемъ въ небесахъ.

1796 г.

ВОЛГА.

Рѣка священнѣйшая въ мірѣ,
Кристальныхъ водъ царица, мать!
Дерзну ли я на слабой лирѣ
Тебя, о Волга! величать,
Богиней Пѣсни вдохновенный,
Твоею славой удивленный?
Дерзну ль игрою струнъ моихъ,

Подъ шумомъ гордыхъ волнъ твоихъ—
Ихъ тонкой пѣной орошаясь,
Прохладой въ сердцѣ освѣжаясь —
Хвалить красу твоихъ бреговъ,
Гдѣ грады, веси процвѣтаютъ,
Поля волнистыя сіяютъ
Подъ тѣнію густыхъ лѣсовъ,
Въ которыхъ древле раздавался
Единый страшный ревъ звѣрей,
И эхомъ ввѣкъ не повторялся
Любезный слуху гласъ людей —
Бреговъ, гдѣ прежде обитали
Орды Златыя племена;
Гдѣ стрѣлы въ воздухѣ свистали,
И гдѣ невѣрныхъ знамена
Нерѣдко кровью обагрялись
Святыхъ, но слабыхъ Христіанъ;
Гдѣ враны трупами питались
Нещастныхъ древнихъ Россіянъ;
Но гдѣ теперь одной державы
Народы въ тишинѣ живутъ,
И всѣ одну Богиню чтутъ,
Богиню щастія и славы * —
Гдѣ въ первый разъ открылъ я взоръ,
Небеснымъ свѣтомъ озарился,
И чувствомъ жизни насладился;
Гдѣ птичекъ нѣжныхъ громкій хоръ
Воспѣлъ рожденіе младенца;
Гдѣ я Природу полюбилъ, —

* Писано въ царствованіе Екатерины.

Ей первенцы души и сердца,
Слезу, улыбку посвятилъ,
И росъ въ веселіи невинномъ,
Какъ юный миртъ въ лѣсу пустынномъ?
Дерзну ли пѣть, о мать рѣка!
Какъ ты, красуяся въ теченьѣ
По злату чистаго песка,
Несешь земли благословенье *
На сребряномъ хребтѣ своемъ,
Вездѣ щедроты разливаешь,
Вездѣ страны обогащаешь
Въ блистательномъ пути твоемъ;
Какъ быстро плаватель безстрашной
Летитъ на парусныхъ крылахъ
Среди пучинъ стихіи влажной,
Въ твоихъ лазоревыхъ зыбяхъ,
Хваля свой жребій, милость Неба,
Хваля благопріятный вѣтръ,
И какъ, прельщенный свѣтомъ Феба,
Со дна подъемлется осетръ,
Играетъ на верху съ волнами,
Съ твоими пѣнными буграми,
И плесомъ разсѣкаетъ ихъ?—
Когда жь подъ тучами со гнѣвомъ,
Съ ужаснымъ шумомъ, грознымъ ревомъ,
Начнешь кипѣть въ брегахъ своихъ—
Какъ вихри воздухъ раздираютъ,
Какъ громы съ трескомъ ударяютъ,
И молніи шипятъ въ волнахъ —

* То есть, суда съ хлѣбомъ и съ другими плодами земли.

Когда пловцы, спастись не чая,
И къ небу руки простирая,
Хладъ смерти чувствуютъ въ сердцахъ: —
Какая кисть дерзнетъ представить
Великость зрѣлища сего?
Какая пѣснь возможетъ славить
Ужасность гнѣва твоего?...
Едва и самъ я въ лѣтахъ нѣжныхъ,
Во цвѣтѣ радостной весны,
Не кончилъ дней въ водахъ мятежныхъ
Твоей, о Волга! глубины.
Уже безъ вѣтрилъ, безъ кормила,
По безднамъ буря насъ носила;
Гребецъ отъ страха цѣпенѣлъ;
Уже сіяла хлябь подъ нами
Своими пѣнными устами;
Надежды лучь въ душахъ блѣднѣлъ;
Уже я съ жизнію прощался,
Съ ея прекрасною зарей;
Въ тоскѣ слезами обливался,
И ждалъ погибели своей...
Но вдругъ Творецъ изрекъ *спасенье* —
Утихло бурное волненье,
И брегъ съ улыбкой намъ предсталъ.
Какой восторгъ! какая радость!
Я землю страстно лобызалъ,
И чувствовалъ всю жизни сладость.—
Сколь ты въ величіи своемъ,
О Волга! яростна, ужасна,
Столь въ благости мила, прекрасна:
Ты образъ Божій въ мірѣ семъ!

Теки, Россію украшая;
Шуми, священная рѣка,
Свою великость прославляя, —
Доколѣ времени рука
Не истощитъ твоей пучины...
Увы! сей горестной судьбины
И ты не можешь избѣжать:
И ты должна свой вѣкъ скончать!—
Но прежде многіе народы
Истлѣютъ, превратятся въ прахъ,
И блескъ цвѣтущія Природы
Померкнетъ на твоихъ брегахъ. *

1793 г.

—

КЪ МИЛОСТИ. **

=

Что можетъ быть Тебя святѣе,
О Милость, дщерь благихъ Небесъ?
Что краше въ мірѣ, что милѣе?
Кто можетъ безъ сердечныхъ слезъ,
Безъ радости и восхищенья,

* Мысль, что Природа старѣется, есть не только піитическая мысль; самые Философы и Натуралисты не отвергаютъ ее.

** Писано въ царствованіе Екатерины.

Безъ сладкаго въ крови волненья,
Взирать на прелести Твои?

Какая ночь не озарится
Отъ солнечныхъ Твоихъ очей?
Какой мятежъ не укротится
Одной улыбкою Твоей?
Речешь, и громы онѣмѣютъ;
Гдѣ ступишь, тамъ цвѣты алѣютъ,
И съ неба льется благодать.

Любовь Твои стопы лобзаетъ,
И нѣжной Матерью зоветъ;
Любовь Тебя на тронъ вѣнчаетъ,
И скиптръ въ десницу подаетъ.
Текутъ, текутъ земные роды,
Какъ съ горъ высокихъ быстры воды,
Подъ сѣнь державы Твоея.

Блаженъ, блаженъ народъ, живущій
Въ пространной области Твоей!
Блаженъ Пѣвецъ, Тебя поющій
Въ жару, въ огнѣ души своей! —
Доколѣ Милостію будешь,
Доколѣ права не забудешь,
Съ которымъ человѣкъ рожденъ;

Доколѣ гражданинъ довольный
Безъ страха можетъ засыпать,
И дѣти - подданные вольны
По мыслямъ жизнь располагать,

Природой наслаждаться,
Вездѣ наукой украшаться,
И славить прелести Твои;

Доколѣ злоба, дщерь Тифона,
Пребудетъ въ мракъ удалена
Отъ свѣтлозолотаго трона;
Доколѣ правда не страшна,
И чистый сердцемъ не боится
Въ своихъ желаніяхъ открыться
Тебѣ, Владычицѣ души;

Доколѣ всѣмъ даешь свободу,
И свѣта не темнишь въ умахъ;
Пока довѣренность къ народу
Видна во всѣхъ Твоихъ дѣлахъ:
Дотолѣ будешь свято чтима,
Отъ подданныхъ боготворима
И славима изъ рода въ родъ.

Спокойствія Твоей Державы
Ничто не можетъ возмутить;
Для чадъ Твоихъ нѣтъ большей славы,
Какъ вѣрность къ Матери хранить.
Тамъ тронъ вовѣкъ не потрясется,
Гдѣ онъ любовію брежется,
И гдѣ на тронѣ — Ты сидишь.

1792 г.

═

КЛАДБИЩЕ.

—

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

Страшно въ могилѣ, хладной и темной! —
Вѣтры здѣсь воютъ, гробы трясутся,
Бѣлыя кости стучатъ.

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Тихо въ могилѣ, мягкой, покойной.
Вѣтры здѣсь вѣютъ; спящимъ прохладно;
Травки, цвѣточки растутъ.

ПЕРВЫЙ.

Червь кровоглавый точитъ умершихъ;
Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣздятся;
Зміи въ крапивѣ шипятъ.

ВТОРЫЙ.

Крѣпокъ сонъ мертвыхъ, сладостенъ, кротокъ;
Въ гробѣ нѣтъ бури; нѣжныя птички
Пѣснь на могилѣ поютъ.

ПЕРВЫЙ.

Тамъ обитаютъ черные враны,

Алчныя птицы; хищные звѣри
Съ ревомъ копаютъ въ землѣ.

ВТОРЫЙ.

Маленькой кроликъ въ травкѣ зеленой
Съ милой подружкой тамъ отдыхаетъ;
Голубь на вѣточкѣ спитъ.

ПЕРВЫЙ.

Сырость со мглою, густо мѣшаясь,
Плаваютъ тамо въ воздухѣ душномъ;
Древо безъ листьевъ стоитъ.

ВТОРЫЙ.

Тамо струится въ воздухѣ свѣтломъ
Паръ благовонный синихъ фіялокъ,
Бѣлыхъ ясминовъ, лилей.

ПЕРВЫЙ.

Странникъ боится мертвой юдоли;
Ужасъ и трепетъ чувствуя въ сердцѣ,
Мимо кладбища спѣшитъ.

ВТОРЫЙ.

Странникъ усталый видитъ обитель
Вѣчнаго мира — посохъ бросая,
Тамъ остается навѣкъ.

1793 г.

═

КЪ БОГИНѢ ЗДРАВІЯ.

—

Сойди, сойди, богиня!
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣтущая Игея!
Снеси златый сосудъ
Съ цѣлебнымъ питіемъ!

Уста мои завяли,
Въ глазахъ весь огнь погасъ,
И сердце томно бьется;
Едва дышать могу —
Едва, едва живу.

И червя оживляетъ
Прохладный вѣтерокъ;
И травку освѣжаетъ
Небесная роса:
Всегда ли мнѣ страдать?

Хотя едину каплю,
Посланница боговъ,
Хотя едину каплю
Пролей въ мои уста —
И буду исцѣленъ.

Сойди, сойди, богиня!
Сойди ко мнѣ съ небесъ,

Цвѣтущая Игея!
Снеси златый сосудъ
Съ цѣлебнымъ питіемъ!

1792 г.

═

КЪ ПРЕКРАСНОЙ.

—

Гдѣ ты, Прекрасная, гдѣ обитаешь?
Тамъ ли, гдѣ пѣсни поетъ Филомела,
Кроткая ночи пѣвица,
Сидя на миртовой вѣтьви?

Тамъ ли, гдѣ съ тихимъ журчаньемъ стремится
Чистый ручей по зеленому лугу,
Душу мою призывая
Къ сладкой дремотѣ покоя?

Тамъ ли, гдѣ юная, пышная роза,
Утромъ кропимая, нѣжно алѣетъ,
Скромно съ Зефиромъ лобзаясь,
Сладостью воздухъ питая?

Тамъ ли, гдѣ солнечный лучь освѣщаетъ
Горъ неприступныхъ хребетъ разноцвѣтный *,

* Когда въ хорошій вечеръ, передъ захожденіемъ солнца, изъ нѣкотораго отдаленія смотришь на высокія, снѣгомъ покрытыя горы, то верхи ихъ кажутся разноцвѣтными.

Гдѣ обитали издревле
Вышшія Силы и боги?
Гласъ твой божественный часто внимаю;
Часто сквозь облако образъ твой вижу, —
Руки къ нему простираю —
Облако, воздухъ объемлю!

1791 г.

РАИСА.

ДРЕВНЯЯ БАЛЛАДА.

Во тьмѣ ночной ярилась буря;
Сверкалъ на небѣ грозный лучь;
Гремѣли громы въ черныхъ тучахъ,
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ.

Нигдѣ не видно было жизни;
Сокрылось все подъ вѣрный кровъ.
Раиса, бѣдная Раиса,
Скиталась въ темнотѣ одна.

Нося отчаяніе въ сердцѣ,
Она не чувствуетъ грозы,
И бури страшный вой не можетъ
Ея стенаній заглушить.

Она блѣдна какъ листъ увядшій,

Какъ мертвый цвѣтъ уста ея;
Глаза покрыты томнымъ мракомъ,
Но сильно бьется сердце въ ней.

Съ ея открытой бѣлой груди,
Язвимой вѣтвями деревъ,
Текутъ ручьи кипящей крови
На зелень влажныя земли.

Надъ моремъ гордо возвышался
Хребетъ гранитныя горы:
Между стремнинъ, по камнямъ острымъ
Раиса всходитъ на него.

(Тутъ бездна яростно кипѣла
При блескѣ огненныхъ лучей;
Громады волнъ неслися съ ревомъ,
Грозя всю землю потопить.)

Она взираетъ, умолкаетъ;
Но скоро жалкой стонъ ея
Смѣшался вновь съ шумящей бурей:
«Увы, увы! погибла я!

«Кронидъ, Кронидъ, жестокой, милой!
Куда ушелъ ты отъ меня?
Почто Раису оставляешь
Одну среди ужасной тьмы?

«Кронидъ! поди ко мнѣ! Забуду,
Забуду все, прощу тебя! —

Но ты нейдешь къ Раисѣ бѣдной!...
Почто тебя узнала я?

«Отецъ и мать меня любили,
И я любила нѣжно ихъ;
Въ невинныхъ радостяхъ, въ забавахъ
Часы и дни мои текли.

«Когда жь явился ты какъ Ангелъ,
И съ нѣжнымъ вздохомъ мнѣ сказалъ:
Люблю, люблю тебя, Раиса!
Забыла я отца и мать.

«Въ восторгѣ, съ трепетомъ сердечнымъ
И съ пламенной слезой любви
Въ твои объятія упала,
И сердце отдала тебѣ.

«Душа моя въ твою вселилась,
Въ тебѣ жила, дышала я;
Въ твоихъ глазахъ свѣтъ солнца зрѣла,
Ты былъ мнѣ образъ Божества.

«Почто я жизни не лишилась
Въ объятіяхъ твоей любви?
Не зрѣла бъ я твоей измѣны,
И щастливъ былъ бы мой конецъ.

«Но рокъ судилъ, чтобъ ты другую
Раисѣ вѣрной предпочелъ;
Чтобъ ты меня навѣкъ оставилъ,
Когда сномъ крѣпкимъ я спала,

«Когда мечтала о Кронидѣ,
И мнила обнимать его!
Увы! я воздухъ обнимала...
Уже далеко былъ Кронидъ!

«Мечта исчезла, я проснулась;
Звала тебя, но ты молчалъ;
Искала взоромъ, но не зрѣла
Тебя нигдѣ передъ собой.

«На холмъ высокой я спѣшила...
Нещастная!.. Кронидъ вдали
Бѣжалъ отъ глазъ моихъ съ Людмилой!
Безъ чувствъ тогда упала я.

«Съ сея ужасныя минуты
Крушусь, тоскую день и ночь;
Ищу вездѣ, зову Кронида —
Но ты не хочешь мнѣ внимать.

«Теперь злощастная Раиса
Звала тебя въ послѣднiй разъ...
Душа моя покоя жаждетъ...
Прости!.. Будь счастливъ безъ меня!»

Сказавъ сiи слова, Раиса
Низверглась въ море. Грянулъ громъ:
Симъ Небо возвѣстило гибель
Тому, кто погубилъ ее.

1791 г.

ЭПИТАФІИ.*

1.

Небесная друша на небо возвратилась,
Къ Источнику всего, въ объятія Отца.
Порокомъ здѣсь она еще не омрачилась;
Невинностью своей плѣняла всѣ сердца.

2.

И на землѣ она какъ Ангелъ улыбалась:
Чтожь тамъ, на небесахъ?

3.

Въ объятіяхъ земли покойся, милый прахъ!
Небесная душа, ликуй на небесахъ!

4.

Едва блеснула въ ней небесная душа,
И къ Солнцу всѣхъ міровъ поспѣшно возвратилась.

5.

Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!

1792 г.

* Одна нѣжная мать просила меня сочинить надгробную надпись для умершей двулѣтней дочери ея. Я предложилъ ей на выборъ слѣдующія пять эпитафій; она выбрала послѣднюю, и приказала вырѣзать ее на гробѣ.

МОЛИТВА О ДОЖДѢ.

—

Мать любезная, Природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросить лице земли!

Все томится, унываетъ;
Зелень въ полѣ увядаетъ;
Сохнетъ травка и цвѣтокъ —
Нѣжный ландышь, василёкъ
Пылью сѣрою покрыты —
Не питаетъ ихъ роса...
Дѣти матерью забыты!

Солнце жжетъ, палитъ лѣса.
Птички въ рощахъ замолчали;
Ищутъ только холодка.
Ручейки журчать престали;
Истощилася рѣка.
Агнецъ пищи не находитъ:
Черенъ холмъ и черенъ долъ.
Конь въ степи печально бродитъ;
Тощь и слабъ ревущій волъ.

Ахъ! такой ли ждалъ награды
Земледѣлецъ за труды?
Гибнутъ всѣ его плоды!...

Въ горькой части безъ отрады,
Онъ терзается тоской;
За себя, за чадъ страдаетъ,
И блестящею слезой
Хлѣбъ изсохшій орошаетъ.
Дѣти плачутъ вмѣстѣ съ нимъ;
Игры всѣ не милы имъ!

Мать любезная, Природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросить лице земли!

Ахъ! доселѣ ты внимала
Крику слабаго птенца,
И въ печаляхъ утѣшала
Наши томныя сердца:
Не ужель теперь забудешь
Въ нуждѣ, въ скорби чадъ своихъ?
Не ужель теперь не будешь
Нѣжной матерью для нихъ?—
Нѣтъ, тобою оживятся
Наши мертвыя поля;
Вновь украсится земля —
Пѣсни въ рощи возвратятся —
Благодарный ѳиміамъ
Воскурится къ небесамъ!

1793 г.

ВЕСЕЛЫЙ ЧАСЪ.

—

Братья, рюмки наливайте!
Лейся черезъ край вино!
Все до капли выпивайте!
Осушайте въ рюмкахъ дно!

Мы живемъ въ печальномъ мірѣ;
Всякой горе испыталъ,
Въ бѣдномъ рубищѣ, въ порфирѣ —
Но и радость Богъ намъ далъ.

Онъ вино намъ далъ на радость,
Говоритъ святой Мудрецъ:
Старецъ въ немъ находитъ младость,
Бѣдный горестямъ конецъ.

Кто все плачетъ, все вздыхаетъ,
Вѣчно смотритъ Сентябремъ:
Тотъ науки жить не знаетъ,
И не видитъ свѣта днемъ.

Все печальное забудемъ,
Что смущало въ жизни насъ;
Пѣть и радоваться будемъ
Въ сей пріятной, сладкой часъ!

Да свѣтлѣетъ сердце наше,

Да сіяетъ въ немъ покой,
Какъ вино сіяетъ въ чашѣ,
Осребряемо луной!

1791 г.

═

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ.

—

Въ чьихъ жилахъ льется кровь Героевъ;
Кто сердцемъ мужъ, кто духомъ Россъ:
Тотъ презри нѣгу, роскошь, праздность,
Забавы, радость слабыхъ душъ!

Туда, гдѣ знамя брани вѣетъ—
Туда, гдѣ громъ войны гремитъ—
Гдѣ воздухъ стонетъ, солнце меркнетъ,
Земля дымится и дрожитъ;

Гдѣ жизнь блѣднѣетъ и трепещетъ;
Гдѣ злобы, клятвы, ада дщерь, —
Гдѣ смерть съ улыбкой пожираетъ
Тьмы жертвъ, и кровь ихъ жадно пьетъ:

Туда спѣши, о сынъ Россіи!
Разить безчисленныхъ враговъ.
Какъ столпъ огня, палящій нивы,
Теки, стремись по ихъ рядамъ!

Перуномъ будь, и стрѣлы грома
Бросай на нихъ и всѣхъ губи!
Да въ бурѣ гнѣва гласъ промчится:
Умри, умри, Россіи врагъ!

Губи! — Когда же врагъ погибнетъ,
Сраженный храбростью твоей,
Смой кровь съ себя слезами сердца:
Ты ближнихъ, братій поразилъ!

1789 г.

═

ПѢСНЬ МИРА.

—

Миръ блаженный, чадо Неба,
Къ намъ съ оливою летитъ,
И вѣнецъ свѣтлѣе Феба
На главѣ его блеститъ.
Онъ въ дыханіи Зефира
Ниспускается въ нашъ край,
И отъ горнихъ странъ эѳира
Въ тьму низноситъ свѣтлый рай.

ХОРЪ.

Бури, громы умолкаютъ;
Тучи черны исчезаютъ;
Исчезаетъ, какъ призракъ,
Ужасъ блѣдный, дымъ и мракъ.

Все въ Природѣ оживаетъ;
Свѣтъ проникъ въ густую тѣнь;
Пышно роза расцвѣтаетъ,
Какъ весною въ красный день;
Лугъ пушится, зеленѣетъ,
Класъ сребрится вдалекѣ,
Плодъ златый на древѣ зрѣетъ,
Бальзамъ вѣетъ въ вѣтеркѣ.

ХОРЪ.

Милліоны веселитесь,
Милліоны обнимитесь,
Какъ объемлетъ брата братъ!
Лобызайтесь всѣ стократъ!

Птички снова прилетаютъ
Въ наши рощи и лѣса;
Снова въ пѣсняхъ прославляютъ
Миръ, свободу, Небеса.
Агнецъ тигра не боится,
И гуляетъ съ нимъ въ лугахъ;
Все твореніе дружится,
На землѣ и на водахъ.

ХОРЪ.

Милліоны да ликуютъ!
Милліоны торжествуютъ!
Вѣкъ Астреинъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!

Въ рощахъ слышны звуки лиры;
На брегахъ кристальныхъ водъ
Нимфы, Фауны, Сатиры
Составляютъ хороводъ.
И Силенъ неутомимой
Громкимъ голосомъ поетъ;
Пляшетъ съ Нимфою любимой,
И къ веселью всѣхъ зоветъ.

ХОРЪ.

Пойте, пойте духа радость!...
Лейте, лейте въ сердцѣ сладость!...
Вѣкъ Астреинъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!

Музы, Граціи сплетая
Цѣпь изъ лавровъ и лилей,
Ею крылья обвивая
Бога тихихъ, райскихъ дней,
Нѣжно всѣ его ласкаютъ
Съ видомъ щастливой любви,
И въ восторгѣ восклицаютъ:
«Вѣчно съ нами, Миръ, живи!»

ХОРЪ.

Вѣчно съ нами, Миръ прелестный,
Вѣчно съ нами, сынъ небесный,
Вѣчно съ нами обитай,
И блаженствомъ насъ питай!

Полно намъ губить другъ друга,
Сирымъ слезы проливать!
И печальная супруга
Да престанетъ горевать!
Долго смертные не знали,
Что блаженство есть любовь;
Щастья въ хищности искали,
И лилась рѣками кровь.

ХОРЪ.

Смертный нынѣ просвѣтился,
И ко дружбѣ обратился.
Вѣкъ Астреинъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!

Цѣпь составьте, милліоны,
Дѣти одного отца!
Вамъ даны одни законы,
Вамъ даны одни сердца!
Братски, нѣжно обнимитесь,
И клянитеся — любить!
Чувствомъ, мыслію клянитесь:
Вѣчно, вѣчно въ мирѣ жить!

ХОРЪ.

Мы клянемся всѣ сердечно
Въ мирѣ съ братьями жить вѣчно!
Отче! слышишь клятву чадъ!
Мы твердимъ ее стократъ.

1791 г.

ОСЕНЬ.

Вѣютъ осенніе вѣтры
Въ мрачной дубравѣ;
Съ шумомъ на землю валятся
Желтые листья.

Поле и садъ опустѣли;
Сѣтуютъ холмы;
Пѣніе въ рощахъ умолкло —
Скрылися птички.

Поздніе гуси станицей
Къ югу стремятся,
Плавнымъ полетомъ несяся
Въ горнихъ предѣлахъ.

Вьются сѣдые туманы
Въ тихой долинѣ;
Съ дымомъ въ деревнѣ мѣшаясь,
Къ небу восходятъ.

Странникъ, стоящій на холмѣ,
Взоромъ унылымъ
Смотритъ на блѣдную осень,
Томно вздыхая.

Странникъ печальный утѣшься!
Вянетъ Природа

Только на малое время;
Все оживится,

Все обновится весною;
Съ гордой улыбкой
Снова Природа возстанетъ
Въ брачной одеждѣ.

Смертный, ахъ! вянетъ навѣки!
Старецъ весною
Чувствуетъ хладную зиму
Ветхія жизни.

Женева, 1789 г.

ПѢСНЬ БОЖЕСТВУ *.

Господь Природы, — Безконечный,
Міровъ безчисленныхъ Творецъ,
Источникъ бытія всевѣчный,
Отецъ чувствительныхъ сердецъ:

Всего, что жизнь въ себѣ питаетъ;
Что видитъ славу, блескъ небесъ,

* Сочиненная на тотъ случай, какъ безумецъ Дюмонъ сказалъ во Французскомъ Конвентѣ: *нѣтъ Бога!*

Улыбкой радость изъявляетъ
И въ скорби льетъ потоки слезъ!

От ъ вѣка Самъ въ Себѣ живущій,
Держащій все въ рукахъ Своихъ;
Нигдѣ не зримый, всюду сущій,—
Въ странахъ эѳирныхъ и земныхъ!

Блаженство, свѣтъ, душа вселенной,
Святый, премудрый, дивный Богъ!
Кто — сердцемъ, чувствомъ одаренной —
Тебя назвать мечтою могъ?

Тебя?... И страшнымъ громомъ неба,
Сей извергъ въ прахъ не обращенъ?
Огнемъ пылающаго Феба
Сей злобный смертный не сожженъ?

Но Ты великъ! но Ты не знаешь,
Какъ мстить, — наказывать враговъ:
Они ничто — Ты ихъ прощаешь;
Ты зришь въ врагахъ — Своихъ сыновъ,

И льешь на нихъ дары благіе;
Щадишь безумцевъ жалкихъ кровь.—
Исчезнетъ тьма въ умахъ, и злые
Твою почувствуютъ любовь.

Любовь!... и съ кроткимъ удивленьемъ,—
Въ минуту славы, торжества, —
Съ живымъ сердечнымъ восхищеньемъ
Падутъ предъ трономъ Божества;

Обнимутъ руку всеблагую,
Отцемъ простертую къ сынамъ;
Восхвалятъ милость пресвятую —
Рекутъ: *есть Богъ: міръ Божій храмъ!*

1793 г.

═

ПОСЛАНІЕ КЪ ДМИТРІЕВУ *.

—

Конечно такъ — ты правъ, мой другъ!
Цвѣтъ щастья скоро увядаетъ,
И юность наша есть тотъ лугъ,
Гдѣ сей красавецъ расцвѣтаетъ.
Тогда въ эѳирѣ мы живемъ,
И нектаръ сладостный піемъ
Изъ полной Олимпійской чаши;
Но жизни алая весна
Есть мигъ — увы! пройдетъ она,
И съ нею мысли, чувства наши
Лишатся свѣжести своей.
Что прежде душу веселило,
Къ себѣ съ улыбкою манило,
Не мило, скучно будетъ ей.
Надежды и мечты златыя
Какъ птички быстро улетятъ,

* Въ отвѣтъ на его стихи, въ которыхъ онъ жалуется на скоротечность щастливой молодости.

И тѣни хладныя, густыя
Надъ нами солнце затемнятъ —
Тогда, подобно Иксіону,
Не милую свою Юнону,
Но дымъ увидимъ предъ собой!*

И я, о другъ мой! наслаждался
Своею красною весной;
И я мечтами обольщался —
Любилъ съ горячностью людей,
Какъ нѣжныхъ братій и друзей;
Желалъ добра имъ всей душею;
Готовъ былъ кровію моею
Пожертвовать для щастья ихъ,
И въ самыхъ горестяхъ своихъ
Надеждой сладкой веселился
Не безполезно жить для нихъ —
Мой духъ сей мыслію гордился!
Источникъ радостей и благъ
Открытъ въ чувствительныхъ душахъ;
Плѣнить ихъ истиной святою,
Ея нетлѣнной красотою;
Орудіемъ Небеснымъ быть
И въ памяти потомства жить,
Казалось мнѣ всего славнѣе,
Всего прекраснѣе, милѣе!
Я жребій свой благословлялъ,

* Извѣстно изъ Миѳологіи, что Иксіонъ, желая обнять Юнону, обнялъ облако и дымъ.

Любуясь прелестью награды —
И тихій свѣтъ моей лампады
Съ звѣздою утра угасалъ.
Златое, дневное свѣтило
Примѣромъ, образцемъ мнѣ было...
Почто, почто, мой другъ, не вѣкъ
Обманомъ щастливъ человѣкъ?

Но время, опытъ разрушаютъ
Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ;
Красы волшебства исчезаютъ...
Теперь иной я вижу свѣтъ, —
И вижу ясно, что съ Платономъ
Республикъ намъ не учредить, —
Съ Питтакомъ, Ѳалесомъ, Зенономъ
Сердецъ жестокихъ не смягчить.
Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
И люди будутъ —люди вѣчно.
Когда нещастныхъ Данаидъ *
Сосудъ наполнится водою,
Тогда, чудесною судьбою,
Нашъ шаръ пріиметъ лучшій видъ:
Сатурнъ на землю возвратится,
И тигра съ агнцемъ помиритъ;
Богатый съ бѣднымъ подружится,
И слабый сильнаго проститъ.
Дотолѣ истина опасна,

* Онѣ въ подземномъ мірѣ льютъ безпрестанно воду въ худой сосудъ.

Однимъ скучна, другимъ ужасна;
Никто не хочетъ ей внимать —
И часто ядъ тому есть плата,
Кто гласомъ мудраго Сократа
Дерзаетъ буйству угрожать.
Гордецъ не любитъ наставленья,
Глупецъ не терпитъ просвѣщенья —
И такъ лампаду угасимъ,
Желая доброй ночи имъ.

Но что же намъ, о другъ любезный!
Осталось дѣлать въ жизни сей,
Когда не можемъ быть полезны,
Не можемъ премѣнить людей?
Оплакать бѣдныхъ смертныхъ долю,
И мрачный свѣтъ предать на волю
Судьбы и Рока: пусть они,
Симъ міромъ правя искони,
И впредь творятъ, что имъ угодно!
А мы, любя дышать свободно,
Себѣ построимъ тихій кровъ,
За мрачной сѣнію лѣсовъ,
Куда бы злые и невѣжды
Вовѣкъ дороги не нашли,
И гдѣ бъ, безъ страха и надежды,
Мы въ мирѣ жить съ собой могли,
Гнушаться издали порокомъ,
И яснымъ, терпѣливымъ окомъ
Взирать на тучи, вихрь сустъ,
Отъ грома, бури укрываясь,
И въ чистомъ сердцѣ наслаждаясь

Мерцаніемъ вечернихъ лѣтъ,
Остаткомъ теплыхъ дней осеннихъ.
Хотя ужъ нѣтъ цвѣтовъ весеннихъ
У насъ на лицахъ, на устахъ,
И юный огнь погасъ въ глазахъ;
Хотя красавицы престали
Меня любезнымъ называть —
Зефиры съ нами отыграли!)
Но мы не должны унывать:
Живемъ по общему закону!...
Отелло въ старости своей
Плѣнилъ младую Дездемону *,
И вкрался тихо въ сердце къ ней
Любезныхъ Музъ прелестнымъ даромъ.
Онъ съ нѣжнымъ, трогательнымъ жаромъ
Въ картинахъ ей изображалъ,
Какъ случай въ жизни имъ игралъ;
Какъ онъ за дальними морями,
Необозримыми степями,
Между ревущихъ, пѣнныхъ рѣкъ,
Среди лѣсовъ густыхъ, дремучихъ,
Песковъ горящихъ и сыпучихъ,
Гдѣ люди не бывали ввѣкъ,
Безстрашно въ юности скитался,
Со львами, тиграми сражался,
Терпѣлъ жестокій зной и хладъ,
Терпѣлъ усталость, жажду, гладъ.
Она внимала, удивлялась;

* Смотри Шекспирову трагедію Отелло.

Брала участіе во всемъ;
Въ опасность вмѣстѣ съ нимъ вдавалась,
И въ нѣжномъ пламени своемъ,
Съ блестящею въ очахъ слезою,
Сказала: я люблю тебя!
И мы, любезный другъ, съ тобою
Найдемъ подругу для себя,
Подругу съ милою душою.
Она пріятностью своею
Украситъ западъ нашихъ людей.
Бесѣда опытныхъ дней,
Ихъ басни, повѣсти и были
(Насъ лѣта сказкамъ научили!)
Ея вниманіе займутъ,
Ея любовь пріобрѣтутъ.
Любовь и дружба — вотъ чѣмъ можно
Себя подъ солнцемъ утѣшать!
Искать блаженства намъ не должно,
Но должно — менѣе страдать;
И кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Былъ другомъ нѣжнымъ, другомъ чтимымъ,
Тотъ въ мірѣ семъ не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ.

Пусть громы небо потрясаютъ,
Злодѣи слабыхъ угнетаютъ,
Безумцы хвалятъ разумъ свой!
Мой другъ! не мы тому виной.
Мы слабыхъ здѣсь не угнетали,
И всѣмъ ума, добра желали:
У насъ не черныя сердца!

И такъ безъ трепета и страха
Намъ можно ожидать конца
И лечь во гробъ, жилище праха.
Завѣса вѣчности страшна
Убійцамъ, кровью обагреннымъ,
Слезами бѣдныхъ орошеннымъ.
Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
Тотъ съ тихимъ чувствіемъ встрѣчаетъ
Златую Фебову стрѣлу *
И Ангелъ мира освѣщаетъ
Предъ нимъ густую смерти мглу.
Тамъ — тамъ — за синимъ океаномъ,
Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
Онъ зритъ.... но мы еще не зримъ.

1793 г.

КЪ Д*.

«Многіе Барды, лиру настроивъ,
«Смѣло играютъ, поютъ;
«Звуки ихъ лиры, гласы ихъ пѣсней
«Мчатся по рощамъ, шумятъ.

* Древніе Поэты говорили, что златая Фебова стрѣла приноситъ смерть человѣку.

«Многіе Барды, тоны возвысивъ,
«Страшныя битвы поютъ;
«Въ звукахъ ихъ пѣсней слышны удары,
«Стонъ пораженныхъ и смерть.

«Многіе Барды, тоны унизивъ,
«Сельскую радость поютъ —
«Нравы невинныхъ, кроткихъ пастушекъ,
«Вздохи, утѣхи любви.

«Многіе Барды въ шумномъ восторгѣ
«Намъ воспѣваютъ вино,
«Всѣхъ призывая имъ утоляти
«Скуку, заботы, печаль.

«Всѣ ли ихъ пѣсни трогаютъ сердце,
«Душу приводятъ въ восторгъ?
«Всѣ ли Омиры, Геснеры, Клейсты?
«Гдѣ Анакреонъ другой?

«Мало осталось Бардовъ великихъ!» —
Такъ воспѣвая, вздохнулъ;
Слезы изъ сердца тихо катятся;
Лира упала изъ рукъ.

Быстро Зефиры съ Невскаго брега,
Быстро несутся ко мнѣ —
Вѣютъ — вливаютъ сладкія пѣсни,
Нѣжныя пѣсни въ мой слухъ....

Я восхищаюсь! — Въ радости сердца
Громко взываю, пою:

«Древніе Барды духъ свой вліяли
«Въ новаго Барда Невы!»

1792 г.

КЪ СОЛОВЬЮ.

Пой во мракѣ тихой рощи,
Нѣжной, кроткой соловей!
Пой при свѣтѣ лунной нощи!
Гласъ твой милъ душѣ моей.
Но почтожь рѣкой катятся
Слезы изъ моихъ очей,
Чувства ноютъ и томятся
Отъ гармоніи твоей?
Ахъ! я вспомнилъ незабвенныхъ,
Въ нѣдрахъ хладныя земли
Хищной смертью заключенныхъ;
Ихъ могилы заросли
Всѣ высокою травою.
Я остался сиротою....
Я остался въ горѣ жить,
Тосковать и слезы лить!...
Съ кѣмъ теперь мнѣ наслаждаться
Нѣжной пѣснію твоей?
Съ кѣмъ природой утѣшаться?
Все печально безъ друзей!

Съ ними духъ нашъ умираетъ,
Радость жизни отлетаетъ;
Сердцу скучно одному —
Свѣтъ пустыня, мракъ ему.

Скоро ль пѣснію своею,
О любезной соловей!
Надъ могилою моею
Будешь ты плѣнять людей?

1793 г.

ФИЛЛИДѢ.

Проснись, проснись, Филлида!
Взгляни на день прекрасный,
Въ который ты родилась!
Смотри, какъ онъ гордится,
И яркими лучами
На зелени играетъ!
Смотри, какъ вся Природа
Ликуетъ, веселится! —
Взгляни же и на друга,
Который для прелестной
Принесъ цвѣтовъ прелестныхъ,
И арфу златострунну,
Чтобъ радостную пѣсню

Сыграть на ней Филлидѣ,
Въ щастливой день рожденья
Красавицы любезной,
И въ нѣжной мелодіи
Излить желанья дружбы.

Да будетъ годъ твой красной
Единымъ Майскимъ утромъ,
Которое питаетъ
Ясмины и лилеи,
И духъ ихъ ароматной
Въ Зефирахъ развѣваетъ!
Будь радостна, безпечна,
Какъ радостенъ, безпеченъ
Пѣвецъ весны и утра,
Віясь подъ облаками!
Когдажъ вздохнуть захочешь —
Увы! гдѣ свѣтъ безъ тѣни? —
Да будетъ вздохъ твой кротокъ!
И естьли въ нѣжныхъ чувствахъ
Слезу прольешь изъ сердца,
Блистай она подобно
Росѣ на юныхъ розахъ,
Живящей цвѣтъ ихъ алый!

Въ чудесномъ же искусствѣ,
Любовію найденномъ,
Будь въ годъ сей Прометеемъ,
Жизнь въ мертвое вливая!
Пиши блестящій образъ
Земнаго совершенства —

Представь намъ Аполлона —
И вдругъ, когда потужишь,
Что юноша не дышетъ,
Да оживится образъ,
И ставъ передъ тобою — —
Филлида! я умолкну.

1790 г.

—

НА РАЗЛУКУ СЪ П**.

—

Насталъ разлуки горькой часъ!...
Прости, мой другъ! Въ послѣдній разъ
Тебя я къ сердцу прижимаю;
Хочу сказать: не плачь! и слезы проливаю!
Но такъ назначено судьбой —
Прости, — и Ангелъ мира
Въ дыханіи Зефира
Да вѣетъ за тобой!

Уже я вижу предъ собой
Весь путь, на коемъ знатность, слава
Тебя съ дарами ждутъ. Души твоей и нрава
Ничто не премѣнитъ; ты будешь вѣчно *ты* —
Я въ томъ, мой другъ, увѣренъ.
Не ослѣпятъ тебя блестящія мечты;
Разсудку, совѣсти всегда пребудешь вѣренъ —

И видя вкругъ себя пороки, подлость, лесть,
Которыхъ цѣль есть суетная честь,
Со вздохомъ вспомнишь то пріятнѣйшее время,
Когда со мной живалъ подъ кровомъ тишины;
Когда намъ жизнь была не тягостное бремя,
Но радостный восторгъ; когда, удалены
Отъ шума, отъ заботъ, съ весельемъ мы встрѣчали
Аврору на лугахъ, и въ знойные часы
Въ прохладныхъ гротахъ отдыхали;
Когда вечернія красы
И пѣсни соловья вливали въ духъ нашъ сладость...
Ахъ! часто мракъ темнилъ надъ ними синій сводъ;
Но мы, вкушая радость,
Внимали шуму горныхъ водъ,
И сонъ съ тобою забывали!
Не рѣдко огнь блисталъ, гремѣлъ надъ нами громъ;
Но мы сердечно ликовали
И улыбались предъ Отцомъ,
Который простиралъ къ намъ съ неба длань бла-
гую;
Въ восторгѣ пѣли мы гимнъ славы, пѣснь святую:
На крыльяхъ молніи къ Нему летѣлъ нашъ духъ!..
Ты вспомнишь все сіе, и слезы покатятся
По блѣдному лицу. Ахъ милой, нѣжной другъ!
Сіи блаженны дни вовѣкъ не возвратятся! —
Невольный тяжкій вздохъ колеблетъ грудь мою...
Грядетъ весна въ нашъ міръ, и холмы зеленѣютъ,
И утренній пѣвецъ * гласитъ намъ пѣсть свою —

* Жаворонокъ.

Увы! тебя здѣсь нѣтъ!.. цвѣты вездѣ пестрѣютъ,
Но сердце у меня въ печали не цвѣтетъ...
Прости! благій Отецъ и Геній твой съ тобою.
Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ.

Прости! твой другъ умретъ тебя достойнымъ,
Послушнымъ истинѣ, въ душѣ своей покойнымъ.
Не скажутъ ввѣкъ объ немъ, чтобъ онъ чиновъ искалъ;
Чтобъ знатнымъ подлецамъ когда нибудь ласкалъ.
Предъ Богомъ только онъ колѣна преклоняетъ;
Страшится — одного себя;
Достоинства одни сердечно уважаетъ,
И любитъ всей душей тебя.

1792 г.

ПРОСТИ.

Кто могъ любить такъ страстно,
Какъ я любилъ тебя?
Но я вздыхалъ напрасно,
Томилъ, крушилъ себя!

Мучительно плѣниться,
Быть страстнымъ одному!

Насильно полюбиться
Не можно никому.

Не знатенъ, я не славенъ:
Могуль кого прельстить?
Не веселъ, не забавенъ:
Зачто меня любить?

Простое сердце, чувство,
Для свѣта ничего.
Тамъ надобно искусство —
А я не зналъ его!

(Искусство величаться,
Искусство ловкимъ быть,
Умнѣе всѣхъ казаться,
Пріятно говорить.)

Не зналъ — и ослѣпленный
Любовію своей,
Желалъ я дерзновенный
И самъ любви твоей!

Я плакалъ, ты смѣялась,
Шутила надо мной, —
Моею забавлялась
Сердечною тоской! —

Надежды лучь блѣднѣетъ
Теперь въ душѣ моей...
Уже другой владѣетъ
Навѣкъ рукой твоей!...

Будь щастлива — покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу — вѣкъ мила! —

Во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ,
Я буду жизнь вести,
Лить токи слезъ горючихъ,
Желать конца — прости!

1792 г.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ БОННЕТУ *.

Онъ былъ великъ душей своей,
И міру жизнію полезенъ;
Любилъ Природу и людей, —
Природѣ, людямъ былъ любезенъ;
Гремящимъ гласомъ прославлялъ
Величіе Творца вселенной,
И бѣдныхъ смертныхъ утѣшалъ
Надеждой вѣчности блаженной. —
Леманъ **! въ зерцалѣ водъ твоихъ

* Которая излилась изъ души моей въ самый тотъ часъ, какъ я получилъ извѣстіе о смерти сего незабвеннаго друга человѣчества, сего великаго Философа, сего истиннаго мудреца, любезнаго моему сердцу.

** Женевское озеро. — Боннетъ жилъ на берегу его.

Затмился зракъ его священный;
Но умъ, но духъ его нетлѣнный
Живетъ въ твореніяхъ своихъ.

1793 г.

ЛЮБЕЗНОЙ.

ВЪ ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНІЯ.

Въ сей день тебя Любовь на свѣтъ произвела,
Красою свѣта быть, владѣть людей сердцами;
Осыпала тебя пріятностей цвѣтами;
Сказала: будь мила!...
«Будь счастлива!» сказать богиня не могла.

1793 г.

СТРАННОСТЬ ЛЮБВИ,

ИЛИ

БЕЗСОННИЦА.

Кто для сердца всѣхъ страшнѣе?
Кто на свѣтѣ всѣхъ милѣе?
Знаю: милая моя!

«Кто же милая твоя?»
Я стыжусь; мнѣ право больно
Странность чувствъ моихъ открыть
И предметомъ шутокъ быть.
Сердце въ выборѣ не вольно!...
Что сказать? Она... она...
Ахъ! ни мало не важна,
И талантовъ за собою
Не имѣетъ никакихъ;
Не блистаетъ остротою,
И движеньемъ глазъ своихъ
Не умѣетъ изъясняться;
Не умѣетъ восхищаться
Аполлоновымъ огнемъ;
Философовъ не читаетъ,
И въ невѣжествѣ своемъ
Всю ученость презираетъ.
Знайте также, что она
Не Венера красотою —
Такъ худа, блѣдна собою,
Такъ эѳирна и томна,
Что безъ жалости не можно
Бросить взора на нее.
Странно!... я люблю ее!

«Что жь такое думать должно?
«Увѣряютъ старики
«(Въ этомъ дѣлѣ знатоки),
«Что любовь любовь раждаетъ, —
«Сердце нравится любя:
«Можетъ быть она плѣняетъ

«Жаромъ чувствъ своихъ тебя;
«Можетъ быть она на свѣтѣ
«Не имѣетъ ничего
«Для души своей въ предметѣ,
«Кромѣ сердца твоего?
«Ахъ! любовь и страсть такая
«Есть небесная, святая!
«Умъ блестящій, красота
«Передъ нею суета.»

Нѣтъ!... Къ чему теперь скрываться?
Лучше искренно признаться
Вамъ, любезные друзья,
Что жестокая моя
Нѣжной, страстной не бывала,
И съ любовью на меня
Глазъ своихъ не устремляла.
Нѣтъ въ ея душѣ огня!
Тщетно пламенемъ пылаю —
Въ миломъ сердцѣ ледъ, не кровь!
Такъ какъ эхо * изсыхаю —
Нѣтъ отвѣта на любовь!

Очарованъ я тобою,
Богъ, играющій судьбою.
Богъ коварный — Купидонъ!
Ядовитою стрѣлою

* Т. е. Нимфа, которая отъ любви къ Нарциссу превратилась — въ ничто, и которой вздохи слышимъ мы иногда въ лѣсахъ и пустыняхъ и называемъ — эхомъ.

Ты лишилъ меня покою.
Какъ ужасенъ твой законъ,
Мудрыхъ мудрости лишая,
И ученыхъ кабинетъ
Въ жалкой Бедламъ * превращая,
Гдѣ безуміе живетъ!
Щастливъ, кто не знаетъ страсти!
Щастливъ хладной человѣкъ,
Не любившій весь свой вѣкъ!..
Я завидую сей части,
И съ Титаніей люблю
Всѣмъ насмѣшникамъ въ забаву! **
По Небесному уставу
Днемъ зѣваю, ночь не сплю.

1793 г.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Пришла весна — цвѣтетъ земля;
Древа шумятъ въ вѣнцахъ зеленыхъ,
Лучами солнце позлащенныхъ;
Красуются луга, поля;

* Домъ сумасшедшихъ въ Лондонѣ.

** Любопытные могутъ прочитать третіе дѣйствіе, вторую сцену Шекспировой піесы: Midsummer-night's dream.

Стада вокругъ холмовъ играютъ;
На вѣтьвяхъ птички воспѣваютъ
Пріятность теплыхъ, ясныхъ дней,
Блаженство участи своей!

И левъ, среди песковъ сыпучихъ,
Любовь и нѣжность ощутилъ;
И хищный тигръ въ лѣсахъ дремучихъ
Союзъ съ Природой заключилъ.
Любовь! вездѣ твоя держава;
Вездѣ твоя сіяетъ слава;
Земля есть твой огромный храмъ.
Тебѣ курится ѳиміамъ
Цвѣтовъ и древъ и травъ душистыхъ,
На сушѣ, на водахъ сребристыхъ, —
Во всѣхъ подсолнечныхъ странахъ,
Во всѣхъ чувствительныхъ сердцахъ!
Но кто дерзаетъ миръ священный,
Миръ кроткій, миръ блаженный,
Своею злобой нарушать?...
Безсмертный человѣкъ!... созданный
Собой Натуру украшать!...
Любимецъ Божества избранный!
Вѣнецъ творенія и цвѣтъ!

Когда Природа оживаетъ,
Любовь сердца звѣрей питаетъ,
Онъ кровь себѣ подобныхъ льетъ *;

* Начало военныхъ дѣйствій весною.

Безумства мракомъ ослѣпленный
И адской желчью упоенный,
Терзаетъ братій и друзей,
Ко щастью вмѣстѣ съ нимъ рожденныхъ,
Душею, чувствомъ одаренныхъ,
Отца единаго дѣтей!

1792 г.

НАДЕЖДА.

Il est doux quelquefois de rever le bonheur.

Среди песковъ, степей ужасныхъ,
Гдѣ солнце пламенемъ горитъ,
Что душу странниковъ нещастныхъ
Отрадой сладкою живитъ?
Надежда — что труды не вѣчны;
Что степь, пески не безконечны;
Что странникъ въ хижинѣ своей,
Въ прохладѣ нѣжнаго Зефира,
Въ объятіяхъ любви и мира,
Жить будетъ съ милою семьей.

Надежда! ты моя богиня!
Надежда, лучь души моей!
Мнѣ жизнь печаль, мнѣ свѣтъ пустыня:
Дышу отрадою твоей!

Хотя томлюся и страдаю,
Но ты во мнѣ . . . не умираю!
За тучей вижу я зарю,
И сердце бьется въ ожиданьи —
Живу въ любезнѣйшемъ желаньи:
Вдали возможность щастья зрю!

Еще мы можемъ, Ангелъ милой,
Другъ друга радостно любить!
Въ душѣ моей, теперь унылой,
Твой образъ можетъ съ щастьемъ жить!
Когда? когда? — увы! не знаю;
Но вѣря чувству, ожидаю,
Что намъ готовится вѣнецъ;
Что мы навѣкъ соединимся,
И въ жизни раемъ насладимся:
Умремъ въ сліяніи сердецъ.

Ручей два древа раздѣляетъ,
Но вѣтьви ихъ сплетясь растутъ;
Судьба два сердца разлучаетъ,
Но вмѣстѣ чувства ихъ живутъ.
Препятствій страшныхъ милліоны,
Тиранство рока и законы
Но могутъ страсти прохладить:
Она всего, всего сильнѣе;
Всего, мой милой другъ, святѣе —
Самъ Богъ велитъ намъ такъ любить!

Онъ влилъ мнѣ въ грудь небесный пламень
Любви, всесильныя любви.

Могуль сказать: «будь, сердце, камень, —
«Угасни огнь въ моей крови?»
Могуль сказать *прости* надеждѣ?
Мы видимъ — любимъ, другъ мой, прежде,
Чѣмъ знаемъ, должно ли любить;
Полюбимъ, и въ себѣ не властны;
Умолкнетъ разумъ безпристрастный —
Лишь сердце будетъ говорить.

Когдажъ, о милой другъ! намъ должно
Въ семъ мірѣ только слезы лить,
Въ другомъ, въ другомъ еще возможно
Нещастнымъ щастливыми быть!
Клянуся ... Небо будь свидѣтель! ...
Любить святую добродѣтель,
Чтобъ рай въ томъ мірѣ заслужить,
Гдѣ все прошедшее забудемъ,
Гдѣ только милыхъ помнить будемъ;
А рай мой ... тамъ съ тобою жить!

1796 г.

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ Г. А. ХОВАНСКАГО.

Декабря 1, 1796.

Друзья! Хованскаго не стало!
Увы! намъ въ гробѣ всѣмъ лежать;

На всѣхъ грозится смерти жало:
Лишь тронетъ, должно умирать!

Иной сидѣлъ въ златой коронѣ,
Какъ Богъ величіемъ сіялъ:
Взгляни . . . вѣнецъ лежитъ на тронѣ,
Но вѣнценосецъ прахомъ сталъ.

Гроза земли, людей губитель,
Какъ Зевсъ яряся въ бурной мглѣ,
Взывалъ: «я міра побѣдитель!»
Но пуля въ лобъ, Герой въ землѣ-

Нарциссъ гордился красотою,
И жизнь любовью украшалъ;
Но вдругъ скелетъ махнулъ косою . . .
Прости любовь! Нарциссъ увялъ.

Другой сидѣлъ надъ сундуками,
Отъ вора золото стерегъ;
Но, ахъ! за крѣпкими замками
Себя отъ смерти не сберегъ!

Она и въ пору и не въ пору
Велитъ намъ домъ перемѣнять;
Младенцевъ, старцевъ безъ разбору
Спѣшитъ за гробъ переселять;

Блаженъ, кто жизнь свою кончая,
Еще надеждою живетъ,
И міръ покойно оставляя,
Безъ страха въ темный путь идетъ!

Друзья! такъ умеръ нашъ пріятель.
Онъ вѣрилъ, что есть Богъ сердецъ;
Онъ вѣрилъ, что міровъ Создатель
И здѣсь и тамъ для насъ Отецъ.

Чего же подъ Его покровомъ
Бояться добрымъ въ смертный часъ?
И тамъ, и тамъ, въ жилищѣ новомъ,
Найдутся радости для насъ. —

Ничѣмъ Хованскій не былъ славенъ;
Онъ былъ.... лишь доброй человѣкъ,
Въ бесѣдахъ дружескихъ забавенъ,
И прожилъ безъ злодѣевъ вѣкъ.

Писалъ стихи, но не пасквили;
Писалъ, но зависти не зналъ;
Его не многіе хвалили:
Онъ всѣхъ охотно прославлялъ.

Богатства Крезовъ не имѣя,
Онъ добрымъ сердцемъ былъ богатъ;
Чѣмъ могъ, дѣлился не жалѣя;
Отдать послѣднее былъ радъ.

Друзья! пойдемъ съ душей унылой
Ему печальный долгъ воздать:
Поплакать надъ его могилой.
Намъ также будетъ умирать!

КЪ БѢДНОМУ ПОЭТУ.

—

Престань, мой другъ, Поэтъ унылый!
Роптать на скудный жребій свой,
И знай, что бѣдность и покой
Еще быть могутъ сердцу милы.
Фортуна-мачиха тебя,
За что-то очень не взлюбя,
Пустой сумою наградила
И въ міръ съ клюкою отпустила;
Но истинно-родная мать,
Природа, любитъ награждать
Нещастныхъ пасынковъ Фортуны:
Даетъ имъ умъ, сердечный жаръ,
Искусство пѣть, чудесный даръ
Вливать огонь въ златыя струны,
Сердца гармоніей плѣнять.
Ты сей безцѣнный даръ имѣешь;
Стихами чистыми умѣешь
Любовь и дружбу прославлять;
Какъ птичка въ бѣломъ свѣтѣ воленъ,
Не знаешь клѣтки, ни оковъ —
Чего же больше? будь доволенъ;
Вздыхать, роптать, есть страсть глупцовъ.

Взгляни на солнце, сводъ небесный,
На свѣжій лугъ, для глазъ прелестный;
Смотри на быструю рѣку,
Летящую съ сребристой пѣной

По свѣтло-желтому песку;
Смотри на лѣсъ густой, зеленой,
И слушай пѣсни соловья:
Поэтъ! Натура вся твоя.
Въ ея любезномъ сердцу лонѣ
Ты царь на велелѣпномъ тронѣ.
Оставь другимъ носить вѣнецъ:
Гордися, нѣжныхъ чувствъ пѣвецъ,
Вѣнкомъ, изъ нѣжныхъ розъ сплетеннымъ,
Тобой отъ Грацій полученнымъ!
Тебѣ никто не хочетъ льстить:
Что нужды? кто въ душѣ спокоинъ,
Кто истинной хвалы достоинъ,
Тому не скучно вѣкъ прожить
Безъ шума, безъ льстецовъ коварныхъ.
Не можешь ты чиновъ давать,
Но можешь зернами питать
Семейство птичекъ благодарныхъ;
Онѣ хвалу тебѣ споютъ
Гораздо лучше стиходѣевъ,
Тирановъ слуха, лже-Орфеевъ,
Которыхъ Музы въ одахъ лгутъ
Нескладно-пышными словами.
Мой другъ! существенность бѣдна:
Играй въ душѣ своей мечтами,
Иначе будетъ жизнь скучна.
Не Крезъ съ мѣшками, сундуками
Здѣсь можетъ веселѣе жить,
Но тотъ, кто въ бѣдности умѣетъ
Себя богатствомъ веселить;
Кто даръ воображать имѣетъ

Въ карманѣ тысячу рублей,
Копѣйки въ домѣ не имѣя.
Поэтъ есть хитрый чародѣй:
Его живая мысль какъ Фея
Творитъ красавицъ изъ цвѣтка;
На соснѣ розы производитъ,
Въ крапивѣ нѣжный миртъ находитъ
И строитъ замки изъ песка.
Лукуллы въ нѣгѣ утонченной
Напрасно вкусъ свой притупленной
Хотятъ чѣмъ новымъ усладить.
Сатрапъ съ Лаисою зѣваетъ;
Платокъ ей бросивъ, засыпаетъ.
Ихъ жребій: дни считать, не жить;
Душа ихъ въ роскоши истлѣла,
Подобно камню онѣмѣла
Для чувства радостей земныхъ.
Избытокъ благъ и наслажденья
Есть хладный гробъ воображенья;
Въ мечтахъ, въ желаніяхъ своихъ
Мы только щастливы бываемъ;
Надежда золото для насъ,
Призракъ любезнѣйшій для глазъ,
Въ которомъ щастье лобызаемъ.

Не сытому хвалить обѣдъ,
За коимъ Нимфы, Ганимедъ
Гостямъ амврозію разносятъ.
И не въ объятіяхъ Лизетъ
Пѣвцы красавицъ превозносятъ;
Все лучше кажется вдали.

Сухими фигами питаясь,
Но въ мысляхъ царски наслаждаясь
Дарами моря и земли,
Зови къ себѣ въ стихахъ игривыхъ
Друзей любезныхъ и щастливыхъ
На сладкой и роскошной пиръ,
Сбери красотокъ несравненныхъ,
Веселымъ чувствомъ оживленныхъ;
Вели имъ съ нѣжнымъ звукомъ лиръ
Пѣть въ громкомъ и пріятномъ хорѣ,
Летать подобно Терпсихорѣ
При плескѣ радостныхъ гостей,
И милой ласкою своей,
Умильнымъ, сладострастнымъ взоромъ,
Нѣмымъ, но внятнымъ разговоромъ,
Сердца къ тому приготовлять,
Чего.... въ стихахъ нельзя сказать.
Или, подобно Донъ-Кишоту,
Имѣя къ рыцарству охоту,
Въ шишакъ и панцырь нарядись,
На борзаго коня садись,
Ищи опасныхъ приключеній,
Волшебныхъ замковъ и сраженій,
Чтобъ добрымъ Принцамъ помогать,
Принцессъ отъ узъ освобождать.
Или, Платоновъ воскрешая,
И съ ними умъ свой изощряя,
Законъ Республикамъ давай,
И землю въ небо превращай.
Или.... но какъ все то исчислить,

Что можетъ стихотворецъ мыслить
Въ укромной хижникѣ своей?

Мудрецъ, которой зналъ людей,
Сказалъ, что міръ стоитъ обманомъ;
Мы всѣ, мой другъ, лжецы:
Простые люди, мудрецы;
Непроницаемымъ туманомъ
Покрыта истина для насъ.
Кто можетъ вымышлять пріятно,
Стихами, прозой — въ доброй часъ!
Лишь только бъ было вѣроятно.
Что есть Поэтъ? искусный лжецъ:
Ему и слава и вѣнецъ!

1796 г.

═

ОТСТАВКА.

Amour, né d'un soupir, est comme lui léger.

—

И такъ въ отставку ты уволенъ!...
Что дѣлать, нѣжной пастушокъ?
Взять въ руки шляпу, посошокъ;
Сказать: спасибо; я доволенъ!
Итти, и слезки не пролить.

Иду, желая милой Хлоѣ
Пріятно съ новымъ другомъ жить.

Свобода дѣло золотое,
Свобода въ мысляхъ и въ любви.
Минута чувства воспаляетъ,
Минута гаситъ огнь въ крови.
Сердца любовниковъ смыкаетъ
Не цѣпь, но тонкой волосокъ:
Дохнетъ ли рѣзвой вѣтерокъ,
Порхнетъ ли бабочка межь ими...
Всему конецъ, и связи нѣтъ!
На что упреками пустыми
Терзать другъ друга? бѣлой свѣтъ
Своимъ порядкомъ вѣкъ идетъ.
Всѣ любятъ, Хлоя, разлюбляютъ:
Клянутся, клятву преступаютъ:
Гдѣ судъ на вѣтреность сердецъ?
Что нынѣ взору, чувству мило,
То завтра будетъ имъ постыло.
Теперь вамъ нравится мудрецъ,
Чрезъ часъ понравится глупецъ,
И часто бога Аполлона
(Чему свидѣтель древній міръ)
Смѣнялъ въ любви лѣсной Сатиръ.
Подъ скиптромъ душегубца Крона *
Какому постоянству быть?
Гдѣ время царь, тамъ все конечно,
И развѣ въ вѣчности вамъ вѣчно
Придется одного любить!

И такъ смотри въ глаза мнѣ смѣло;
Я право, Хлоя, не сердитъ.

* Сатурна.

Шумѣть мужей несносныхъ дѣло;
Любовникъ видитъ, и молчитъ:
Укажутъ дверь — и онъ съ поклономъ
Ее затворитъ за собой;
Не ссорясь съ новымъ Селадономъ,
Пойдетъ... стихи писать домой.

Я жилъ въ Аркадіи съ тобою
Не часъ, но цѣлыхъ сорокъ дней.
Довольно — лучшій соловей
Поетъ не долѣе весною...
Я также, Хлоя, пѣлъ тебя!...
И ты съ восторгомъ мнѣ внимала;
Рукою... на пескѣ писала:
Люблю — люблю — умру любя!

Но старой другъ твой не забудетъ,
Что кто о старомъ помнить будетъ,
Лишится глаза какъ Циклопъ *:
Пусть, Хлоя, мой обширной лобъ
Подъ часъ украсится рогами;
Лишь только былъ бы я съ глазами!

1796 г.

═

* Русская пословица: «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.»

ПОСЛАНІЕ

КЪ

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ ПЛЕЩЕЕВУ.

Мой другъ! вступая въ шумный свѣтъ
Съ любезной, искренней душею,
Въ весеннемъ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Ты хочешь съ Музою моею
Въ свободный часъ поговорить
О томъ, чего всѣ ищутъ въ свѣтѣ;
Что вѣчно у людей въ предметѣ;
О чемъ позволено судить
Ученымъ, мудрымъ и невѣждѣ, —
Богатымъ въ золотой одеждѣ
И бѣднымъ въ рубищѣ худомъ, —
На тронахъ, славой окруженныхъ,
И въ сельскихъ хижинахъ смиренныхъ; —
Что въ каждомъ климатѣ земномъ
Надежду смертныхъ составляетъ,
Сердца всечасно обольщаетъ,
Но, ахъ!... не зримо ни въ одномъ!

О щастьи слово. Удалимся
Подъ вѣтьви сихъ зеленыхъ ивъ;
Прохладой чувства освѣживъ,
Мы тамъ бесѣдой насладимся
Въ любезной Музамъ тишинѣ *.

* Сіи стихи писаны въ самомъ дѣлѣ подъ тѣнію ивъ.

Мой другъ! повѣришь ли ты мнѣ,
Чтобъ десять тысячъ было мнѣній,
Ученыхъ философскихъ прѣній,
Въ архивахъ древности сѣдой *
О средствахъ жить щастливо въ свѣтѣ,
О средствахъ обрѣсти покой?
Но точно такъ, мой другъ; въ семъ счетѣ
Ошибки нѣтъ. Өалесъ, Хилонъ,
Питтакъ, Эпименидъ, Критонъ —
Біоны, Симміи, Стильпоны,
Эсхины, Эмміи, Зеноны,
Въ Лицеѣ, въ храмахъ и садахъ,
На бочкахъ, темныхъ чердакахъ,
О благѣ вышнемъ говорили
И смертныхъ къ щастію манили
Своею... нищенской клюкой,
Клянясь священной бородой,
Что плодъ земнаго совершенства
Въ саду ихъ мудрости растетъ;
Что въ немъ нетлѣнный цвѣтъ блаженства
Какъ роза пышная цвѣтетъ.
Слова казалися прекрасны,
Но только были несогласны.
Одинъ кричалъ: ступай туда!
Другой: нѣтъ, нѣтъ, поди сюда!
Чтожь Греки дѣлали? Смѣялись;

* Десять тысячь!! Читатель можетъ сомнѣваться въ вѣрности счета; но одинъ изъ древнихъ же Авторовъ пишетъ, что ихъ было точно десять тысячь.

Ученой распрей забавлялись,
А щастье... называли сномъ!

И въ наши времена о томъ
Бываетъ много шуму, спору.
Не мало новыхъ гордецовъ,
Которымъ часто безъ разбору
Даютъ названье мудрецовъ;
Они намъ также обѣщаютъ
Открыть прямой ко щастью слѣдъ;
Въ глаза же щастія не знаютъ;
Живутъ, какъ всѣ, подъ игомъ бѣдъ;
Живутъ, и горькими слезами
Судьбѣ тихонько платятъ сами
За право умниками слыть,
О щастьи въ книгахъ говорить!

Престанемъ льстить себя мечтою,
Искать блаженства подъ луною!
Скорѣе, другъ мой, ты найдешь
Чудесный Философскій камень,
Чѣмъ вѣкъ безъ горя проживешь.
Япетовъ сынъ эѳирный пламень
Похитилъ для людей съ небесъ,
Но щастья къ нимъ онъ не принесъ;
Оно въ удѣлъ намъ не досталось,
И тамъ, съ Юпитеромъ, осталось.
Вздыхай, тужи; но пользы нѣтъ!
Судьбы рекли: «да будетъ свѣтъ
«Жилищемъ призраковъ, суетъ,
«Немногихъ благъ и многихъ бѣдъ!»

Рекли — и Суеты спустились
На землю шумною толпой:
Герои въ латы нарядились,
Плѣняся Славы красотой;
Мечемъ махнули, полетѣли
Въ забаву умерщвлять людей;
Одни престоловъ захотѣли,
Другіе самыхъ олтарей;
Одни шумящими рулями
Разсѣкли пѣну дальнихъ водъ;
Другіе мощными руками
Отверзли въ землю темный ходъ,
Чтобъ взять пригоршни свѣтлой пыли!...
Мечты всѣмъ головы вскружили,
А горесть врѣзалась въ сердца.
Народовъ сильныхъ побѣдитель
И странъ безчисленныхъ властитель
Подъ блескомъ свѣтлаго вѣнца
Въ душевномъ мракѣ унываетъ,
И часто самъ того не знаетъ,
На что величія желалъ
И кровью лавры омочалъ!
Смѣльчакъ, Америку открывшій,
Пути ко щастью не открылъ;
Индѣйцовъ въ цѣпи заключившій
Цѣпями самъ окованъ былъ,
Провелъ и кончилъ жизнь въ страданьѣ —
А сей вздыхающій скелетъ,
Который богомъ чтитъ стяжанье,
Среди богатствъ въ тоскѣ живетъ!...
Но кто, мой другъ, въ морской пучинѣ

Глазами волны перечтетъ?
И кто представитъ намъ въ картинѣ
Ничтожность всѣхъ земныхъ суетъ?

Чтожь дѣлать намъ? Ужель сокрыться
Въ пустыню Муромскихъ лѣсовъ,
Въ какой нибудь безвѣстный кровъ,
И съ міромъ навсегда проститься,
Когда, къ нещастью, міръ таковъ?
Увы! Анахоретъ не будетъ
Въ пустынѣ щастливѣе насъ!
Хотя земное и забудетъ;
Хотя умолкнетъ страсти гласъ
Въ его душѣ уединенной,
Безмолвнымъ мракомъ огражденной:
Но сердце станетъ унывать,
Въ груди холодной тосковать,
Не зная, чѣмъ ему заняться.
Тогда пустыннику явятся
Химеры, адскія мечты,
Плоды душевной пустоты!
Чудовищъ грозныхъ миліоны,
Змѣи летучія, драконы,
Надъ нимъ крылами зашумятъ,
И страхомъ умъ его затмятъ *...
Въ тоскѣ онъ жизнь свою скончаетъ!

* Многіе пустынники, какъ извѣстно, сходили съ ума въ уединеніи.

Каковъ ни есть подлунный свѣтъ;
Хотя блаженства въономъ нѣтъ;
Хотя въ немъ горесть обитаетъ:
Но мы для свѣта рождены,
Душей, умомъ одарены,
И должны въ немъ, мой другъ, остаться.
Чѣмъ можно, будемъ наслаждаться,
Какъ можно менѣе тужить,
Какъ можно лучше, тише жить,
Безъ всякихъ суетныхъ желаній,
Пустыхъ, блестящихъ ожиданій;
Но что пріятное найдемъ,
То съ радостью себѣ возьмемъ.
Въ лѣсахъ унылыхъ и дремучихъ
Бываетъ краше анемонъ,
Когда украдкой выдетъ онъ
Одинъ среди песковъ сыпучихъ;
Во тьмѣ густой, въ печальной мглѣ
Сверкнетъ лучь солнца веселѣе: —
Добра не много на землѣ,
Но есть оно — и тѣмъ милѣе
Ему быть должно для сердецъ.
Кто малымъ можетъ быть доволенъ,
Не скованъ въ чувствахъ, духомъ воленъ,
Не есть чиновъ, богатства льстецъ,
Душею такъ же прямъ, какъ станомъ,
Не ищетъ благъ за океаномъ
И съ моря кораблей не ждетъ,
Шумящихъ вѣтровъ не робѣетъ,
Подъ солнцемъ домикъ свой имѣетъ,
Въ сей день для дня сего живетъ

И мысли въ даль не простираетъ;
Кто смотритъ прямо всѣмъ въ глаза;
Кому нещастнаго слеза
Отравы въ пищу не вливаетъ;
Кому работа не трудна,
Прогулка въ полѣ не скучна,
И отдыхъ въ знойный часъ любезенъ;
Кто ближнимъ иногда полезенъ
Рукой своей или умомъ;
Кто можетъ быть пріятнымъ другомъ,
Любимымъ, щастливымъ супругомъ
И добрымъ милыхъ чадъ отцомъ;
Кто Музъ отъ скуки призываетъ
И нѣжныхъ Грацій, спутницъ ихъ;
Стихами, прозой забавляетъ
Себя, домашнихъ и чужихъ;
Отъ сердца чистаго смѣется
(Смѣяться, право, не грѣшно!)
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно:
Тотъ въ мирѣ съ міромъ уживется
И дней своихъ не прекратитъ
Желѣзомъ острымъ или ядомъ;
Тому сей міръ не будетъ адомъ;
Тотъ путь свой розой оцвѣтитъ
Среди колючихъ жизни терній,
Отраду въ горестяхъ найдетъ,
Съ улыбкой встрѣтитъ часъ вечерній,
И въ полночь тихимъ сномъ заснетъ.

ҁ. 1794.

ОТВѢТЪ МОЕМУ ПРІЯТЕЛЮ,

КОТОРОЙ ХОТѢЛЪ, ЧТОБЫ Я НАПИСАЛЪ ПОХВАЛЬНУЮ ОДУ ВЕЛИКОЙ ЕКАТЕРИНѢ.

—

Мнѣ ли славить тихой лирой
Ту, которая порфирой
Скоро весь обниметъ свѣтъ?
Лишь безумецъ зажигаетъ
Свѣчку тамъ, гдѣ Фебъ сіяетъ.
Бѣдной чижикъ не дерзнетъ
Пѣть гремящей Зевса славы:
Онъ любовь одну поетъ;
Съ нею въ рощицѣ живетъ.

Блескъ Россійскія Державы
Очи бренныя слѣпитъ:
Тамъ на первомъ въ свѣтѣ тронѣ,
Въ лучезарнѣйшей коронѣ
Мать отечества сидитъ,
Правитъ царствъ земныхъ судьбами,
Правитъ міромъ и сердцами,
Скиптромъ щастіе даритъ,
Взоромъ бури укрощаетъ,
Словомъ милость изливаетъ
И улыбкой все живитъ.
Что Богинѣ наши Оды?
Что Великой пѣснь моя?

Ей пѣвцы — Ея народы,
Похвала — дѣла Ея;
Имъ дивяся, умолкаю
И хвалить позабываю.

г. 1793.

═

КЪ НЕЙ.

—

Тебѣ ли думать, другъ безцѣнный,
Что есть измѣнники въ любви?
Огонь, тобою воспаленный,
Погаснетъ ли когда въ крови?
Погаснетъ съ жизнію, не прежде!

И мнѣ ль непостояннымъ быть?
Мнѣ ль порхать бабочкой, въ надеждѣ
Другую болѣе любить?
Я всѣхъ невѣрныхъ презираю,
И съ ними нашъ холодной вѣкъ.
Какъ можетъ въ жизни человѣкъ
Два раза быть влюбленъ, не знаю:
Не станетъ сердца, милой другъ,
И сила въ чувствахъ ослабѣетъ.
Однажды роза въ годъ алѣетъ,
Однажды красится ей лугъ;
Однажды любимъ всей душою —

Чтобъ щастье райское вкусить,
Или глаза навѣкъ закрыть
Со вздохомъ горести, съ тоскою!

г. 1794.

═

ДВѢ ПѢСНИ.

—

I.

Мы желали — и свершилось!...
Лиза! Небо любитъ насъ.
Постоянство наградилось:
Ты моя! — Блаженный часъ!

Быть щастливѣйшимъ супругомъ,
Быть любимымъ и любить,
Быть любовникомъ и другомъ...
Ахъ! я радъ на свѣтѣ жить!

Радъ терпѣть, чего не можно
Въ здѣшней жизни избѣжать;
Радъ и плакать, естьли должно
Смертнымъ слезы проливать.

Нѣжность горе услаждаетъ;
Дружба милою рукой
Слезъ потоки отираетъ
И вселяетъ въ грудь покой.

Будь единственнымъ предметомъ
Страсти сердца моего!
Я навѣкъ простился съ свѣтомъ;
Мнѣ наскучилъ шумъ его.

Пусть Прелесты тамъ сіяютъ
Блескомъ хитростей своихъ;
Пусть онѣ другихъ прельщаютъ;
Пусть другіе любятъ ихъ!

Было время заблужденій;
Я какъ бабочка леталъ
Вкругъ блестящихъ привидѣній —
Сердца въ мраморѣ искалъ!

Сонъ исчезъ — и я увидѣлъ,
Что игрушкой хитрыхъ былъ;
Всѣхъ Прелестъ возненавидѣлъ,
И невинность полюбилъ.

Ты одна любви достойна;
Я нашелъ, чего искалъ,
И душа моя спокойна.
Все сбылось, чего желалъ!

Свѣтъ забудетъ насъ съ тобою:
Что намъ нужды, Лиза, въ немъ?
Мы съ любовію одною
Вѣкъ безъ скуки проживемъ.

II.

Доволенъ я судьбою,
И милою богатъ.
О Лиза! кто съ тобою
И бѣдности не радъ?

Съ тобою жизни бремя
Меня не тяготитъ;
Съ тобою, другъ мой, время
Какъ молнія летитъ.

Не зная, что есть слава,
Я славлю жребій свой.
Труды съ тобой забава;
Въ твоихъ глазахъ покой.

Ты взглянешь — забываю
Суровость мрачныхъ дней;
Въ болѣзняхъ оживаю
Улыбкою твоей.

Когда ты скажешь: милой!
Проходитъ грусть моя, —
Свѣтлѣетъ взоръ унылой, —
Спокоенъ, веселъ я!

Тотъ бѣденъ, кто въ семъ мірѣ
Живетъ лишь для себя.
Я былъ бы и въ порфирѣ
Нещастливъ безъ тебя.

Но естьли рокъ ужасной
Насъ, Лиза, разлучитъ?
Что буду я несчастной?...
Сырой землей покрытъ!

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя томно, скажутъ:
Онъ умеръ во слезахъ!

=

ПРИПИСАНІЕ КЪ Г-ЖѢ N.

КОТОРАЯ ЖЕЛАЛА, ЧТОБЪ Я СПИСАЛЪ ДЛЯ НЕЕ СІИ ДВѢ ПѢСНИ.

—

Невольникъ въ тягостныхъ цѣпяхъ
О волѣ милой помышляетъ,
Старикъ о юныхъ, красныхъ дняхъ;
Томимый жаждой, вспоминаетъ
О свѣтлыхъ, ясныхъ ручейкахъ.
А я чѣмъ сердце занимаю?
О щастливой любви мечтаю!

г. 1794.

=

СОЛОВЕЙ, ГАЛКИ И ВОРОНЫ.

БАСНЯ.

Прошедшею весною,
Вечернею зарёю
Въ лѣсочкѣ семъ пѣвалъ любезный соловей.
Пришла опять весна: гдѣ другъ души моей?
Ахъ, нѣтъ его! Зачѣмъ онъ скрылся? —
За чѣмъ? въ лѣсочкѣ поселился
Хоръ галокъ и воронъ. Онѣ и день и ночь
Кричатъ, усталости не знаютъ,
И слухъ людей (увы!) безжалостно терзаютъ!
Чтожь дѣлать соловью? — Летѣть подалѣ прочь!

Жестокіе врали и прозой и стихами!
Какому соловью пѣть можно вмѣстѣ съ вами?

г. 1793.

ПРОЩАНІЕ.

Ударилъ часъ — друзья, простите!
Иду — куда, вы знать хотите?
Въ страну покойниковъ — за чѣмъ? —
Спросить *тамъ*, для чего мы *здѣсь*, друзья, живемъ!

г. 1796.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

—

Прости, надежда!... и навѣкъ!...
Исчезло все, что сердцу льстило,
Душѣ моей казалось мило;
Исчезло! Слабой человѣкъ!
Что хочешь дѣлать?... обливаться
Рѣкою горькихъ, тщетныхъ слезъ?...
Стенать во прахѣ и терзаться?...
Что пользы?... Рока и Небесъ
Не тронешь ты своей тоскою,
И будешь жалокъ лишь себѣ!
Нѣтъ, лучше докажи судьбѣ,
Что можешь быть великъ душею,
Спокоенъ, вопреки всему.
Чего робѣть? ты самъ съ собою!
Прибѣгни къ сердцу своему:
Оно твой другъ, твоя отрада,
За всѣ нещастія награда —
Еще ты въ свѣтѣ не одинъ! —
Еще ты міра гражданинъ!...
Смотри, какъ солнце надъ тобою
Сіяетъ славой, красотою;
Какъ ясенъ, чистъ небесный сводъ;
Какъ мирно, тихо все въ Природѣ!
Зефиръ струитъ зерцало водъ,
И птички въ радостной свободѣ
Поютъ: «будь веселъ, улыбнись!»

Поютъ тебѣ согласнымъ хоромъ.
А ты стоишь съ унылымъ взоромъ,
Съ душею мрачной?... Ободрись,
И вспомни, что бывалъ ты прежде,
Какъ мудрымъ въ чувствахъ подражалъ,
Сократа сердцемъ обожалъ,
Съ Катономъ смерть любилъ, въ надеждѣ
Носить безсмертія вѣнецъ.
Житейскихъ радостей конецъ
Да будетъ для тебя началомъ
Геройской твердости въ душѣ!
Язвимый лютыхъ бѣдствій жаломъ,
Забвенный въ темномъ шалашѣ
Всѣмъ свѣтомъ, ложными друзьями,
Умѣй спокойными очами
На міръ обманчивый взирать,
Нещастье съ щастьемъ презирать!

Я столько лѣтъ мечтой плѣнялся,
Хотѣлъ блаженства, восхищался!...
Въ минуту все покрылось тьмой,
И я остался лишь съ тоской!

Такъ нѣкій зодчій, созидая
Огромный, велелѣпный храмъ
На диво будущимъ вѣкамъ,
Гордился духомъ, помышляя
О славѣ дѣла своего;
Но вдругъ огромный храмъ трясется,
Падетъ.... упалъ.... и нѣтъ его!...
Чтожь бѣдный зодчій? онъ клянется

Не строить впредь, безпечно жить — —
А я клянуся.... не любить!

г. 1795.

ПѢСНЯ.

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Любилъ я рѣзвую Плѣниру,
Любилъ веселую Темиру,
Любилъ и сердцемъ и душой.
Онѣ шутили, улыбались,
Моею страстью забавлялись;
А я — я слезы лилъ рѣкой!

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Мнѣ горы золота сулили;
Надѣйся! взоромъ говорили.
Пришло къ развязкѣ, наконецъ....
И чтожь? мнѣ двери указали!
Учись знать шутку, другъ! сказали —
Онѣ смѣются!... я глупецъ!

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Тотъ ввѣкъ нещастливъ будетъ съ нами,
Кто любитъ прямо, не словами.
Вамъ мило головы кружить,
Играть невинными сердцами,
Дарить насъ рабствомъ и цѣпями,
И только для тщеславья жить.

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Ахъ! лучше по лѣсамъ скитаться,
Съ Лапландцами въ снѣгу валяться
И плавать въ лодкѣ по морямъ,
Чѣмъ быть плаксивымъ Селадономъ,
Твердить увы печальнымъ тономъ,
И вѣкъ служить потѣхой вамъ!

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

г. 1795.

ВРЕМЯ.

ПОДРАЖАНІЕ.

—

Всѣ вещи разрушаетъ время,
И мрачной скукой насъ томитъ;
Оно какъ тягостное бремя
У смертныхъ на плечахъ лежитъ.
Намъ, право, согласиться должно
Ему такимъ же зломъ платить,
И дѣлать все, чѣмъ только можно
Его скорѣе погубить.

═

КЪ ПОРТРЕТУ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

—

Корона на главѣ, а въ сердцѣ добродѣтель;
Душей плѣняетъ умъ, умомъ душѣ мила;
Въ благотвореніяхъ ЕЙ только Богъ свидѣтель;
Хвалима.... но предъ НЕЙ безмолвствуетъ хвала.

г. 1819.

═

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ

ВЪ ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНІЯ.

—

Живи, Монархиня, ко щастію людей!
Для суетныхъ забавъ жизнь наша скоротечна:
Для добродѣтели всегда есть время въ ней.
Добромъ безсмертна ТЫ: такъ будь же долговѣчна!

г. 1820.

═

КЪ МЕЛОДОРУ.

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПѢСНЬ ЛЮБВИ.

—

Когда блѣднѣетъ все въ подлунномъ мрачномъ мірѣ,
И жертвы плаваютъ въ дымящейся крови *,
Тогда, о Мелодоръ! на кроткой, нѣжной лирѣ
Играя, ты поешь о сладостяхъ любви?

* Тогда была война.

Умолкни, милой другъ!... Кто будетъ наслаждаться
Гармоніей твоей? кто ею восхищаться?
Но нѣтъ! играй и пой, любезнѣйшій Орфей!
Поетъ и въ страшный громъ на миртахъ соловей! *

г. 1795.

ХЛОЯ.

Пусть свѣтъ злословный утверждаетъ,
Что въ Хлоѣ постоянства нѣтъ;
Что Хлоя всякой день мѣняетъ
Любви своей предметъ!
Не правда: Хлоя обожаетъ
Всегда одинъ предметъ;
Его всему предпочитаетъ —
«Кого же? вѣрно не тебя?»
Ахъ, нѣтъ!... себя!

г. 1795.

* Сіи стихи писаны во время грому — и въ самую ту минуту пѣлъ соловей.

ЛИЛЕЯ.

—

Я вижу тамъ лилею.
Ахъ! какъ она бѣла,
Прекрасна и мила!
Душа моя плѣнилась ею.
Хочу ее сорвать,
Держать въ рукахъ и цѣловать; —
Хочу — но рокъ меня съ лилеей разлучаетъ:
Ахъ! бездна между насъ зіяетъ!...
Тоска терзаетъ грудь мою;
Стою печально, слезы лью.
Взираю издали на нѣжную лилею —
Она сотворена быть, кажется, моею,
И тихой вѣтерокъ

Ко мнѣ склоняетъ стебелёкъ
Ея зеленой, изумрудной;
Ко мнѣ же обращенъ и бѣленькой цвѣтокъ,
Головка снѣжная, ко мнѣ... но рокъ
(Жестокой, безразсудной!)
Сказалъ: «она не для тебя!
Увянетъ не съ твоей слезою;
Другой сорветъ ее холодною рукою;
А ты... смотри, терзай себя!»

О Лиза! я съ тобою
Душей дѣлиться сотворенъ,
Но бездной разлученъ!

г. 1796.

ГЕКТОРЪ И АНДРОМАХА.

ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ ШЕСТОЙ КНИГИ ИЛІАДЫ.

(Во время сраженія Троянъ съ Греками, Гекторъ у воротъ городскихъ прощается съ Андромахою; подлѣ нее стоитъ кормилица, держа на рукахъ маленькаго сына ихъ. Сія сцена изображена на многихъ картинахъ и эстампахъ.)

—

Безмолвствуя, Герой на милую взираетъ,
И къ сердцу нѣжному супругу прижимаетъ;
Тоска въ ея душѣ, уныніе и страхъ.
«О Гекторъ!» — говоритъ печальная въ слезахъ —
«Ты хочешь умереть! оставить сиротою
«Младенца бѣднаго, меня навѣкъ вдовою!
«Ахъ! можно ль жить тому, кто жизни не щадитъ?
«Геройство, храбрый духъ тебя не защититъ.
«Враги безчисленны: тебѣ погибнуть должно!...
«О боги! естьли вамъ спасти его не можно,
«Пусть прежде я навѣкъ сомкну глаза свои!
«Въ печали, въ горести возникли дни мои:
«Въ печали, въ горести имъ должно и скончаться!

«Почто мнѣ въ свѣтѣ жить? кѣмъ буду утѣшаться?
«Всѣ ближніе мои въ сырой землѣ лежатъ.
«Озлобленный Ахиллъ разрушилъ славный градъ,
«Гдѣ царствовалъ нашъ родъ; убійственной рукою
«Лишивъ меня отца, Ахиллъ почтилъ слезою —
«Его пустынный гробъ, надъ коимъ царскій щитъ,
«Блестящее копье и шлемъ съ мечемъ виситъ;
«Гдѣ тлѣетъ прахъ его подъ тѣнью древъ священныхъ,
«Руками Ореадъ въ семъ мѣстѣ насажденныхъ.
«И братія мои въ невинности своей
«Погибли на зарѣ цвѣтущихъ, юныхъ дней.
«Зеленые луга ихъ кровью обагрились,
«Гдѣ съ агнцами они играя веселились.
«Смерть въ младости страшна! Осталась мать моя;
«Но строгій, тяжкій плѣнъ былъ жребіемъ ея;
«Когда же наконецъ въ отчизну возвратилась,
«Отъ горести и слезъ въ міръ тѣней преселилась.

«Но я не сирота, пока супругъ мой живъ;
«И съ Гекторомъ судьбу мою соединивъ,
«Родителей, друзей и братій въ немъ имѣю.
«Въ тебѣ они живутъ: ты смертію своею
«Ихъ снова умертвишь. — Ахъ! сжалься надо мной...
«Надъ бѣднымъ, плачущимъ, безмолвнымъ сиротой!
«Сей день ужасенъ мнѣ: останься, Гекторъ, съ нами!

«Пусть воины твои сражаются съ врагами;
«Но ты останься здѣсь и городъ защищай.
«Смотри, какъ вождь Атридъ, какъ храбрый Менелай,
«Аяксъ, Идоменей, Ахейскіе Герои,
«Стремятся дерзостно къ вратамъ священной Трои!
«Будь стражемъ нашихъ стѣнъ; супругу успокой!»

«Что скажутъ обо мнѣ (отвѣтствуетъ Герой)
Фригійскіе сыны и дщери Иліона,
Когда укроюсь здѣсь? Не я ль защитникъ трона
Родителей моихъ? — Кто съ самыхъ юныхъ дней
Учился не робѣть сверкающихъ мечей;
Кто въ битвахъ возмужалъ, и дышетъ только славой,
Тому опасности всѣ должны быть забавой.
Сіянье дѣлъ моихъ затмится ль нынѣ вдругъ?...
Погибнетъ не въ стѣнахъ, но въ полѣ твой супругъ.
Увы! настанетъ день, предсказанный Судьбою,
Настанетъ въ ужасѣ, и въ прахъ низвергнетъ Трою!...
Падетъ, разрушится священный Иліонъ!
Падетъ, разрушится Пріамовъ свѣтлый тронъ!
Падутъ его сыны!... Фригійская держава
Исчезнетъ какъ мечта — умолкнетъ наша слава!...
Но что душѣ моей ужаснѣе всего?
Не гибель Фригіи и рода моего,
Не жалостная смерть родителей почтенныхъ,
И братій, въ юности цвѣтущей убіенныхъ,
Но участь слезная супруги моея...

Стенаніе, тоска неволи твоея
Въ отечествѣ враговъ!... Тамъ гордый побѣдитель,
Троянскихъ древнихъ стѣнъ свирѣпый сокрушитель,
Захочетъ при тебѣ сей подвигъ величать,
Чтобъ горестью твоей свой злобный духъ питать;
Велитъ тебѣ итти съ фіалою златою
На Гиперійскій ключь, за пѣнистой водою —
И мстительный народъ, твою печаль любя,
Съ коварной радостью тамъ спроситъ у тебя:
«Супругу ль Гектора мы видимъ предъ собою?»
Ты тяжко воздохнешь, и слезною рѣкою
Омоешь грудь свою!... Но прежде боги мнѣ
Откроютъ путь во гробъ. Въ глубокомъ, вѣчномъ снѣ
Не буду зрѣть, что ты, любезная, страдаешь —
Пока твой Гекторъ живъ, печали не узнаешь!»

Сказавъ сіе, Герой младенца хочетъ взять,
Чтобъ съ нѣжной ласкою прелестнаго обнять;
Но грозный шлемъ его младенца устрашаетъ:
Онъ плачетъ, и глаза рукою закрываетъ. —
Съ улыбкой Гекторъ зритъ на сына своего,
И черный, грозный шлемъ снимаетъ для него;
Беретъ любезнаго, цѣлуетъ съ восхищеньемъ,
И вверхъ его поднявъ, вѣщаетъ съ умиленьемъ:
«Премудрый царь боговъ, всесильный богъ Зевесъ!
И вы, безсмертные властители небесъ!
Храните дни его! Подъ вашею защитой
Да будетъ онъ Герой, въ потомствѣ знаменитой;

Да будетъ Гекторомъ счастливѣйшихъ временъ...
Украшенъ славою и храбрыми почтенъ,
Ужасенъ для враговъ, непобѣдимый воинъ!
Да скажутъ всѣ объ немъ: «сей сынъ отца до-
стоинъ,
Безсмертенъ по дѣламъ и подвигамъ своимъ!...
И сердце матери да радуется имъ!» —

Сказавъ, любезнаго младенца ей вручаетъ.
Она беретъ его и къ сердцу прижимаетъ,
Покоитъ на груди, усмѣшкой веселитъ.
Но нѣжная слеза въ очахъ ея блеститъ;
Трепещетъ грудь ея, волнуется отъ страха. —
Со вздохомъ Гекторъ ей вѣщаетъ: «Андромаха!
«Ты плачешь?... Ахъ! почто безвременно стра-
дать?
«Не властенъ у меня врагъ злобный жизнь отнять,
«Доколѣ я хранимъ державными богами.
«Назначенъ всѣмъ предѣлъ небесными Судьбами,
«И рано ль, поздно ли скончается нашъ вѣкъ;
«Неустрашимый вождь и робкій человѣкъ —
«Со славой иль стыдомъ — низыдетъ въ гробъ
безмолвно,
«Оставя милыхъ, всѣхъ родныхъ, друзей... Но
полно!
«Поди, любезная! и дома скорбь разсѣй
«Трудами нѣжныхъ рукъ. Гласъ трубный, стукъ
мечей,
«Зоветъ меня на брань. Тому, кто всѣхъ славнѣе,
«Быть должно впереди, — быть тамъ, гдѣ врагъ
сильнѣе.»

Герой въ послѣдній разъ на милую воззрѣлъ,
Обтеръ ея слезу... и грозный шлемъ надѣлъ.
Супруга нѣжная должна повиноваться —
Идетъ въ свой тихій домъ слезами обливаться —
Взираетъ издали на друга своего —
Взираетъ.... но уже вдали не зритъ его!
Вздохнувъ, спѣшитъ она въ чертогъ уединенный,
Древами мрачными печально осѣненный.
Тамъ въ горести своей желаетъ умереть;
Предчувствуя ударъ, оплакиваетъ смерть
Супруга своего; зритъ въ мысляхъ предъ собою
Его кровавый трупъ, несомый тихо въ Трою
На Греческихъ щитахъ... И солнце для нее
Утратило на вѣкъ сіяніе свое.

г. 1795

═

ПОСЛАНІЕ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

The gen'rous God, who wit ad gold resines, *
And ripens spirits as he ripens minds,
To you gave sense good humour ad... a Poet. —

Pope.

—

О вы, которыхъ мнѣ любезна благосклонность,
Любезнѣе всего! которымъ съ юныхъ лѣтъ
Я въ жертву приносилъ, чего дороже нѣтъ:

* То есть, Фебъ или Аполлонъ.

Спокойствіе и вольность; —
Которыхъ милые глаза,
Улыбка и слеза
Законъ въ душѣ моей писали,
И мною такъ играли,
Какъ рѣзвый вѣтерокъ перомъ,
Тогда еще какъ я гонялся
За пестрымъ мотылькомъ,
Считалъ себя богатырёмъ,
Когда на дерево взбирался
За пташкинымъ гнѣздомъ . . .
(И все лишь для того, чтобъ милой, нѣжной *Розѣ*,
Красоткѣ нашего села,
Подобной въ самомъ дѣлѣ розѣ,
Подаркомъ угодить; чтобъ *Роза* мнѣ была
Обязана своей забавой)
О вы, для коихъ я хотѣлъ враговъ разить, *
Не сдѣлавшихъ мнѣ зла! хотѣлъ воинской славой
Почтеніе людей, отличность заслужить,
Чтобъ съ лавромъ на главѣ предъ вашими очами
Явиться и сказать: «Для васъ, для васъ и вами!
Возьмите лавръ, а мнѣ въ награду.... поцѣлуй!»
Для коихъ послѣ я, въ войнѣ добра не видя,
Въ чиновныхъ гордецахъ чины возненавидя,
Вложилъ свой мечь въ ножны («Россія торжествуй,
Сказалъ я, безъ меня!») . . . и, вмѣсто острой шпаги,

* Авторъ, будучи семнадцати лѣтъ, думалъ ѣхать въ армію.

Bayerische Staatsbibliothek München

Взялъ въ руки листъ бумаги,
Чернилицу съ перомъ,
Чтобъ быть писателемъ, творцомъ,
Для васъ, красавицы, пріятнымъ;
Чтобъ слогомъ чистымъ, сердцу внятнымъ,
Оттѣнки вамъ изображать
Страстей щастливыхъ и нещастныхъ,
То кроткихъ, то ужасныхъ;
Чтобъ вы могли сказать:
«Онъ право милъ, и вѣрно переводитъ
«Все темное въ сердцахъ на ясный намъ языкъ;
«Слова для тонкихъ чувствъ находитъ!» —
О вы, въ которыхъ я привыкъ
Любить себя, Природу
И все, что смертныхъ роду
Въ предметъ любви дано!
Я къ вамъ хочу писать посланіе стихами.
Дамъ волю сердцу: пусть оно
Съ своими милыми друзьями
Что хочетъ, говоритъ!
Не нужно думать мнѣ: слова текутъ рѣкою
Въ бесѣдѣ съ тѣмъ, кого мы любимъ всей душою.
Любовь стихи животворитъ,
И старому даетъ видъ новой.
Скажу вамъ, милыя — и чѣмъ другимъ начать?—
Что вы родитесь свѣтъ подлунный украшать,
Который бы безъ васъ въ угрюмости суровой
Былъ самой *мрачной свѣтъ*.
Нещастный Мизогинъ * въ Сибири ввѣкъ живетъ:

* То есть, ненавистникъ женскаго пола.

Bayerische Staatsbibliothek München

Напрасно Фебъ надъ нимъ въ величіи сіяетъ —
Душа его отъ хлада умираетъ.
Къ сердцамъ и къ щастію Судьбой вамъ отданъ
ключь;
У васъ въ очахъ блеститъ небесный, тихій лучь,
Который показать намъ долженъ путь къ блаженству,
Добру и совершенству.
Другимъ путемъ къ тому вовѣки не дойдемъ.
Три страсти правятъ свѣтомъ:
Одна имѣетъ *честь* предметомъ,
Другая *золото*, а третьею живемъ
Для вашихъ милыхъ глазъ. Ахъ! первая доводитъ
Людей до страшныхъ бѣдъ, злодѣевъ производитъ,
Жестокихъ, мрачныхъ Силлъ
И яростныхъ Аттилъ.
Тамъ льется кровь рѣкой, здѣсь градъ въ огнѣ
пылаетъ —
На что? . . . Герой * желаетъ
Сказать: «*я побѣдилъ*
«И честь безсмертія геройствомъ заслужилъ!»
Но дни побѣдами считая,
Пусть скажетъ, много ли минутъ блаженныхъ
счелъ
Онъ въ жизни для себя? и лавромъ *осѣняя*

* То есть, ложной Герой, Аттила и подобные ему. Истинные Герои сражаются для пользы своего отечества. — Здѣсь Авторъ представляетъ *честолюбіе* только съ худой стороны: о хорошей — молчитъ.

Надменное чело, не часто ли хотѣлъ
Укрыться въ *сѣнь* лѣсовъ, чтобъ жертвъ, его ру-
кою
Сраженныхъ не видать,
Ихъ вопля не слыхать?
Путь славы не ведетъ къ сердечному покою;
Мы зримъ на немъ довольно розъ,
Но больше терній, больше слёзъ.
Ахъ! щастье любитъ миръ, отъ шума убѣгаетъ:
Таковъ Небесъ уставъ!

Кто жь въ златѣ душу полагаетъ,
Тотъ, всѣ сокровища собравъ,
Еще души не обрѣтаетъ
Ни въ златѣ, ни . . . въ самомъ себѣ!
Всегда какъ червь ползетъ во прахѣ;
Всегда живетъ въ ужасномъ страхѣ,
Чтобъ вдругъ не вздумалось Судьбѣ
Лишить его сокровищъ милыхъ;
Таится какъ сова въ тѣни ночей унылыхъ,
Боясь, чтобы Фебъ его не освѣтилъ
И золота въ мѣшкахъ лучемъ не растопилъ.
Трепещетъ листъ, и сердце въ немъ трепе-
щетъ . . .
«Конечно воръ ко мнѣ идетъ!» . . .
Гдѣ искра въ воздухѣ сверкнетъ,
Тамъ, кажется ему, кинжалъ убійцы блещетъ —
И сей безумный человѣкъ
Съ тоскою на часахъ проводитъ весь свой вѣкъ.

Stadtbibliothek München

Но кто плѣнится вами,
Любезныя мои, какъ милъ бываетъ тотъ,
Какъ нѣженъ сердцемъ, добръ дѣлами!
Природа для него есть зрѣлище красотъ.
Не ищетъ рая онъ въ предѣлахъ, намъ безвѣстныхъ,—
Вверху, за солнцемъ, выше звѣздъ;
Онъ рай нашелъ въ глазахъ прелестныхъ
Любовницы своей; и тѣхъ священныхъ мѣстъ,
Гдѣ милая гуляетъ,
Гдѣ, сидя надъ ручьемъ, о другѣ помышляетъ,
Не промѣняетъ онъ на вѣчную весну
Полей блаженныхъ, Елисейскихъ.
Онъ умеръ — для суетъ житейскихъ;
Живетъ—лишь для любви, и зритъ любовь одну
Во всемъ твореніи обширномъ;
Бѣжитъ отъ скуки городской,
Чтобъ въ сельскомъ кровѣ мирномъ
Питать въ груди своей чувствительность, покой.
Гдѣ тихо горлицы воркуютъ,
Другъ друга съ нѣжностью милуютъ,
И гнѣздышко себѣ на юныхъ миртахъ вьютъ;
Гдѣ двѣ малиновки поютъ;
Гдѣ всѣ богатства Флоры
Сіяютъ на лугахъ,
Какъ пурпуръ, золото Авроры
Въ часъ утренній блестятъ на тонкихъ облакахъ:
Тамъ онъ, подъ сѣнью древъ душистыхъ,
Тамъ онъ, подъ шумомъ водъ сребристыхъ,
Съ любезною своей въ восторгѣ дни ведетъ,
И только лишь отъ нѣжныхъ чувствъ вздыхаетъ,

И только лишь отъ щастья слезы льетъ.
Вкушая радости, онъ радость сообщаетъ
Всему вокругъ себя: приближится ль къ нему
Печальный во слезахъ? онъ слезы осушаетъ —
Убогой ли придетъ? онъ все даетъ ему,
Желая, чтобъ весь міръ съ нимъ вмѣстѣ наслаж-
дался,
Любился, восхищался
Велите мнѣ избрать подсолнечной царя:
Кого я изберу, усердіемъ горя
Ко щастію людей? Того, кто всѣхъ нѣжнѣе,
Того, кто всѣхъ страстнѣе
Умѣетъ васъ любить — и свѣтъ бы щастливъ
былъ!
Ахъ! самой лютой воинъ,
Который ввѣкъ на ратномъ полѣ *жилъ*,
(И *жизни* былъ едваль достоинъ!)
Смягчается душей, восчувствовавъ любовь;
Услышавъ имя той, которою пылаетъ,
Щадитъ враговъ сраженныхъ кровь,
И мечь подъятый... опускаетъ,
Не рѣдко и скупецъ, чтобъ милой угодить,
Пріятный взоръ ея, улыбку заслужить,
Бываетъ сирыхъ другъ и нищихъ благодѣтель.

Вотъ дѣйствіе любви — вотъ ваша добродѣтель!
Пусть строгій мужъ Зенонъ въ угрюмости своей
Кричитъ, что должно жить намъ въ свѣтѣ безъ
страстей,
Людьми лишь называться,
Но камнемъ въ сердцѣ быть:

Ученію сему въ архивахъ оставаться,
Въ сердца жь вовѣки не входить;
Природа, истина его не освятили
Печатію своей. Сей разумъ, коимъ насъ
Судьбы благія одарили,
О коемъ мудрецы твердятъ намъ всякой часъ,
Не есть ли тщетный даръ безъ склонностей сердечныхъ?
Онѣ-то движутъ насъ; безъ нихъ и умъ молчитъ.
Погибель ждетъ пловцевъ безпечныхъ,
Когда ихъ кормщикъ въ бурю спитъ;
Но кормщику не можно
Безъ вѣтра моремъ плыть. Уму лишь править должно
Кормиломъ жизни сей:
Насъ по морю несетъ шумящій вѣтръ страстей...
Блаженъ, кто съ вѣющимъ Зефиромъ,
Съ любовью въ сердцѣ и въ очахъ,
Летитъ на парусныхъ крылахъ
Къ щастливой пристани, гдѣ съ миромъ
Насъ Геній тихой смерти ждетъ!
«Но часто страсть любви насъ къ горестямъ ведетъ!»
Не часто, — иногда: такъ тихая лампада,
Во тьмѣ для мудраго отрада,
Бываетъ пагубна для рѣзвыхъ мотыльковъ:
Уже ли для того во мракѣ вечеровъ
Сидѣть намъ безъ огня? О бабочкѣ вздыхаю,
Но свѣчку снова зажигаю.
Злощастный Вертеръ не законъ;
Тамъ гробъ его: глаза рукою закрываю...

Но здѣсь цвѣтами осыпаю
Тьму брачныхъ олтарей, гдѣ рѣзвый Купидонъ
И скромный Гименей навѣкъ соединяютъ
Любовниковъ сердца,
И чашу жизни ихъ блаженствомъ наполняютъ.

Но за одну ли страсть достойны вы вѣнца?
Вамъ юная душа поручена Судьбою;
Младенецъ съ первою слезою
Вамъ, милыя, себя въ науку отдаетъ;
Съ улыбкой, чувствомъ оживленной,
Отъ васъ онъ первыхъ мыслей ждетъ.
Сей цвѣтъ одушевленной
Лишь вашею рукой быть можетъ возращенъ,
Отъ хлада, бури сохраненъ.
Съ любовью матери онъ мило расцвѣтаетъ;
Изъ глазъ ея въ себя лучь кротости впиваетъ,
И зрѣетъ нѣжною душей.

Ахъ! я не зналъ тебя!... ты, давъ мнѣ жизнь,
сокрылась!
Среди весеннихъ ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась!
Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ Судьбой!
Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ быть тобой!
Другіе на колѣняхъ
Любезныхъ матерей въ веселіи цвѣли,
А я въ печальныхъ тѣняхъ
Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой земли,
На мохъ твоей могилы!...
Но образъ твой священный, милый

Въ груди моей напечатлѣнъ,
И съ чувствомъ въ ней соединенъ!
Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство;
Твой духъ всегда со мной.
Невидимой рукой
Хранила ты мое безопытное дѣтство;
Ты въ лѣтахъ юности меня къ добру влекла,
И совѣстью моей въ часъ слабостей была.
Я часто тѣнь твою съ любовью обнимаю,
И въ вѣчности тебя узнаю!...

Простите мнѣ, что я о мертвой вспомянулъ,
И съ горестью вздохнулъ!
Подобно какъ въ саду, гдѣ роза съ нѣжнымъ кри-
номъ,
Нарцисъ и анемонъ, аврикула съ ясминомъ,
И тысячи цвѣтовъ
Пестрѣютъ на брегу кристальныхъ ручейковъ,
Не знаешь, что хвалить, надъ чѣмъ остановиться,
На что смотрѣть, чему дивиться:
Такъ я теряюсь въ красотахъ
Прелестныхъ вашихъ душъ. — Хвалить ли въ васъ
то чувство,
Которымъ истину находите въ вещахъ *
Скорѣе всѣхъ мущинъ? Намъ надобно искусство,

* Я нѣсколько разъ имѣлъ случай удивляться *остро-му понятію* женщинъ, которое Лафатеръ называетъ *чув-ствомъ истины*. Мущина десять разъ перемѣняетъ мы-сли свои; женщина остается при первомъ чувствѣ, — и рѣдко обманывается.

Трудиться разумомъ, работать, размышлять,
Чтобъ истину сыскать;
Для насъ она живетъ въ лѣсахъ, въ вертепахъ темныхъ
И въ кладезяхъ подземныхъ:
Для васъ же птичкою летаетъ на лугахъ;
Махнете ей, — и вдругъ она у васъ въ рукахъ....
Скажите, отъ чего мудрецъ Сократъ милѣе
Всѣхъ прочихъ мудрецовъ? ученіе его
Пріятнѣе другихъ, пріятнѣе, сильнѣе
Насъ къ мудрости влечетъ? Я знаю — отъ того,
Что Грацій онъ любилъ, съ Аспазіей былъ друженъ.
Философу совѣтъ вашъ нуженъ,
Чтобъ *умъ* людей плѣнить, подобно какъ *сердца*
Умѣете плѣнять. Любезность мудреца
Должна быть истинѣ приправой;
Иначе скученъ намъ и самый разумъ здравой —
Любезность же сія есть вашъ безцѣнный даръ.
Хвалить ли въ васъ тотъ жаръ,
Съ которымъ вы всегда добро творить готовы?
Вамъ милы бѣдныхъ кровы;
Для васъ они священный храмъ,
Гдѣ добродѣтели небесной
Рукою вашею прелестной
Курится ѳиміамъ.
У васъ учиться должно намъ,
Какъ ближнему служить. Я видѣлъ женъ прекрасныхъ,
Которыхъ юный вѣкъ тому лишь посвященъ,

Чтобъ муки утолять нещастныхъ *;
Всечасно взоръ ихъ устремленъ
На то, что душу возмущаетъ:
На скорбь, страданіе и смерть!
Съ какою кротостью ихъ голосъ увѣщаетъ
Болящихъ не роптать на Бога, но терпѣть!
Колѣна преклонивъ, одна у Неба проситъ
Имъ здравія, или... спокойнаго конца;
Другая питіе цѣлебное разноситъ,
И ласкою живитъ тоскующихъ сердца.
Своею красотою
Могли бъ онѣ Царей плѣнять;
Но имъ милѣе быть съ болѣзнью, нищетою,
Чтобъ бремя ихъ сколь можно облегчать!
Я былъ тому свидѣтель,
И слезной, пламенной рекой
Излилъ восторгъ души. — Ахъ! благость, добродѣтель
Священнѣе всего являютъ образъ свой
Въ лицѣ красавицы любезной!
Хвалить ли васъ, друзья мои, за даръ полезной
Мущинъ развеселять
Однимъ пріятнымъ взоромъ?
Безъ васъ что дѣлать намъ? Другъ друга усыплять
Холоднымъ, скучнымъ разговоромъ?

* Орденъ такъ называемыхъ *сестръ милосердія*, Soeurs grises, которыхъ нѣжному человѣколюбію удивлялся я въ Ліонскихъ больницахъ.

Явитесь въ обществѣ съ усмѣшкой на устахъ,
И вдругъ во всѣхъ очахъ
Веселья лучь сверкнетъ; нашъ разумъ оживится;
Чтобъ милымъ полюбиться,
Мущина самъ бываетъ милъ...

Но кто бъ исчислилъ все, чѣмъ свѣту вы полезны,
Чѣмъ сердцу вы любезны,
Тотъ Эйлеръ бы другой въ наукѣ *числить* былъ.
Довольно, что вы насъ во всемъ, во всемъ добрѣе,
Почти во всемъ умнѣе,
И будете всегда намъ въ нѣжности примѣръ.
Пусть васъ злословитъ — лицемѣръ,
Который для того красавицъ порицаетъ,
Что средства нравиться красавицамъ не знаетъ!
Скажите, что *любезенъ онъ* —
И страшный Мизогинъ вдругъ будетъ... Селадонъ!

Положимъ, что найти въ васъ слабости возможно;
Но развѣ отъ того луна ужь не свѣтла,
Что видимъ пятна въ ней? Ахъ, нѣтъ! она мила,
И кроткой свѣтъ ея Поэтамъ славить должно.
Луна есть образъ вашъ: ея сребристый лучь
Тьму ночи озаряетъ,
А прелесть ваша намъ отраду въ грудь вливаетъ
Среди печальныхъ жизни тучь.

Гдѣ только люди просвѣтились,
Жить, мыслить научились,

Мущины обожаютъ васъ.
Гдѣ разумъ, чувство въ усыпленьи;
Гдѣ смертныхъ родъ во тьмѣ невѣжества погрязъ;
Гдѣ санъ, права людей въ презрѣньи,
Тамъ презрѣны и вы. — О Азія, раба
Насильствъ, предразсужденій!
Когда всемощная Судьба
Въ тебѣ разсѣетъ мракъ нещастныхъ заблужденій,
И нѣжный полъ отъ узъ освободитъ?
Когда познаешь ты пріятность вольной страсти?
Когда въ тебѣ любовь сердца соединитъ,
Не тяжкая рука жестокой, лютой власти?
Когда не гнусной стражъ, не крѣпость мрачныхъ стѣнъ,
Но вѣрность красотѣ хранительницей будетъ?
Когда въ любви тиранъ-мущина позабудетъ,
Что больше женщины онъ силой надѣленъ?
Когда? когда?... Уже Дщерь Неба, Другъ Судьбины,
Воззрѣла на тебя — орлы Екатерины
Къ твоимъ странамъ летятъ,
И человѣчества любезной половинѣ
Такъ вольность возвѣстятъ!...
Хоръ женщинъ загремитъ: *хвала и честь Богинѣ!*

Цвѣти, о нѣжный полъ! и сыпь на насъ цвѣты!
Исчезли для меня прелестныя мечты —
Уже я не могу плѣнять васъ красотою,

Ни юностью своей: весна моя прошла,
Зрю осень предъ собою,
А осень говорятъ, скучна и не мила!
Но все еще вашъ взоръ бываетъ мнѣ отрадой,
И сладкою наградой
За то, что въ жизни я отъ злыхъ мущинъ терплю;
Но все, но все еще люблю
Въ Апрѣлѣ рвать фіялки съ вами,
Въ жаръ лѣтній отдыхать въ тѣни надъ ручей-
ками,
Въ печальномъ Октябрѣ грустить и тосковать,
Зимой передъ огнемъ романы сочинять,
Васъ тѣшить и стращать!
Сказавъ любви: *прости!* я дружбою святою
Живу и жить хочу. Мнѣ рѣзвой Купидонъ
Отставку подписалъ — любовникъ съ сѣдиною
Не можетъ щастливъ быть: таковъ Судьбы за-
конъ —
Но истинныхъ друзей я въ васъ же обрѣтаю.
Нанина! десять лѣтъ тотъ день благословляю,
Когда тебя, мой другъ, увидѣлъ въ первый разъ;
Гармонія сердецъ соединила насъ
Въ единый мигъ навѣкъ. Что былъ я? сиротою
Въ пространномъ мірѣ семъ; скучалъ самимъ со-
бою,
Печальнымъ бытіемъ. Никто меня не зналъ,
Никто участія въ судьбѣ моей не бралъ.
Чувствительность въ груди питая,
Въ сердцахъ у всѣхъ людей я камень находилъ;
Среди цвѣтущихъ дней душею увядая,
Не въ свѣтѣ, но въ пустынѣ жилъ.

Ты дружбой, искренностью милой
Утѣшила мой духъ унылой;
Святой любовiю своей
Во мнѣ цвѣтъ жизни обновила,
И въ горестной душѣ моей
Источникъ радостей открыла.
Теперь, когда я заслужилъ
Улыбку Грацiй, Музъ прелестныхъ,
И гордой свѣтъ меня улыбкою почтилъ;
Не мало слышу я привѣтствiй, сердцу лестныхъ,
Отъ добрыхъ, нѣжныхъ душъ. Славнѣйшiе творцы
И Фебовы друзья, безсмертные Пѣвцы,
Меня въ любви своей, въ прiязни увѣряютъ,
И слабый мой талантъ къ успѣхамъ ободряютъ.
Но знай, о вѣрный другъ! что дружбою твоей
Я болѣе всего горжуся въ жизни сей,
И хижину съ тобою,
Безвѣстность, нищету,
Чертогамъ золотымъ и славѣ предпочту.
Что истина своей рукою
Напишетъ надъ моей могилой? *Онъ любилъ:*
Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ другомъ былъ!

1795 г.

ГРАФЪ ГВАРИНОСЪ.

ДРЕВНЯЯ ГИШПАНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

—

Худо, худо, ахъ Французы!
Въ Ронцевалѣ было вамъ!
Карлъ Великой тамъ лишился
Лучшихъ рыцарей своихъ.

И Гвариносъ былъ поиманъ
Многимъ множествомъ враговъ;
Адмирала вдругъ плѣнили
Семь Арабскихъ Королей.

Семь разъ жеребей бросаютъ
О Гвариносѣ Цари;
Семь разъ сряду достается
Марлотесу онъ на часть.

Марлотесу онъ дороже
Всей Аравіи большой.
«Ты послушай, что я молвлю,
О Гвариносъ!» онъ сказалъ:

«Ради Аллы, храбрый воинъ,
Нашу вѣру пріими!
Все возьми, чего захочешь,
Что приглянется тебѣ.

«Дочерей моихъ обѣихъ
Я Гвариносу отдамъ;
На любой изъ нихъ женися,
А другую такъ возьми,

«Чтобъ Гвариносу служила,
Мыла, шила на него.
Всю Аравію приданымъ
Я за дочерью отдамъ.»

Тутъ Гвариносъ слово молвилъ;
Марлотесу онъ сказалъ:
«Сохрани Господь небесный
И Марія, Мать Его,

«Чтобъ Гвариносъ, Христіанинъ,
Магомету послужилъ!
Ахъ! во Франціи невѣста
Дорогая ждетъ меня!»

Марлотесъ, пришедши въ ярость,
Грознымъ голосомъ сказалъ:
«Вмигъ Гвариноса окуйте,
Нечестиваго раба;

«И въ темницу преисподню
Засадите вы его.
Пусть гніетъ тамъ понемногу,
И умретъ какъ бѣдный червь!

«Цѣпи тяжки, въ семь сотъ фунтовъ,
Возложите на него,

От плеча до самой шпоры —
Страшенъ въ гнѣвѣ Марлотесъ!

«А когда настанетъ праздникъ,
Пасха, Святки, Духовъ день,
Въ кровь его тогда сѣките
Предъ глазами всѣхъ людей.»

Дни проходятъ, дни приходятъ
И насталъ Ивановъ день;
Христіане и Арабы
Вмѣстѣ празднуютъ его.

Христіане сыплютъ галгантъ *;
Мирты мечетъ всякой Мавръ **.
Въ почесть празднику заводитъ
Разны игры Марлотесъ.

Онъ высоко цѣль поставилъ,
Чтобъ попасть въ нее копьемъ.
Всѣ свои бросаютъ копья,
Всѣ Арабы мѣтятъ въ цѣль.

Ахъ, напрасно! нѣтъ удачи!
Цѣль для слабыхъ высока.
Марлотесъ велѣлъ во гнѣвѣ
Чрезъ Герольда объявить:

* Индѣйское растеніе.

** Въ день Св. Іоанна Гишпанцы усыпали улицы галгантомъ и миртами.

«Дѣтямъ груди не сосати,
А большимъ ни пить, ни ѣсть,
Естьли цѣли сей на землю
Кто изъ Мавровъ не сшибетъ!

И Гвариносъ шумъ услышалъ
Въ той темницѣ, гдѣ сидѣлъ.
«Мать Святая, чиста Дѣва!
Что за день такой пришелъ?

«Не Король ли нынѣ вздумалъ
Выдать за-мужъ дочь свою?
Не меня ли сѣчь жестоко
Часъ презлой теперь насталъ?»

Стражъ темничный то подслушалъ.
«О Гвариносъ! свадьбы нѣтъ;
Нынѣ сѣчь тебя не будутъ;
Трубный звукъ не то гласитъ....

«Нынѣ праздникъ Іоанновъ;
Всѣ Арабы въ торжествѣ.
Всѣмъ Арабамъ на забаву
Марлотесъ поставилъ цѣль.

«Всѣ Арабы копья мечутъ,
Но не могутъ въ цѣль попасть;
По чему Король во гнѣвѣ
Чрезъ Герольда объявилъ:

«Пить и ѣсть никто не можетъ,
Буде цѣли не сшибутъ.»

Тутъ Гвариносъ встрепенулся;
Слово молвилъ онъ сіе:

«Дайте мнѣ коня и сбрую,
Съ коей Карлу я служилъ;
Дайте мнѣ копье булатно,
Коимъ я враговъ разилъ.

«Цѣль тотчасъ сшибу на землю,
Сколь она ни высока.
Естьли жъ я сказалъ неправду,
Жизнь моя у васъ въ рукахъ.»

«Какъ! на то тюремщикъ молвилъ:
Ты семь лѣтъ въ тюрьмѣ сидѣлъ,
Гдѣ другіе больше года
Не могли никакъ прожить;

«И еще ты думать можешь,
Что сшибешь на землю цѣль? —
Я пойду сказать Инфанту,
Что теперь ты говорилъ.»

Скоро, скоро поспѣшаетъ
Стражъ темничный къ Королю;
Приближается къ Инфанту,
И приноситъ вѣсть ему:

«Знай, Гвариносъ Христіанинъ,
Что въ тюрьмѣ семь лѣтъ сидитъ,
Хочетъ цѣль сшибить на землю,
Естьли дать ему коня.»

Марлотесъ, сіе услышавъ,
За Гвариносомъ послалъ;
Царь не думалъ, чтобъ Гвариносъ
Могъ еще конемъ владѣть.

Онъ велѣлъ принесть всю сбрую
И коня его сыскать.
Сбруя ржавчиной покрыта,
Конь возилъ семь лѣтъ песокъ.

«Ну, ступай!» сказалъ съ насмѣшкой
Марлотесъ, Арабской Царь:
«Покажи намъ, храбрый воинъ,
Какъ сильна рука твоя!»

Такъ какъ буря разъяренна,
Къ цѣли мчится сей Герой;
Мечетъ онъ копье булатно —
На землѣ вдругъ цѣль лежитъ.

Всѣ Арабы взволновались,
Мечутъ копья всѣ въ него;
Но Гвариносъ, воинъ смѣлый,
Храбро ихъ мечемъ сѣчетъ.

Солнца свѣтъ почти затмился
Отъ великаго числа
Тѣхъ, которые стремились
На Гвариноса всѣ вдругъ.

Но Гвариносъ ихъ разсѣялъ,
И до Франціи достигъ,

Гдѣ всѣ Рыцари и Дамы
Съ честью приняли его.

1789 г.

═══

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА УМИРАЮЩАГО.

—

Богъ далъ мнѣ свѣтъ ума: я истины искалъ,
И видѣлъ ложь вездѣ — свѣтильникъ погашаю.
Богъ далъ мнѣ сердце: я страдалъ,
И Богу сердце возвращаю.

1795 г.

═══

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА.

—

Любовь тогда лишь намъ полезна,
Какъ съ милой дружбою сходна;
А дружба лишь тогда любезна,
Когда съ любовію равна.

═══

ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ.

—

Съ печалью радость здѣсь едва ли не равна:
Надежда съ первою, съ другой *боязнь* дана.

==

СТРАСТИ И БЕЗСТРАСТІЕ.

—

Какъ бѣденъ человѣкъ! намъ страсти горе, мука;
Безъ страсти жизнь не жизнь, а скука:
Люби, и слезы проливай;
Покоенъ будь, и ввѣкъ зѣвай!

1795 г.

==

СПОРЩИКЪ.

—

Какъ страненъ Никодимъ!
Онъ вѣчно утверждаетъ
Противное другимъ,
И умникомъ себя для спора называетъ!

1796 г.

==

ЛЮБОВЬ КО ВРАГАМЪ.

«Взгляните на меня: я въ двадцать лѣтъ старикъ;
Весь высохъ какъ скелетъ, едва таскаю ноги;
Смотрю въ очки, ношу парикъ;
Былъ Крезомъ годъ назадъ, теперь я Иръ убогій.»
— Какой же адской Духъ съ тобою такъ сшу-
тилъ? —
«Красавицы: увы! я страстно ихъ любилъ!»
— За чтожь, когда онѣ тебѣ врагами были? —
«Насъ учатъ, чтобъ мы враговъ своихъ любили!»

1796 г.

КЪ НЕВѢРНОЙ.

Разсудокъ говоритъ: «все въ мірѣ есть мечта!
Увы! несчастливъ тотъ, кому и сердце скажетъ:
«Все въ мірѣ есть мечта!»
Кому жестокій Рокъ то опытомъ докажетъ.
Тогда увянетъ жизни цвѣтъ;
Тогда несносенъ свѣтъ;
Тогда нашъ взоръ унылый
На горестной землѣ не ищетъ ничего:
Онъ ищетъ лишь... могилы!...
Я слышалъ страшный гласъ, гласъ сердца моего,

И съ прелестью души, съ надеждою простился;
Надежда умерла: и такъ могу ли жить?

Когда любви твоей я, милая, лишился,
Могу ли что нибудь, могуль себя любить?...
Кто въ жизни испыталъ всю сладость нѣжной
страсти,
И нравился тебѣ, тотъ... *жилъ* и долго жилъ;
Мнѣ должно умереть: такъ Рокъ опредѣлилъ.
Ахъ! естьлибъ было въ нашей власти
Вовѣки пламенно любить,
Вовѣки въ миломъ сердцѣ жить,
Никтобъ не захотѣлъ разстаться съ здѣшнимъ
свѣтомъ;
Тогда бы человѣкъ былъ зависти предметомъ
Для жителей небесъ. — Упреками тебѣ
Скучать я не хочу: упреки безполезны;
Насильно никогда не можемъ быть любезны.
Любви покорно все, любовь... одной Судьбѣ.
Когда отъ сердца сердце удалится,
Напрасно звать его: оно не возвратится.
Но странникъ въ горестныхъ мѣстахъ,
Въ пустынѣ мертвой, на пескахъ,
Пріятности луговъ, долинъ воображаетъ,
Чрезъ кои нѣкогда онъ шелъ:
«Тамъ пѣли соловьи, тамъ миртъ душистый цвѣлъ!»
Сей мыслію себя страдалецъ лишь терзаетъ,
Но всѣ нещастные о щастьи говорятъ.
Имъ участь... вспоминать, щастливцу... наслаж-
даться:
Я также вспомню рай, питая въ сердцѣ адъ.

Ахъ! было время мнѣ мечтать и заблуждаться:
Я прожилъ тридцать лѣтъ; съ цвѣточка на цвѣтокъ
Съ Зефирами леталъ. Киприда свой вѣнокъ
Мнѣ часто подавала;
Какъ рѣзвый вѣтерокъ рука моя играла
Со флеромъ на груди прелестнѣйшихъ Цирцей;
Армиды Тассовы, Лаисы нашихъ дней
Улыбкою любви меня къ себѣ манили,
И сердце юноши быть вѣтренымъ учили;
Но я влюблялся не любя.
Когда жь узналъ тебя;
Когда дрожащими руками
Обнявъ другъ друга, все забывъ —
Двумя горящими сердцами
Союзъ священный заключивъ —
Мы небо на землѣ вкусили,
И вѣчность въ мигъ одинъ вмѣстили:
Тогда, тогда любовь я въ первый разъ узналъ;
Ея восторгомъ изнуренной,
Лишился мыслей, чувствъ, и смерти ожидалъ,
Прелестнѣйшей, блаженной!...
Но рокъ хотѣлъ меня для горя сохранить;
За щастье должно намъ нещастіемъ платить.

Какая смертная какъ ты была любима,
Какъ ты боготворима?
Какая смертная была
И столь любезна, столь мила?
Любовь въ тебѣ пылала,
И подлѣ сердца моего

Любовь, любовь въ твоемъ такъ сильно трепетала!
Съ небесной сладостью дыханья твоего
Она лилась мнѣ въ грудь. Что слово, то блаженство;
Что взоръ, то новый даръ. Я цѣлой свѣтъ забылъ,
Природу и друзей: Природы совершенство,
Друзей, себя, Творца, въ тебѣ одной любилъ.
Единый часъ разлуки
Былъ сердцу моему несноснымъ годомъ муки;
Прощаяся съ тобой,
Прощался я съ самимъ собой...
И съ чувствомъ обновленнымъ
Къ тебѣ въ объятія спѣшилъ;
Въ душевной радости рѣкою слезы лилъ;
Въ блаженствѣ трепеталъ... не смертнымъ, богомъ былъ!...
И прахъ у ногъ твоихъ казался мнѣ священнымъ!
Я землю цѣловалъ,
На кою ты ступала;
Какъ Нектаръ воздухъ пилъ, которымъ ты дышала...
Увы! отъ щастья здѣсь никто не умиралъ,
Когда не умеръ я!... Оставить міръ холодный,
Который врагъ чувствительнымъ душамъ;
Обнявшись перейти въ другой, гдѣ мы свободны
Жить съ тѣмъ, что мило намъ;
Гдѣ царствуетъ любовь безъ всѣхъ предразсужденій,
Безъ всѣхъ нещастныхъ заблужденій;
Гдѣ Богъ улыбкой встрѣтитъ насъ...

Ахъ! сколько, сколько разъ
О томъ въ восторгѣ мы мечтали,
И вмѣстѣ слезы проливали!...
Я былъ, я былъ любимъ тобой!

Жестокая!... увы! могло ли подозрѣнье
Мнѣ душу омрачить? Ужасною виной
Почелъ бы я тогда малѣйшее сомнѣнье;
Оплакалъ бы его. Тебѣ невѣрной быть!
Скорѣе насъ Творецъ забудетъ,
Скорѣе извергъ здѣсь покоенъ духомъ будетъ,
Чѣмъ милая души мнѣ можетъ измѣнить!
Такъ думалъ я... и чтожь? на розѣ устъ небесныхъ,
На тайной красотѣ твоихъ грудей прелестныхъ
Еще горѣлъ, пылалъ мой страстный поцѣлуй,
Когда сказала ты другому: *торжествуй*:
Люблю тебя!... Еще ты рукъ не опускала,
Которыми меня лаская обнимала,
Другой, другой ужь былъ въ объятіяхъ твоихъ...
Иль въ сердцѣ... все одно! Безъ тучи громъ ужасный
Ударилъ надо мной. Въ волненьи чувствъ моихъ
Я вѣрить не хотѣлъ глазамъ своимъ, нещастный!
И думалъ на яву, что вижу все во снѣ;
Сомнѣніе тогда блаженствомъ было мнѣ —
Но ты, жестокая, холодною рукою
Завѣсу съ истины сняла!...
Ни вздохомъ, ни одной слезою
Послѣдней дани мнѣ въ любви не принесла!...
Какъ можно разлюбить, что намъ казалось мило,

Кѣмъ мы дышали здѣсь, кѣмъ наше сердце жило?
Однажды чувства истощивъ,
Гдѣ новыхъ взять для новой страсти?
Тобой оставленъ я; но ахъ! въ моей ли власти
Невѣрную забыть? Однажды полюбивъ,
Я долженъ ввѣкъ любить; исчезну обожая.
Тебѣ судьба иная;
Иное сердце у тебя —
Блаженствуй! — Самый гробъ меня не утѣшаетъ;
И въ вѣчности я зрю пустыню для себя:
Я буду тамъ одинъ! Душа не умираетъ,
Душа моя и тамъ все будетъ тосковать
И тѣни милыя искать!

1796 г.

=

КЪ ВѢРНОЙ.

—

Ты мнѣ вѣрна!... тебя я снова обнимаю!...
И сердце милое твое
Опять, опять *мое!*
Къ твоимъ ногамъ въ восторгѣ упадаю...
Цѣлую ихъ!... Ты плачешь, милой другъ!...
Сладчайшія слова: *души моей супругъ!*
Опять изъ устъ твоихъ я въ сердце принимаю!...
Ахъ! какъ благодарить Творца!...
Все горе, всю тоску навѣкъ позабываю!...
. .

Ты блѣдность своего лица
Показываешь мнѣ — прощаешь! Не дерзаю
Оправдывать себя:
Заставивъ мучиться тебя,
Преступникомъ я былъ. Но мнѣ казалось ясно
Нещастіе мое. И ты сама... прости...
Воспоминаніе души моей ужасно!...
Къ сей тайнѣ я тогда не могъ ключа найти *.
Теперь, теперь стыжусь, и впредь клянусь не вѣрить
Ни слуху, ни глазамъ;
Не вѣрить и твоимъ словамъ,
Когда бы ты сама хотѣла разувѣрить
Меня въ любви своей. На сердце укажу,
Взгляну съ улыбкою, и съ твердостью скажу:
«Оно, мой другъ, спокойно;
«Оно тебя достойно
«Надежность— своей.
«Испытывай меня!» — Пусть прелестью твоей
«Другіе также заразятся!
Для нихъ надежды *цвѣтъ*, а мнѣ — надежды *плодъ!*
Изъ нихъ пусть каждый щастья ждётъ:
Я буду щастьемъ наслаждаться.
Ихъ жребій: *милую любить*;
Мой жребій: *милой милымъ быть!*
Хотя при людяхъ намъ нельзя еще словами
Люблю другъ другу говорить;

* Темно; можно только догадываться.

Но страстными сердцами
Мы будемъ всякой мигъ *люблю*, *люблю* твер-
дить —
(Другимъ языкъ сей непонятенъ;
Но голосъ сердца сердцу внятенъ) —
И взоръ умильный тожь украдкой подтвердитъ.
Снесу жестокость принужденья —
(Что дѣлать? такъ Судьба велитъ) —
Снесу въ блаженствѣ увѣренья,
Что ты моя въ душѣ своей.
Ахъ! истинная страсть питается собою;
Восторги чувствъ не нужны ей.
Я знаю, что меня съ тобою
Жестокій Рокъ готовъ надолго разлучить;
Скажу тебѣ... *прости!* и долженъ буду скрыть
Тоску въ груди моей!... Обильными слезами
Ее не облегчу въ присутствіи другихъ;
И Ангела души дрожащими устами
Не буду цѣловать въ объятіяхъ своихъ!...
Разстаться тяжело съ сердечной половиной;
Но... я *любимъ тобой:* сей мыслію единой
Унылой мракъ душевныхъ чувствъ моихъ
Какъ солнцемъ озарится.
Разлука опытъ намъ:
Кто опыта страшится,
Тотъ вѣрно не любимъ, тотъ мало любитъ самъ;
Прямую страсть всегда разлука умножаетъ —
Такъ буря слабый огнь въ минуту погашаетъ,
Но больше силъ огню сильнѣйшему даетъ.
Когда души единственный предметъ
У насъ передъ глазами,

Мы знаемъ то одно, что весело любить;
Но чтобъ узнать всю власть его надъ нами —
Узнать, что безъ него душѣ не можно жить...
Разстанься съ нимъ!... Любовь питается слезами,
От горести растетъ;
И чувство, что не льзя преодолѣть намъ страсти,
Еще ей болѣе даетъ
Надъ сердцемъ сладкой власти.

Когда нибудь, о милый другъ!
Судьбы жестокія смягчатся:
Два сердца, двѣ руки навѣкъ соединятся;
Любовникъ... будетъ твой супругъ.
Ахъ! станемъ жить: съ надеждой жизнь прекрасна,
Не намъ, тому она ужасна,
Кто любитъ лишь одинъ, не будучи любимъ. —
Исчезнутъ для меня съ отбытіемъ твоимъ
Существенность и міръ: въ одномъ воображеньи
Я буду находить утѣхи для себя;
Далеко отъ людей, въ лѣсу, въ уединеньи,
Построю * *домикъ* для тебя,
Для насъ двоихъ, надъ тихою *рѣкою*
Забвенія всего, но только не любви;
Скажу тебѣ: «въ семъ *домикѣ* живи
«Съ любовью, щастьемъ и со мною:
«Для прочаго умремъ. Прельщаяся тобою,
«Я прелести ни въ чемъ иномъ не нахожу.
«Тебѣ всѣ чувства посвящаю:

* Въ мысляхъ.

«Взгляну ль на что, когда на милую гляжу?
«Услышу ль что нибудь, когда тебѣ внимаю?
«Душа моя полна: я въ ней тебя вмѣщаю!
«Пусть Богъ вселенную въ пустыню превратитъ;
«Пусть будемъ въ ней мы только двое!
«Любовь ее для насъ украситъ, оживитъ.
«Что сердцу надобно? найти, любить другое;
«А я нашелъ, хочу съ нимъ вѣчность провести,
«И свѣту говорю: *прости!*»

Прелестный *домикъ* сей вдали насъ ожидаетъ;
Теперь его Судьба завѣсой покрываетъ,
Но онъ явится намъ: въ немъ буду жить съ тобой,
Или мечту сію... возьму я въ гробъ съ собой.

1796 г.

ДОЛИНА ІОСАФАТОВА,

или

ДОЛИНА СПОКОЙСТВІЯ.

Долина, гдѣ Судьбы рукою
Хранится таинство сердецъ;
Гдѣ странникъ, жаждущій покою,
Его встрѣчаетъ наконецъ;

Гдѣ взоръ бываетъ вѣчно свѣтелъ,
И сердце дремлетъ въ тишинѣ;
Заботъ печальный вѣстникъ, пѣтелъ,
Не будитъ щастливыхъ во снѣ;

Молчатъ и громы и Бореи,
Не слышенъ грозный ревъ звѣрей,
И мило-злобныя Цирцеи
Не ставятъ нѣжности сѣтей;

Гдѣ хитрый богъ, любящій слезы,
Не мещетъ кипарисныхъ стрѣлъ;
Гдѣ нѣтъ змѣи подъ цвѣтомъ розы —
Гдѣ щастья, истины предѣлъ!

Страна блаженная, святая!
Когда, когда тебя найду,
И мирный брегъ благословляя,
Корабль въ пристанище введу?

Къ тебѣ не рѣдко приближаясь,
Хочу ступить на брегъ.... но вдругъ
Съ отливомъ въ море удаляясь,
Бываю жертвой новыхъ мукъ.

Ужель во мрачности тумана
Мнѣ ввѣкъ игралищемъ служить
Шумящимъ вѣтрамъ океана,
Безъ цѣли по волнамъ кружить?

Довольно я терпѣлъ, крушился,
Гоняясь сердцемъ за мечтой;

Любилъ, надѣялся, страшился:
Ахъ! время мнѣ вкусить покой!

Навѣкъ въ груди угасни пламень!
Пусть въ ней живетъ единый хладъ!
Пусть сердце превратится въ камень!
Его чувствительность мнѣ ядъ.

Страна блаженная, святая!
Когда, когда тебя найду,
И мирный брегъ благословляя,
Корабль въ пристанище введу?

1796 г.

═

ЭПИТАФІЯ.

—

Онъ жилъ въ семъ мірѣ для того,
Чтобъ жить — не зная для чего.

═

СТИХИ

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ А. А. П—ой, 14 Октября.

—

Ты въ мрачномъ Октябрѣ родилась — не весною —
Чтобъ сѣтующій міръ утѣшенъ былъ тобою.

г. 1795.

═

ТРІОЛЕТЪ АЛЕТѢ *

ВЪ ТОТЪ ДЕНЬ, КАКЪ ЕЙ ИСПОЛНИЛОСЬ 14 ЛѢТЪ.

—

Четырнадцати лѣтъ
Быть Флорой право стыдно:
Въ Апрѣлѣ розы нѣтъ!
Четырнадцати лѣтъ
Ты лучше всѣхъ Алетъ:
Ахъ! это имъ обидно.
Четырнадцати лѣтъ
Быть Флорой право стыдно.

1795 г.

═

ТРІОЛЕТЪ ЛИЗЕТѢ.

—

«Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ,»
Вздохнувъ я самъ себѣ сказалъ:
«Красой подобныхъ нѣтъ Лизетѣ;
«Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ;

* Тріолетъ есть игрушка въ стихотворствѣ. Надобно, чтобъ онъ состоялъ изъ осьми стиховъ равной мѣры, и на двѣ риѳмы; чтобы четвертой стихъ былъ повтореніемъ перваго, а седьмой и осьмой повтореніемъ перваго и втораго.

«Умомъ зрѣла въ весеннемъ цвѣтѣ.»
Когда же злость ея узналъ....
«Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ!»
Вздохнувъ я самъ себѣ сказалъ.

1796 г.

═

ОТВѢТЪ НА СТИХИ ОДНОЙ ДѢВИЦЫ,

ВЪ КОТОРЫХЪ ОНА КЛЯНЕТСЯ ХЛОѢ, ДРУГУ СВОЕМУ, ЛЮБИТЬ ЕЕ ПЛАМЕННО И ВѢЧНО, ОСТАВЛЯЯ ДЛЯ КУПИДОНА ТОЛЬКО МАЛЕНЬКОЙ УГОЛОКЪ ВЪ СЕРДЦѢ.

—

На первой случай всѣмъ доволенъ Купидонъ;
За тѣсной *уголокъ* спасибо скажетъ онъ,
И въ немъ, какъ можетъ, помѣстится.
Но скоро уголокъ его распространится;
Любовь весь домъ займетъ,
И Хлоя для себя въ немъ мѣста не найдетъ.

1795 г.

═

IM-PROMPTU ГРАФИНѢ Р**,

КОТОРОЙ ВЪ ОДНОЙ СВЯТОШНОЙ ИГРѢ ДОСТАЛОСЬ БЫТЬ КОРОЛЕВОЮ.

—

Напрасно говорятъ, что случай есть слѣпецъ:
Сію минуту онъ вручилъ тебѣ вѣнецъ,
Тебѣ, рожденной быть Царицею сердецъ.
Сей выборъ доказалъ, что случай не слѣпецъ.

1796 г.

═

IM-PROMPTU ДВУМЪ МОЛОДЫМЪ ДАМАМЪ,

КОТОРЫЯ ВЪ МАСКАХЪ ПОДОШЛИ КЪ АВТОРУ, И ХОТѢЛИ УВѢРИТЬ ЕГО, ЧТО ОНЪ ИХЪ НЕ УЗНАЕТЪ.

—

Ничто, ничто сокрыть Любезныхъ не могло!
 На васъ и маска какъ стекло.
Прелестные глаза Прелестныхъ обличаютъ:
Подъ маскою они не менѣе сіяютъ.
 Взглянулъ — и сердце мнѣ
 Сказало: вотъ онѣ!

1796 г.

═

ДЕЛІИНЫ СЛОВА.

—

О время! знаю власть закона твоего:
Всѣ прелести лица уносишь ты съ собою;
Но нѣжность сердца моего
Останется со мною;
А тотъ, кто сердцу милъ,
Меня за нѣжностъ полюбилъ!

1795 г.

═

НАДПИСЬ КЪ ДАМСКОЙ ТАБАКЕРКѢ,

НА КОТОРОЙ ИЗОБРАЖЕНЫ МРАМОРНОЙ СТОЛПЪ И ЦВѢТОКЪ.

—

Любезное глазамъ какъ цвѣтъ весенній тлѣнно;
Любезное душѣ какъ мраморъ неизмѣнно.

1795 г.

═

НЕСКРОМНОЕ ЭХО.

—

Мнѣ часто эхо измѣняетъ:
Твержу: *Милены не люблю!*
Но эхо въ рощѣ отвѣчаетъ:
Люблю.

1795 г.

═

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ ЖЕСТОКОЙ.

—

Любезна всѣмъ сердцамъ любезная моя;
А ей любезенъ кто?... не знаю, но — не я!

1795 г.

═

КЪ ЛѢСОЧКУ ПОЛИНЫ.

—

Тебя, лѣсочикъ, насадила
Полина собственной рукой;
Кому же посвятила? —
«Богинѣ прелестей.» — И такъ себѣ самой.

1796 г.

═

ДАРОВАНІЯ.

—

Враги Парнасскихъ вдохновеній
Ума и всѣхъ его твореній!
Молчите, — скройтеся во мглу!
На лирѣ, Музамъ посвященной,
Лучемъ эѳирнымъ озаренной,
Я буду имъ гремѣть хвалу
Отъ злобы адской трепещите;
Ихъ слава есть для васъ позоръ.
Пѣвца и пѣснь его кляните!
Ужасенъ вамъ мой гласъ и взоръ.

А вы, которымъ Фебъ прелестный
Льетъ въ душу огнь и свѣтъ небесный!
Приближьтесь къ сердцу моему:
Оно любовью къ вамъ пылаетъ.
Одна печать на насъ сіяетъ:
Мы служимъ богу одному.
Для васъ беру златую лиру:
Внимайте, милые друзья!
Подобно нѣжному зефиру
Въ вашъ слухъ проникнетъ пѣснь моя. — —

Явися, древность, предо мною!
Дерзаю смѣлою рукою
Раскрыть священный твой покровъ....
Что зрю? людей, во тьмѣ живущихъ,

Какъ злакъ безчувственно растущихъ
Среди пустынь, густыхъ лѣсовъ.
Ихъ гласъ какъ страшный ревъ звѣриный,
Ихъ мрачный взоръ свирѣпъ и дикъ;
Отрада ихъ есть сонъ единый;
Имъ день несносенъ, дологъ мигъ.

Сей миръ, обильный чудесами,
Какъ садъ усѣянный цвѣтами,
Зерцало мудраго Творца,
Для нихъ напрасно существуетъ,
Напрасно Бога образуетъ:
Подобны камню ихъ сердца.
Среди красотъ ихъ око дремлетъ;
Природа вся для нихъ пуста.
Ихъ слухъ гармоніи не внемлетъ;
Безмолвны хладныя уста.

Они другъ друга убѣгаютъ
Или другъ друга поражаютъ
За часть.... изсохшаго плода.
Любовь для нихъ есть только звѣрство,
Ея желаніе — свирѣпство,
Взаимной страстью никогда
Сердца не таютъ, не пылаютъ;
Потребность, сила все рѣшитъ....
Едва желанья исчезаютъ,
Предметъ объятій позабытъ.

Таковъ былъ родъ людей нещастный...
Но вдругъ явился Фебъ прекрасный

Съ своею лирою златой,
Съ лучемъ небесныхъ дарованій...
И силой ихъ очарованій
Въ душахъ разсѣялъ мракъ густой:
Въ нихъ искры чувства воспылали!
Насталъ другой для смертныхъ вѣкъ;
Искусства въ мірѣ возсіяли:
Родился снова человѣкъ!

Возсталъ, воззрѣлъ — и вся природа,
Отъ звѣздъ лазореваго свода
До нѣдръ земныхъ, морскихъ пучинъ,
Предъ нимъ въ изящности явилась;
Въ тайнѣйшихъ связяхъ обнажилась;
Рекла: «будь міра властелинъ!
«Мои богатства предъ тобою:
«Хвали Творца — будь самъ творецъ!«
И смертный гордою рукою
Изъ рукъ ея пріялъ вѣнецъ *.

Гдѣ волны шумныхъ океановъ
Во мракѣ бури и тумановъ
Несутся съ ревомъ къ берегамъ;
Гдѣ горы съ вѣчными снѣгами,

* Чувство *изящнаго* въ Природѣ разбудило дикаго человѣка и произвело Искусства, которыя имѣли непосредствнное вліяніе на общежитіе, на всѣ мудрые законы его, на просвѣщеніе и нравственность. Орфеи, Амфіоны были первыми учителями дикихъ людей.

Съ сѣдыми, дикими хребтами
Главу возносятъ къ облакамъ;
Гдѣ кедры, дубы вѣковые
Отъ вихрей гнутся и скрыпятъ;
Лѣса угрюмые, густые
То тихо дремлютъ, то шумятъ;

Тамъ Геній умственныхъ твореній
Нашелъ источникъ вдохновеній,
Нашелъ въ ужасномъ красоты,
Въ живой картинѣ ихъ представилъ,
И Бога грознаго прославилъ.
Но тамъ, гдѣ нѣжные цвѣты
Отъ солнечныхъ лучей пестрѣютъ,
Съ зеленой травкою сплетясь;
Кристальны ручейки свѣтлѣютъ,
Среди луговъ журча, віясь;

Гдѣ въ рощахъ, какъ въ садахъ Армиды,
Летаютъ рѣзвыя Сильфиды,
И птички хорами поютъ;
Плоды древесъ сіяютъ златомъ,
Зефиры вѣютъ ароматомъ,
Съ прохладой сладость въ душу льютъ:
Тамъ онъ Творца воображаетъ
Въ небесной благости Его,
И гласомъ тихимъ изливаетъ
Восторги сердца своего.

Разсудокъ, чувствомъ пробужденный,
Открылъ порядокъ неизмѣнный

Во всѣхъ подлунныхъ существахъ;
Во всѣхъ явленіяхъ чудесныхъ,
Въ бездушныхъ тваряхъ и словесныхъ,
Въ различныхъ года временахъ;
Въ ничтожномъ червякѣ, въ былинкѣ
Печать премудрости узрѣлъ;
Въ атомахъ мертвыхъ и въ песчинкѣ
Слѣды величія нашелъ.

Чѣмъ глубже око проницало,
Тѣмъ болѣ сердце обрѣтало
Пріятныхъ чувствъ въ себѣ самомъ:
Любовь *душевная*, живая,
Любовь чистѣйшая, святая,
Мгновенно воспылала въ немъ;
Надежда, нѣжный страхъ родились,
И взоръ сказалъ: *твоя на вѣкъ* *!
Сердца и руки съединились —
Вкусилъ блаженство человѣкъ.

Отцы и дѣти обнялися **;
Рѣкою слезы излилися
О жалкихъ, бѣдныхъ сиротахъ,
И слезы бѣдныхъ осушились;

* Надежда и нѣжный страхъ суть дѣйствія благородной душевной любви, неизвѣстной дикимъ. *Языкъ взоровъ* есть также слѣдствіе утонченной нравственности.

** Происхожденіе нравственной любви родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ — жалости, благотворенія, благодарности, дружбы.

Святыя жертвы воскурились
Благотворенію въ душахъ —
И ты, о дружба, даръ небесный!
Предстала съ кротостью своей;
Твой милый гласъ и взоръ прелестный
Утѣшилъ лучшихъ изъ людей!

Въ лѣсахъ явились вертограды;
При звукѣ лиръ воздвиглись грады,
И мудрость изрекла законъ:
«Жить вмѣстѣ, вмѣстѣ наслаждаться,
«Любить добро и зломъ гнушаться.»
Возсѣла *опытность* на тронъ,
Творить щастливыми народы,
Быть другомъ-Геніемъ земли;
И люди часть златой свободы
Порядку въ жертву принесли *.

Ихъ прежде время угнетало:
Теперь оно крылатымъ стало —
Летитъ, и сыплетъ имъ цвѣты;
Его... *желанье* призываетъ,
Его... *надежда* озлащаетъ
И красятъ розою мечты.
Труды забава усладила;
Посредствомъ милыхъ Грацій, Музъ,
Пріятность съ *пользой* заключила
Навѣки дружескій союзъ.

* Начало общежитія, законовъ, царской власти.

И такъ хвала любимцамъ Феба!
Хвала милѣйшимъ чадамъ Неба!
Они творенія вѣнецъ;
Они міръ темный просвѣтили,
И въ садъ пустыню обратили;
Они питаютъ огнь сердецъ,
Какъ жрицы древле-чтимой Весты
Питали въ храмахъ огнь святой;
Покровы красоты отверсты
Для нашихъ взоровъ ихъ рукой.

Они безъ власти, безъ короны
Даютъ умомъ своимъ законы;
Ихъ кисть, рѣзецъ, струна и гласъ
Играютъ нѣжными душами,
Улыбкой, вздохами, слезами,
И чувство возвышаютъ въ насъ;
Любовь къ Изящному вливая,
Изящность сообщаютъ намъ;
Добро искусствомъ украшая,
Велятъ его любить сердцамъ.

Такъ Фидій Кодра воскрешаетъ,
И въ юномъ воинѣ пылаетъ
Огнь великихъ, славныхъ дѣлъ:
Желанье подражать Герою.
Такъ кистью нѣжною, живою
Сбираетъ прелести Апеллъ
И пишетъ образъ Никофоры
Въ примѣръ Невинности святой,

Чтобъ юныхъ дѣвъ сердца и взоры
Нашли въ немъ милый образъ свой.

Такъ голосъ, арфа Тимотеевъ
Смягчаетъ варваровъ, злодѣевъ,
И чувство въ хладный камень льетъ.
Но кто, Поэзія святая,
Благаго Неба дщерь благая,
Твою чудесность воспоетъ?
Ты всѣ Искусства замѣняешь;
Ты всѣхъ Искусствъ глава, вѣнецъ:
Въ себѣ всѣ прелести вмѣщаешь —
Ты богъ чувствительныхъ сердецъ.

Натуры каждое явленье
И сердца каждое движенье
Есть кисти твоея предметъ;
Какъ въ свѣтломъ, явственномъ кристалѣ
Являешь ты въ своемъ зерцалѣ
Для глазъ другой, прекрасной свѣтъ;
И часто прелесть въ подражаньи
Милѣе, чѣмъ въ Природѣ намъ:
Лѣсокъ, цвѣточикъ въ описаньи
Еще пріятнѣе очамъ *.

* Всѣ прелести Изящныхъ Искусствъ суть не что иное, какъ подражаніе Натурѣ: но копія бываетъ иногда лучше оригинала — по крайней мѣрѣ дѣлаетъ его для насъ всегда занимательнѣе: мы имѣемъ удовольствіе сравнивать.

Ламберта, Томсона читая,
Съ рисункомъ подлинникъ сличая,
Я міръ сей * лучшимъ нахожу:
Тѣнь рощи для меня свѣжѣе,
Журчанье ручейка нѣжнѣе;
На все съ веселіемъ гляжу,
Что Клейстъ, Делиль живописали;
Стихи ихъ въ памяти храня,
Гуляю, гдѣ они гуляли,
И слѣдъ ихъ радуетъ меня!

Картина нравственнаго свѣта
Еще важнѣе для Поэта;
Богатство тонкихъ чувствъ, идей
Онъ въ ней искусно разсыпаетъ;
Сердца для глазъ изображаетъ
Живою кистію своей:
Приливъ, отливъ желаній страстныхъ,
Ихъ тѣни, пользу, сладкій ядъ;
Рай свѣтлый, небо душъ прекрасныхъ,
Порока вредъ и злобы адъ.

Кто милыхъ слезъ не проливаетъ,
Какая грудь какъ воскъ не таетъ,
Когда любимецъ кроткихъ Музъ
Поетъ твое, Любовь, блаженство,
Души земное совершенство,

** То есть, міръ физической, которой описывали Томсонъ и Ст. Ламбертъ въ своихъ поэмахъ.

Двухъ пламенныхъ сердецъ союзъ,
Одно другимъ благополучныхъ,
Нашедшихъ вѣкъ златой въ себѣ,
Въ нещастьи, въ смерти неразлучныхъ,
На зло и людямъ и судьбѣ?

«Для смертныхъ много бѣдъ ужасныхъ;
«На каждомъ шагѣ зримъ нещастныхъ:
«Но можно ль Небо порицать?
«Оно - - - *любить* не запретило!
«Чье сердце Нектаръ сей вкусило,
«Тотъ долженъ Бога прославлять,
«Сказавъ: *мы щастливы! мы чада*
» *Всещедрыхъ, всеблагихъ Небесъ!*
«Любви минута есть награда
«За годъ унынія и слезъ!»

Любовь Поэзіей прелестна;
Холодность къ Музамъ не совмѣстна
Съ горячей, нѣжною душей;
Кто любитъ, тотъ стихи читаетъ,
Петраркомъ горе услаждаетъ
Въ разлукѣ съ милою своей.
Поэтъ наставникъ всѣхъ влюбленныхъ:
Онъ учитъ сердце говорить;
Въ молчаньи устъ запечатлѣнныхъ
Понятнымъ для другаго быть. —

Сколь всѣ черты краснорѣчивы
И краски Стихотворца живы,
Когда онъ истинныхъ друзей

Въ картинѣ намъ изображаетъ;
Когда Герой его вѣщаетъ:
«Утѣшься, другъ души моей!
«Ты мраченъ, угнетенъ Судьбою,
«Клянешь ее, не хочешь жить;
«Но вѣрный, нѣжный другъ съ тобою:
«Еще ты можешь щастливъ быть!»

И мечь, тоскою изощрённый,
Къ унылой груди устремленный,
Безъ крови изъ руки падетъ:
Нещастный съ жизнію мирится;
Онъ быть щастливымъ снова льстится,
И друга съ чувствомъ къ сердцу жметъ. —
Такъ жизнь была мнѣ мукой ада;
Такъ я глазами измѣрялъ
Пучину грознаго Левкада...
О Сафѣ страстной размышлялъ...

Хотѣлъ... но другъ неоцѣненной
Своей любовію священной
Меня въ семъ мірѣ удержалъ. — —
Твой гласъ, Поэзія благая,
Героевъ добрыхъ прославляя,
Всегда число ихъ умножалъ.
Ты въ Спартахъ мужество питаешь;
Въ груди къ отечеству любовь
Какъ огнь эѳирный развѣваешь;
Гремишь... пылаетъ славой кровь!

Гремишь: «Къ оружію, Спартане!
«Возстаньте, вѣрные граждане!

«Спѣшите: варваръ Персъ идетъ;
«Идетъ какъ тигръ съ отверстымъ зѣвомъ,
«Идетъ какъ буря съ грознымъ ревомъ,
«Оковы, стыдъ для васъ несетъ.
«Что жизнь противъ златой свободы?
«Мы только славою живемъ.
«На васъ взираютъ всѣ народы:
«Побѣда или смерть!»... *Умремъ* —

Умремъ, или побѣда съ нами!
Взываютъ всѣ, звучатъ щитами,
Летятъ на брань, и врагъ сраженъ —
Исчезъ! — Тогда златая лира
Гласитъ покой, блаженство мира.
Любовью къ ближнимъ вдохновенъ,
Пѣвецъ описываетъ сладость
Нещастныхъ горе услаждать,
Души благотворящей радость:
«Блаженъ, кто можетъ помогать!

«Кто только для другихъ сбираетъ,
«И день потеряннымъ считаетъ,
«Въ который для себя лишь жилъ!»
Умолкъ — но мы еще внимаемъ;
Себѣ и Небу обѣщаемъ
Быть тѣмъ, что гимнъ Пѣвца хвалилъ:
Любить святую добродѣтель.
Ахъ! только надобно узнать,
Сколь щастливъ бѣдныхъ благодѣтель,
Чтобъ имъ послѣднее отдать! —

Когда жь съ сердечною слезою
Поэтъ дрожащею рукою
Снимаетъ съ слабостей покровъ,
Являя гибель заблужденій,
Ведущихъ къ безднѣ преступленій,
Змѣю подъ прелестью цвѣтовъ —
Я въ духѣ съ нимъ изнемогаю...
Ахъ! кто изъ насъ страстей не рабъ?
Смотрю на небо и взываю:
Спаси! спаси меня! я слабъ!»

Я слабъ, и слабаго прощаю,
Какъ брата къ сердцу прижимаю;
Суди другой: спѣшу помочь. — —
Что вижу? въ ужасѣ Природа!
Эѳиръ лазореваго свода
Затмила въ день густая ночь;
Шумятъ лѣса, ярятся воды,
И.... зритель въ сердцѣ охладѣлъ:
Злодѣй на сценѣ, врагъ природы;
Онъ въ ужасъ Естество привелъ —

Злодѣй, презрѣвшій всѣ уставы;
Злодѣй, искавшій адской славы
Бичемъ невинныхъ-слабыхъ быть,
Слезами ихъ себя питая.
Напрасно Благость всесвятая
Его хотѣла просвѣтить,
И казнь безумца отлагала!
Онъ гласъ ея пренебрегалъ.

«И такъ страдай!» она сказала,
И Фурій адъ къ нему послалъ....

Глаза свирѣпыхъ засверкали;
Злодѣю ужасы предстали:
Въ его власахъ шипятъ змѣи;
При свѣтѣ факеловъ кинжалы *
Предъ нимъ блистаютъ какъ зерцалы:
Онъ видитъ въ нихъ дѣла свои!
Бѣжитъ — себя не избѣгаетъ:
Вездѣ съ собой, вездѣ злодѣй!
Природа гнѣвная вѣщаетъ
Ему: «страдай, ты врагъ людей!»

Преступникъ, въ сердце развращенный,
Такимъ явленьемъ устрашенный,
Спѣшитъ сокрыться отъ очей;
Но Трагикъ въ слѣдъ ему взываетъ,
И эхо грозно повторяетъ:
«Будь добръ — или страдай, злодѣй!» —
Я взоръ печальный отвращаю;
Другой, любезнѣйшій предметъ
Для сердца, чувства обрѣтаю:
Орфей безсмертіе поетъ....

И стонъ нещастныхъ умолкаетъ,
И бѣдный слезы отираетъ....
«Что жизнь? единый быстрый лучь:
«Сверкнетъ, угаснетъ — мы хладѣемъ;

* Извѣстно, что Фуріи изображаются съ факелами и съ кинжалами.

«Но съ тѣломъ въ гробѣ не истлѣемъ:
«Взойдетъ свѣтило дня безъ тучь
«Для насъ въ другомъ и лучшемъ мірѣ;
«Тамъ будетъ щастливъ, щастливъ ввѣкъ
«И Царь чувствительный въ порфирѣ,
«И нищій - добрый человѣкъ.

«Безсмертье, жизни сей отрада:
«За краткость дней ея награда!
«Твоя небесная печать
«У смертныхъ на челѣ сіяетъ!
«Кто чувствомъ вѣчность постигаетъ,
«Не можетъ съ мигомъ исчезать.
«Чей взоръ, Природу обнимая,
«Открытъ Творца въ твореньи могъ, —
«Тебя, Премудрость всесвятая!
«Тотъ самъ быть долженъ полубогъ.»

И вдругъ гласъ лирный возвышая,
Сильнѣе въ струны ударяя,
Поэтъ дерзаетъ заключить
Свой важный гимнъ хвалой священной
Причины первыя вселенной;
Дерзаетъ въ пѣсни возвѣстить,
Кого міры изображаютъ,
Кто есть Начало и Конецъ;
Кого уста не называютъ,
Но кто всего, — Кто нашъ Отецъ;

Кто сводъ небесъ рукой Своею
Шатромъ раскинулъ надъ землею,
Какъ искру солнце воспалилъ,

Украсилъ ночь луной, звѣздами,
Усѣялъ шаръ земной цвѣтами,
Древа плодами озлатилъ;
Далъ силу львамъ неукротимымъ,
Далъ умъ пчелѣ и муравью,
Полетъ орламъ неутомимымъ,
И яркій голосъ соловью;

Но кто еще, еще живѣе,
Для чувства, разума яснѣе
Открылъ Себя въ сердцахъ людей:
Въ весельи кроткомъ душъ правдивыхъ,
Въ слезѣ любовниковъ щастливыхъ,
Въ улыбкѣ нѣжныхъ матерей,
Въ стыдливоммъ взорѣ дѣвъ священныхъ,
Въ чертахъ невинности младой
И старцевъ, жизнью утружденныхъ,
Идущихъ въ вѣчность на покой;

Кто любитъ все Свое творенье,
И съ чувствомъ жизни наслажденье
Соединилъ во всѣхъ сердцахъ;
Кто Эфемеровъ * примѣчаетъ,
Имъ пищу, радость посылаетъ
Въ росѣ и солнечныхъ лучахъ;
Кому служить есть — быть щастливымъ,
Кого гнѣвить — себя терзать,
Любить есть — быть добролюбивымъ
И ближнихъ братьями считать;

* Насѣкомыя, живущія только по-нѣскольку часовъ.

Кто насъ за гробомъ ожидаетъ,
И тамъ предъ нами оправдаетъ
Всѣ темные пути Свои;
Покажетъ ясно.... Умолкаю,
И съ теплой вѣрою взываю:
«Отецъ! добро дѣла Твои!» —
Се лиры важные предметы,
Се гимновъ слабый образецъ!
Они вовѣки будутъ пѣты,
Вовѣки новы для сердецъ!

А вы, питомцы Музъ священныхъ,
Въ своихъ твореніяхъ нетлѣнныхъ
Вкушайте вѣчности залогъ!
Прекрасно жить въ вѣкахъ позднѣйшихъ
И быть любовью душъ нѣжнѣйшихъ.
Кто лирой тронуть сердце могъ,
Тотъ въ храмъ безсмертія стезею
Хвалы сердечныя войдетъ;
Потомство сладкою слезою
Ему дань чести принесетъ.

Вездѣ, во всѣхъ странахъ вы чтимы,
Душами добрыми любимы.
Вражда невѣжды и глупца
Блескъ вашей славы умножаетъ;
Ядъ черной зависти терзаетъ
Ихъ злыя, хладныя сердца. —
Таланты суть для васъ богатство;
Другимъ оставьте прахъ златой:

Святое Фебово собратство
Сіяетъ чувство красотой.

Сей идолъ въ капищѣ богатомъ,
Сей огнь сверкающій надъ блатомъ
Меня красою не прельститъ;
Вы, вы краса, корона свѣта;
Вы солнце въ мірѣ, не планета,
Въ которой чуждый лучь блеститъ.
Невѣжда золотымъ чертогомъ
Своей души не озлатитъ;
А васъ и въ шалашѣ убогомъ
Лучами слава озаритъ.

Потомство скажетъ: «здѣсь на лирѣ,
«На сладкой арфѣ, въ сладкомъ мирѣ
«Игралъ любезнѣйшій Поэтъ;
«Въ сей хижинѣ, для насъ священной,
«Велъ жизнь любимецъ Музъ почтенной;
«Здѣсь онъ собою красилъ свѣтъ;
«Здѣсь будетъ утромъ наслаждаться,
«Здѣсь будемъ солнце провожать,
«Читать Поэта, восхищаться,
«И даръ его благословлять.»

Хотя не всѣ, не всѣ народы
Къ дарамъ щастливѣйшимъ Природы
Равно чувствительны душей;
Различны Пѣснопѣвцевъ доли:
Не всѣ восходятъ въ Капитолій
Съ вѣнками на главѣ своей,

При гласѣ трубъ, народномъ плескѣ * —
Отъ насъ, увы! далекъ сей храмъ!
Поемъ въ тѣни, при лунномъ блескѣ,
Подобно скромнымъ соловьямъ;

Но въ самомъ Сѣверѣ угрюмомъ,
Подъ грозпымъ Аквилоновъ шумомъ,
Есть люди — есть у нихъ сердца,
Которымъ игры Музъ пріятны,
Оттѣнки нѣжныхъ чувствъ понятны:
Отъ нихъ мы ждемъ себѣ вѣнца —
И естьли грудь красавицъ милыхъ
Въ любезной томности вздохнетъ
Отъ нашихъ пѣсней, лиръ унылыхъ:
Друзья! намъ въ плескахъ нужды нѣтъ!

Пусть вѣтры прахъ Пѣвцовъ развѣютъ!
Насъ вспомнятъ, вспомнятъ, пожалѣютъ:
«Умолкъ Поэтовъ скромный гласъ!
«Но мы любезныхъ не забудемъ,
«Читать, хвалить ихъ пѣсни будемъ;
«Ихъ имя сладостно для насъ!»
Друзья! что лучше, что славнѣе,
Какъ вѣки жить въ своихъ стихахъ?
Но то еще для насъ милѣе,
Что можемъ вѣки жить... въ сердцахъ!

1795 г.

* Какъ, на примѣръ, Петрарка. Такая же честь готовилась Тассу; но онъ умеръ за нѣсколько дней до назначеннаго торжества.

КЪ АЛИНѢ

НА СМЕРТЬ ЕЯ СУПРУГА.

—

Супругъ твой слишкомъ щастливъ былъ:
Не могъ онъ жить въ подлунномъ свѣтѣ,
Гдѣ тайный Рокъ въ своемъ совѣтѣ
Сердца на горесть осудилъ,
А щастью быть велѣлъ мечтою.
Но кто нечаянной судьбою,
Украдкой будетъ здѣсь блаженъ,
Тому *вѣкъ розы* положенъ:
Какъ щастливъ я! едва лишь скажетъ,
Увянетъ — и въ могилу ляжетъ.
Начто ты Ангельской душой,
Своей любовью, красотой,
Въ супругѣ сердце восхищала,
Его съ безсмертными равняла?
Когда бы жизнью онъ скучалъ
И смерть къ себѣ какъ друга звалъ,
Тогда бы долго прожилъ съ нами;
Тогдабъ сѣдыми волосами
Еще онъ.... слезы отиралъ.
Гдѣ радость есть *Судьбы ошибка*,
И гдѣ веселая улыбка
Бываетъ рѣдко не обманъ,
Тамъ онъ въ душѣ твоей прелестной
Нашелъ *блаженства талисманъ*,

Земнымъ страдальцамъ неизвѣстной;
Нашелъ — и смерть нашла его.
Твоей любовью упоенный,
Въ жару восторга своего
Ударомъ рока пораженный,
Щастливецъ умеръ какъ заснулъ;
Въ минуту самыя кончины
Еще отъ нѣжности вздохнулъ.
Ахъ! кто изъ насъ такой судьбины
Семи вѣкамъ не предпочтетъ?
Не время мило, наслажденье.
Одно щастливое мгновенье
Не лучше ль многихъ скучныхъ лѣтъ?

1795 г.

—

КЪ ЛИЛѢ.

—

Ты плачешь, Лилета?
Ахъ! плакалъ и я.
Смѣялась ты прежде,
Я нынѣ смѣюсь.
Мы оба другъ другу
Не должны ничѣмъ:
Есть очередь въ свѣтѣ,

Есть время всему;
Улыбка съ слезами
Въ сосѣдствѣ живетъ:
Ты прежде алѣла
Какъ роза весной;
Зефиры плѣнялись
Твоей красотой.
Я также плѣнился,
Надежду имѣвъ;
Мечталъ о блаженствѣ,
Страдая въ душѣ!....
Болѣзнь миновалась,
И лѣта прошли
Любовныхъ мечтаній;
Я Лилу забылъ —
И вижу.... о Небо!
Что сдѣлалось съ ней?
Всѣ алыя розы
Морозъ умертвилъ.
Гдѣ прежде Зефиры
Шептали любовь,
Подъ сѣнію миртовъ
Таился Эротъ
И пальчикомъ нѣжнымъ
Съ усмѣшкой грозилъ:
Тамъ нынѣ все пусто!
Твоя красота
Угасла какъ свѣчка;
Вспорхнула любовь
И прочь улетѣла;
Любовники въ слѣдъ

За нею исчезли.
Лилета одна,
И хочетъ отъ скуки
Меня заманить
Въ старинныя сѣти!
Я въ сказкѣ читалъ,
Что нѣкогда боги
Влюбились въ одну
Прекрасную Нимфу:
Юпитеръ и Марсъ,
Нептунъ и Меркурій,
И Бахусъ и Фебъ.
Красотѣ хотѣлось
Ихъ всѣхъ обмануть,
Украсить рогами
Лбы вѣчныхъ боговъ.
Такъ, такъ и случилось;
Одинъ за другимъ
Всѣ были рогаты.
Но время прошло;
Красавица стала
Не такъ хороша,
И боги сослали
Ее подъ луну,
Гдѣ Нимфа отъ грусти
Годъ слезы лила,
А послѣ отъ грусти
Слюбилась — увы! —
Съ рогатымъ Сатиромъ.
Онъ былъ не брезгливъ,
И принялъ въ подарокъ

Обноски боговъ. —
Ты можешь быть Нимфой;
Но я не Сатиръ!

1796 г.

ВЫБОРЪ ЖЕНИХА.

Лиза въ городѣ жила,
Но невинною была;
Лиза, Ангелъ красотою;
Ангелъ нравомъ и душою.
Время ей пришло любить...
Всѣмъ любиться въ свѣтѣ должно,
И въ семнадцать лѣтъ не можно
Сердцу безъ другова жить.

Что же дѣлать? гдѣ искать?
И кому *люблю* сказать?
Развѣ въ свѣтѣ появиться,
Всѣхъ плѣнить, *однимъ* плѣниться?
Такъ и сдѣлала она;
Лизу люди окружили,
Лизѣ всѣ одно твердили:
«Ты прельщать насъ рождена!»

«Будь супругою моей!»
(Говоритъ богатый ей)

«Всякой день тебѣ готовы
«Драгоцѣнныя обновы;
«Станешь въ золотѣ ходить;
«Ожерельями, серьгами,
«Разноцвѣтными парчами
«Буду милую дарить.»

Чтожь красавица въ отвѣтъ?
Что сказала? *да* иль *нѣтъ?*
Лиза только улыбнулась;
Прочь пошла, не оглянулась. —
Гордый баринъ ей сказалъ:
«Будь супругою моей;
«Будешь знатной Госпожею:
«Знай, я *полный* Генералъ!»

Чтожь красавица въ отвѣтъ?
Что сказала? *да* иль *нѣтъ*?
Генералу поклонилась;
Только чиномъ не плѣнилась;
Лиза ... далѣе идетъ;
Ищетъ, долго не находитъ....
«Такъ она и вѣкъ проходитъ!»....
Ошибаетесь — найдетъ!

Лизѣ *Суженый* сказалъ:
«Чиномъ я не Генералъ,
«И богатства не имѣю;
«Но любить тебя умѣю.
«Лиза будь навѣкъ моя!» —

Тутъ прекрасная вздохнула;
На любезнаго взглянула,
И сказала: *я твоя!*

1795 г.

РАЗЛУКА.

(На голосъ: *J'entends dans la forêt.*)

Любя любимымъ быть,
Всего для насъ милѣе;
Но съ милой розно жить,
Всего, всего тошнѣе.
Что въ сердцѣ безъ *нее!*
Въ *ней* сердце находило
Все щастіе свое;
Безъ милой все не мило.

Гдѣ щастье? гдѣ *она*?
И день и ночь вздыхаю;
Отрада мнѣ одна,
Что слезы проливаю.
Довольно ... такъ и быть!
Когда, мой другъ, съ тобою!
Не льзя теперь мнѣ жить,
Хочу я жить съ тоскою.

1797 г.

КЛЯТВА И ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

—

Хотѣлъ я не любить: чтожь дѣлаю? люблю!
Любя терзаюся, крушу себя, гублю...
Но пользы нѣтъ въ слезахъ; слезами я не смою
Того, что злой Судьбѣ желѣзною рукою
Угодно было начертать:
«Кокеткамъ торговать сердцами,
«Мужьямъ ходить съ рогами,
«А *Плаксѣ* (то есть, мнѣ) бранить любовь словами,
«Но сердцемъ обожать —ввѣкъ, ввѣкъ!» —
Увы! слабъ бѣдной человѣкъ!

1796 г.

ХОРЪ И КУПЛЕТЫ.

ПѢТЫЕ ВЪ МАРѲИНСКОЙ * РОЩѢ ДРУЗЬЯМИ ПОЧТЕННАГО ХОЗЯИНА, ВЪ ДЕНЬ ИМЯНИНЪ ЕГО.

—

ХОРЪ.

(На голосъ: *Ахъ пошли наши подружки*)

Какъ тотъ щастливъ, кто сердцами
Прямо, истинно любимъ;
Кто не льстивыми словами,
Но усердіемъ хвалимъ!

* Село Марѳино, въ 30 верстахъ отъ Москвы.

1.

(На голосъ: *Заря утрення взошла*).

Кто Царями награжденъ,
Саномъ знатнымъ отличенъ
За достоинство прямое
Въ томъ не щастіе слѣпое,
Но заслугу люди чтутъ.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, кто сердцами — *и проч.*

2.

Кто не только на войнѣ,
Но и въ мирной тишинѣ
Былъ согражданамъ полезенъ,
Тотъ отечеству любезенъ,
Тотъ есть вѣрный патріотъ.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, — *и проч.*

3.

Кто предъ трономъ въ духѣ твёрдъ,
Передъ низшими не гордъ,
Съ ровнымъ искренно дружится
И коварныхъ не страшится,
Тотъ достоинъ всѣхъ похвалъ.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, — *и проч.*

4.

Кто среди заботъ и дѣлъ
Для семейства жить умѣлъ:
Быть щастливѣйшимъ супругомъ,
Для дѣтей отцомъ и другомъ,
Тотъ чувствительнымъ рожденъ.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, — *и проч.*

5.

Кто покой Москвы блюдя,
Часъ свободы находя,
Любитъ въ рощахъ прохлаждаться
И съ друзьями забавляться,
Тотъ имѣетъ нѣжной вкусъ.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, — *и проч.*

6.

Дѣло дѣлать не всегда,
И веселье не бѣда.

Пѣсни намъ для щастья нужны;
Музы съ Мудростію дружны —
Имянинникъ! будь нашъ Фебъ!

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, — *и проч.*

7.

Праздникъ сей любезенъ намъ,
Милъ домашнимъ и друзьямъ;
Здѣсь и гости не чужіе;
Здѣсь и гости какъ родные
Веселятся всѣ съ тобой.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, кто сердцами
Прямо, истинно любимъ;
Кто не льстивыми словами,
Но усердіемъ хвалимъ!

—

КУПЛЕТЫ.

(На тотъ же голосъ.)

ВЪ ЧЕСТЬ НѢЖНОЙ МАТЕРИ, ПѢТЫЕ ЕЯ СЕМЕЙСТВОМЪ, ВЪ УЕДИНЕННОМЪ И ПРІЯТНОМЪ МѢСТѢ, КОТОРОЕ НАЗЫВАЕТСЯ ЕЯ ИМЕНЕМЪ: ДАРЬИНЫМЪ.

—

Какъ пріятны тѣ мѣста,
Гдѣ Натуры красота
Въ простотѣ своей сіяетъ;
Гдѣ любовь изображаетъ
Имя милое твое!

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ — *и проч.*

Прежде именемъ богинь
Украшался мракъ пустынь:
Имя матери святѣе;
Имя *Дарьино* милѣе
Всѣхъ Гомеровыхъ имянъ.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, — *и проч.*

Здѣсь любезнѣйшую Мать
Будутъ дѣти угощать

Въ часъ вечернія прохлады;
Здѣсь любовь и дружба рады
Съ нею время проводить.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ — *и проч.*

1797 г.

НАДПИСИ*

НА СТАТУЮ КУПИДОНА.

1.

НА ГОЛОВУ.

Гдѣ трудится голова,
Тамъ труда для сердца мало;
Тамъ любви и не бывало;
Тамъ любовь одни слова.

* Сочинитель сихъ надписей увидѣлъ въ одномъ домѣ мраморнаго Амура, и съ позволенія хозяйки исписалъ его карандашемъ съ головы до ногъ.

2.

НА ГЛАЗНУЮ ПОВЯЗКУ.

Любовь слѣпа для свѣта,
И кромѣ своего
Безцѣннаго предмета
Не видитъ ничего.

3.

НА СЕРДЦЕ.

Любовь Анатомистъ: гдѣ сердце у тебя,
Узнаешь полюбя.

4.

НА ПАЛЕЦЪ, КОТОРЫМЪ КУПИДОНЪ ГРОЗИТЪ.

Награда скромности готова:
Будь щастливъ — но ни слова!

5.

НА РУКУ.

Не вѣрь любовнику, когда его рука
Дерзка.

6.

НА КРЫЛО.

Амуръ летаетъ для того,
Чтобъ милую найти для сердца своего:

Нашедши, крылья оставляетъ —
Уже ему въ нихъ нужды нѣтъ —
Летать позабываетъ
И съ милою живетъ.

7.

НА СТРѢЛУ, КОТОРУЮ АМУРЪ БЕРЕТЪ ВЪ РУКУ.

Страшитесь: прострѣлю!
Но вы отъ раны не умрете;
Лишь томно взглянете, вздохнете,
И скажете: *люблю!*

8.

НА НОГУ.

Когда Любовь безъ ногъ? Какъ надобно итти
Отъ друга милаго, сказавъ ему: *прости!*

9.

НА СПИНУ.

Стою всегда лицомъ къ красавцамъ молодымъ,
Спиною къ старикамъ сѣдымъ.

1796 г.

ДВА СРАВНЕНІЯ.

—

1.

Что наша жизнь? Романъ. — Кто Авторъ? Аноонимъ.
Читаемъ по складамъ — смѣемся, плачемъ — спимъ.

2.

Что есть жизнь наша? сказка.
А что любовь? ея завязка;
Конецъ печальной иль смѣшной.
Родись, любви — и Богъ съ тобой!

1796 г.

═

ДУРНОЙ ВКУСЪ.

—

Никандръ! ты хвалишь мнѣ свой нѣжной вкусъ напрасно;
Скажу я безпристрастно,
Что вкусъ и грубъ и дуренъ у тебя:
Ты любишь самого себя!

═

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Что есть любить?
Тужить.
А равнодушнымъ быть?
Не жить.

ХАРАКТЕРЪ НИСЫ.

Для Нисы то бываетъ мило,
Что прежде было ей постыло;
А что теперь для Нисы мило,
То скоро будетъ ей постыло.

1796 г.

ПОКОЙ И СЛАВА.

«Спокойствіе дороже славы!»
Твердятъ лѣнивые умы.
Нѣтъ, нѣтъ! они не правы;
Покоемъ не довольны мы:
Въ объятіяхъ его скучаемъ,
И прежде смерти умираемъ.
Жизнь наша столь бѣдна,
Превратна, не вѣрна;

Дней ясныхъ въ ней такъ мало,
Такъ все мгновенно для сердецъ,
Что удовольствія и щастія начало
Есть удовольствія и щастія конецъ.
Чѣмъ бережно въ тѣни скрываться,
Бояться шороха, бояться вслухъ дышать,
Единственно за тѣмъ, чтобъ жизнію скучать
И смерти праздно дожидаться:
Не лучше ль что нибудь
Великое свершить? Гремящей славы путь
Къ безсмертію ведетъ. Душа живетъ дѣлами,
И наслаждается вѣками
Въ геройскомъ подвигѣ своемъ.
Парить съ орломъ подъ небесами,
Сіять эѳирными лучами,
Сгорѣть тамъ солнечнымъ огнемъ,
Оставить пепелъ намъ, милѣе для Героя,
Чѣмъ духомъ онѣмѣть въ ничтожествѣ покоя,
И съ червемъ прахъ лобзать, доколѣ Исполинъ,
Рокъ, грозный смертныхъ властелинъ,
Его не раздавилъ Гигантскою стопою. —
Всѣмъ должно быть землёю:
Ты, слабый человѣкъ!
Какъ тѣнь, мелькая, исчезаешь;
Но надпись о другомъ и въ самый дальній вѣкъ
Гласитъ: *прохожій стой! Героя попираешь* *.

1797 г.

* Переводъ славнаго Латинскаго надгробія: Sta, viator! Heroem calcas.

ИСПРАВЛЕНІЕ. *

—

Пора, друзья, за умъ намъ взяться,
Безпутство кинуть, жить путёмъ.
Не вѣкъ за бабочкой гоняться,
Не вѣкъ быть рѣзвымъ мотылькомъ.

Безпечной юности утѣха
Есть въ самомъ дѣлѣ страшной грѣхъ.
Мы часто плакали отъ смѣха:
Теперь оплачемъ прежній смѣхъ,

И другу, недругу закажемъ
Кого нибудь въ соблазнъ вводить;
Прямымъ раскаяньемъ докажемъ,
Что можемъ праведными быть.

Простите, скромные диваны,
Свидѣтели нескромныхъ сценъ!
Простите хитрости, обманы,
Бѣда мужей, забава женъ!

Отнынѣ будетъ все иное:
Чтобъ строгимъ людямъ угодить,

* Шутка надъ лицемѣрами и ханжами.

Мужей оставимъ мы въ покоѣ,
А женъ начнемъ добру учить —

Не съ тѣмъ, чтобъ нравы ихъ исправить —
Такихъ чудесъ не льзя желать —
Но чтобъ красавицъ лишь заставить
Отъ скуки и тоски зѣвать.

«Зѣвать?» Конечно; въ наказанье
За наши общія дѣла.
Бывало... Прочь, воспоминанье!
Чтобъ снова не надѣлать зла.

Искусство нравиться забудемъ,
И съ *постнымъ* видомъ въ *мясоѣдъ*,
Среди собраній свѣтскихъ будемъ
Ругать, какъ можно злѣе, свѣтъ;

Бранить все то, что сердцу мило,
Но въ чемъ сокрытъ для сердца вредъ;
Хвалить, что грѣшникамъ постыло,
Но что къ спасенію ведетъ,

Memento mori! * велегласно
На балахъ станемъ восклицать,
И стономъ смерти ежечасно
Любезныхъ вѣтренницъ пугать. —

Какъ другъ вашъ столь перемѣнился,
Угодно ль вамъ, друзья, спросить?....

* То есть: *помни смерть.*

Сказать ли правду?... Я лишился
(Увы!) способности грѣшить!

1797 г.

НЕПОСТОЯНСТВО.

Пусть щастье коловратно —
Не льзя не знать того;
Но мы еще стократно
Превратнѣе его.

Все новаго желаемъ,
Отъ стараго бѣжимъ,
И щастье презираемъ,
Когда знакомы съ нимъ.

Любя во всемъ измѣну,
Позволимъ же любить
И щастью перемѣну,
Чтобъ намъ, невѣрнымъ, мстить!

1795 г.

ЭПИГРАММА.

Я знаю, для чего Крадонъ твердитъ всегда,
Что свѣтъ наукъ есть зло: для вора свѣтъ бѣда!

ИСТИНА.

Кто скажетъ не солгавъ, что съ роду онъ не лгалъ,
Тотъ развѣ никогда влюбленнымъ не бывалъ!

МЫСЛЯТЪ И НЕ МЫСЛЯТЪ.

Всѣ мыслятъ жить, но не живутъ;
Не мысля умереть, умрутъ.

НАДГРОБІЕ ШАРЛАТАНА.

Я пыль въ глаза пускалъ;
Теперь — я пылью сталъ.

ПЕРЕМѢНА ЦВѢТА.

Вдругъ сталъ у Лины дуренъ цвѣтъ:
Конечно въ городѣ румянъ хорошихъ нѣтъ!

1796 г.

ЖЕЛАНІЕ.

Какъ странникъ, зноемъ утомленный,
Въ тѣни желаетъ отдохнуть:
Такъ бѣдный, скорбью изнуренный,
Желаетъ вѣчнымъ сномъ заснуть.

ТАЦИТЪ.

Тацитъ великъ; но Римъ, описанный Тацитомъ,
Достоинъ ли пера его?
Въ семъ Римѣ, нѣкогда геройствомъ знаменитомъ,
Кромѣ убійцъ и жертвъ не вижу ничего.
Жалѣть объ немъ не должно:

Онъ стоилъ лютыхъ бѣдъ нещастья своего,
Терпя, чего терпѣть безъ подлости не можно!

1797 г.

=

КЪ ШЕКСПИРОВУ ПОДРАЖАТЕЛЮ.

—

Ты хочешь быть, Глупонъ, Шекспировъ подражатель;
Выводишь для того на сцену мясниковъ,
Башмашниковъ, портныхъ, чудовищъ и духовъ.
Великій Александръ, земли завоеватель,
Для современниковъ былъ также образцомъ;
Но въ чемъ они ему искусно подражали?
Въ геройствѣ ли души? въ дѣлахъ? ахъ, нѣтъ! не въ томъ;
Но шею къ лѣвому плечу, какъ онъ склоняли. *
Что дѣлали они, то дѣлаешь и ты;
Уродство видимъ мы; но гдѣ же красоты?

1797 г.

=

* См. Квинта Курція.

КУПЛЕТЫ

ИЗЪ ОДНОЙ СЕЛЬСКОЙ КОМЕДІИ, ИГРАННОЙ БЛАГОРОДНЫМИ ЛЮБИТЕЛЯМИ ТЕАТРА.

—

ХОРЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЕВЪ.

Какъ не пѣть намъ? Мы щастливы.
Славимъ барина - отца.
Наши рѣчи не красивы,
Но чувствительны сердца.
Горожане насъ умнѣе:
Ихъ искусство говорить.
Что жь умѣемъ мы? Сильнѣе
Благодѣтелей любить.

СЕЛЬСКОЙ ЛЮБОВНИКЪ.

Здѣсь сердца людей согласны
Съ ихъ не льстивымъ языкомъ:
Наши милыя прекрасны
Не раскрашеннымъ лицомъ,
А природными чертами;
Обмануть насъ не хотятъ
Ни глазами, ни словами:
Лишь по чувству говорятъ.

ДѢВУШКА.

Какъ намъ, дѣвушкамъ, ни больно
Тайну сердца объявить,

Слово вылетитъ невольно:
Скажешь — поздно воротить!
Притворяться ввѣкъ не можно:
Всѣ мы созданы любить;
Лишь держаться слова должно;
Стыдно, стыдно измѣнить.

СЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВНИЦА.

Я съ любовію играла
И съ любовію росла;
Съ нею горе я узнала,
Съ нею щастіе нашла;
И надѣюсь безъ искусства,
Сердце друга сохранить;
Вѣрность, жаръ и нѣжность чувства
Мнѣ помогутъ милой быть.

ГОРОДСКОЙ ЖИТЕЛЬ.

Естьли въ городѣ имѣютъ
Больше средствъ плѣнятъ мущинъ,
Лучше здѣсь любить умѣютъ.
Тамъ любовь есть цвѣтъ одинъ,
Здѣсь любовь есть цвѣтъ съ плодами.
Время нравиться пройдетъ,
И кокетка съ сѣдинами
Есть завялой пустоцвѣтъ.

ГОРОЖАНКА.

Тотъ живетъ благополучно,
Кто умѣетъ жить въ другомъ.

О себѣ лишь думать — скучно;
Щастье въ двухъ, а не одномъ.
Кто же бабочкой летаетъ
Съ василька на василекъ,
Тотъ любви еще не знаетъ;
Кто любилъ, тотъ любитъ ввѣкъ.

ГОРОЖАНИНЪ.

Естьлибъ было въ нашей власти
Вѣчно бабочкой летать,
Не дивился бы я страсти
Съ тѣмъ любить, чтобъ разлюблять.
Время крылья подсѣкаетъ,
И придется сиднемъ быть.
Поздно вѣтренной узнаетъ,
Каково на вѣтеръ жить!

ГОСПОЖА.

Можно въ самомъ шумѣ свѣта
Съ тихимъ сердцемъ вѣкъ прожить,
Святость мрачнаго обѣта
И невинность сохранить.
Добродѣтель утѣшаетъ,
Страсть къ раскаянью ведетъ.
Пусть любовникъ насъ плѣняетъ:
Щастье лишь супругъ даетъ.

ГОРОЖАНКА.

Ахъ! во мракѣ заблужденья
Щастье ложная мечта.

Нѣтъ для сердца наслажденья,
Естьли совѣсть нечиста.
Что жена безъ доброй славы?
Мужу, дѣтямъ вѣчной стыдъ.
Какъ ни худы въ свѣтѣ нравы,
Всякой добродѣтель чтитъ.

СТАРОСТА.

Женихамъ, невѣстамъ должно
Въ пѣснѣ правду объявить.
Ввѣкъ прельщаться не возможно:
Что же можно намъ? любить.
Съ другомъ жить, не съ красотою;
Будешь молодъ не всегда.
Кто же милъ душѣ душою,
Въ томъ морщина не бѣда.

БУРМИСТРЪ.

Будемъ жить, друзья, съ женами,
Какъ живали въ старину.
Худо намъ быть ихъ рабами;
Воля портитъ лишь жену.
Дома имъ не посидится;
Все бы, все бы по гостямъ.
Это право не годится;
Приберите ихъ къ рукамъ.

ВАХМИСТРЪ.

Нашъ бурмистръ несетъ пустое;
Не указъ намъ старина.

Воля дѣло золотое,
А законъ любовь одна.
Руской созданъ прославляться,
Государю вѣрнымъ быть,
Пули, смерти не бояться,
И красавицамъ служить.

ГОРОЖАНКА.

Можетъ быть не безъ причины,
Естьли правду говорить,
Вы браните насъ, мущины;
Но одни хотите ль жить?
Вамъ даны Природой силы,
Намъ искусство васъ ловить;
Мы другъ другу право милы —
Будемъ спорить и любить!

1798 г.

ПРОТЕЙ,

или

НЕСОГЛАСІЯ СТИХОТВОРЦА.

(NB. Говорятъ, что Поэты не рѣдко сами себѣ противорѣчать и перемѣняютъ свои мысли о вещахъ. Сочинитель отвѣчаетъ:

—

Ты хочешь, чтобъ Поэтъ всегда одно лишь мыслилъ,
Всегда одно лишь пѣлъ: безумный человѣкъ!
Скажи, кто образы Протеевы исчислилъ?
Таковъ питомецъ Музъ, и былъ и будетъ ввѣкъ.
Чувствительной душѣ не сродно ль измѣняться?
Она мягка какъ воскъ, какъ зеркало ясна,
И вся Природа въ ней съ оттѣнками видна.
Не льзя ей для тебя *единою* казаться
Въ *разнообразіи* естественныхъ чудесъ.
Взгляни на свѣтлый прудъ, едва, едва струимый
Дыханьемъ вѣтерка: въ сію минуту зримы
Въ немъ яркій Фебовъ свѣтъ, чистѣйшій сводъ небесъ
И дерзостный орелъ, горѣ одинъ парящій;
Кудрявые верхи развѣсистыхъ древесъ;
Въ сѣни ихъ пастушокъ съ овечкою стоящій;
На вѣтьви голубокъ съ подружкою своей

(Онъ дремлетъ, подъ крыло головку спрятавъ къ
ней) —
Еще минута... вдругъ иное представленье:
Сокрыли облака въ кристаллѣ Фебовъ зракъ;
Тамъ стелется одинъ волнистый, сизый мракъ.
Въ душѣ любимца Музъ такое жь измѣненье
Бываетъ каждый часъ; что видитъ, то поетъ,
И всѣмъ умѣя быть, всѣмъ быть перестаетъ.
Когда въ весенній день, среди луговъ цвѣтущихъ
Гуляя, видитъ онъ Природы красоты,
Нимфъ сельскихъ хороводъ, играющихъ, поющихъ,
Тогда въ душѣ его раждаются мечты
О вѣкѣ золотомъ, въ которомъ люди жили
Какъ братья и друзья, пасли свои стада,
Питались ихъ млекомъ; не мысля никогда,
Что есть добро и зло, *по чувству* добры были,
А болѣе всего... рѣзвились и любили!
Тогда онъ съ Геснеромъ свирѣлію своей
Изъ шума городовъ зоветъ въ поля людей.
«Оставьте, говоритъ, жилище скуки томной,
«Гдѣ все веселіе въ притворствѣ состоитъ;
«Гдѣ вы находите единый ложный видъ
«Утѣхи и забавъ. Въ сѣни Природы скромной
«Душевный сладкій миръ съ веселостью живетъ;
«Тамъ щастья на лугу съ фіалками цвѣтетъ,
«И смотрится въ ручей съ пастушкою прекрасной.
«О щастьи въ городахъ лишь только говорятъ,
«Не чувствуя его; въ селѣ объ немъ молчатъ,
«Но съ нимъ проводятъ вѣкъ, какъ день весенній
ясной,
«Въ невинности златой, въ сердечной простотѣ.»

Когда жь глазамъ его явится блескъ Искусства
Въ чудесности своей и въ полной красотѣ:
Великолѣпный градъ, картина многолюдства,
Разнообразное движеніе страстей,
Подобныхъ бурному волненію морей,
Но дѣйствіемъ ума премудро соглашенныхъ,
И къ благу общества закономъ обращенныхъ:
Театръ, гдѣ дѣйствуя лишь для себя самихъ,
Невольно дѣйствуемъ для выгоды другихъ;
Машина хитрая, чудесное сцѣпленье
Безчисленныхъ колесъ; ума произведенье,
Но, не смотря на то, загадка для него!
Тогда Пѣвецъ села въ восторгѣ удивленья,
Забывъ свирѣль, беретъ для гимна своего
Златую лиру, пѣть успѣхи просвѣщенья:
«Что былъ ты, человѣкъ, съ Природою одинъ?
«Ничтожный рабъ ея, живущій боязливо.
«Лишь въ обществѣ ты сталъ Природы властелинъ,
«И въ первый разъ взглянулъ на небо горделиво,
«Взглянулъ и прочиталъ тамъ славный жребій свой:
«*Быть въ мірѣ семъ царемъ, творенія главой.*
«Лишь въ обществѣ душа твоя *себѣ сказалась*,
«И сердце начало съ сердцами говорить;
«За мыслію одной другая въ слѣдъ раждалась,
«Чтобъ лѣствицей уму въ познаніяхъ служить.
«Въ Аркадіи своей ты былъ съ звѣрями равенъ,
«И мнимый вѣкъ златой, вѣкъ лѣни, дѣтства, сна,
«Безславенъ для тебя, хотя въ стихахъ и славенъ.
«Для бѣдныхъ разумомъ жизнь самая бѣдна:
«Лишь въ общежитіи мы имъ обогатились;

«Лишь тамъ художества съ науками родились —
«И первый въ мірѣ градъ былъ первымъ торжеством
«Даровъ, вліянныхъ въ насъ премудрымъ Божеством.
«Не въ полѣ, не въ лѣсахъ святая Добродѣтель
«Себѣ воздвигла храмъ: Сократъ въ Аѳинахъ жилъ,
«И въ Римѣ Нума Царь, своихъ страстей владѣтель,
«Своихъ законовъ рабъ, безсмертье заслужилъ.
«Не тотъ *Герой добра*, кто скрылся отъ порока,
«Отъ искушенія, измѣнъ, ударовъ Рока,
«И прожилъ вѣкъ одинъ съ полмертвою душей;
«Но тотъ, кто былъ всегда примѣромъ для людей,
«Среди безчисленныхъ опасныхъ преткновеній
«Какъ мраморный колоссъ незыблемо стоялъ,
«Стезею правды шелъ во мракѣ заблужденій,
«Сражался съ каждымъ зломъ, сражаясь побѣждалъ.
«Такъ кормчій посреди морей необозримыхъ
«Безъ страха видитъ гробъ *волнистый* предъ собой
«И слышитъ грозный ревъ пучинъ неизмѣримыхъ;
«Тамъ гибельная мель, здѣсь камни подъ водой:
«Но съ картою въ рукахъ, съ магнитомъ предъ очами,
«Пловецъ въ душѣ своей смѣется надъ волнами,
«И къ пристани спѣшитъ, гдѣ ждетъ его покой.» —

Въ сей хижинѣ живетъ питомецъ Эпиктета,
Который, истребивъ чувствительность въ себѣ,
Надежду и боязнь, престалъ служить Судьбѣ

И быть ея рабомъ. Сія царица свѣта
Отнять, ни дать ему не можетъ ничего:
Ничто не веселитъ, не трогаетъ его;
Онъ ко всему готовъ. Представь конецъ вселенной:
Небесный сводъ трещитъ; огромные шары
Летятъ съ своихъ осей; въ развалинахъ міры...
Симъ страшнымъ зрѣлищемъ мудрецъ не устрашенной
Покойно бы сказалъ: «мнѣ время отдохнуть,
«И въ гробѣ Естества сномъ вѣчности заснуть!»
Поэтъ предъ нимъ свои колѣна преклоняетъ,
И полубога въ немъ на лирѣ прославляетъ.
«Великая душа! что міръ сей предъ тобой?
«Горсть пыльныя земли. Кто повелитель твой?
«Самъ Богъ — или никто. Ты нужды не имѣешь
«Въ подпорѣ для себя: тверда сама собой.
«Безъ щастья быть всегда щастливою умѣешь,
«Умѣя презирать ничтожный блескъ его;
«Оно безъ глазъ, а ты безъ глазъ и для него:
«Смѣется иль грозитъ, не видишь ничего.
«Пусть карлы будутъ имъ велики или славны:
«Обманчивый призракъ! ихъ слава звукъ пустой;
«Въ величіи своемъ они съ землею равны;
«А ты равна ли съ чѣмъ? съ единою собой!»
И тою жь кистію, съ тѣмъ самымъ же искусствомъ
Сей нравственный Апеллъ распишетъ *слабость* вамъ,
Для Стоиковъ порокъ, но сродную сердцамъ

Зависимыхъ существъ, рожденныхъ съ нѣжнымъ
чувствомъ...
Ахъ! *слабость жить мечтой*, отъ Рока ожидать
Всего, что мыслямъ льститъ, — *надѣяться бояться*,
Отъ удовольствія и страха трепетать,
Слезами радости и скорби обливаться!...
«Хвалитесь, мудрецы, безстрастіемъ своимъ,
«И будьте камнями на зло самой природѣ!
«Чувствительность! люблю я быть рабомъ твоимъ;
«Люблю предпочитать зависимость свободѣ,
«Когда зависимость есть дѣйствіе твое,
«Свобода жь дѣйствіе холодности безпечной!
«Кому пойду открыть страданіе мое
«Въ часъ лютыя тоски и горести сердечной?
«Тебѣ ль, Зенонъ? чтобъ ты меня лишь осудилъ,
«Сказавъ, что виненъ я *не властвуя собою?*
«Ахъ! кто нещастія въ сей жизни не вкусилъ,
«Кто не былъ никогда терзаемъ злой судьбою
«И слабостей не зналъ, въ томъ сожалѣнья нѣтъ;
«И рѣдко человѣкъ, который вѣчно твердъ,
«Бываетъ не жестокъ. Я къ вамъ пойду съ слезами,
«О нѣжныя сердца! вы плакали и сами;
«По чувству, опыту извѣстна горесть вамъ.
»Къ страдавшимъ страждущій довѣренность имѣетъ:
«Кто падалъ, тотъ другихъ поддерживать умѣетъ.
«Мы вмѣстѣ воскуримъ моленій ѳиміамъ...
«Молитва общая до Вышняго доходна;
«Молитва общая дѣтей Отцу угодна...
«Онъ *исполненіе* съ любовью изречетъ;

«Зефиръ съ небесъ для насъ вѣсть сладкую снесетъ;
«Отчаянія мракъ надеждой озарится,
«И мертвый кипарисъ чудесно расцвѣтетъ;
«Кто былъ нещастливъ, вдругъ отъ щастья прослезится.»

Богатство, санъ и власть! не ищетъ васъ Поэтъ;
Но быть хотя на часъ предметомъ удивленья
Милѣе для него земнаго поклоненья
Безчисленныхъ рабовъ. Ему вѣнокъ простой
Дороже, чѣмъ вѣнецъ блистательной, златой.
Съ какою жь ревностью онъ Славу прославляетъ,
И тѣмъ, что любитъ самъ, сердца другихъ плѣняетъ!
Съ какою ревностью онъ служитъ эхомъ ей,
Гремящій звукъ ея вѣкамъ передавая!
Сынъ Фебовъ былъ всегда хранитель олтарей,
На коихъ, память душъ великихъ обожая,
Потомство ѳиміамъ безсмертію куритъ.
«Все тлѣнно въ мірѣ семъ, жизнь смертныхъ скоротечна,
«Минутны радости, но слава долговѣчна:
«Живите для нее!» въ восторгѣ онъ гласитъ:
«Достойна жизни цѣль, достойна жертвъ награда.
«Мудрецъ! ищи ее, трудясь во тьмѣ ночей.
«Да искрой истины возженная лампада
«Освѣтитъ рядъ вѣковъ, и будетъ для людей
«Источникомъ отрадъ! Творецъ благихъ законовъ!
«Трудись умомъ своимъ для щастья милліоновъ!
»Отдай отечеству себя и жизнь, Герой!

«Для васъ покоя нѣтъ; но есть потомство, слава:
«Исторія для васъ подъемлетъ грифель свой.
«Вы жертвой будете всемірнаго устава,
«Низъидите во гробъ, но только *для очей*:
«*Для* благодарныхъ *душъ* дни ваши безконечны,
«Послѣдствіемъ своимъ дѣла и разумъ вѣчны:
«Сатурнъ не можетъ ихъ подсѣчь косой своей.
«Народы, коихъ вы рожденія не зрѣли,
«Которыхъ нѣтъ еще теперь и колыбели,
«Васъ будутъ знать, любить, усердно прославлять,
«Какъ Геніевъ земли считать полубогами,
«И клясться вашими святыми именами!»

Такъ свойственно Пѣвцу о славѣ воспѣвать;
Но часто видя, какъ сердца людей коварны,
Какъ души низкія все любятъ унижать,
Какъ души слабыя въ добрѣ неблагодарны,
Онъ въ горести гласитъ: «О слава! ты мечта,
«И лишь вдали твои призраки свѣтозарны;
«Теряется вблизи ихъ блескъ и красота.
«Могу ли отъ того я быть благополученъ,
«Что скажетъ обо мнѣ народная молва?
«Щастливо ль сердце тѣмъ, что въ лаврахъ голова?
«Великій Александръ себѣ былъ въ славѣ скученъ,
«И въ чашѣ Вакховой забвенія искалъ. *
«Хвалы Ораторовъ Аѳинскихъ онъ желалъ;
«Но острые умы его пересмѣхали:

* Извѣстно, что Александръ излишно любилъ вино.

«Въ Аѳинахъ храбреца безумцемъ называли:
«Ахъ! люди таковы: въ божественныхъ душахъ
«Лишь смотрятъ на порокъ, изящнаго не видятъ;
«Великихъ любятъ всѣ... въ романахъ, на словахъ,
«Но въ свѣтѣ часто ихъ сердечно ненавидятъ.
«Для щастія вѣковъ трудись умомъ своимъ:
«Въ награду прослывешь мечтателемъ пустымъ;
«Будь мудръ, и жди себѣ однѣхъ насмѣшекъ злобныхъ.
«Глупцамъ пріятнѣе хвалить себѣ подобныхъ,
«Чѣмъ умныхъ величать; глупцовъ же полонъ свѣтъ.
«*Но справедливость намъ потомство отдаетъ!...*
«Нещастный! что тебѣ до мнѣнія потомковъ?
«Среди могилъ, костей и гробовыхъ обломковъ
«Не будешь чувствовать, что скажутъ о тебѣ. —
«Безуменъ славы рабъ! безуменъ, кто Судьбѣ
«За сей *кимвальный звонъ* отдастъ изъ доброй воли
«Спокойствіе души, блаженство тихой доли!
«Не знаетъ щастія, не знаетъ тотъ людей,
«Кто ставитъ ихъ хвалу предметомъ жизни всей!»
Но въ чемъ сынъ Фебовъ такъ съ собою несогласенъ,
Какъ въ пѣсняхъ о любви? то щастіе она,
То въ сердце нѣжное на муку вселена;
То милъ ея законъ, то гибеленъ, ужасенъ.
Любовь есть прелесть, жизнь чувствительныхъ сердецъ;
Она жь въ Поэзіи начало и конецъ.
Любви обязаны мы первыми стихами,
И Феба безъ нее не зналъ бы человѣкъ.

Прощаяся съ ея эѳирными мечтами,
Поэтъ и съ Музами прощается навѣкъ —
Или стихи его теряютъ цвѣтъ и сладость;
Златое время ихъ есть только наша младость.
Внимай: Эротовъ другъ съ веселіемъ поетъ
Щастливую любовь: «Какъ солнце краситъ свѣтъ
«И міръ физическій огнемъ одушевляетъ,
«Такъ міръ чувствительный любовію живетъ,
«Такъ нѣжный огнь ея въ немъ душу согрѣваетъ.
«Она и жизнь даетъ, она и жизни цѣль;
«Училищемъ ея бываетъ колыбель,
«И въ самой старости, у самыя могилы
«Ея безцѣнныя воспоминанья милы.
«Когда для тайныхъ чувствъ своихъ предметъ найдемъ,
«Тогда лишь прямо жить для щастія начнемъ;
«Тогда узнаемъ мы свое опредѣленье.
«Какъ *первый* человѣкъ, нечаянно вкусивъ
«Плодъ сочный, вдругъ и гладъ и жажду утоливъ,
«Увѣрился, что есть *потребность*, *наслажденье*,
«Узналъ ихъ связь, предметъ: * такъ *юный* человѣкъ,
«Любящій въ первой разъ, увѣренъ въ томъ душею,
«Что созданъ онъ любить, жить съ милою своею,
«Составить съ ней одно — или томиться ввѣкъ.
«Блаженная чета!... какая кисть опишетъ
«Тотъ радостный восторгъ, когда любовникъ слышитъ

* См. въ Бюффонѣ чувства перваго человѣка.

«Слова: *люблю! твоя!...* одинъ сей райскій мигъ
«Завиднѣе ста лѣтъ, щастливо проведенныхъ
«Безъ горя и бѣды, въ избыткѣ благъ земныхъ!
«Все мило для сердецъ, любовью упоенныхъ;
«Гдѣ терніе другимъ, тамъ розы имъ цвѣтутъ.
«Въ пустынѣ ль, въ нищетѣ ль любовники живутъ,
«Для нихъ равно; вездѣ во всемъ судьбой довольны.
«Неволя самая имъ кажется легка,
«Когда и въ ней они любить другъ друга вольны.
«Ахъ! жертва всякая для нѣжности сладка.
«Любовь въ терпѣніи находитъ утѣшенье,
«И въ вѣрности своей за вѣрность награжденье.
«Надъ сердцемъ милымъ власть милѣе всѣхъ властей.
«Вздыхаетъ иногда и лучшій изъ Царей:
«Всегда ли можетъ онъ намъ властію своею
«Блаженство даровать? Въ любви жь всегда мы ею
«И сами щастливы, и щастіе даемъ,
«Словами, взорами, слезой, улыбкой, — всѣмъ.
«Минута съ милою есть вѣчность наслажденья,
«И вѣкъ покажется минутой восхищенья!»

Такъ онъ поетъ — и вдругъ, унизивъ голосъ свой,
Изъ тихо-нѣжныхъ струнъ дрожащею рукой
Иные звуки онъ для сердца извлекаетъ...
Ахъ! звуки горести, тоски! Мой слухъ внимаетъ:
«Я вижу юношу примѣрной красоты;
«Любовь, сама любовь его образовала;
«Она ему сей взоръ небесный даровала,
«Сіи прелестныя любезности черты.

«*Для щастья созданъ онъ*, конечно бъ вы сказали;
«Но томенъ видъ его, и черный крепъ печали
«Темнитъ огонь въ глазахъ. Онъ медленно идетъ
«Искать, не алыхъ розъ среди луговъ весеннихъ—
«И лѣто протекло; цвѣтовъ нигдѣ ужь нѣтъ —
«Но горестныхъ картинъ и ужасовъ осеннихъ
«Въ унылыхъ рощахъ, гдѣ валится желтый листъ
«На желтую траву, гдѣ слышенъ вѣтровъ свистъ
«Между сухихъ деревъ; гдѣ лѣтомъ птички пѣли,
«Но гдѣ уже давно ихъ гнѣзда охладѣли.
«Тамъ юноша стоитъ надъ шумною рѣкой;
«И зря печальный гробъ Натуры предъ собой,
«Такъ мыслитъ: *прежде все здѣсь жило, зеленѣло,*
«*Цвѣло для глазъ*; *теперь уныло, помертвѣло!..*
«*И я душею цвѣлъ, и я для щастья жилъ:*
«*Теперь навѣкъ увялъ, и съ щастіемъ простился!*
«*Начтожь мнѣ жизнь?* сказалъ... въ волнахъ рѣки сокрылся...
«О нѣжныя сердца! сей юноша любилъ;
«Но милый другъ ему коварно измѣнилъ!...
«Хотите ли змѣю подъ алой розой видѣть;
«Хотите ль жизнь и свѣтъ душей возненавидѣть,
«И въ сердцѣ собственномъ найти себѣ врага:
«Любите!... скоро прахъ вашъ будетъ подъ землею:
«Ахъ! жизнь чувствительныхъ не можетъ быть долга!
«Любовь для нихъ есть ядъ: восторгомъ и тоскою

«Она мертвитъ сердца; восторгъ есть мигъ — пройдетъ,
«Но душу отъ другихъ благъ въ мірѣ отвращаетъ:

«Все будетъ скучно ей — тоска же въ ней живетъ
«Какъ лютая змѣя; всегда, всегда терзаетъ.
«Измѣна, вѣтреность, коварство, злой обманъ..
«Кому исчислить всѣ причины огорченій,
«Всѣ бѣдствія любви? ихъ цѣлый океанъ,
«При каплѣ, можетъ быть, сердечныхъ наслажде-
ній!
«Когда увидите страданія черты
«И блѣдность томную цвѣтущей красоты,
«Ахъ! знайте, что любовь тамъ душу изнуряетъ.
«Кто жь щастливымъ себя любовью почитаетъ,
«Тотъ пѣніемъ Сиренъ на время усыпленъ,
«Но тѣмъ нещастнѣе проснувшись будетъ онъ!» —
Противорѣчій сихъ въ порокъ не должно ставить
Любимцамъ нѣжныхъ Музъ; ихъ дѣло выражать
Оттѣнки разныхъ чувствъ, не мысли соглашать;
Ихъ дѣло не рѣшить но трогать и забавить.
Пусть ищетъ Философъ тѣхъ кладязей подзем-
ныхъ,
Гдѣ истина живетъ безъ всѣхъ гаданій темныхъ,
И гдѣ хранится ключь Природы для ума!
Здѣсь * сердце говоритъ, но истина нѣма;
Поэты дѣлаютъ языкъ его намъ внятнымъ —
И сердцу одному онъ долженъ быть пріятнымъ.
Оно полюбитъ вещь, не взлюбитъ черезъ часъ:
И Музы въ семъ ему охотно подражаютъ;
То хвалятъ съ живостью, то съ жаромъ осуждаютъ.
Предметы разный видъ имѣютъ здѣсь для насъ:

* То есть, въ здѣшнемъ свѣтѣ

Съ которой стороны они явятся взору,
И чувству таковы. — Поди въ весенній садъ,
Гдѣ вѣтреный Зефиръ рѣзвясь, цѣлуетъ Флору
Въ прелестныхъ цвѣтникахъ тамъ зрѣніе плѣнятъ
И роза и ясминъ, и ландышъ и лилея:
Сорви, что выберешь по вкусу своему,
Такъ точно, нѣжный вкусъ къ Поэзіи имѣя,
Читай стихи — и вѣрь единственно тому,
Что нравится тебѣ, что сказано прекрасно,
И что съ потребностью души твоей согласно;
Читай, тверди, хвали: хвала стихамъ вѣнецъ.
Поэзія цвѣтникъ чувствительныхъ сердецъ.

1798 г.

═

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

АЛЕКСАНДРУ I, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ,

НА ВОСШЕСТВІЕ ЕГО НА ПРЕСТОЛЪ.

—

Россіи Императоръ новый!
На тронѣ будь благословенъ.
Сердца пылать Тобой готовы;
Надеждой духъ нашъ оживленъ.
Такъ милыя весны явленье
Съ собой приноситъ намъ забвенье

Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы;
Сердца съ Природой расцвѣтаютъ,
И плодъ во цвѣтѣ предвкушаютъ,
Весна у насъ, съ Тобою мы!

Какъ Ангелъ Божій Ты сіяешь
И благостью и красотой,
И съ первымъ словомъ обѣщаешь
Екатерининъ вѣкъ златой,
Дни щастія, веселья славы,
Когда премудрые уставы
Внутри хранили нашъ покой,
А внѣ Россію прославляли;
Граждане мирно засыпали,
И гражданинъ же былъ герой —

Когда Монаршими устами
Вѣщала милость къ намъ одна,
И правила людей сердцами;
Когда и самая вина
Не рѣдко ею отпускалась,
И власть Монаршая казалась
Намъ властію любви одной.
Какое сердцу услажденье
Имѣть къ Царямъ повиновенье
Изъ благодарности святой!

Се Твой обѣтъ, о Царь Державный,
Сильнѣйшій изъ Владыкъ земныхъ!
Ахъ! Россы вѣрностію славны,
И Вѣнценосецъ святъ для нихъ.

Любимый и любви достойный,
На тронѣ Отческомъ спокойный,
Береги Ты громы для враговъ,
Рази единое злодѣйство:
Россія есть Твое семейство:
Среди насъ Ты, среди сыновъ.

Воспитанникъ Екатерины!
Тебя Господь Россіи далъ.
Ты урну нашея судьбины
Для дѣлъ великихъ воспріялъ:
Еще ихъ много въ ней хранится,
И духъ мой сладко веселится,
Предвидя ихъ блестящій рядъ!
Сколь жребій Твой, Монархъ, отличенъ!
Предѣлъ добра неограниченъ;
Ты можешь все — еще Ты младъ!

Уже воинской нашей славы
Исполненъ весь обширный свѣтъ;
Предъ нами падали Державы;
Екатерининыхъ побѣдъ
Вѣнки и лавры не увянутъ;
Потомство, вѣки не престанутъ
Ея Героевъ величать:
Румянцева искуснымъ, славнымъ,
Суворова — себѣ лишь равнымъ;
Сражаться, было имъ — карать.

Давно ль еще, о незабвенный
Суворовъ! съ горстію своихъ

На Альпы Марсомъ вознесенный,
Бросалъ ты громъ съ вершины ихъ,
Который, въ безднахъ раздаваясь
И горнымъ эхомъ повторяясь,
Гигантовъ дерзостныхъ разилъ?
Ты богомъ ужаса являлся!...
Тебѣ міръ низкимъ показался,
И ты на небо воспарилъ.

Монархъ! довольно лавровъ славы,
Довольно ужасовъ войны!
Бразды Россійскія Державы
Тебѣ для щастья вручены.
Ты будешь Геніемъ покоя;
Въ Тебѣ увидимъ мы Героя
Дѣлъ мирныхъ, правоты святой.
Возьми — не мечь, — вѣсы Ѳемиды,
И бѣдный, не страшась обиды,
Найдетъ безъ злата вѣкъ златой.

Когда не всѣ законы ясны,
Ты намъ ихъ разумъ изъяснишь;
Когда же въ смыслѣ не согласны,
Ты ихъ премудро согласишь.
Законъ быть долженъ какъ зерцало,
Гдѣ бъ солнце истины сіяло
Безъ всякихъ мрачныхъ облаковъ.
Великъ, какъ Богъ, законодатель;
Онъ мирныхъ обществъ основатель,
И благодѣтель всѣхъ вѣковъ.

Монархъ! еще другія славы
Достоинъ Твой пресвѣтлый тронъ:
Да царствуютъ благіе нравы!
Примѣръ Двора для насъ законъ.
Развратъ, стыдомъ запечатлѣнный,
Въ чертогахъ у Царя презрѣнный,
Бываетъ нравовъ торжествомъ;
Царю придворный угождая,
И добродѣтель обожая,
Для всѣхъ послужитъ образцомъ.

Есть родъ людей, Царю опасный:
Ихъ рѣчи какъ Индійскій медъ,
Улыбки милы и прекрасны;
По виду — ихъ добрѣе нѣтъ;
Они всегда хвалить готовы;
Всегда хвалы ихъ тонки, новы.
Имъ имя — хитрые льстецы;
Снаружи Ангеламъ подобны,
Но въ сердцѣ ядовиты, злобны,
И въ козняхъ адскихъ мудрецы.

Они отечества не знаютъ;
Они не любятъ и Царей,
Но быть любимцами желаютъ;
Корысть ихъ Богъ: лишь служатъ ей.
Имъ доступъ къ трону заградится;
Твой слухъ вовѣкъ не обольстится
Коварной, ложной ихъ хвалой.
Ты будешь окруженъ друзьями;

Россіи лучшими сынами;
Отечество одно съ Тобой.

Довольно Патріотовъ вѣрныхъ,
Готовыхъ жизнь ему отдать,
Друзей добра нелицемѣрныхъ,
Могущихъ истину сказать!
У насъ *Пожарскіе* сіяли,
И *Долгорукіе* дерзали
Петру отъ сердца говорить;
Великій соглашался съ ними,
И звалъ ихъ братьями своими. —
Монархъ! Ты будешь насъ любить!

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья. —
Наукой щастливъ человѣкъ —
И блескомъ Твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
Се Музы, къ трону приступая,
И черный крепъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждутъ!
Онѣ сердца людей смягчаютъ:
Онѣ жизнь нашу услаждаютъ,
И добраго Царя поютъ!

НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

АЛЕКСАНДРА I, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО.

Il en est des grands Souverains comme des Dieux. Comblés de leurs bienfaits, nous n'avons pas pour eux des récompenses, mais nous avons des hymnes.

Thomas.

—

Россія! торжествуй со славой!
Се юный Царь, краса людей,
Пріялъ вѣнецъ и скиптръ съ державой,
Чтобъ быть примѣромъ для Царей!
Возстань, ликуй, народъ великій!
Блистай, веселіе сердецъ!
Любовью отданъ сей вѣнецъ.
Гремите, радостные лики:
«Монархъ и подданный Его
«Въ душѣ желаютъ одного!»

Сколь трудно править самовластно
И Небу лишь отчетъ давать!
Но сколь велико и прекрасно
Дѣлами Богу подражать!
Его велѣньямъ нѣтъ препоны;
Но Онъ творя благотворитъ.

Онъ можетъ все, но свято чтитъ
Его жь премудрости законы —
И Фебъ въ сіяніи своемъ
Течетъ всегда однимъ путемъ.

Монархъ Россіи, полусвѣта!
Ты Самъ Себѣ въ добрѣ законъ.
Другой, въ Твои младыя лѣта
Возсѣвъ на великолѣпный Тронъ,
Хотѣлъ бы роскоши цвѣтами
Свой путь блестящій устилать
И дни забавами считать;
Но Ты священными трудами
Какъ будто платишь намъ за власть;
Въ тебѣ одна ко благу страсть.

Короны блескомъ ослѣпленны,
Другой въ подвластныхъ зритъ—рабовъ;
Но Ты, душею просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ;
Тебѣ одна любовь прелестна:
Но можно ли рабу любить?
Ему ли благодарнымъ быть?
Любовь со страхомъ не совмѣстна;
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.

Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, намъ мила,
И съ пользою Царей согласна;
Ты вѣчно славой ихъ была.
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,

Гдѣ добрый не боясь живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый!
Свобода мудрая свята,
Но равенство одна мечта.

Пріятна зрѣнію картина
Различною игрой цвѣтовъ;
Для глазъ печальна та равнина,
Гдѣ нѣтъ ни рощей, ни холмовъ.
Сей дубъ, Природой вознесенный,
Для низкихъ древъ не есть ли щитъ?
Пусть буря грозная свиститъ:
Миртъ слабый, дубомъ осѣненный,
Растетъ покойно и цвѣтетъ —
Такъ въ обществѣ народъ живетъ.

Монархъ! Ты ясными чертами
Права гражданства раздѣлилъ,
И зрѣлой мудрости плодами
Утѣшилъ насъ — и удивилъ.
Ты краткимъ временемъ правленья
Умѣлъ сердца навѣкъ плѣнить.
Уже спокойно можно жить
По волѣ рока, Провидѣнья. —
Невинныхъ радостей искать
И щастье въ мірѣ избирать!

Покой стихія человѣка:
И Ты успѣлъ намъ дать его!
Ахъ! многіе Цари, полвѣка
Владѣвъ, не сдѣлали того.

Ты дни дарами блага числишь,
Какъ древле мудрый Антонинъ;
Довольны всѣ — но Ты одинъ
Предъ образомъ Петровымъ мыслишь:
«Монархъ, не совершивъ всего,
«Еще не сдѣлалъ ничего!» *

О радость! о восторгъ!... читаю
Я таинство души Твоей,
И славу Россовъ созерцаю
Во глубинѣ грядущихъ дней!...
»Россія, міра половина,
Отвратъ зимы, Качматскихъ льдовъ,
До красныхъ Невскихъ береговъ,
До странъ Колхиды и Эвксина,
Во всей обширности своей
Сіяетъ.... щастіемъ людей!

«Моря покрыты кораблями;
Флагъ Россовъ вѣетъ на кормахъ;
Сынъ Маинъ ** нашими руками
Сбираетъ дань во всѣхъ странахъ.
Вездѣ прелестныя картины
Избытка, сельской красоты,
Невинной, милой простоты:
Цвѣтутъ съ улыбкою долины,
Блистаютъ классами поля —
Эдемомъ кажется земля!

* Слава Петра Великаго.

** Богъ торговли.

«Искусство украшаетъ грады;
Вездѣ съ богатствомъ видѣнъ вкусъ.
Вездѣ Аѳины — вертограды
Для Феба и любезныхъ Музъ;
Вездѣ ихъ блескъ, очарованье,
Подъ кровомъ мирной тишины;
Врата темницъ отворены,
Въ судахъ глубокое молчанье,
И воинъ, опершись на щитъ,
Главу склонивъ, покойно спитъ.....»

У насъ Астрея! восклицаю:
Или воскресъ Сатурновъ вѣкъ!..
Отвѣту Кліи * я внимаю:
«У васъ на тронѣ — человѣкъ!
«Премудрый Александръ, рожденный
«Въ вѣнцѣ Отечеству служить,
«Въ сердцахъ и лѣтописяхъ жить!
«Во дни Его благословенны
«Умомъ Россія возрасла,
»Въ добрѣ и нравахъ процвѣла.

«Онъ зналъ, что Царское правленье
«Есть царство свѣта, а не тьмы;
«Имѣлъ о правахъ попеченье,
«Сіялъ какъ солнце на умы;
«Радѣлъ о благѣ воспитанья:
«Въ началѣ зло искоренялъ;

* Муза Исторіи.

«Училъ, и рѣдко прибѣгалъ
«Къ сѣкирѣ грозной наказанья;
«Онъ зналъ обязанность Царей,
«Быть Провидѣніемъ людей!

«Страна, окованная хладомъ,
«Гдѣ чувство, жизнь усыплены,
«Является прекраснымъ садомъ
«Отъ взора теплыя весны:
«Такъ все, и самая Природа
«Въ той щастливой странѣ цвѣтетъ,
«Въ которой на престолъ взойдетъ
«Избранный Мужъ, Отецъ народа...
«Воззри: сей великолѣпный храмъ
«Воздвигнутъ въ память всѣмъ вѣкамъ —

«Се храмъ Безсмертія и Славы!
«Тамъ вмѣстѣ съ Истинной святой
«Потомству я пишу уставы!
«Тиранамъ страшенъ свитокъ мой,
«Монархамъ добрымъ онъ любезенъ;
«Хвалю, кляну — и гласъ вѣковъ
«Есть звукъ Моихъ священныхъ словъ.
«Мой судъ народамъ былъ полезенъ:
«Никто его не избѣжалъ;
«Онъ часто совѣсть воскрешалъ.

«Тамъ — тамъ сіяютъ Антонины;
«Тамъ долженъ Александръ сіять
«Между Петра, Екатерины,
«И титло *Мудраго* пріять

«Въ залогъ безсмертія и славы!...»
Да будетъ!... О Монархъ сердецъ!
Россія, Царствъ земныхъ вѣнецъ,
(Колосъ почтенный, величавый!)
Да будетъ подъ Твоимъ жезломъ
Добра и щастія вѣнцомъ!

И будетъ! — Медленно Природа
Готовитъ злато и серебро
Во глубинѣ земнаго свода:
Увы! зло легче, чѣмъ добро!
Исторія тому свидѣтель;
Но Ты Отечества Отецъ,
Для подданныхъ вторый Творецъ,
Съ Тобою Богъ и Добродѣтель:
Трудись!... давай уставы намъ,
И будешь *Первый* по дѣламъ!

Монархъ! въ послѣдній разъ предъ Трономъ
Дерзнулъ я съ лирою предстать;
Мнѣ сердце было Аполлономъ:
Люблю хвалить, но не ласкать;
Хвалилъ, гласъ общій повторяя.
Другіе славные Пѣвцы
Отъ музъ пріимутъ въ даръ вѣнцы,
Тебя безъ лести прославляя:
Я въ храмъ Исторіи * иду,
И тамъ... дѣла Твои найду.

* Авторъ занимается Россійскою Исторіею.

МЕЛАНХОЛІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ ДЕЛИЛЮ.

—

Страсть нѣжныхъ, кроткихъ душъ, судьбою угне-
тенныхъ,
Нещастныхъ щастіе и сладость огорченныхъ!
О меланхолія! ты имъ милѣе всѣхъ
Искусственныхъ забавъ и вѣтренныхъ утѣхъ.
Сравнится ль что нибудь съ твоею красотою,
Съ твоей улыбкою и съ тихою слезою?
Ты первый скорби врачь, ты первый сердца другъ:
Тебѣ оно свои печали повѣряетъ;
Но утѣшаясь, ихъ еще не забываетъ.
Когда освободясь отъ ига тяжкихъ мукъ,
Нещастный отдохнетъ въ душѣ своей унылой,
Съ любовію ему ты руку подаешь,
И лучше радости, для горестныхъ немилой,
Ласкаешься къ нему, и въ грудь отраду льешь
Съ печальной кротостью и съ видомъ умиленья.
О Меланхолія! нѣжнѣйшій переливъ
Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья!
Веселья нѣтъ еще, и нѣтъ уже мученья;
Отчаянье прошло... Но слезы осушивъ,
Ты радостно на свѣтъ взглянуть еще не смѣешь,
И матери своей, Печали, видъ имѣешь.
Бѣжишь, скрываешься отъ блеска и людей,
И сумерки тебѣ милѣе ясныхъ дней.

Безмолвіе любя, ты слушаешь унылый
Шумъ листьевъ, горныхъ водъ, шумъ вѣтровъ и
морей.
Тебѣ пріятенъ лѣсъ, тебѣ пустыни милы;
Въ *уединеніи* ты *болѣе съ собой.*
Природа мрачная твой нѣжный взоръ плѣняетъ:
Она какъ будто бы печалится съ тобой.
Когда свѣтило дня на небѣ угасаетъ,
Въ задумчивости ты взираешь на него.
Не шумныя весны любезная веселость,
Не лѣта пышнаго роскошный блескъ и зрѣлость
Для грусти твоея пріятнѣе всего,
Но осень блѣдная, когда изнемогая
И томною рукой вѣнокъ свой обрывая,
Она кончины ждетъ. Пусть веселится свѣтъ
И щастье грубое въ разсѣяніи новомъ
Старается найти: тебѣ въ немъ нужды нѣтъ;
Ты щастлива мечтой, одною мыслью — словомъ!
Тамъ музыка гремитъ, въ огняхъ пылаетъ домъ;
Блистаютъ красотой, алмазами, умомъ:
Тамъ пиршество.... но ты не видишь, не внимаешь,
И голову свою на руку опускаешь;
Веселіе твое — задумавшись молчать,
И на прошедшее взоръ нѣжный обращать.

1800 г.

═

ГИМНЪ ГЛУПЦАМЪ.

—

Блаженъ — не тотъ, кто всѣхъ умнѣе:
Ахъ нѣтъ! онъ часто всѣхъ грустнѣе —
Но тотъ, кто будучи глупцомъ,
Себя считаетъ мудрецомъ!
Хвалю его! блаженъ стократно,
Блаженъ въ безуміи своемъ!
Къ другимъ здѣсь щастіе превратно:
Къ нему всегда стоитъ лицемъ.

Ему ли ссориться съ судьбою,
Когда доволенъ онъ собою?
Ему ль чернить сей бѣлой свѣтъ?
По маслу жизнь его течетъ.
Онъ ѣстъ пріятно, дремлетъ сладко;
Ничѣмъ въ душѣ не оскорбленъ.
Такъ міръ для глупыхъ совершенъ.

Когда другой съ умомъ обширнымъ
Прослывъ Философомъ всемірнымъ,
Вздыхаетъ, чувствуя, сколь онъ
Еще отъ цѣли удалёнъ;
Какими узкими стезями
Намъ должно мудрости искать;
Какъ трудно слабыми очами
Неправду съ правдой различать;

Когда Сократъ, мудрецъ славнѣйшій,
Но въ славѣ всѣхъ другихъ скромнѣйшій,
Всю жизнь наукамъ посвятивъ,
Для нихъ и жизни не щадивъ,
За тайну людямъ объявляетъ,
Что все загадка для него,
И мудрый развѣ то лишь знаетъ,
Что онъ — не знаетъ ничего:

Тогда глупецъ въ мечтѣ пріятной
Намъ хвалитъ умъ свой необъятной:
«Ему подобныхъ въ мірѣ нѣтъ!»
Хотите ль? звѣзды онъ сочтетъ
Вѣрнѣе нашихъ Астрономовъ.
Хотите ль? онъ разскажетъ, какъ
Сіяетъ солнце въ царствѣ Гномовъ;
И радъ божиться вамъ, что *такъ!*

Боясь ступить неосторожно,
И зная, какъ упасть возможно,
Смиренно смотритъ внизъ мудрецъ:
Глядитъ спесиво вверхъ глупецъ —
Споткнется ль, въ яму упадая?
Нѣтъ нужды! встанетъ безъ стыда
И грязь съ себя рукой стирая,
Онъ скажетъ: *это не бѣда!*

Съ умомъ въ покоѣ нѣтъ покоя.
Одинъ для имени Героя
Радъ міръ въ могилу обратить,
Для крестика безъ носа быть;

Другой, желая громкой славы,
Весь вѣкъ надъ риѳмами корпитъ:
Глупецъ смѣется: «вотъ забавы!»
И самъ — за бабочкой бѣжитъ!

Ему нѣтъ дѣла до Правленій,
До тонкихъ, трудныхъ умозрѣній,
Какъ страсти къ благу обращать,
Людей учить и просвѣщать.
Царь кроткій или Царь ужасный
Любезенъ, страшенъ для другихъ;
Глупцы Нерону не опасны:
Неронъ не страшенъ и для нихъ.

Другимъ чувствительность страданье,
Любовь не даръ, а наказанье:
Кто жь вѣкъ свой прожилъ не любя?
Глупецъ!.... онъ любитъ лишь себя,
И слѣдственно любимъ не ложно;
Не вѣдаетъ измѣны злой!
Другимъ грустить въ разлукѣ должно:
Онъ веселъ — онъ всегда съ собой!

Когда, узнавъ людей коварныхъ,
Холодныхъ и неблагодарныхъ,
Душею нѣжный человѣкъ
Клянется ихъ забыть навѣкъ,
И хочетъ лучше жить съ звѣрями,
Чѣмъ жертвой лицемѣровъ быть:
Глупецъ считаетъ всѣхъ друзьями,
И мнитъ: «меня ли не любить?»

Есть томная на свѣтѣ мука,
Змѣя сердецъ; ей имя *скука:*
Она летаетъ по землѣ,
И плаваетъ на кораблѣ;
Она и съ дѣломъ и съ бездѣльемъ
Приходитъ къ мудрымъ въ кабинетъ;
Ни шумомъ свѣтскимъ, ни весельемъ
Отъ скуки умный не уйдетъ.

Но щастливый глупецъ не знаетъ,
Что скука въ свѣтѣ обитаетъ.
Гремушку въ руки — онъ блаженъ
Одинъ среди безмолвныхъ стѣнъ!
Съ умомъ всѣ люди Гераклиты,
И не жалѣютъ слезъ своихъ;
Глупцы же сердцемъ Демокриты:
Родъ смертныхъ Арлекинъ для нихъ!

Они судьбу благословляютъ,
И быть умнѣе не желаютъ.
Раскроемъ лѣтопись временъ:
Когда былъ человѣкъ блаженъ?
Тогда, какъ, думать не умѣя,
Безъ смысла онъ *желудкомъ жилъ.*
Для глупыхъ здѣсь всегда Астрея,
И вѣкъ златой не проходилъ.

1802 г.

ФИЛИНЫ И СОЛОВЕЙ,

ИЛИ

ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Басня.

Узнали филины намѣреніе Феба
Ея величество, ночь темную, согнать
Съ престола древняго земли и неба,
И сутки цѣлыя безъ отдыха сіять.
«Что! что!» кричатъ они: «разрушить царство нощи,
«Въ которомъ намъ такъ мило жить,
«И сонныхъ птицъ давить
«Во мракѣ тихой рощи!
«Кто Фебу далъ такой совѣтъ?...»
«Не вы, друзья мои: *не филины, не воры*,»
Сказалъ имъ соловей: «не нравится вамъ свѣтъ:
«Его боятся хищныхъ взоры!
«Я ночью пѣлъ одинъ, и всѣ плѣнялись мной;
Въ день будетъ у меня совмѣстниковъ довольно:
«Ихъ также наградятъ хвалой...
«Лишиться славы больно,
Но ею съ братьями охотно подѣлюсь,
«И солнцемъ веселюсь,
«Когда въ его сіяньи

«Для міра болѣе утѣхъ,
«Чѣмъ въ горестномъ мерцаньи.
«Злой мыслитъ о себѣ, а доброй обо всѣхъ;
«Злой любитъ мракъ густой, а доброй просвѣщенье.
«Къ нещастью долженъ я сказать вамъ въ утѣшенье,
«Что въ самой ясной день
«Для васъ еще найдется тѣнь!»

1803 г.

═

ЭПИТАФІЯ

КАЛИФА АБДУЛРАНА.

—

Богатства, слава, власть! я вами наслаждался;
Востокъ и Западъ мнѣ со страхомъ покланялся;
Съ престола я свергалъ сильнѣйшихъ изъ Царей;
Полвѣка богомъ слылъ, былъ щастливъ — десять дней!

═

СТИХИ

НА СЛОВА, ЗАДАННЫЯ МНѢ ХЛОЕЮ: *мигъ, картина и дверь.*

—

1.

МИГЪ.

Какое слово мнѣ дано!...
Оно важнѣе всѣхъ; оно
Есть все!... Конечно; власть и слава,
Печаль, веселье и забава...
Увы! и щастіе сердецъ,
И чувство сладкаго покоя —
И самая любовь, о Хлоя!
Ея начало и конецъ —
Не есть ли *мигъ* единый въ свѣтѣ?
Теперь я, на примѣръ сказать,
Сижу покойно въ кабинетѣ,
Хочу къ тебѣ стихи писать;
Но естьли ты въ сей *мигъ* явишься,
Въ меня влюбленной притворишься,
То въ *мигъ* — спокойствіе прощай!
Стихи въ каминъ!... у ногъ прекрасной
Лежу, горю любовью страстной!
Лишь только шутку продолжай:
Я въ *мигъ* смѣлѣе, Хлоя, буду;

Учтивость, можетъ быть, забуду,
И въ *мигъ*... откроется обманъ!
Тогда, какъ хладный истуканъ,
Душею въ *мигъ* оледѣнѣю;
Отъ страсти пылкой исцѣлюсь,
И въ *мигъ* — съ тобою засмѣюсь.

Такъ вы любезностью своею
Насъ въ *мигъ* пленяете всегда,
Не думая плѣняться нами!
Но въ *мигъ* же, Хлоя, иногда
Въ сѣтяхъ бываете и сами;
Кто былъ смѣшенъ, въ *мигъ* станетъ милъ;
Но *мигъ* — и слѣдъ любви простылъ!

Въ одинъ же *мигъ* — ахъ! мысль ужасна! —
Дерзнетъ нескромность утверждать,
Что ты *была*, *была* прекрасна;
Но въ *мигъ* — велю ей замолчать!

2.

КАРТИНА.

Картина мнѣ мила въ Природѣ,
Когда я съ сердцемъ на свободѣ
Гуляю по коврамъ луговъ,
Смотрю вдали на мракъ лѣсовъ,
Лучами солнца озлащенныхъ;
Или на лабиринтъ ручьёвъ,
Самой Натурой проведенныхъ
Въ изгибахъ для красы полей.

Картина мнѣ мила въ Поэтѣ,
Когда онъ кистію своей
Цвѣты наводитъ на предметѣ
И пишетъ словомъ, какъ рукой.
Картина мнѣ мила — въ картинѣ,
Когда волшебною игрой
Всѣ краски дышутъ на холстинѣ
И лица говорить хотятъ;
Я, правда, не знатокъ, но радъ
Всегда Корреджію дивиться,
И даже — въ полотно влюбиться.
Но я бываю врагъ картинъ,
Когда прелестницы желаютъ
Быть только ими для мущинъ,
И все другое забываютъ.
Цвѣты и краски хороши;
Но ахъ! въ картинѣ нѣтъ души!

3.

ДВЕРЬ.

Въ златой прекрасной вѣкъ
Не вѣдалъ человѣкъ
Ни *двери* ни замковъ желѣзныхъ,
И домъ и сердце открывалъ
Для братьевъ, ближнихъ и любезныхъ:
Такъ всѣхъ людей онъ называлъ.
Но время премѣнилось,
И гибельное зло,
Увы! къ намъ въ *дверь* вошло,
Замокъ съ собою принесло,

И сердце съ домомъ затворилось.
Сталъ смертный — Камергеръ съ ключемъ;
Сидитъ за *дверью*, и не всѣмъ
Ее охотно отпираетъ;
По стуку человѣка знаетъ:
Какъ рыба притаясь молчитъ,
Когда рукою въ *дверь* стучитъ
Досадный кредиторъ, проситель
Съ бумагою, безъ серебра;
Или старинный покровитель,
Въ немилость впавшій у Двора;
Или любовница съ слезами,
Уже оставленная нами!
Нѣтъ дома! вѣрь или не вѣрь:
Для нихъ не отопрется *дверь*.
Но *двери* настежь для случайныхъ,
Для ихъ друзей, извѣстныхъ, тайныхъ,
Для челобитчика съ мѣшкомъ,
Для камердинера съ письмомъ,
Отъ женщины, душѣ любезной,
Или другимъ чѣмъ намъ полезной;
Для миловидныхъ подлецовъ
И нашихъ ревностныхъ льстецовъ!

Блаженъ, кто двери запираетъ
Всегда для глупыхъ, злыхъ людей,
И вмѣстѣ съ сердцемъ отворяетъ
Ихъ только для своихъ друзей!

1802 г.

СТИХИ КЪ ПОРТРЕТУ

И. И. ДМИТРІЕВА.

—

1.

«Министръ, Поэтъ и другъ: я все тремя словами
«Объ немъ для похвалы и зависти сказалъ.
«Прибавлю, что чиновъ и риѳмъ онъ не искалъ,
«Но риѳмы и чины къ нему летѣли сами!»

2.

Онъ съ честью былъ Министръ, со славою Поэтъ;
Теперь для дружества и счастія живетъ.

═

КЪ ЭМИЛІИ.

—

Подруга милая моей судьбы смиренной,
Которою меня Богъ щедро наградилъ!
Ты хочешь, чтобы я, спокойствомъ усыпленной
Для свѣта и для Музъ, талантъ мой пробудилъ,
И людямъ о себѣ напомнилъ бы стихами.
О чемъ же мнѣ писать? Въ душѣ моей одна,
Одна живая мысль; я разными словами
Могу сказать одно: душа моя полна
Любовію святой, блаженствомъ и тобою;
Другое кажется мнѣ скучной суетою.

Сказавъ тебѣ: *люблю!* уже я все сказалъ.
Любовь и щастіе въ романахъ говорливы,
Но въ истинѣ своей и въ сердцѣ молчаливы.
Когда я щастіе себѣ *воображалъ*;
Когда искалъ его подъ бурнымъ небомъ свѣта,
Тогда о прелестяхъ *сокрытаго* предмета
Я часто говорилъ; игралъ умомъ своимъ,
И тѣни прибирать любилъ однѣ къ другимъ,
Въ *отсутствіи* себя портретомъ утѣшая;
Тогда я щастливъ былъ, о щастіи мечтая:
Мечта пріятна намъ, когда она жива.
Но нынѣ, милый другъ, сильнѣйшія слова
Не могутъ выразить сердечныхъ наслажденій,
Которыя во всемъ съ тобою нахожу.
Блаженство предо мной: я на тебя гляжу!
Считаю радости свои числомъ мгновеній,
Не думая о томъ, какъ ихъ изображать.
Любовникъ можетъ ли любовницу писать?
Картина пишется для взора, а не чувства;
И сердцу угодить не станетъ въ вѣкъ искусства.
Но естьлибъ я и могъ, любовью вдохновенъ,
Въ стихахъ своихъ излить всю силу, нѣжность жара,
Которымъ твой супругъ щастливый упоенъ,
И кистію живой, и чародѣйствомъ дара
Все щастіе свое какъ въ зеркалѣ явить:
Не думай, чтобы тѣмъ я могъ другихъ плѣнить.
Ахъ, нѣтъ! сердечный звукъ столь тихъ, что онъ не внятенъ
Въ мятежныхъ суетахъ и въ хаосѣ страстей.
Кто истинно блаженъ, тотъ свѣту непріятенъ,

Служа сатирою почти на всѣхъ людей.
Столь рѣдко щастіе! и столь несправедливы
Понятія объ немъ! Иначе кто въ сребрѣ,
Въ приманкахъ гордости, въ чинахъ и при Дворѣ.
Искалъ бы здѣсь его? Умы самолюбивы:
Я спорить не хочу; но мнѣ позволятъ быть
Довольнымъ въ хижинѣ, любимымъ — и любить!
Такъ пастырь съ берега взираетъ на волненья
Нептуновыхъ пучинъ, и видитъ корабли
Игралищемъ стихій; желаетъ имъ спасенья,
Но радъ, что онъ стоитъ надежно на земли.
Нѣтъ, нѣтъ, мой милой другъ! сердечное блаженство
Желаетъ тишины, а Музы любятъ шумъ;
Не истина, но блескъ въ Поэтѣ совершенство
И ложь красивая плѣняетъ свѣтскій умъ
Скорѣе, чѣмъ языкъ простой, нелицемѣрный,
Которымъ говорятъ правдивыя сердца.
Сказавъ, что всякой день, съ начала до конца,
Мы любимъ быть одни; что мы другъ другу вѣрны
Во всѣхъ движеніяхъ открытыя души;
Сказавъ, что всѣ для насъ минуты хороши,
Въ которыя никто намъ не мѣшаетъ вольно
Другъ съ другомъ говорить, другъ друга цѣловать,
Ласкаться взорами, задуматься, молчать;
Сказавъ, что малаго всегда для насъ довольно;
Что мы за все, за все Творца благодаримъ,
Не просимъ чуждаго, но щастливы своимъ,
Моля Его, чтобъ Онъ безъ всякихъ прибавленій

Оставилъ все, какъ есть, въ самихъ насъ и во-
кругъ:
Я вкусу *знатоковъ* не угожу, мой другъ!
Гдѣ тутъ Поэзія? гдѣ вымыслъ украшеній?
Я истину скажу; но кто повѣритъ ей?
Когда пылающій любовникъ (часто мнимый)
Стихами говоритъ любовницѣ своей,
Что для него она предметъ боготворимый;
Что онъ единственно къ ней страстію живетъ,
За нѣжный взоръ ея короны не возьметъ,
И прочее: тогда ему иной повѣритъ:
«Любовникъ, думаютъ, въ любви не лицемѣритъ;
«Обманываетъ онъ себя, а не другихъ.»
Но чтобъ супружество для сердца было раемъ;
Чтобъ въ мирной тишинѣ пріятностей своихъ
Оно казалося всегда цвѣтущимъ Маемъ,
Безъ хлада и грозы; чтобъ нѣжный Гименей
Былъ страстенъ, и еще сильнѣе всѣхъ страстей:
То люди назовутъ безсовѣстнымъ обманомъ.
Исторія любви тамъ кажется романомъ,
Гдѣ все романами и дышетъ и живетъ.
Нѣтъ, милая! любовь супруговъ такъ священна,
Что быть должна отъ глазъ нечистыхъ сокровен-
на;
Ей сердце храмъ святой, свидѣтель Богъ, не свѣтъ;
Ей щастье другъ, не Фебъ, другъ свѣта и при-
творства:
Она по скромности не любитъ стихотворства.

1802 г.

БЕРЕГЪ.

—

После бури и волненья,
Всѣхъ опасностей пути,
Мореходцамъ нѣтъ сомнѣнья
Въ пристань мирную войти.

Пусть она и неизвѣстна!
Пусть ее на картѣ нѣтъ!
Мысль, надежда имъ прелестна
Тамъ избавиться отъ бѣдъ.

Естьли жь взоромъ открываютъ
На брегу друзей, родныхъ,
О *блаженство!* восклицаютъ,
И летятъ въ объятья ихъ.

Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой!
Будетъ тамъ соединенье
Разлученныхъ здѣсь волной.

Вижу, вижу... вы маните
Насъ къ таинственнымъ брегамъ!...
Тѣни милыя! храните
Мѣсто подлѣ васъ друзьямъ!

1803 г.

—

КЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

—

О ты, которая была
Въ глазахъ моихъ всегда прелестна,
Душѣ моей всегда мила
И сердцу съ юности извѣстна!
Вхожу въ святилище Твое;
Объемлю, чувствомъ вдохновенный,
Твой жертвенникъ уединенный!
Одно усердіе мое
Даетъ мнѣ право не чуждаться
Твоихъ священныхъ олтарей,
И въ пламенной душѣ моей
Твоимъ блаженствомъ наслаждаться!

Нѣтъ дѣлъ моихъ передъ Тобой!
Не сыпалъ злата я на бѣдныхъ:
Мнѣ злата не дано судьбой;
Но глазъ заплаканныхъ, лицъ блѣдныхъ
Не могъ безъ грусти замѣчать;
Дружился въ сердцѣ съ угнетеннымъ,
И жалобамъ его священнымъ
Любилъ съ прискорбіемъ внимать;
Любилъ суды правдивы Рока,
Невинныхъ, добрыхъ торжество.
«Есть гробъ, безсмертье, Божество!»
Я мыслилъ, видя тронъ порока.

Нѣтъ, нѣтъ! я не былъ ослѣпленъ
Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекрасенъ!
Драконъ на время усыпленъ,
Но самый сонъ его ужасенъ.
Злодѣй на Этнѣ строитъ домъ,
И пепелъ подъ его ногами;
Тамъ лава устлана цвѣтами,
И въ тишинѣ таится громъ.
Пусть онъ не знаетъ угрызенья!
Онъ не достоинъ знать его.
Безчувственность есть адъ того,
Кто зло творитъ безъ сожалѣнья.

Нѣтъ, въ мысляхъ я не унижалъ
Твоихъ страдальцевъ, Добродѣтель.
Жалѣть объ нихъ я не дерзалъ!
Въ оковахъ рабъ, въ вѣнцѣ Владѣтель,
Равно здѣсь щастливы Тобой.
Твоею силой укрѣпленный,
На мѣсто казни возведенный,
Достоинъ зависти Герой:
У ногъ его лежитъ вселенна!
Онъ намъ оставитъ тлѣнный прахъ,
Но духъ его на небесахъ —
Душа сама собой блаженна.

Когда міръ цѣлый трепеталъ *
Волнуемый страстями злыми:

* Во время Революціи.

Мой взоръ знаменъ Твоихъ искалъ:
Я сердцемъ слѣдовалъ за ними!
Творилъ обѣты... слезы лилъ
Отъ радости и скорби тайной....
Кто въ вѣкъ чудесной, чрезвычайной
Призракомъ не обманутъ былъ?
Когда жь людей невинныхъ кровью
Земля дымиться начала,
Мнѣ свѣтъ казался адомъ зла....
Свободу я считалъ любовью!....

Я былъ игралищемъ страстей,
Родясь съ чувствительной душою:
Ихъ огнь пылалъ въ груди моей;
Но сердце съ милою мечтою
Всегда сливало образъ Твой:
Прости!... Ахъ! лѣта заблужденій
Текутъ стезею огорченій;
Намъ страшенъ въ младости покой
И терніемъ любезны розы!...
Я жертвой, не тираномъ былъ,
И въ нѣжныхъ горестяхъ любилъ
Свои, а не чужія слёзы!

Не совѣстью, одной тоской
Я въ жизни болѣе терзался;
Виновный только предъ собой,
Сквозь слезы часто улыбался!
Когда же, сердцемъ увлеченъ,
Не помнилъ я, въ восторгахъ страсти,
Твоей, о Добродѣтель! власти,

И, блескомъ щастья ослѣпленъ,
Спѣшилъ за нимъ на путь неправый:
Я былъ загадкой для себя:
Какъ можно столь любить Тебя
И нарушать Твои уставы!

Преплывъ обширный океанъ,
Чрезъ многія пучины, мели;
Собравъ богатства дальнихъ странъ,
Пловецъ стремится къ вѣрной цѣли,
Къ своимъ отеческимъ берегамъ,
И взоръ его нетерпѣливый
Уже открылъ ей край щастливый;
Онъ мыслитъ радостно: «я тамъ!...»
Вдругъ буря въ ужасъ все приводитъ —
Корабль скрывается въ волнахъ!
Пловецъ не гибнетъ — но въ слезахъ
Онъ нищимъ на берегъ выходитъ!

Вотъ жребій мой!... Ахъ! я мечталъ
О тихой пристани, покоѣ;
Но буря и свирѣпый валъ
Сокрыли щастіе златое!
Пристанища въ семъ мірѣ нѣтъ,
И насъ съ послѣднею волною,
Въ землѣ подъ гробовой доскою,
Къ себѣ червь кровоглавый ждетъ!...
Блаженъ, кто не былъ здѣсь свидѣтель
Погибели своихъ друзей,
Или въ нещастьяхъ жизни сей
Тобой утѣшенъ, Добродѣтель!...

Смотрю на небо: тамъ цвѣты
Въ прелестныхъ радугахъ играютъ;
Златыя, яркія черты
Одна другую пресѣкаютъ,
И вдругъ, въ пространствахъ высоты,
Сливаются съ ночнымъ мерцаньемъ....
Но можно ль съ *сѣвернымъ сіяньемъ*
Сравнять сей жизни красоты?...
Оно угасло — но блистаетъ
Еще полярная звѣзда:
Такъ Добродѣтель никогда
Во мракѣ насъ не оставляетъ!...

Остатокъ радостей земныхъ,
Дочь милую, кропя слезами,
Въ восторгѣ нѣжныхъ чувствъ моихъ
Къ Тебѣ дрожащими руками
Подъемлю, и молю: будь ей
И горемъ здѣсь и утѣшеньемъ,
Безъ щастья вѣрнымъ наслажденьемъ!
Въ послѣдній часъ судьбы моей
Ее ко груди прижимая,
Да обниму я въ ней Тебя!
Да гасну, васъ равно любя,
И милой милую вручая!

1803 г.

═

СТИХИ

НА СКОРОПОСТИЖНУЮ СМЕРТЬ

ПЕТРА АѲАНАСЬЕВИЧА ПЕЛЬСКАГО. *

—

Вчера въ моемъ уединеньи
Я съ нимъ о жизни разсуждалъ,
О нашемъ горѣ, утѣшеньи;
Вчера съ друзьями онъ гулялъ
По рощамъ мирнымъ въ вечеръ ясный;
Глазами солнце проводилъ
На западъ тихій и прекрасный,
И виды сельскіе хвалилъ!...
Слѣды его еще не скрылись
На сихъ коврахъ травы густой;
Еще цвѣтки не распрямились,
Измятые его ногой —
Но онъ навѣкъ отъ насъ сокрылся!...
Едва вздохнулъ — и вдругъ исчезъ!
Съ дѣтьми, съ друзьямя не простился!
Мы плачемъ: онъ не видитъ слезъ!...
Ахъ! въ гробѣ мертвые спокойны!
Ихъ время горевать прошло....

* 9 Мая онъ обѣдалъ у меня въ деревнѣ и провелъ вечеръ

Смерть только для живыхъ есть зло;
Могилы зависти достойны —
Ничтожество не страшно въ нихъ!...
Нашъ другъ былъ веселъ для другихъ
Умомъ, любезностью своею,
Но тайно мучился душею...
Ахъ! онъ умѣлъ боготворить
Свою любовницу-супругу! *
Оплакавъ милую подругу,
Кто можетъ въ жизни щастливъ быть?
Я видѣлъ Пельскаго въ жилищѣ
Усопшихъ, посреди могилъ:
Онъ тамъ рѣкою слезы лилъ!...
Тамъ было и его гульбище,
Равно прелестное для насъ,
Равно любившихъ и любимыхъ,
Ко гробу сердцемъ приводимыхъ!...
Тамъ тихій изъ-подъ камня гласъ
Ему вѣщалъ ли въ утѣшенье,
Что самъ онъ скоро отдохнетъ
Отъ жизни, въ коей щастья нѣтъ?...
Гдѣ радость есть приготовленье
Къ утратамъ и печалямъ вновь;
Увы! гдѣ самая любовь,
Нѣжнѣйшихъ душъ соединенье,
Готовитъ только сожалѣнье
И гаснетъ навсегда въ слезахъ,
Тамъ есть ли въ благахъ совершенство?...

* Она скончалась въ прошломъ году.

Мечта прелестная, блаженство!
Мелькая въ сердце и въ глазахъ,
Ты насъ желаньемъ утомляешь —
Приводишь къ гробовой доскѣ,
Надъ прахомъ милыхъ исчезаешь,
И сердце предаешь тоскѣ!

Теперь супруги не разлучны;
Въ могилѣ участь ихъ одна:
Покоятся въ жилищѣ сна,
Или уже благополучны
Чистѣйшимъ новымъ бытіемъ!...
А мы во странствіи своемъ
Еще томимые сомнѣньемъ,
Печалью, страхомъ и мученьемъ,
Свой путь съ терпѣніемъ свершимъ!
Надежда смертныхъ утѣшаетъ,
Что міръ другой насъ ожидаетъ:
Сей свѣтъ пустыня передъ нимъ!
Тамъ всѣ, кого мы здѣсь любили,
Съ кѣмъ въ юности пріятно жили;
Тамъ, тамъ *собраніе вѣковъ*,
Мужей великихъ, мудрецовъ,
Которыхъ въ лѣтописяхъ славимъ!...
И съ тѣми, коихъ здѣсь оставимъ,
Мы разлучимся лишь на часъ.
Земля гостинница для насъ!

1803 г.

ПѢСНЬ ВОИНОВЪ.

(сочинена въ 1806 году).

—

Гремитъ, гремитъ священный гласъ
Отечества, Закона, Славы!
Сыны Россійскія Державы!
Насталъ великодушныхъ часъ:
Онъ нашъ!... Друзья! вооружимся,
Съ врагомъ отечества сразимся;
Ударимъ мощною рукой,
Какъ дѣти грознаго Борея,
И міру возвратимъ покой,
Низвергнувъ общаго злодѣя!

Цари, народы слезы льютъ:
Державы, воинства ихъ пали;
Европа есть юдоль печали.
Свершился ль Неба Страшный судъ?
Нѣтъ, нѣтъ! у насъ Святое знамя,
Въ рукахъ желѣзо, въ сердцѣ пламя:
Еще судьба не рѣшена!
Не торжествуй, о Галлъ надменный!
Твоя побѣда не вѣрна:
Се Россъ, тобой не одолѣнный!

Готовъ кровопролитный бой!
Отвѣдай силъ и щастья съ нами;

Сломи грудь съ грудью, рядъ рядами;
Ступай: увидимъ, кто Герой!
Пощады нѣтъ: тебя накажемъ,
Или мы всѣ на мѣстѣ ляжемъ.
Что жизнь для побѣжденныхъ? стыдъ!
Кто въ плѣнъ дается? боязливый!
Сей острый мечь, сей мѣдный щитъ
У насъ въ рукахъ, пока мы живы.

Ты намъ дерзаешь угрожать?
Но Римлянъ страшныхъ легіоны
Могли ль дать Сѣверу законы?
Полунощь есть Героевъ мать:
Римъ палъ, ихъ мышцей сокрушенный,
Колоссъ вѣками утвержденный.
Ищи на Югѣ робкихъ слугъ:
Сынъ Сѣвера въ странѣ желѣзной
Живетъ съ свободою самъ-другъ,
И Царь ему отецъ любезной.

Но ты идешь: друзья! впередъ!
Гремите звучными щитами,
Сверкайте свѣтлыми мечами
И пойте древній гимнъ побѣдъ!
Герои въ старости маститой,
Дѣлами, саномъ знаменитой!
Ведите юношъ Славы въ храмъ!
Достойный Олтарей Служитель!
Кури священный ѳиміамъ;
Молись... Россъ будетъ побѣдитель!

О тѣни древнихъ согражданъ!
Въ селеньяхъ горнихъ вы покойны!
Мы славы вашея достойны;
Обѣтъ сердечный нами данъ
Служить примѣромъ для потомства;
Не знаютъ Россы вѣроломства
И клятву чести сохранятъ:
Да будетъ міръ тому свидѣтель!
За Галла весь ужасный адъ:
За насъ же Богъ и Добродѣтель!

═

ОСВОБОЖДЕНІЕ ЕВРОПЫ

И

СЛАВА АЛЕКСАНДРА I.

(посвящено московскимъ жителямъ).

Quae homines arant, navigant,
aedificant, virtuti omnia parent.
Саллустій.

—

Конецъ побѣдамъ! Богу слава!
Низверглась адская Держава:
Сраженъ, сраженъ Наполеонъ!
Народы и Цари! ликуйте:

Воскресъ порядокъ и Законъ.
Свободу міра торжествуйте!
Есть правды Богъ: Тирана нѣтъ!
Преходитъ тьма, но вѣченъ свѣтъ.

Сокрылось нощи привидѣнье.
Се утро, жизни пробужденье!
Се гласъ Природы и Творца:
«Уставовъ Я не премѣняю:
«Не будутъ камнями сердца;
«Безумства въ умъ не обращаю.
«Злодѣй торжествовалъ: гдѣ онъ?
«Исчезъ какъ безобразный сонъ!»

О радость! Въ духѣ умиленный
И дѣломъ Бога восхищенный,
Паду, лью слезы и молюсь!...
Отецъ!... пусть бури міръ волнуютъ!
Надъ ними Ты: не устрашусь!
И бури благость знаменуютъ,
Добро, любовь и стройный чинъ.
О! ты великъ, великъ единъ!

Умолкло горести роптанье.
Минувшихъ золъ воспоминанье
Уже есть благо для сердецъ. —
Изъ рукъ отчаянной Свободы
Пріявъ Властительскій вѣнецъ
Съ обѣтомъ умирить народы
И воцарить съ собой Законъ,
Сынъ хитрой лжи, Наполеонъ,

Призракъ величія, Героя,
Подъ лаврами духъ низкій кроя,
Возсѣлъ на тронъ — людей карать
И землю претворять въ могилу,
Слезами, кровью утучнять;
Въ законъ одну поставить силу;
Не славой, клятвою побѣдъ
Наполнить устрашенный свѣтъ.

И бысть! Упали Царства, троны.
Его ужасны легіоны
Какъ огнь и бурный духъ текли
Подъ громомъ смерти, разрушенья,
Сквозь дымъ пылающей земли;
А онъ съ улыбкой наслажденья,
Сидя на грудѣ мертвыхъ тѣлъ,
Страданіе и гибель зрѣлъ.

Ничто Аттилы, Чингисъ-Ханы,
Ничто Батыи, Тамерланы
Предъ нимъ въ свирѣпости своей.
Они въ степяхъ образовались
Среди рыкающихъ звѣрей,
И въ вѣки варварства являлись:
Сей лютый тигръ, не человѣкъ,
Явился въ просвѣщенный вѣкъ.

Уже гордились мы Наукой,
Ума плодомъ, добра порукой,
И славились искусствомъ жить;
Уже мы знали, что Владѣтель

Отцемъ людей обязанъ быть,
Любить не власть, но добродѣтель;
И что побѣдами славна
Лишь справедливая война.

Сей извергъ, міру въ казнь рожденный,
Мечтою славы ослѣпленный,
Чтобъ быть безсмертнымъ, убивалъ!
Хотѣлъ *всемірныя Державы:*
Лишь Небо Богу уступалъ; *
Топталъ святѣйшіе уставы;
Не скиптромъ правилъ, а мечемъ,
И былъ — Державнымъ палачемъ!

Въ чертогахъ, въ хижинахъ стенали;
Въ вѣнцахъ главы рабовъ сіяли:
Престолы сдѣлались стыдомъ.
Темнѣли разумъ, просвѣщенье:
Долгъ, совѣсть, честь казались сномъ.
Слабѣла вѣра въ Провидѣнье:
«Гдѣ Мститель? гдѣ любовь Отца?»
Грубѣли чувства и сердца.

Среди гробовъ, опустошенья,
Безмолвія, оцѣпенѣнья,
Съ кровавымъ, дерзостнымъ челомъ
Насиліе торжествовало,

* На одной медали Наполеонова времени изображено Всевидящее Око, съ надписью: *Тебѣ небо, мнѣ земля.*

И веселяся общимъ зломъ,
Себя хвалами величало,
Вѣщая: «властвуетъ Судьба!
«Она мнѣ служитъ какъ раба!»

Еще въ Европѣ отдаленной
Одинъ народъ благословенной
Главы подъ иго не склонялъ;
Отъ цвѣта жизни до сѣдинъ,
Хранилъ въ душѣ простые нравы;
Въ войнахъ издревле побѣждалъ;
Давалъ инымъ странамъ уставы,
Но самъ жилъ только по своимъ,
Царя любилъ, Царемъ любимъ;

Не славился богатствомъ знаній,
Ни хитростію мудрованій;
Умѣлъ наказывать враговъ,
Являясь въ дружествѣ правдивымъ;
Стоялъ за Русь, за прахъ отцовъ,
И былъ безъ гордости щастливымъ;
Свободы ложной не искалъ,
Но все имѣлъ, чего желалъ.

Уже Тиранъ свирѣпымъ окомъ,
Влекомый къ казни тайнымъ Рокомъ,
Измѣрилъ путь въ сію страну,
И поднялъ для нее оковы;
Изрекъ погибель и войну.
Уже рабы его готовы

Послѣднюю изъ жертвъ заклать —
И началась Святая рать.

Для насъ Святая!... Боже Мститель!
Се Ты, злодѣйства Истребитель!
Се Ты на бурныхъ облакахъ,
Въ ударахъ молніи палящей!
Ты въ сердцѣ Россовъ и въ устахъ,
Въ рукѣ за Вѣру, правду мстящей!
Кто Бога Воинствъ побѣдитъ?
У насъ и мечь Его и щитъ!

Тирану служатъ милліоны:
Героевъ Росскихъ легіоны
Идутъ алмазною стѣной;
А старцы, жены простираютъ
Десницу къ Вышнему съ мольбой;
Слезами Благость умиляютъ.
Вездѣ курится ѳиміамъ:
Россія есть обширный храмъ.

Лежатъ храбрѣйшіе рядами;
Поля усѣяны костями;
Все пламенемъ истреблено.
Не грады, только честь спасаемъ!...
О славное Бородино!
Тебя потомству оставляемъ
На память, что Россіи сынъ
Стоитъ противъ двоихъ одинъ! *

* Увѣряютъ, что Французовъ было 180.000, а нашихъ

А ты, Державная Столица,
Градовъ Славянскихъ Мать-Царица,
Созданіе семи вѣковъ,
Гдѣ пышность, нѣга обитали,
Цвѣли богатства, плодъ трудовъ;
Гдѣ храмы лѣпотой сіяли,
И гдѣ покоился въ гробахъ
Царей Святыхъ нетлѣнный прахъ!

Москва! прощаемся съ тобою,
И нашей собственной рукою
Тебя мы въ пепелъ обратимъ! *
Пылай: се пламя очищенья!
Мы землю съ Небомъ примиримъ.
Ты жертва общаго спасенья!
Въ твоихъ развалинахъ найдетъ
Врагъ мира гробъ своихъ побѣдъ.

Свершилось!... Дымомъ омраченный,
Пустыней, пепломъ окруженный,
Узрѣлъ онъ гибель предъ собой.
Бѣжитъ!... но Богъ съ сѣдымъ Героемъ **
Шлетъ казнь изъ тучи громовой:
Здѣсь воины блестящимъ строемъ,

90.000, кромѣ Московскаго Ополченія, не бывшаго въ дѣлѣ.

* Очевидцы разсказываютъ, что Каретный и Москотильный ряды зажжены рукою самихъ лавошниковъ, также и многіе домы хозяйскою,

** Княземъ Кутузовымъ-Смоленскимъ.

Тамъ ужасы зимы и гладъ
Его встрѣчаютъ и мертвятъ.

Какъ въ безднахъ темной Адской сѣни
Толпятся осужденныхъ тѣни
Подъ свистомъ лютыхъ Эвменидъ:
Такъ сонмы сихъ *непобѣдимыхъ*,
Едва имѣя жизни видъ,
Въ страданіяхъ неизъяснимыхъ
Скитаются среди лѣсовъ;
Имъ пища ледъ, имъ снѣгъ покровъ.

Въ огонь ввергаются отъ хлада;
Себя терзаютъ въ мукахъ глада:
Полмертвый мертваго грызетъ.
Стадами птицы плотоядны
Летятъ за ними съ крикомъ въ слѣдъ;
За ними звѣри кровожадны,
Разинувъ челюсти, бѣгутъ
И члены падающихъ рвутъ.

О жертвы хищнаго злодѣйства!
Вы были радостью семейства;
Имѣли ближнихъ и друзей:
Почто вы гибели искали
Въ дали полуночныхъ степей?
Мы вашей крови не жаждали;
Но кто оковы намъ несетъ,
Умремъ — или онъ самъ падетъ!

Гдѣ ваши Легіоны Страха?
Лежатъ безмолвно въ нѣдрахъ праха;
Осталась память ихъ одна,
И вѣтры пепелъ развѣваютъ.
Се ваши громы, знамена:
Младенцы ими здѣсь играютъ. —
Свободны мы, но въ рабствѣ міръ:
Еще Тирановъ цѣлъ кумиръ.

Еще Европа въ изумленьѣ;
Но скоро общее волненье
Вселяетъ мужество въ сердца.
Гласятъ: «и мы хотимъ свободы,
«И нашимъ бѣдствіямъ конца!»
Подвиглись троны и народы;
Другъ съ друга въ гнѣвѣ цѣпи рвутъ,
И съ яростью на брань текутъ.

О диво! зрѣлище Святое! —
Кто въ шумномъ, благолѣпномъ строѣ,
Вѣнчанный лаврами побѣдъ,
Съ лицемъ умильнымъ и смиреннымъ
Народы къ торжеству ведетъ,
И перстомъ, къ небу обращеннымъ,
Имъ кажетъ Бога вышнихъ силъ,
Съ Кѣмъ онъ уже враговъ сразилъ?

Россіи Царь благочестивый,
Герой въ душѣ миролюбивый!
Онъ долго брани не хотѣлъ;
Спасалъ отъ бурь свою Державу:

Отецъ чадъ-подданныхъ жалѣлъ
И ненавидѣлъ крови славу;
Когда жь мечь правды обнажилъ.
Рекъ: *съ нами Богъ!* и побѣдилъ.

Вотще Злодѣй окровавленный,
Какъ вепрь до сердца уязвленный,
Остатокъ собираетъ жертвъ
Коварства, лютаго обмана:
У нихъ мечи, но духъ ихъ мертвъ:
Идутъ сражаться за Тирана!
И съ кѣмъ? съ любовью къ Олтарямъ
Къ свободѣ, къ истиннымъ Царямъ!

Ничто всѣ хитрости искусства
Противъ восторга, правды чувства.
Толпы Героевъ и Вождей
Война народная раждаетъ,
И первый изъ земныхъ Царей
Собою имъ примѣръ являетъ.
(Россія! не страшись: надъ Нимъ
Господь благій съ щитомъ своимъ!)

Днемъ въ полѣ, нощію не дремлетъ:
Совѣтамъ прозорливыхъ внемлетъ,
Всѣ думы Александръ рѣшитъ;
Предвидитъ замыслы лукавыхъ;
Союзъ отъ зависти хранитъ;
Стыдя виновныхъ, хвалитъ правыхъ
И слабымъ мужество даетъ.
Онъ силенъ: въ Немъ коварства нѣтъ!

Стократно въ битвахъ одолѣнный.
Изсохшихъ лавровъ обнаженный,
Ознаменованный стыдомъ,
Тиранъ перунъ угасшій мещетъ —
И се послѣдній грянулъ громъ,
И новый Вавилонъ трепещетъ
Колоссъ-Наполеонъ падетъ
Къ ногамъ Царей: свободенъ свѣтъ!

Земли подвиглось основанье!
Гремитъ народовъ восклицанье!
Онъ палъ! онъ палъ! Кипятъ сердца;
Къ надеждамъ щастья оживаютъ.
Какъ дѣти одного отца,
Всѣ, всѣ другъ друга обнимаютъ....
Онъ палъ! въ восторгѣ цѣлый свѣтъ!
Народы братья! злобы нѣтъ!

Въ семъ общемъ, радостномъ волненьѣ,
Царей, Героевъ прославленьѣ,
Чье имя первое въ устахъ?
Кому гремятъ вселенной лики:
Безъ лести, въ искреннихъ хвалахъ
Даютъ названіе *Великій?*
Отечество мое! ликуй,
И съ Александромъ торжествуй!

Отверзлися врата эѳира,
И духи выспренняго міра
Парили надъ главой Твоей,
Помазанникъ Сосудъ Избранный

Ко избавленію людей,
Монархъ Россіею вѣнчанный,
Но данный Богомъ всѣмъ странамъ,
Языкамъ, будущимъ вѣкамъ;

Когда врагамъ, уже смиреннымъ,
Твоею славой удивленнымъ,
Вѣщалъ Ты въ благости: *миръ вамъ!*
Когда съ любовью восхищенной,
Дотолѣ чуждой ихъ сердцамъ,
Они въ сей часъ благословенной,
Внимая Ангельскую рѣчь,
Лобзали Твой побѣдный мечь;

Когда, ихъ чувствомъ умиленный,
Оливой, пальмой осѣненный,
Среди народа и Вождей,
На мѣстѣ обагренномъ кровью
Невиннѣйшаго изъ Царей,
Ты съ чистой вѣрою, любовью
Молясь колѣна преклонилъ
И Бога гнѣва укротилъ; *

Когда злодѣями гонимый,
Но втайнѣ добрыми любимый,
Святаго Лудовика сынъ,
Нещастіемъ сопровожденный

* Читатели помнятъ о семъ умилительномъ священнодѣйствіи на мѣстѣ, гдѣ варвары убили Лудовика XVI.

На тронъ Тобою возведенный,
Тебя съ слезами обнималъ
И сыномъ Неба называлъ!

Вѣщайте, лѣтописи Славы!
Какихъ вѣковъ, какой Державы
Монархъ столь блага совершилъ?
Ищу.... Закройтесь: нѣтъ примѣра!
Къ величію подвигнутъ былъ
Онъ вами, Добродѣтель, Вѣра!
На Бога твердо уповалъ,
И выше всѣхъ Героевъ сталъ.

Россіи слава, Царствъ спасенье,
Наукъ, торговли оживленье,
Союзъ Властей, — покой, досугъ,
Уму и сердцу вождѣленный:
О! сколько, сколько щастья вдругъ!
Какъ міръ, грозою потрясенный,
Въ разрывѣ смертоносныхъ тучь
Съ любовью видитъ солнца лучь:

Такъ всѣ мы тишину встрѣчаемъ
Привѣтствуемъ душей, ласкаемъ
Изгнанницу столь многихъ лѣтъ!
Забудемъ зло, но разсуждая.
Насъ опытъ къ Мудрости ведетъ:
Изъ глубины вѣковъ блистая
Какъ ясная умовъ заря,
Сія другиня Олтаря

Къ намъ нынѣ руку простираетъ —
Страстямъ велитъ молчать — вѣщаетъ:
«Цари, народы! благо вамъ,
«Десницей Вышняго спасеннымъ!
«Но клятва будущимъ войнамъ,
«Безумцамъ, славой обольщеннымъ!
«Великъ отецъ и другъ людей,
«Не Геній зла, не мужъ кровей.

«Кто слѣдомъ Галліи Тирана,
«Путемъ насилія обмана,
«Для Ада радостныхъ побѣдъ,
«Еще къ безсмертью устремится?
«Стократъ онъ прежде смерть найдетъ,
«Чѣмъ съ нимъ побѣдами сравнится —
«И сей Наполеонъ въ пыли;
«Живетъ теперь въ позоръ земли:

«Нещастный пьетъ стыда отраву!
«Цари! *всемірную Державу*
«Оставьте Богу одному!
«Залогъ, вамъ Небомъ порученный,
«Вы должны возвратить Ему.
«Не кровью слабыхъ обагренный
«Для умноженья областей,
«Но съ мирнымъ щастіемъ людей.

«Не для войны живетъ Властитель:
«Онъ мира, цѣлости хранитель.
«Пусть каждый собственность блюдетъ,
«И чуждато да не коснется!

«Тогда спокоенъ будетъ свѣтъ.
«У Дикихъ кровь рѣкою льется:
«Тамъ воинъ — первый человѣкъ;
«Но вѣкъ ума гражданскій вѣкъ.

»Судить, давать, блюсти Законы,
»Съ мечемъ въ рукѣ — для обороны
«Отъ чуждыхъ и своихъ враговъ,
«Есть дѣло вышней Царской власти.
«Не будетъ праздныхъ вамъ часовъ,
«Пока, увы! пылаютъ страсти.
«Любите знаній тихій свѣтъ:
«Отъ нихъ — Наполеона нѣтъ! *

«Народы! власти покоряйтесь;
«Свободой ложной не прельщайтесь:
«Она призракъ, страстей обманъ.
«Вы зрѣли Галловъ заблужденье:
«И своевольство и Тиранъ
«Отмстили имъ за возмущенье
«Противъ законнаго Царя,
«Уставовъ древнихъ, Олтаря.

«Питайте въ сердцѣ добродѣтель:
«Тогда не будетъ вашъ Владѣтель
«Святыхъ законовъ попирать.
«Ко злому только зло влечется:

* Если бы Наполеонъ злодѣйствовалъ не въ просвѣщенныя, а въ варварскія времена, то онъ могъ бы умереть въ величіи.

«Благимъ и Царь есть благодать.
«Господь Небесъ о всѣхъ печется;
«И червь Его рукой хранимъ.
«Надъ вами Царь, а Богъ надъ нимъ.

«Въ Правленьяхъ новое опасно,
«А безначаліе ужасно.
«Какъ трудно общество создать!
«Оно устроилось вѣками:
«Гораздо легче разрушать
«Безумцу съ дерзкими руками.
«Не вымышляйте новыхъ бѣдъ:
«Въ семъ мірѣ совершенства нѣтъ!

«Цари да будутъ справедливы,
«Народы вѣрностью щастливы!
«Не искушайте никогда
«Всевышняго въ долготерпѣньи:
«Спасаетъ Богъ — но не всегда.»
Рекла — и міръ въ благоговѣньи;
Умолкла — но ея совѣтъ
Есть гласъ ума въ дѣяньяхъ лѣтъ.

Изчезните, примѣры злые!
Теките щастья дни златые
Для всѣхъ народовъ и Царей!
А ты, нашъ Царь благословенный,
Спѣши, спѣши къ странѣ Своей,
Побѣдой, славой утружденный!

Вездѣ Ты искренно хвалимъ,
А здѣсь и славимъ и любимъ.

Тебя какъ солнце ждемъ душею!
Ахъ благодарностью своею!
Достойны мы *Твоими* быть!
Гряди съ Геройскими полками,
Которыхъ память будетъ жить
Вовѣкъ съ чудесными дѣлами!
Россійскихъ древнихъ Царствъ глава,
Сѣдая въ доблести Москва

Съ себя прахъ смерти отрясаетъ;
Развалины свои вѣнчаетъ
Цвѣтами юныя весны.
Не бойся мрачныхъ лицъ, стенаній:
Печали всѣ погребены.
Услышишь громы восклицаній:
«Для щастья нашего живи!»
Узрить одинъ восторгъ любви.

1814 г.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

Богатырская сказка. *

Le monde est vieux, dit-on: je le crois; cependant
Il le faut amuser encore comme un enfant.

La Fontaine.

—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Не хочу съ Поэтомъ Греціи
звучнымъ гласомъ Калліопинымъ
пѣть вражды Агамемноновой
съ храбрымъ правнукомъ Юпитера;
или, слѣдуя Виргилію,
плыть отъ Трои разоренныя
съ хитрымъ сыномъ Афродитинымъ
къ злачнымъ берегамъ Италіи.
Не желаю въ Миѳологіи
черпать дивныхъ, странныхъ вымысловъ.
Мы не Греки и не Римляне;

* Вотъ начало бездѣлки, которая занимала нынѣшнимъ лѣтомъ уединенные часы мои. Продолженіе остается до другаго времени; конца еще нѣтъ, — можетъ быть и не будетъ. — Въ разсужденіи мѣры скажу, что она совершенно Русская. Почти всѣ наши старинныя пѣсни сочинены такими стихами.

мы не вѣримъ ихъ преданіямъ;
мы не вѣримъ, чтобы богъ Сатурнъ
могъ любезнаго родителя
превратить въ урода жалкаго;
чтобы Леды были — курицы,
и несли весною яица,
чтобы Поллуксы съ Еленами
родились отъ бѣлыхъ лебедей.
Намъ другія сказки надобны;
мы другія сказки слышали
отъ своихъ покойныхъ мамушекъ.
Я намѣренъ слогомъ древности
разсказать теперь одну изъ нихъ
вамъ, любезные читатели,
естьли вы въ часы свободные
удовольствіе находите
въ Русскихъ басняхъ, въ Русскихъ повѣстяхъ,
въ смѣси былей съ небылицами,
въ сихъ игрушкахъ мирной праздности,
въ сихъ мечтахъ воображенія.
Ахъ! не все намъ горькой истиной
мучить томныя сердца свои!
ахъ! не все намъ рѣки слезныя
лить о бѣдствіяхъ существенныхъ!
На минуту позабудемся
въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ!

Не хочу я на Парнасъ итти;
нѣтъ! Парнасъ гора высокая,
и дорога къ ней не гладкая.
Я видалъ, какъ наши витязи,

наши стихо-риѳмо-дѣтели,
упиваясь одопѣніемъ,
лѣзутъ на вершину Пиндову,
обступаются и внизъ летятъ,
не съ вѣнцами и не съ лаврами,
но съ ушами (ахъ!) ослиными,
для позорища насмѣшникамъ!
Нѣтъ, любезные читатели!
я прошу васъ не туда съ собой.
Близъ моей смиренной хижины,
на берегу рѣки прозрачныя,
роща древняя, дубовая,
насъ укроетъ отъ лучей дневныхъ.
Тамъ мой дѣдушка на старости
въ жаркой полдень отдыхалъ всегда
на колѣняхъ милой бабушки;
тамъ виситъ его пернатый шлемъ;
тамъ виситъ его булатный мечь,
коимъ онъ враговъ отечества
за гордыню ихъ наказывалъ —
(кровь Турецкая и Шведская
и теперь еще видна на немъ).
Тамъ я сяду на берегу рѣки,
и подъ тѣнью древъ развѣсистыхъ
буду повѣсть вамъ разсказывать.
Тамъ вы можете тихохонько,
естьли скучно вамъ покажется,
раза два зѣвнувъ, сомкнуть глаза.

Ты, которая въ подсолнечной
всюду видима и слышима;

ты, которая какъ богъ Протей
всякой образъ на себя берешь,
всякимъ голосомъ умѣешь пѣть,
удивляешь, забавляешь насъ, —
все вѣщаешь, кромѣ..... истины;
объявляешь съ газетирами
сокровенности Политики,
сочиняешь съ стихотворцами
знатнымъ похвалы прекрасныя;
величаешь Пантомороса *
славнымъ безпримѣрнымъ авторомъ;
съ Алхимистомъ открываешь намъ
тайну камня философскаго;
изъясняешь съ систематикомъ
связь души съ тѣлесной сущностью
и свободы человѣческой
съ непремѣнными законами; —
ты, которая съ Людмилою
нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ
мнѣ сказала: *я люблю тебя!*
о богння свѣта бѣлаго —
Ложь, неправда, призракъ истины!
будь теперь моей богинею,
и цвѣтами луга Русскаго
Убери Героя древности,
величайшаго изъ витязей,
чудодѣя *Илью Муромца!*
Я объ немъ хочу бесѣдовать, —

* То есть, обер-дурака.

объ его безсмертныхъ подвигахъ.
Ложь! съ тобою не учиться мнѣ
небылицы выдавать за быль.

Солнце красное явилося
на лазури неба чистаго,
и лучами злата яркаго
освѣтило рощу тихую,
холмъ зеленый и цвѣтущій долъ.
Улыбнулось все творенiе;
воды съ блескомъ заструилися;
травки, ночью освѣженныя,
и цвѣточки благовонные
растворили воздухъ утренній
сладкимъ духомъ, ароматами.
Всѣ кусточки оживилися,
и пернатыя малюточки,
коноплянnetwork съ малиновкой,
въ нѣжныхъ пѣсняхъ славить начали
день, безпечность и спокойствiе.
Никогда въ Россiйской области
не бывало утро лѣтнее
веселѣе и прекраснѣе.

Ктожь симъ утромъ наслаждается?
Кто на статномъ соловомъ конѣ,
черный щитъ держа въ одной рукѣ,
а въ другой копье булатное,
ѣдетъ по лугу какъ грозный царь?
На главѣ его пернатый шлемъ
съ золотою, свѣтлой бляхою;

на бедрѣ его тяжелый мечь;
латы, солнцемъ освѣщенныя,
сыплютъ искры и огнемъ горятъ.
Кто сей витязь, богатырь младой?
Онъ подобенъ Маю красному:
розы алыя съ лилеями
разцвѣтаютъ на лицѣ его.
Онъ подобенъ мирту нѣжному:
тонокъ, прямъ и величавъ собой.
Взоръ его быстрѣй орлинаго,
и свѣтлѣе ясна мѣсяца.
Кто сей рыцарь? — Илья Муромецъ.
Онъ проѣхалъ дикой темной лѣсъ,
и глазамъ его является
поле гладкое, обширное,
гдѣ Природою разсыпаны
въ изобиліи дары земли.
Витязь Геспера не читывалъ;
но имѣя сердце нѣжное,
любовался красотою дня:
тихимъ шагомъ ѣхалъ по лугу,
и въ душѣ своей чувствительной
жертву утреннюю, чистую,
приносилъ Царю небесному.
«Ты, Которой украшаешь все,
«Русской Богъ и Богъ вселенныя!
«Ты, Которой надѣляешь насъ
«всѣми благами щедротъ Своихъ!
«будь всегда моимъ помощникомъ!
«Я клянуся вѣчно слѣдовать
«богатырскимъ предписаніямъ

«и уставамъ добродѣтели,
«быть защитникомъ невинности,
«бѣдныхъ, сирыхъ и нещастныхъ вдовъ,
«и наказывать мечемъ своимъ
«злыхъ тирановъ и волшебниковъ,
«устрашающихъ сердца людей!» —
Такъ Герой нашъ размышлялъ въ себѣ,
и повсюду обращая взоръ,
за кустами впереди себя;
надъ струями рѣчки быстрыя,
видитъ свѣтло-голубой шатеръ,
видитъ ставку богатырскую
съ золотою круглой маковкой.
Онъ къ кусточкамъ приближается,
и стучитъ копьемъ въ желѣзный щитъ:
но отвѣту богатырскаго
нѣтъ на стукъ его оружія.
Бѣлый конь гуляетъ по лугу,
не осѣдланный, не взнузданный, —
щиплетъ травку ароматную,
и слѣды подковъ серебряныхъ
оставляетъ на росѣ цвѣтовъ.
Не выходитъ витязь къ витязю
поклониться, ознакомиться.

Удивляется нашъ Муромецъ;
смотритъ на небо и думаетъ:
«солнце выше горъ лазоревыхъ,
«а Россійской богатырь въ шатрѣ
«не ужель еще покоится?» —
Онъ пускаетъ на зеленой лугъ

своего коня надежнаго,
и вступаетъ смѣлой поступью
въ ставку съ золотою маковкой.

Для чего Природа дивная
не дала мнѣ дара чуднаго
нѣжной кистію прельщать глаза,
и писать живыми красками
съ Тиціаномъ и Корреджіемъ?
Ахъ! тогда бы я представилъ вамъ,
что увидѣлъ витязь Муромецъ
въ ставкѣ съ золотою маковкой.
Вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли —
безпримѣрную красавицу,
всѣхъ любезностей собраніе,
рѣдкость милыхъ женскихъ прелестей;
вы бы вмѣстѣ съ ними увидѣли,
какъ она пріятнымъ, тихимъ сномъ
наслаждалась въ голубомъ шатрѣ:
разметавшись на цвѣтной травѣ,
какъ ея густые волосы,
свѣтлорусые, волнистые,
осѣняли бѣлизну лица,
шеи, груди алебастровой,
и свиваясь, развиваяся,
упадали на колѣна къ ней;
какъ ея рука лилейная,
гдѣ всѣ жилки васильковыя
были съ нѣжностью означены,
ея голову покоила;
какъ одежда снѣго-бѣлая,

полотняная, тончайшая,
отъ дыханья груди полныя
трепетала тихимъ трепетомъ.
Но не можно въ сказкѣ выразить,
и не можно написать перомъ,
чѣмъ глаза Героя нашего
услаждались на ея челѣ,
на ея устахъ малиновыхъ,
на ея бровяхъ возвышенныхъ,
и на всемъ лицѣ красавицы. —
Латы съ золотой насѣчкою,
шлемъ съ перомъ заморской *жаръ-птицы*,
мечь съ топазной рукояткою,
копіе съ булатнымъ остріемъ,
щитъ изъ стали вороненныя
и сѣдло съ блестящею осыпью
на травѣ лежали вкругъ ее.

Сердце твердое, геройское,
твердо въ битвахъ и сраженіяхъ
со врагами добродѣтели —
твердо въ бѣдствіяхъ, опасностяхъ;
но не твердо противъ женскихъ стрѣлъ,
мягче воску бѣлояраго
противъ нѣжныхъ, милыхъ прелестей.
Витязь зналъ красавицъ множество
въ безпредѣльной Русской области,
но такой еще не видывалъ.
Взоръ его не отвращается
отъ румянаго лица ея.
Онъ боится разбудить ее;

онъ досадуетъ, что сердце въ немъ
бьется съ частымъ, сильнымъ трепетомъ;
онъ дыханіе въ груди своей
останавливать старается,
чтобы долѣе красавицу
безпрепятственно разсматривать.
Но ему опять желается,
чтобъ красавица очнулась вдругъ,
ему хочется глаза ея —
вѣрно свѣтлые, любезные —
видѣть подъ бровями черными;
ему хочется внимать ея
гласу тихому, пріятному,
ему хочется узнать ея
любопытную исторію,
и откуда, и куда она,
и зачѣмъ дѣвица красная
(витязь думалъ и угадывалъ,
что она была дѣвицею)
ѣздитъ по свѣту геройствовать,
подвергается опасностямъ
жизни трудной, жизни рыцарской,
не щадя весеннихъ прелестей,
не боясь жара, холода.
«Руки слабой, тлѣнной женщины
могутъ шить сребромъ и золотомъ
въ красномъ и покойномъ теремѣ, —
не мечемъ и не копьемъ владѣть;
могутъ друга, сердцу милаго,
жать съ любовью къ сердцу нѣжному, —
не гигантовъ на поляхъ разить.

Естьли кто изъ злыхъ волшебниковъ
въ плѣнъ возьметъ дѣвицу юную:
ахъ! чего злодѣй безчувственной
съ нею въ ярости не сдѣлаетъ?» —
Такъ Илья съ собой бесѣдуетъ,
и взираетъ на прекрасную.

Время быстрою стрѣлой летитъ;
часъ проходитъ за минутами,
и за утромъ полдень слѣдуетъ —
незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Солнце къ западу склоняется,
и съ эфирною прохладою
вечеръ сходитъ съ неба яснаго
на луга и поле чистое —
незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Ночь на облакѣ спускается,
и густыя тьмы покровами
одѣваетъ землю тихую;
слышно ручейковъ журчаніе,
слышно эхо отдаленное,
и въ кусточкахъ соловей поетъ —
незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Тщетно витязь дожидается,
чтобы грудь ея высокая
вздохомъ нѣжнымъ всколебалася;
чтобъ она рукою бѣлою
хотя разъ тихонько тронулась,

и открыла очи ясныя!
Незнакомка спитъ по прежнему.

Онъ садится въ голубомъ шатрѣ,
и взирая на прекрасную,
видитъ въ самой темнотѣ ночной
красоту ея небесную,
видитъ — въ тронутой душѣ своей,
и въ своемъ воображеніи;
чувствуетъ ея дыханіе,
и не мыслитъ успокоиться
въ часъ глубокія полуночи.

Ночь проходитъ, наступаетъ день;
день проходитъ, наступаетъ ночь —
незнакомка спитъ по прежнему.

Рыцарь нашъ сидитъ какъ вкопаной;
забываетъ пищу, нужный сонъ.
Всякой часъ, минуту каждую
онъ находитъ нѣчто новое
въ милыхъ прелестяхъ красавицы;
и — недѣли цѣлой нѣтъ въ году!

Здѣсь, любезные читатели,
должно будетъ изъясниться намъ,
уничтожить возраженія
строгихъ, блѣднолицыхъ критиковъ:
«какъ Илья, хотя и Муромецъ,
хоть и витязь Руси древнія,
могъ сидѣть недѣлю цѣлую,

не вставая на одномъ мѣстѣ;
могъ ни маковыя росинки
въ ротъ не брать, дремы не чувствовать?»
Вы слыхали, какъ монахъ святой,
наслаждаясь дивнымъ пѣніемъ
райской пестрой конопляночки,
могъ безъ пищи и безъ сна пробыть
не недѣлю, но столѣтіе.
Развѣ прелести красавицы
не имѣютъ чародѣйствія
райской пестрой конопляночки?
О друзья мои любезные!
естьлибъ знали вы, что женщины
могутъ дѣлать съ нами бѣдными!....
Ахъ! спросите стариковъ сѣдыхъ;
ахъ! спросите самого меня....
и краснѣя, вамъ признаюся,
что волшебный видъ прелестницы —
не хочу теперь назвать ее! —
былъ мнѣ пищею небесною,
Олимпійскою амброзіей;
что я радъ былъ цѣлый вѣкъ не спать,
лишь бы видѣть могъ жестокую!....
Но боюся говорить объ ней,
и къ Герою возвращаюся.

«Что за чудо! рыцарь думаетъ:
я слыхалъ о богатырскомъ снѣ;
иногда онъ продолжается
три дни съ часомъ, но не болѣе;
а красавица любезная....»

Тутъ онъ видитъ муху черную
на ея устахъ малиновыхъ;
забываетъ разсужденія,
и рукою богатырскою
гонитъ злаго насѣкомаго;
машетъ пальцемъ указательнымъ,
(гдѣ сіялъ большой златой перстень,
съ талисманомъ *Велеславинымъ)* —
машетъ, тихо прикасается
къ алымъ розамъ бѣлолицыя —
и красавица любезная
растворяетъ очи ясныя!

Кто опишетъ милый взоръ ея,
кто улыбку пробужденія
ту любезность несказанную,
съ коей, ставъ, она привѣтствуетъ
незнакомаго ей рыцаря?
«Долгобъ спать мнѣ непрерывнымъ сномъ,
юный рыцарь! (говоритъ она)
естьлибъ ты не разбудилъ меня.
Сонъ мой былъ очарованіемъ
злаго, хитраго волшебника,
Черномора ненавистника.
Вижу перстень на рукѣ твоей,
перстень добрыя волшебницы,
Велеславы благодѣтельной:
онъ своею тайной силою,
прикоснувшись къ моему лицу,
уничтожилъ заклинаніе
Черномора ненавистника.»

Витязь снялъ съ себя пернатый шлемъ:
чернобархатные волосы
по плечамъ его разсыпались.
Какъ заря алѣетъ на небѣ,
разливаясь въ морѣ розовомъ
предъ восходомъ солнца краснаго:
такъ румянецъ на щекахъ его
разливался въ аломъ пламени.
Какъ роса сіяетъ на полѣ,
осребренная свѣтиломъ дня,
такъ сердечная чувствительность
въ маслѣ-глазъ его свѣтилася.
Стоя съ видомъ милой скромности
предъ любезной незнакомкою,
тихимъ и дрожащимъ голосомъ
онъ красавицѣ отвѣтствуетъ:
«даръ волшебницы любезныя
милъ и дорогъ моему сердцу;
я ему обязанъ щастіемъ
видѣть ясный свѣтъ очей твоихъ.» —
Взоромъ нѣжнымъ, выразительнымъ
онъ сказалъ гораздо болѣе.

Тутъ красавица примѣтила,
что одежда полотняная
не темница дла красотъ ея;
что любезный рыцарь-юноша
догадаться могъ легохонько,
гдѣ подъ нею что таилося.....
такъ сѣдый туманъ, волнуяся
надъ долиною зеленою,

не совсѣмъ скрываетъ холмики
посреди ея цвѣтущіе;
глазъ внимательнаго странника
сквозь волненіе туманное
видитъ ихъ вершинки круглыя.

Незнакомка взоръ потупила —
закраснѣлася какъ маковъ цвѣтъ,
и взялась рукою бѣлою
за доспѣхи богатырскіе.
Рыцарь понялъ, что крисавицѣ
безъ свидѣтелей желается
нарядиться юнымъ витяземъ.
Онъ изъ ставки вышелъ бережно —
посмотрѣлъ на небо синее —
прислонился къ вязу гибкому —
бросилъ шлемъ пернатый на землю,
и рукою подперъ голову.
Что онъ думалъ, — мы не скажемъ вдругъ;
но въ глазахъ его задумчивость
точно такъ изображалася,
какъ въ ручьѣ густое облако;
томный вздохъ изъ сердца вылетѣлъ.
Конь его, товарищъ вѣрный другъ,
видя рыцаря, бѣжитъ къ нему;
ржетъ и прыгаетъ вокругъ Ильи,
поднимая гриву бѣлую,
извивая хвостъ изгибистый.
Но Герой нашъ нечувствителенъ
къ ласкамъ, къ радости товарища,
своего коня надежнаго;

онъ стоитъ, молчитъ и думаетъ.
Долголь, долголь думать Муромцу?
Нѣтъ, не долго: — раскрываются
полы свѣтлоголубой ставки,
и глазамъ его является
незнакомка въ видѣ рыцаря.
Шлемъ пернатый развѣвается
надъ ея челомъ возвышеннымъ.
Героиня подпирается
копіемъ съ булатнымъ остріемъ;
мечь блистаетъ не бедрѣ ея. —
Въ ту минуту солнце красное
возсіяло ярче прежняго,
и лучи его съ любовію
пролилися на красавицу.

Съ кроткой, нѣжною улыбкою
смотритъ милая на витязя,
и движеньемъ глазъ лазоревыхъ
говоритъ ему: — «мы можемъ сѣсть
«на травѣ благоухающей,
«подъ сѣнистыми кусточками.» —
Рыцарь скоро приближается,
и садится съ Героинею
на травѣ благоухающей,
подъ сѣнистыми кусточками.
Двѣ минуты продолжается
ихъ глубокое молчаніе;
въ третью чудо совершается.....

1794 г.

(Продолженіе впредъ).

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

ЕКАТЕРИНѢ II.

—

Сограждане! дерзаю говорить о Екатеринѣ — и величіе предмета изумляетъ меня. Едва произнесъ Ея имя, и мнѣ кажется, что всѣ безчисленные пароды царствъ Россійскихъ готовы внимать словамъ моимъ: ибо всѣ обожали Великую. И тѣ, которые, скрываясь во мракѣ отдаленія — подъ тѣнію снѣжнаго Кавказа, или за вѣчными льдами пустынной Сибири — никогда не зрѣли образа Безсмертныя, и тѣ чувствовали спасительное дѣйствіе Ея правленія; и для тѣхъ была Она Божествомъ, невидимымъ, но благотворнымъ. Гдѣ только сіяло солнце въ областяхъ Россійскихъ, вездѣ сіяла Ея премудрость.

Щастливые Ораторы, могущіе украсить и возвеличить дѣла своихъ Героевъ! или вы, которые даромъ краснорѣчія воскрешаете темные подвиги древности! ваша доля завидна. Не скажутъ, что вы унизили предметъ свой. Кому судить васъ строго? Но мнѣ должно изобразить Монархиню,

которая Своимъ величіемъ удивила вселенную; мнѣ должно славить первую Героиню нашего времени, и въ присутствіи тѣхъ, для которыхъ слава Ея была щастіемъ. Она еще жива въ ихъ сердцѣ; Она еще и по смерти благотворитъ имъ! Черты мои должны казаться слабыми.... Но горе тому, кто, представляя себѣ Екатерину, можетъ думать о пользѣ своего ничтожнаго самолюбія! Благодарность, усердіе есть моя слава. И я жилъ подъ Ея скипетромъ! и я былъ щастливъ Ея правленіемъ! и буду говорить о Ней! Истина сильнѣе воображенія; чувство разительнѣе краснорѣчія — и ваше сердце, о Россіяне! возвыситъ дѣйствіе моего слабаго таланта.

Зерцало вѣковъ, Исторія, представляетъ намъ чудесную игру таинственнаго Рока: зрѣлище многообразное, величественное! Какія удивительныя перемѣны! какія чрезвычайныя происшествія! Но что болѣе всего плѣняетъ вниманіе мудраго зрителя? Явленіе великихъ душъ, полубоговъ человѣчества, которыхъ непостижимое Божество употребляетъ въ орудіе Своихъ важныхъ дѣйствій. Сіи любимцы Неба, разсѣянные въ пространствахъ временъ, подобны солнцамъ, влекущимъ за собою планетныя системы: они рѣшатъ судьбу человѣчества, опредѣляютъ путь его; неизъяснимою силою влекутъ милліоны людей къ нѣкоторой угодной Провидѣнію цѣли; творятъ и разрушаютъ царства; образуютъ эпохи, которыхъ всѣ другія бываютъ только слѣдствіемъ; они, такъ сказать, составляютъ цѣпь въ необозримости вѣковъ, пода-

ютъ руку одинъ другому, и жизнь ихъ есть Исторія народовъ.

Сограждане! не только въ тѣни древнихъ отдаленныхъ временъ, не только среди песчаныхъ морей Африки, на поляхъ Маратонскихъ, подъ орлами державнаго Рима, видимъ такихъ избранныхъ и великихъ смертныхъ. О слава Россіи! подъ небесами любезнаго отечества, на его тронѣ, въ его вѣнцѣ и порфирѣ сіяли Петръ и Екатерина. Они были *наши* — и любовь Всевышняго запечатлѣла Ихъ Своею печатію! *Они* другъ другу, на величественномъ ѳеатрѣ ихъ дѣйствій, подаютъ руку!.... Такъ, Екатерина явилась на престолѣ оживить, возвеличить твореніе Петра; въ Ея рукѣ снова расцвѣлъ изсохшій жезлъ Безсмертнаго, и священная Тѣнь Его успокоилась въ поляхъ вѣчности: ибо безъ всякаго суевѣрія можемъ думать, что великая душа и по разлукѣ съ міромъ занимается судьбою дѣлъ своихъ. Екатерина Вторая въ силѣ творческаго духа и въ дѣятельной мудрости правленія была непосредственною преемницею Великаго Петра; раздѣляющее Ихъ пространство исчезаетъ въ Исторіи. И два ума, два характера, столь между собою различные, составляютъ въ послѣдствіи своемъ удивительную гармонію для щастія народа Россійскаго! Чтобы *утвердить* славу мужественнаго, смѣлаго, грознаго Петра, должна чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ Его царствовать Екатерина; чтобы *предуготовить* славу кроткой, человѣколюбивой, просвѣщенной Екатерины, дол женствовалъ царствовать

Петръ: такъ сильные порывы благодѣтельнаго вѣтра волнуютъ весеннюю атмосферу, чтобы разсѣять хладные остатки зимнихъ паровъ, и приготовить Натуру къ теплому вѣянію Зефировъ!

Чудесный Промыслъ Всевышняго, непостижимый для смертныхъ! Кто бы вздумалъ искать при одномъ изъ скромныхъ Княжескихъ Дворовъ Германіи, въ тихомъ семействѣ Ангальтъ-Церстскаго Дома — кто бы вздумалъ искать тамъ причины нашего благоденствія и славы народа Россійскаго? Какой Улиссъ могъ бы узнать сію новую Пирру въ Ея первой, нѣжной юности? Какой мудрый Астрологъ, видя утреннюю зарю сего величества, предсказалъ бы въ Екатеринѣ восходъ лучезарнаго свѣтила для сѣверной Европы и Азіи? Казалось, что судьба опредѣлила Ей быть добродѣтельною супругою какого нибудь щастливаго Нѣмецкаго Князя. Нравственныя скромныя достоинства нѣжнаго пола были единственнымъ предметомъ родителей при Ея воспитаніи. Часто, среди славы Ея царствованія, въ искреннихъ изліяніяхъ дружества (которымъ только великіе Монархи умѣютъ па тронѣ наслаждаться) Она съ Ангельскою улыбкою говорила достойнѣйшимъ изъ своихъ подданныхъ: «Меня воспитывали для семейственной жизни: Провидѣніе открыло мнѣ науку царствовать».... Провидѣніе! такъ конечно: непосредственные дары Его производятъ все чрезвычайное въ мірѣ. Первое воспитаніе опредѣляетъ судьбу однѣхъ обыкновенныхъ душъ; великія, разрывая, такъ сказать, его узы, свободно преда-

ются внутреннему стремленію, подобно Сократу внимаютъ тайному Генію, ищутъ своего мѣста на земномъ шарѣ и образуютъ себя для онаго. Одна искра, и животворный огонь Прометеевъ пылаетъ; одна великая мысль, и великій умъ, воскрилясь, паритъ орломъ подъ облаками!

Екатерина была извѣстна въ Германіи Своею красотою, разумомъ и скромною любезностію, когда Елисавета призвала Ее украсить Дворъ Россійскій. Вы, которые имѣли щастіе видѣть тогдашнюю цвѣтущую юность Ея, вы донынѣ говорите съ восторгомъ о первыхъ живыхъ чувствахъ удивленія, возбужденныхъ въ сердцѣ вашемъ Ангельскимъ видомъ Ея, рѣдкимъ соединеніемъ божественныхъ прелестей! Я зрѣлъ лучезарный западъ сего свѣтила, и глазамъ моимъ не представлялось ничего величественнѣе. Она рождена была для самодержавія. Кротость, пріятность ума, врожденное искусство плѣнять душу людей, единымъ словомъ, единымъ взоромъ, произвели всеобщую къ Ней любовь Двора. Онъ былъ училищемъ для Екатерины, Которая имѣла выгоду примѣчать его волшебную игру, не будучи еще на тронѣ. Тутъ Ея проницательный взоръ открылъ слабыя стороны человѣческаго сердца, опасности Царей, и хитрые способы, употребляемые лукавствомъ для ихъ обольщенія: открытіе важное для науки царствовать! Тутъ прочитала Она въ добрыхъ сердцахъ всѣ тайныя желанія истинныхъ сыновъ отечества; тихій гласъ Патріотовъ доходилъ до Ея нѣжнаго слуха... Они съ

восторгомъ говорили о Петрѣ Великомъ и Его великихъ намѣреніяхъ. Екатерина хотѣла узнать сего полубога Россіянъ, и всѣ дѣла, всѣ законы Его, вмѣстѣ съ древнѣйшими лѣтописями нашего государства, были предметомъ Ея живѣйшаго любопытства. Сего не довольно: славнѣйшіе иностранные Авторы и Философы, подобно благодѣтельнымъ Геніямъ, ежедневно украшали разумъ Ея новыми драгоцѣнностями мыслей; въ ихъ твореніяхъ * искала Она правилъ мудрой Политики, и часто, облокотясь священною рукою на безсмертныя страницы *Духа законовъ*, раскрывала въ умѣ Своемъ идеи о народномъ щастіи, предчувствуя, что Она Сама будетъ творцемъ онаго для обширнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ!... Воображая сію душевную дѣятельность, я вижу, кажется, предъ собою юнаго Алкида, который, въ тишинѣ собирая силы, утверждая мышцы и рамена свои,

* Родительница Екатерины, знавъ любовь Ея ко чтенію книгъ, въ завѣщаніи своемъ отказала Ей свою библіотеку — сими словами: «Любезной моей Государынѣ «Дщери Екатеринѣ Алексѣевнѣ отдаю всю мою библіо«теку, какъ здѣшнюю, такъ и Дорнебургскую, собран«ную мною нарочно для Ея Высочества; ибо я знаю Ея «великую охоту ко чтенію. Всевышній да поможетъ Ей «украситься плодами онаго, и да пріобрѣтетъ Госуда«рыня, любезная Дщерь моя, всѣ добродѣтели, нужныя «для Ея высокаго сана! Чрезъ что исполнятся наши «родительскія наставленія, прежде данныя Ея Высоче«ству.»

готовится предпріять геройскіе подвиги... Ахъ! подвигъ мудраго Царя есть самый пріятнѣйшій въ мірѣ!

И Екатерина на тронѣ!... Уже на безсмертномъ мраморѣ Исторіи изображенъ сей незабвенный день для Россіи: удерживаю порывъ моего сердца описать его величіе.... Красота въ образѣ воинственной Паллады!... вокругъ блестящіе ряды Героевъ; пламя усердія въ груди ихъ!... предъ Нею священный ужасъ и Геній Россіи!... Опираясь на Мужество, Богиня шествуетъ — и Слава, гремя въ облакахъ трубою, опускаетъ на главу Ея вѣнокъ лавровый!....

Съ Екатериною возсѣли на престолъ кроткая мудрость, божественная любовь ко славѣ (источникъ всѣхъ дѣлъ великихъ), неутомимая дѣятельность, знаніе человѣческаго сердца, знаніе вѣка, ревностное желаніе довершить начатое Петромъ, просвѣтить народъ, образовать Россію, утвердить ея щастіе на столпахъ незыблемыхъ, согласить всѣ части правленія, и купить безсмертіе дѣлами Матери Отечества. Сей обѣтъ произнесла Монархиня во глубинѣ души Своей, и небесный Сердцевѣдецъ даровалъ Ей силу для исполненія.

Сограждане! Екатерина безсмертна Своими *побѣдами*, *мудрыми законами* и *благодѣтельными учрежденіями:* взоръ нашъ слѣдуетъ за нею на сихъ *трехъ* путяхъ славы.

═

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Сколь часто Поэзія, Краснорѣчіе и мнимая Философія гремятъ противъ славолюбія завоевателей! Сколь часто укоряютъ ихъ безчисленными жертвами сей грозной страсти! Но истинный Философъ различаетъ, судитъ, и не всегда осуждаетъ. Прелестная мечта всемірнаго согласія и братства, столь милая душамъ нѣжнымъ! для чего ты была всегда мечтою? Правило народовъ и Государей не есть правило частныхъ людей; благо сихъ послѣднихъ требуетъ, чтобы первые болѣе всего думали о внѣшней безопасности: а безопасность есть — могущество! Слабый народъ трепещетъ; сильный, подъ эгидою величія, свободно наслаждается политическимъ бытіемъ. Сія истина раждаетъ правила для Монарховъ. Исчезни память кровожадныхъ Аттилъ, которые хотѣли побѣждать единственно для славы побѣдъ! но цвѣти имя Героевъ, которые разили враговъ отечества, и побѣдами запечатлѣли его благоденствіе! Петръ и Екатерина хотѣли пріобрѣтеній, но единственно для пользы Россіи, для ея могущества и внѣшней безопасности, безъ которой всякое внутреннее благо не надежно. Монархиня знала, что Имперія Оттоманская, по своему закону и духу правленія, есть опасный врагъ Россіи; что всѣ союзы, всѣ дружественные договоры съ нею будутъ только краткимъ перемиріемъ и что единственный способъ утвердить покой на-

шего государства есть ослабить сего природнаго и вѣчнаго непріятеля Христіанъ — знала, и совершила. Но Европа видѣла, что Екатерина, будучи всегда готовою къ войнѣ, по особенной любви къ справедливости никогда Сама не разрывала мира; когда же мечь, извлеченный для обороны, блисталъ въ рукѣ Ея, тогда — горе врагамъ безразсуднымъ!

Едва Монархиня успѣла привести въ лучшій порядокъ внутреннее правленіе государства, уже дерзостный Мустафа оскорбилъ величіе Россіи; объявилъ себя союзникомъ Польскихъ мятежниковъ; требовалъ, чтобы войско наше оставило Станислава имъ въ жертву; и наконецъ, презирая священное право народовъ, заключилъ въ темницу того, кто при его Дворѣ былъ образомъ Екатерины!

Уже ея воины разили Оттомановъ; уже на берегахъ Днѣстровскихъ развѣвались наши побѣдоносныя знамена... но взоръ Екатерины еще искалъ Полководца, достойнаго Ея довѣренности и великихъ намѣреній. Она не хотѣла войны обыкновенной; не хотѣла жертвовать людьми по волѣ случая: хотѣла дѣйствіемъ превосходнаго ума предписать законъ Року. Искала и нашла — Румянцева! Сей великій мужъ славно отличилъ себя во время войны Прусской; взялъ Колбергъ; удивлялся хитрости искуснаго Фридриха, но часто угадывалъ его тайные замыслы; сражался съ нимъ, и видѣлъ нѣсколько разъ побѣгъ его воинства. Талантъ великихъ душъ есть узнавать великое въ другихъ лю-

дяхъ; и Екатерина, избравъ Румянцева, ускорила паденіе Турецкой Имперіи.

Герой, пріявъ начальство, перемѣнилъ всѣ воинскія распоряженія; отвергнулъ всѣ малодушныя осторожности, похожія на робость, и введенныя въ нашихъ арміяхъ чужеземными военачальниками. *Не рогатки, а огнь и мечь защита ваша*, сказалъ онъ Россійскимъ легіонамъ — и вдохновеніе геройства оживило ихъ. Пошли — и съ того времени каждый ударъ Россіянъ былъ пораженіемъ для Оттомановъ.

Дѣла неимовѣрныя, чудесныя! Сіи страшные завоеватели Востока, ужасъ Европы, истребители славныхъ армій ея, не могутъ стоять предъ лицемъ Румянцева! Восемдесятъ тысячь отборнаго Турецкаго войска, подъ начальствомъ Хана Селима, исчезло какъ прахъ на берегахъ Прута; ни высокая гора, ни укрѣпленный станъ не спасли ихъ. Сего мало — туда, гдѣ рѣка Прутъ вливаетъ быстрыя воды свои въ величественный Дунай; туда, гдѣ великій Петръ, окруженный невѣрными, отчаялся быть побѣдителемъ и требовалъ мира — туда Геній Екатерины привелъ Румянцева, и поставилъ его между врагами безчисленными. Съ одной стороны Ханъ Крымскій горѣлъ ревностію загладить стыдъ своего пораженія; съ другой самъ Визирь уже торжествовалъ въ мысляхъ побѣду. Сограждане! каждый изъ васъ слыхалъ о великомъ днѣ Кагульскомъ и проливалъ радостныя слезы, достойныя Русскаго сердца; я проливалъ ихъ, внимая вашему повѣствованію, Герои именитые, щаст-

ливые сподвижники Румянцева! и никогда въ моемъ воображеніи не затмится сія величественная картина. 17 Тысячь Русскихъ, на разсвѣтѣ прекраснѣйшаго дня, въ глубокомъ молчаніи идутъ умереть со славою противъ 150 тысячь непріятелей; тихое веселіе на ихъ лицахъ; въ груди предчувствіе геройскаго безсмертія. Всѣ повелѣнія были отданы, и вождь казался спокойнымъ; одно величество блистало въ его взорахъ. Вдругъ громы возвѣстили явленіе солнца, и тучи дыма сокрыли его, оно снова возсіяло — и гдѣ враги многочисленные? Я вижу трофеи наши, и среди ихъ Героя Румянцева, который, не измѣнивъ всегдашняго спокойнаго лица своего, пишетъ къ Монархинѣ донесеніе о славнѣйшей побѣдѣ въ мірѣ. Духъ Петра Великаго! Ты утѣшился. Отнынѣ сліяніе Прута съ Дунаемъ будетъ радостнымъ памятникомъ для Россіянъ.

За симъ торжествомъ Екатерининой славы міръ увидѣлъ другое, не менѣе чудесное. Сама Природа заграждаетъ, кажется, дальній путь нашимъ флотамъ, окружая льдами гавани Россіи на половину года; но Геній Монархини побѣждаетъ Природу, и волны моря Средиземнаго пѣнятся подъ рулями Россійскими. Священныя воспоминанія Исторіи волновали сердце нашихъ плывущихъ Героевъ, когда они узрѣли берега Италіи. *Имъ казалось*, что великія тѣни Фабриціевъ, Камилловъ, Сципіоновъ, паря надъ гробомъ древней Республики, съ любопытствомъ и удивленіемъ взирали на гордый, и симъ морямъ неизвѣстный флагъ Екатерины;

имъ казалось, что Россія есть новый Римъ своимъ величествомъ. Съ такими чувствами наши Аргонавты приближались къ странамъ, еще древнѣйшимъ въ лѣтописяхъ славы, и равно богатымъ великими идеями; они надѣялись воскресить тамъ геройство Ликурговыхъ и Солоновыхъ питомцевъ; надѣялись именемъ новой Аѳинеи воззвать къ жизни и великимъ дѣламъ потомковъ Мильтіада, Аристида, Ѳемистокла. Но долговременное рабство навѣки умертвило тамъ сердца людей; грубый слухъ не внималъ уже сладкому имени свободы, и Герои Россійскіе увидѣли, что имъ надлежало думать только о славѣ Екатерины. Не за тѣмъ окружили они Европу, ни за тѣмъ оставили за собою берега Африканскіе, чтобы творить дѣла обыкновенной храбрости.... и море Эгейское пылаетъ!... О зрѣлище, для самаго воображенія ужасное, мысль смѣлая и великая! исполненіе дерзостное и щастливое! Молніеносные Россіяне повелѣваютъ стихіями: огнь и волны истребляютъ врага! вѣками уготованныя морскія силы его исчезаютъ съ дымомъ! Все Оттоманское гибнетъ кромѣ однихъ трофеевъ для побѣдителя — и Монархиня возлагаетъ ихъ, скромно и величественно, на гробъ Петра Перваго! — Чесма безсмертна, подобно Полтавѣ и Кагулу; и семидесятый годъ минувшаго вѣка есть самый цвѣтущій годъ нашей воинской славы. *

* Въ сей же годъ были взяты Бендеры Графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ.

Слѣдующее лѣто также осѣнило насъ лаврами. Что началъ Іоаннъ Грозный, то довершила Екатерина Великая. Сіи славные глубокіе окопы, которые отъ Чернаго моря простираются до Азовскаго, не могли остановить торжественнаго теченія Ея воиновъ, и Крымъ, послѣднее убѣжище варваровъ, бывшихъ нѣкогда ужасомъ и бичемъ нашего отечества, палъ къ стопамъ Россійскаго Генія. — Берега Дуная не преставали обагряться кровію невѣрныхъ, и Константинополь трепеталъ, внимая близкимъ громамъ нашего флота. Мустафа смирился: Румянцевъ опустилъ мечь свой; но еще не пришелъ конецъ бѣдствіямъ Оттомановъ. Мирные переговоры не имѣли щастливаго успѣха, и Полководецъ Екатерины украсилъ Ея корону новыми лаврами; разилъ, истреблялъ, очистилъ себѣ путь къ Адріанополю, отрѣзалъ, окружилъ Визиря — и Геройскою рукою своею подписалъ славный для Россіи мирный трактатъ, который открылъ намъ моря Турецкія и Дарданеллы, даровалъ независимость Крыму, обогатилъ казну государственную милліонами, утвердилъ за Россіею Азовъ и Таганрогъ Никогда еще отечество наше не заключало толь блестящаго мира съ Портою!

Безпримѣрные подвиги сей войны украсили книгу Россійскаго Дворянства тремя именами славы. Римъ имѣлъ Сципіоновъ Африканскихъ, Азіатскихъ: Екатерина воскресила сію награду, достойную Ея величія — и Россія имѣетъ своего Задунайскаго, Чесменскаго, Крымскаго.

Послѣднимъ торжествомъ Румянцева былъ тотъ

день, когда Екатерина именемъ отечества изъявила ему благодарность. Отягченный лаврами, онъ сходитъ съ ѳеатра славы, и скрывается отъ глазъ нашихъ; но Исторія пріемлетъ его во святилище безсмертія. Такъ, она скажетъ Россіянамъ: «Во «дни Екатерины Румянцевъ открылъ вамъ тай- «ну всегда побѣждать невѣрныхъ, малымъ чи- «сломъ безчисленность; усѣвать поля трупами ихъ «и сохранять цѣлость рядовъ вашихъ!» — Естьли таланты изъясняются сравненіемъ, то Задунайскаго можно назвать Тюреномъ Россіи. Онъ былъ *мудрый* Полководецъ; зналъ своихъ непріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свойству; мало вѣрилъ слѣпому случаю, и подчинялъ его вѣроятностямъ разсудка; казался отважнымъ, но былъ только проницателенъ; соединялъ рѣшительность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума; не зналъ ни страха, ни запальчивости; берегъ себя въ сраженіяхъ единственно для побѣды; обожалъ славу, но могъ бы снести и пораженіе, чтобы въ самомъ нещастіи доказать свое искусство и величіе; обязанный Геніемъ Натурѣ, прибавилъ къ ея дарамъ и силу Науки; чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ только другихъ; отдавалъ справедливость подчиненнымъ, но огорчился бы во глубинѣ сердца, естьли бы кто нибудь изъ нихъ могъ сравниться съ нимъ талантами: судьба избавила его отъ сего неудовольствія. — Такъ думаютъ о Задунайскомъ благодарные ученики его.

Теперь обращается взоръ нашъ на ту, нѣкогда мощную Республику, которой имя и бытіе уже

исчезло въ Европѣ. Давно ли еще наглая и злобная Польша терзала наше отечество? Давно ли она, пользуясь его изнеможенiемъ, хищною рукою хватала въ свое подданство цѣлыя Княжества Россiйскiя? Давно ли древняя столица Владимiра носила ея цѣпи? Давно ли и ты, Москва цвѣтущая, лежала у ногъ гордаго вождя Сарматскаго? Но Россiя, подобно спавшему исполину, возстала въ гнѣвѣ своемъ; враги ея, въ ихъ чреду, упали на колѣна предъ нею, и возвратили похищенное. Такъ, Монархиня взяла въ Польшѣ только древнее наше достоянiе, и когда уже слабый духъ ветхiя Республики не могутъ управлять ея пространствомъ. Сей раздѣлъ есть дѣйствiе могущества Екатерины и любви Ея къ Россiи. Полоцкъ и Могилевъ возвратились въ нѣдра своего отечества, подобно дѣтямъ, которыя, бывъ долго въ горестномъ отсутствiи, съ радостiю возвращаются въ нѣдра щастливаго родительскаго семейства.

Крымъ былъ независимъ; но Крымъ былъ еще гнѣздомъ разбойниковъ, опасныхъ для Россiи. Сiя прекрасная часть нашей Имперiи, гдѣ Природа столь щедро награждаетъ трудолюбiе, и за каждое, лону ея ввѣренное зерно даетъ богатый класъ земледѣльцу; гдѣ на тучныхъ паствахъ разсыпаются стада безчисленныя; гдѣ свирѣли и нѣжныя пѣсни веселыхъ пастырей, простота нравовъ, миролюбiе и общее добродушiе жителей напоминаютъ воображенiю щастливые берега Ладона — Малороссiя не могла быть покойною въ сосѣдствѣ неукротимыхъ варваровъ. Екатерина по-

велѣла — и воинство Ея, не обнаживъ меча, заняло полуостровъ Крымскій, древнюю Тавриду, столь извѣстную въ Исторіи и въ самой Миѳологіи. Монархиня еще не вѣдала, что сіе важное пріобрѣтеніе возвратило Россіи ея нѣкогда именитое Княжество Тмутораканское или столицу его, которая скрывалась доселѣ * отъ любопытства нашихъ Историковъ. Такимъ образомъ пресѣклись грозные набѣги Татаръ, столь бѣдственные для нашего отечества. — Сама же Таврида будетъ всегда прекрасною частицею Россійской Имперіи, и со временемъ важною для торговли съ Архипелагомъ и Востокомъ. Уже любопытные изъ отдаленныхъ земель пріѣзжаютъ видѣть сію чудесную страну, которая представляетъ взору и гранитныя горы Швейцаріи и плодоносныя долины Піемонтскія; страну, гдѣ творческая Натура съ нѣжными красотами соединила величественныя; гдѣ въ одно время и зима свирѣпствуетъ и весна улыбается; гдѣ мудрый наблюдатель Природы находитъ для себя разнообразныя богатства, и гдѣ чувствительное сердце, наскучивъ свѣтомъ, можетъ насладиться самымъ пріятнѣйшимъ уединеніемъ.

Оттоманская Порта содрогнулась; и хотя, по занятіи Крыма нашими войсками, возобновила мирный трактатъ съ Россіею, но скоро тайная злоба ея воспылала....

* На островѣ Таманѣ. — См. любопытное сочиненіе Графа А. И. Пушкина о семъ предметѣ.

Здѣсь напомню вамъ, сограждане! славное путешествіе Монархини въ страны Ею населенныя или завоеванныя. Она желала видѣть Тавриду и новые плоды своего щастливаго царствованія. Зрѣлище восхитительное, достойное Екатерины! Отъ самыхъ береговъ Невскихъ до волнъ Понта Эвксинскаго шествіе Великія казалось торжествомъ побѣдительницы міра. Не цѣпи невольниковъ гремѣли вокругъ торжественной колесницы, но радостныя восклицанія довольныхъ подданныхъ; милліоны упадали передъ Нею какъ предъ Божествомъ! благодѣтельнымъ. Такъ нѣкогда обожаемая Семирамида, въ сіяніи славы, при звукѣ безчисленныхъ мусикійскихъ орудій, шествовала по цвѣтущимъ областямъ ея, изумляя подданныхъ своихъ величіемъ и щедротами!.... Какъ сладостно было сердцу Монархини, когда искреннее усердіе вѣщало Ей: «Сіи трудолю-«біемъ и художествомъ украшенныя мѣста не-«давно были горестною пустынею, дикою степью; «гдѣ сіи обширные сады зеленѣютъ и гордыя па-«латы возвышаются, тамъ одни песчаные хол-«мы представлялись унылому взору! Въ семъ ю-«номъ городѣ *, Тобою сотворенномъ, уже цвѣ-«тетъ торговля. Здѣсь Востокъ и Западъ мѣняют-«ся своими богатствами. Здѣсь все исполнено «*имени* и славы Твоей!» Тамъ два Вѣнценосца встрѣтили Монархиню, какъ бы для того, чтобы

* Въ Херсонѣ.

еще болѣе украсить Ея торжество. Екатеринѣ обязанъ былъ Станиславъ короною, и славился тѣмъ предъ свѣтомъ. Іосифъ внималъ Ея премудрымъ намѣреніямъ для блага человѣчества, когда Она чрезъ волны Эвксинскія устремляла священный взоръ на градъ Константина. Цари Италіи спѣшили Посольствами изъявить радость свою о приближенія Сѣверной Царицы къ странамъ ихъ.

Сіе путешествіе и догадки Европы о свиданіи Екатерины съ Іосифомъ послужили Оттоманскому Двору предлогомъ къ разрыву мира. Война снова возгорѣлась. Уже Румянцевъ не былъ главнымъ, дѣятельнымъ начальникомъ; но духъ его въ Россійскихъ арміяхъ — и невѣрные, увидѣвъ ихъ, вострепетали: они узнали прежнихъ своихъ разителей, узнали по ихъ быстрымъ движеніямъ, смертоносньмъ громамъ, сокрушительнымъ ударамъ; бѣжали съ полей открытыхъ, милыхъ геройству, страшныхъ робости, и заключились въ крѣпкихъ оградахъ. Но ни Искусство, ни Природа не могли защитить ихъ — и сія война ознаменовалась для славы нашей двумя, чудесно смѣлыми и щастливыми приступами. Только Россіяне могутъ быть предметомъ сравненія для Россіянъ: Очаковъ палъ нѣкогда предъ Минихомъ; но Очаковъ не былъ еще укрѣпленъ тогда всѣми хитростями Искусства. Теперь падетъ онъ во всемъ своемъ величіи, чтобы тѣмъ болѣе увеличить славу нашу. Продолжительная осада была только дѣйствіемъ человѣколюбія Екатерины и доказательствомъ непоколебимаго терпѣнія нашихъ вои-

новъ, которые въ открытомъ станѣ презирали всѣ ужасы зимніе. Монархиня щадила жизнь людей; надѣялась, что врагъ покорится; — но когда Военачальникъ произнесъ Ея именемъ рѣшительное слово, Герои вошли въ крѣпость по трупамъ непріятелей. — Взятіе Измаила было еще славнѣе. Тамъ армія обороняла городъ; высокія стѣны, глубокіе рвы, страшная артиллерія—все обѣщало ему безопасность. Пришелъ Суворовъ!... казалось для того, чтобы видѣть неприступность города. Воинство невѣрныхъ, въ грозной многочисленности представъ очамъ Россіянъ на валу крѣпости, хотѣло однимъ видомъ своимъ поразить ихъ. Уже гордый начальникъ Измаила думалъ, что онъ видитъ смятеніе нашего Героя; что Суворовъ ожидаетъ ночи для сокрытія неминуемаго бѣгства! Ночь прошла — и Суворовъ въ Измаилѣ! 20000 Оттомановъ легло въ окопахъ. Съ изумленіемъ узнала Европа, что наши, столь легко вооруженные Донскіе воины, подъ начальствомъ Героя, превращаются въ фалангу Македонскую и берутъ крѣпости.

Іосифъ былъ вѣрнымъ другомъ Россіи; но щастіе и слава, еще вѣрнѣйшіе друзья наши, не хотѣли его признать своимъ союзникомъ. Воинство его ужаснулось сверкающихъ кинжаловъ, грознаго вопля невѣрныхъ и страшнаго имени Аллы, призываемаго ими въ сраженіяхъ. Баннатъ былъ свидѣтелемъ Австрійскихъ нещастій. Оттоманы, спасенные бѣгствомъ отъ меча Россійскаго, разили воиновъ Іосифа, тѣхъ, которые прежде сами по-

бѣждали храбрѣйшія арміи въ Европѣ. Украшенный лаврами старецъ, совмѣстникъ великаго Фридриха, былъ вызванъ изъ мирнаго уединенія спасти отечество. Западъ жизни его еще озарился лучемъ славы, но кратковременнымъ; и Лаудонъ, взявъ Бѣлградъ, безъ успѣха приступалъ къ Орсовѣ. Одни Россіяне могли ободрить унылые легіоны Австрійскіе; одинъ *Рымникскій* могъ принести славу и щастіе въ станъ ихъ — и принесъ. Семь тысячь Русскихъ указали имъ путь къ побѣдѣ.... Австрійцы сразились храбро.... Визирь изумился! но увидѣвъ впереди знамена Екатерины, услышавъ имя Суворова, въ первый разъ показалъ тылъ нашимъ союзникамъ. Въ сей-то незабвенный день Австрійцы узнали чудеснаго Суворова; и когда, чрезъ десять лѣтъ послѣ того, надлежало имъ противъ храбрыхъ Республиканцевъ поставить Вождя крѣпкаго, они, забывъ народную гордость свою, требовали Героя Рымникскаго.

Екатерина въ сіе время имѣла еще другихъ враговъ. Порта, Англія и Пруссія обольстили Густава: онъ дерзнулъ объявить войну Россіи. Когда извѣстіе о первыхъ его непріятельскихъ дѣйствіяхъ пришло въ наши столицы, тогда, тогда надлежало видѣть безпримѣрное усердіе Россіянъ къ отечеству и къ Монархинѣ. Всѣ воспылали гнѣвомъ на врага вѣроломнаго и ревностію наказать его; всѣ мирные граждане готовы были летѣть на поле брани. Сіе воспоминаніе еще живо въ сердцахъ вашихъ, сограждане — воспоминаніе

незабвенное и радостное для Патріотовъ! Могли ли Готфы, неохотные исполнители беззаконной воли, * стоять противъ сыновъ обожаемой Екатерины, сильныхъ любовію къ отечеству и невинностію къ виновнику сей войны неправедной? Густавъ думалъ, что его нечаянное нападеніе приведетъ въ трепетъ Россію, и откроетъ ему путь къ столицѣ. Онъ забылъ имена и подвиги нашихъ избранныхъ легіоновъ, столь ужасныхъ для его предковъ! Сіи Герои стремились возобновить прежнюю славу свою въ каменистомъ отечествѣ Финновъ, и доказать міру, что стража Монарховъ Россійскихъ достойна своего имени и сана. Гдѣ только Готфы сражались, тамъ Россіяне побѣждали, на водахъ и на сушѣ. Густавъ истощилъ всѣ способы ума и дерзости своей — напрасно и безъ успѣха! Екатерина внимала грому флотовъ его, но покойно и величественно гуляла въ садахъ Своихъ. Король, ослѣпленный высокомѣріемъ и лживыми союзниками, увидѣлъ наконецъ заблужденіе, и прибѣгнулъ къ великодушію Монархини: Она даровала ему миръ, который единственно могъ спасти бѣдные остатки силъ его.

Порта Оттоманская видѣла предъ собою конечную гибель. Твердѣйшія опоры ея пали; воинство унывало; страшные Янычары страшились одного имени Россіянъ; море, отверстое для нашихъ флотовъ, всякой день могло представить очамъ Сул-

* По законамъ Швеціи Король не могъ начинать войны безъ согласія другихъ Властей, то есть, Сейма.

тана флагъ Екатерины... Но Монархиня желала успокоить Своихъ воиновъ, и не отвергла мира. Она могла взять Константинополь, но взяла только Очаковъ, и слѣдъ Турецкаго владѣнія истребился на семъ берегу Днѣстра. Всѣ Дворы удивились Ея умѣренности; но Екатерина знала время, обстоятельства; хотѣла видѣть слѣдствіе нѣкоторыхъ новыхъ Европейскихъ перемѣнъ, * и отсрочила дальнѣйшіе успѣхи Россійскаго оружія.

Польша была также предметомъ Ея вниманія. Остатки сей Республики волновались и кипѣли злобою на Россію. Безпокойные умы испровергли древніе законы, утвержденные Екатериною; собирали войско и не скрывали своихъ опасныхъ для нашей Имперіи умысловъ. Но благоразумные требовали заступленія Монархини. Она повелѣла возстановить древній Уставъ Республики: толпы мятежниковъ были разсѣяны горстію нашихъ воиновъ, и Польша могла бы еще успокоиться подъ эгидою Россійскою... Но послѣдній часъ ея насталъ. Не смѣя ратоборствовать съ Героями въ полѣ, она хотѣла умертвить ихъ въ объятіяхъ сна, и драгоцѣнная кровь Россійская обагрила стогны Варшавскія. Слабодушные убійцы! стыдъ Сѣвера, который, издревле довольствуясь славою побѣждать Югъ во браняхъ, оставлялъ ему гнусную славу коварныхъ злодѣйствъ подъ сѣнію мира! Варшава напомнила ужасы Сициліанскіе!... Сердце Екатерины содрогнулось. Державная

* Французской Революціи.

рука Ея бросила въ урну сей недостойной Республики жребій уничтоженія, и Суворовъ, подобно Ангелу грозному, обнажилъ мечь истребленія; но шелъ — и вождь мятежниковъ спасается отъ смерти плѣномъ; и Прага, крѣпкая ихъ отчаяніемъ, дымится въ своихъ развалинахъ — и Варшава падаетъ къ стопамъ Екатерины. Совершилось!... Польши нѣтъ; но ея мятежные и нещастные жители, утративъ имя свое, нашли миръ и спокойствіе подъ державою трехъ союзныхъ Государствъ. Республика безъ добродѣтели и геройской любви къ отечеству есть неодушевленный трупъ. Аѳинская, Спартанская, Римская, имѣли свое цвѣтущее время: Польская была всегда игралищемъ гордыхъ вельможъ, ѳеатромъ ихъ своевольства и народнаго униженія... Богатѣйшія страны ея достались на часть Россіи.

Взятіемъ Варшавы заключилъ при Екатеринѣ подвиги свои Герой, котораго имя и дѣла гремятъ еще въ Италіи и на вершинахъ Альпійскихъ; на котораго еще взираетъ изумленная имъ Европа, хотя мы уже осыпали цвѣтами гробъ его — цвѣтами, не кипарисами: ибо смерть великаго Воина, который полвѣка жилъ для славы, есть торжество безсмертія, и не представляетъ душѣ ничего горестнаго. Суворовъ былъ одинъ изъ самыхъ щастливѣйшихъ Полководцевъ; подобно Александру, сколько разъ сражался, столько разъ побѣждалъ; подобно Цесарю, ставилъ себя выше Рока, и Рокъ не смѣлъ изобличить его въ ошибкѣ. Что въ другомъ оказалось бы гибельною дерзо-

стію, то въ немъ было спасительною надежностію и предчувствіемъ событія. Онъ не шелъ, а летѣлъ ко Славѣ, которая съ своей стороны встрѣчала его на половинѣ пути. Вся военная теорія его состояла въ трехъ словахъ: * *взоръ*, *быстрота*, *ударъ* — но *взоръ* сей даетъ Природа не многимъ; но *быстрота* сія была тайною для самыхъ Аннибаловъ; но *ударъ* сей разителенъ единственно съ Суворовымъ. Онъ не любилъ ничего, кромѣ славы; ко всему прочему казался невнимательнымъ, нечувствительнымъ. Объ искусствѣ Военачальниковъ судилъ всегда по ихъ успѣхамъ: какихъ же высокихъ мыслей надлежало ему быть о самомъ себѣ? Нѣкоторые считали его жестокимъ — несправедливо: онъ *любилъ* побѣжденныхъ непріятелей, ибо они были живыми его трофеями. Суворовъ не хотѣлъ знать, какъ искусный Полководецъ спасаетъ остатки разбитой арміи: ибо мѣсто перваго нещастнаго сраженія было бъ ему могилою. — Изображеніе Героевъ Задунайскаго и Рымникскаго принадлежитъ къ царствованію Екатерины: Она выбрала одного, употребляла другаго, и слава ихъ есть часть Ея славы. Градъ Святаго Петра созерцаетъ ихъ памятники, вмѣстѣ стоящіе: тамъ юные воины отечества будутъ произносить обѣты геройства. И въ семъ ревностномъ твореніи слабаго моего таланта да сіяютъ вмѣстѣ имена нашихъ первыхъ Военачальниковъ!

* Написанныхъ имъ въ его тактикѣ, краткомъ, но любопытномъ сочиненіи.

Уничтоженіе Польской Республики возвратило независимость Курляндіи, завоеванію храбрыхъ Тевтоническихъ Рыцарей, странѣ плодоносной, извѣстной въ самыхъ древнихъ лѣтописяхъ по своимъ рудокопнямъ, минеральнымъ водамъ и прекрасному янтарю, собираемому на берегахъ ея. Но Курляндія, зная, что независимость всегда бываетъ нещастіемъ для области безсильной, хотѣла славы принадлежать Екатеринѣ. Монархиня пріяла ее подъ Свою державу, и Россія обогатилась новыми Портами, драгоцѣнными для успѣховъ торговли.

Уже орлы наши парили подъ небесами Востока; уже крылатая молва несла въ страны Великаго Могола имя Россійской Монархини; уже воинство наше, то подымаясь къ облакамъ на хребтѣ горъ туманныхъ, то опускаясь въ глубокія долины, дошло до славныхъ *вратъ Каспійскихъ;* уже *стѣна Кавказская*, памятникъ величія древнихъ Монарховъ Персіи, разступилась предъ онымъ; уже смѣлый вождь его пріялъ сребряные ключи Дербента изъ рукъ старца, который въ юности своей вручалъ ихъ Петру Великому, и сей градъ, основанный, по восточному преданію, Александромъ Македонскимъ, осѣнился знаменами Екатерины... когда всемогущая Судьба пресѣкла дни Монархини и теченіе побѣдъ Ея. Таинство великой Души намъ неизвѣстно. Чудесныя дѣла Екатерины могли быть увѣнчаны новымъ чудомъ; война Персидская могла имѣть предметъ важный; могла открыть путь въ Россію несмѣт-

нымъ богатствамъ Востока; могла успокоить народы мятежные, которые, подъ вліяніемъ щастливѣйшаго неба, служатъ примѣромъ бѣдствій; могла... Но, повторяю: таинство великой Души намъ неизвѣстно.

Монархиня оставила Россію на вышней степени геройскаго величія, обогащенную новыми странами, гаванями и милліонами жителей; безопасную внутри, страшную для внѣшнихъ непріятелей. Міръ не зналъ, какъ побѣждаютъ Россіянъ, и Россіяне не знали, какъ не сокрушить врага. Ихъ стихія была слава: и симъ-то чувствомъ Великая готовила побѣды! Она умѣла награждать воинскія заслуги достойнымъ ихъ образомъ; отличала воинскія дарованія лестнымъ благоволеніемъ — и Герой, который имѣлъ щастіе лобызать Ея державную руку, слышать восхитительныя слова Милости, пылалъ новою ревностію геройства, не думая о жизни. Юноши, осыпанные цвѣтами роскоши, среди столицы усыпленные нѣгою, при первомъ звукѣ Марсовой трубы пробуждались, срывали съ себя вѣнки Грацій, и стремились на поле чести искать опасностей и вѣнковъ лавровыхъ. Только во время Екатерины видѣли мы сіи, можно сказать, волшебныя превращенія нѣжныхъ Сибаритовъ въ суровыхъ чадъ Лакедемона; видѣли тысячи Россійскихъ Альцибіадовъ! — Европа съ благоговѣніемъ взирала на Тронъ Россіи, поручивъ ему вѣсы свои. Одно слово Монархини рѣшило судьбу государствъ: ибо въ слѣдъ за нимъ готовы были летѣть непобѣдимые!

Не только благо нашего отечества, но и благо цѣлаго міра утверждено побѣдами Екатерины. Давно ли еще знамя лжепророка грозило стѣнамъ Вѣнскимъ? Новый Магометъ II могъ быть новымъ истребителемъ государствъ Европейскихъ: сколь же бѣдственны успѣхи Оттоманскаго оружія для человѣчества и просвѣщенія? Теперь варвары уже неопасны для Европы; теперь слабый Паша Виддина презираетъ могущество Порты!... И сія безопасность есть дѣло Великой Екатерины, Которая потрясла и отчасти разрушила сей колоссъ ужасный.

═

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Екатерина Завоевательница стоитъ на ряду съ первыми Героями вселенныя; міръ удивлялся блестящимъ успѣхамъ Ея оружія — но Россія обожаетъ Ея уставы, и воинская слава Героини затмѣвается въ Ней славою Образовательницы государства. Мечь былъ первымъ властелиномъ людей, но одни законы могли быть основаніемъ ихъ гражданскаго щастія; и находя множество Героевъ въ Исторіи, едва знаемъ нѣсколько именъ, напоминающихъ разуму мудрость законодательную.

Нетерпѣливыя мысли мои спѣшатъ устремить-

ся на многіе предметы, столь любезные уму и сердцу; но прежде означимъ главное и столь новое для Россіи благодѣяніе Екатерины, которое изъясняетъ всѣ другія, и которое всѣми другими изъясняется; означимъ, такъ сказать, священный корень нашего блаженства во дни Ея — сію печать, сей духъ всѣхъ Ея законовъ.

Она уважила въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, *созданнаго для щастія въ гражданской жизни.* Петръ Великій хотѣлъ возвысить насъ на степень просвѣщенныхъ людей: Екатерина хотѣла обходиться съ нами какъ съ людьми просвѣщенными. Исторія представляетъ намъ самовластныхъ Владыкъ въ видѣ грознаго божества, которое требуетъ единаго слѣпаго повиновенія, не даетъ отчета въ путяхъ своихъ — гремитъ, и смертные упадаютъ во прахъ ничтожества, не дерзая воззрѣть на всемогущество. Екатерина преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви, и не только объявила торжественно, что Владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнымъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ Россійскаго Трона: ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель. Щастливые Россіяне нашего вѣка! вы уже не помните строгихъ, опасныхъ временъ, когда страшно было наименовать Вѣнценосца; но имя Екатерины, съ самаго Ея вступленія на престолъ, подобно имени благодѣ-

тельнаго существа, изъ устъ въ уста съ любовію и радостію прелетало. Съ Нею воцарились миръ въ семействахъ и веселіе въ обществахъ; всѣ души успокоились, всѣ лица оживились, и добрые подданные сказали: «Монархиня! читай въ сердцахъ нашихъ; «мы не боимся, ибо мы любимъ Тебя!» Хотя и оставалась еще нѣкоторая тѣнь мрачнаго, Тайнаго судилища; но подъ Ея собственнымъ, мудрымъ надзираніемъ оно было забыто добрыми и спокойными гражданами. * Хотя Великая предоставила Августѣйшему Ея внуку безсмертную славу *искоренить* навѣки учрежденіе временъ нещастныхъ, ненужное въ то время, когда щастіе Монарха и подданныхъ составляетъ единое, и когда любовь народная вооружена мечемъ правосудія для наказанія злыхъ умысловъ; но въ царствованіе Екатерины одни преступники, или явные враги Ея, слѣдственно враги общаго благоденствія, страшились пустынь Сибирскихъ; для однихъ извершовъ отверзался сей хладный гробъ живыхъ. Монархиня презирала и самыя дерзкія сужденія, когда оныя происходили единственно отъ легкомыслія, и не могли имѣть вредныхъ слѣдствій для государства: ибо Она знала, что личная безопасность есть первое для человѣка благо, и что безъ нее жизнь наша, среди всѣхъ иныхъ способовъ щастія и наслажденія, есть вѣчное, мучительное безпо-

* См. Указъ объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи въ 1762 году, Октября 19.

койство. Сей кроткій духъ правленія, доказательство Ея любви и самаго почтенія къ человѣчеству долженствовалъ быть и главнымъ характеромъ уставовъ Ея.

Монархиня, самымъ первымъ Манифестомъ открывъ подданнымъ дальніе виды Своей мудрости и государственнаго блага, спѣшила утвердить правосудіе, защиту собственности въ гражданскомъ обществѣ. Ей извѣстно было страшное зло лихоимства, которое превращаетъ святое мѣсто Суда въ постыдное торжище, гдѣ бѣдная невинность безгласна, и гдѣ богатство есть обожаемый, всемогущій идолъ. Какое хладное сердце можетъ быть нечувствительно къ Ея краснорѣчивому, убѣдительному, трогательному Указу о семъ предметѣ? * Любовь Свою къ правдѣ ставитъ Она въ примѣръ симъ недостойнымъ судіямъ, которые, вмѣсто славы быть орудіями истины, щитомъ невинности, ужасомъ злодѣйства, пекутся только о гнусной корысти!

Сенатъ, учрежденный Петромъ Великимъ для управленія государствомъ; Сенатъ, который въ отсутствіе Монарха имѣлъ всю власть Его, но который по кончинѣ Петра утратилъ свое могущество — будучи замѣненъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, а послѣ Кабинетомъ Императорскимъ — хотя и былъ возстановленъ со всѣми правами Императрицею Елисаветою, но без-

* Указъ о лихоимствѣ въ 1762 году.

численныя дѣла, стекаясь въ семъ главномъ судилищѣ, такъ сказать, исчезали въ его архивахъ, къ неизъяснимому вреду частныхъ людей и государственной экономіи. Екатерина раздѣлила Сенатъ на Департаменты, каждому изъ нихъ предписала особенный родъ дѣлъ, и симъ порядкомъ оживила ихъ теченіе. Вы знаете, избранные мужи, преемники Долгорукихъ и Головиныхъ, друзей Петровыхъ — вы знаете, чего Монархиня отъ васъ требовала! Тамъ, въ собраніи вашихъ священныхъ хартій, блюдется на память вѣкамъ, сіе собственной руки Ея * начертаніе, въ которомъ Она говоритъ съ вами какъ съ именитыми отцами древняго Рима, изъявляя пламенную ревность Свою ко благу Россіи, заклиная васъ любовію къ отечеству быть достойными орудіями законовъ, и ставя вамъ въ примѣръ Исторію! Отъ васъ единыхъ всегда зависѣло быть подобными тому величественному Совѣту, который Царямъ казался *Совѣтомъ Царей*. Великая Сама засѣдала съ вами, и разсуждала о пользѣ народной. Единый изъ васъ,** мужъ достойный почтенія Россіянъ, дерзнулъ представить Ей возраженіе въ дѣлѣ важномъ и государственномъ, уже рѣшенномъ Монархинею; не трепеталъ голосъ его, и видъ спокойный не измѣнялся: онъ зналъ Екатерину — и держав-

* Отъ 6 Іюня 1763.

** Петръ Ивановичь Панинъ. — Сей случай всѣмъ извѣстенъ.

ная рука Ея предрала бумагу, Ею подписанную. Сей день для него славенъ — еще славнѣе для Монархини!

Желая, чтобы духъ ревности, влiянный Ею въ главное Правительство Имперiи, распространился и во всѣхъ частяхъ ея, Она обнародовала Свое мудрое *Наставленiе Губернаторамъ*, * въ которомъ предписываетъ имъ быть окомъ и душею правосудiя, чтобы во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, имъ подчиненныхъ, обитала святая истина, и чтобы *ни знатность вельможъ*, *ни сила богатства* не могли обольщать совѣсти, а *вдовы и сироты не проливали слезъ бѣдствiя!*

Торговля, отрасль государственнаго благосостоянiя, была особеннымъ предметомъ Ея внимания. Она даровала ей всѣ способы цвѣсти и распространяться: Она даровала ей свободу. Гавани открылись для вывоза богатыхъ произведенiй Россiи, богатыхъ своею необходимостiю для другихъ народовъ. Обрадованное купечество могло уже по волѣ мѣняться товарами съ Китаемъ, съ Востокомъ и съ Европою. ** Архангельскiй Портъ престалъ завидовать Петербургскому, и всѣ исключительныя права для общей пользы уничтожились. Въ правленiе Екатерины чудесные успѣхи внѣшней торговли были слѣдствiемъ Ея мудрыхъ коммерческихъ уставовъ.

* 1764 года, Апрѣля 21.

** Указъ 1762 году, Августа 10.

Россійское государство представляло взору Монархини многія обширныя страны, обогащенныя Натурою, но пустыя, ненаселенныя: Она благодѣтельными законами * привлекла трудолюбивыхъ иностранцевъ въ Россію, и звукъ сѣкиры раздался въ дикихъ лѣсахъ; пустыни оживились людьми и селеніями; плугъ углубился въ свѣжую землю, и Природа украсилась плодами трудовъ человѣческихъ. Уже давно путешествующіе иностранцы въ отдаленныхъ предѣлахъ нашихъ съ удивленіемъ находятъ своихъ единоземцевъ, которые говорятъ имъ о щедротахъ Екатерины, и которые, по мѣрѣ ихъ искусства и прилѣжности, благоденствуютъ въ нашей Имперіи, не жалѣя о своемъ отечествѣ. Такъ среди волнистыхъ степей Царицынскихъ цвѣтетъ теперь мирная Колонія Евангелическаго Братства, подобно щастливому острову среди Океана; плѣняетъ глаза всѣми драгоцѣнностями ремесла, а сердце картиною добрыхъ нравовъ; дѣйствуетъ своимъ просвѣщеніемъ на сосѣдственные дикіе народы, и платитъ намъ долгъ признательности ласковымъ гостепріимствомъ.

Учрежденіе Монархини въ разсужденіи Духовныхъ имѣній есть также одно изъ достопамятныхъ дѣлъ Ея законодательнаго разума. Она знала, что строгій монашескій чинъ долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ земныхъ попеченій, столь несообраз-

* Указы 1763 года, Іюля 22, и 1764, Марта 11.

ныхъ съ его святостію, и совершила намѣреніе Великаго Петра, отдавъ монастырскія деревни подъ начальство свѣтское, опредѣливъ достаточныя суммы для всѣхъ потребностей Духовенства, для благолѣпія церквей, и повелѣвъ употребить прочіе доходы съ его милліона душъ на успокоеніе престарѣлыхъ воиновъ и содержаніе духовныхъ училищъ. * Такимъ образомъ исполнилось желаніе благочестивыхъ людей, которые отдавая монастырямъ свое богатство безъ всякаго сомнѣнія хотѣли, чтобы оно употреблено было на благодѣтельныя заведенія: — чтожь можетъ быть святѣе призрѣнія изувѣченныхъ Героевъ и основанія училищъ, въ которыхъ образуются служители Олтарей, и достойные проповѣдники Божественнаго Слова? Знаменитѣйшія Духовныя Особы изъявили въ семъ дѣлѣ патріотическое свое усердіе. Имена Митрополита Новогородскаго и Архіепископа Санктпетербургскаго будутъ всегда извѣстны, вмѣстѣ съ именемъ Ѳеофана, сотрудника Петрова.

Я не буду говорить о безчисленныхъ Указахъ, изданныхъ Екатериною въ первые три года Ея царствованія и доказывающихъ ту неусыпную ревность къ отечеству, ту непонятную дѣятельность, которая объемлетъ всѣ части цѣлаго, и которыя примѣръ находимъ въ Петрѣ Великомъ. Но потомство замѣтитъ, что внутреннее превос-

* Манифестъ 1764 году, Февраля 29.

ходное образованіе нашихъ армій есть дѣло Екатерины. Она опредѣлила ясно * всѣ должности отъ перваго Начальника до послѣдняго воина, и строгую необходимую для успѣховъ подчиненность основала на правилахъ разума; Она Своимъ Уставомъ вліяла въ легіоны наши духъ чести и благородства; Она произвела, что воины одного полку считали себя дѣтьми одного семейства, гордились другъ другомъ и стыдились другъ за друга; Она, требуя отъ однихъ непрекословнаго повиновенія, другимъ предписала въ законъ, не только человѣколюбіе, но и самую привѣтливость, самую ласковую учтивость; изъявляя, можно сказать, нѣжное попеченіе о благосостояніи простаго воина, хотѣла, чтобы онъ зналъ важность сана своего въ Имперіи, и, любя его, любилъ отечество.

Теперь представляется мнѣ славнѣйшая эпоха славнаго царствованія! Россія имѣла многіе частные, мудрые законы, но не имѣла общаго Уложенія, которые бываетъ основаніемъ государственнаго благоустройства. Обыкновенные умы довольствуются временными, случайными постановленіями: великіе хотятъ системы, цѣлаго и вѣчнаго. Чего Петръ Великій не могъ сдѣлать, то рѣшилась исполнить Екатерина. Чувствуя важность сего предпріятія, Она хотѣла раздѣлить славу Своею съ подданными, и признала ихъ достойными

* См. Указъ о военной дисциплинѣ и Инструкцію Полковнику.

быть совѣтниками Трона. Повелѣвъ собраться Государственнымъ Чинамъ или Депутатамъ изъ всѣхъ судилищъ, изъ всѣхъ частей Имперіи, чтобы они предложили свои мысли о полезныхъ уставахъ для государства — Великая говоритъ: «Наше «первое желаніе есть видѣть народъ Россійскій «столь щастливымъ и довольнымъ, сколь далеко «человѣческое щастіе и довольствіе можетъ на сей «землѣ простираться. Симъ учрежденіемъ даемъ «ему опытъ Нашего чистосердечія, великія довѣ«ренности и прямыя материнскія любви, ожидая «со стороны любезныхъ подданныхъ благодарно«сти и послушанія.» * Воображеніе мое не можетъ представить ничего величественнѣе сего дня, когда въ древней столицѣ нашей соединились обѣ гемисферы земли, явились всѣ народы, разсѣянные въ пространствахъ Россіи, языковъ, обычаевъ и вѣръ различныхъ: потомки Славянъ-побѣдителей, Нормановъ, ужасныхъ Европѣ, и Финновъ, столь живо описанныхъ перомъ Тацитовымъ; мирные пастыри южной Россіи, Лапландскіе Ихтіофаги и звѣриными кожами одѣянные Камчадалы. Москва казалась тогда столицею вселенныя, и собраніе Россійскихъ Депутатовъ сеймомъ міра. Имъ торжественно объявили волю Монархини — и Самоѣдъ удивился, слыша, что нужны законы людямъ! **

* Манифестъ о собраніи Депутатовъ.

** Сей анекдотъ извѣстенъ. Самоѣдамъ никакъ не могли изъяснить, что такое законъ.

Имъ торжественно вручили сей славный Наказъ Екатерины, писанный Ею для избранной Коммисіи Депутатовъ, переведенный на всѣ Европейскіе языки, зерцало Ея великаго ума и небеснаго человѣколюбія. Никогда еще Монархи не говорили съ подданными такимъ плѣнительнымъ, трогательнымъ языкомъ! Никто, никто еще изъ сѣдящихъ на тронѣ столь премудро не изъяснялся, не имѣлъ столь обширныхъ понятій о наукѣ управлять людьми, о средствахъ народнаго щастія. Сограждане! сіе твореніе такъ достопамятно и священно, что сердце мое пылаетъ ревностію представить вамъ главныя черты его.

Монархиня прежде всего опредѣляетъ образъ правленія въ Россіи — *Самодержавный;* не довольствуется единымъ всемогущимъ изрѣченіемъ, но доказываетъ необходимость сего правленія для неизмѣримой Имперіи. Только единая, нераздѣльная, державная воля можетъ блюсти порядокъ и согласіе между частями столь многосложными и различными, подобно Творческой Волѣ, управляющей вселенною; только она можетъ имѣть сіе быстрое, свободное исполненіе, необходимое для пресѣченія всѣхъ возможныхъ безпорядковъ; всякая медленность произвела бы нещастныя слѣдствія (9, 10, 11).* Здѣсь примѣры служатъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ. Сограждане! Римъ, котораго именемъ цѣлый міръ

* Сіи числа означаютъ отдѣленія Наказа.

назывался, въ единомъ самодержавіи Августа нашелъ успокоенія послѣ всѣхъ ужасныхъ мятежей и бѣдствій своихъ. Что видѣли мы въ наше время? Народъ многочисленный на развалинахъ трона хотѣлъ повелѣвать самъ собою: прекрасное зданіе общественнаго благоустройства разрушилось; неописанныя нещастія были жребіемъ Франціи, и сей гордый народъ, осыпавъ пепломъ главу свою, проклиная десятилѣтнее заблужденіе, для спасенія политическаго бытія своего вручаетъ самовластіе щастливому Корсиканскому воину. Не за тѣмъ оставилъ человѣкъ дикіе лѣса и пустыни; не за тѣмъ построилъ великолѣпные грады и цвѣтущія селы, чтобы жить въ нихъ опять какъ въ дикихъ лѣсахъ, не знать покоя и вѣчно ратоборствовать не только со внѣшними непріятелями, но и съ согражданами: что же другое представляетъ намъ Исторія Республикъ? Видимъ ли на семъ бурномъ морѣ хотя единый мирный и щастливый островъ? Мое сердце не менѣе другихъ воспламеняется добродѣтелію великихъ Республиканцевъ; но сколь кратковременны блестящія эпохи ея? Сколь часто именемъ свободы пользовалось тиранство и великодушныхъ друзей ея заключало въ узы? Чье сердце не обливается кровію, воображая Мильтіада въ темницѣ, Аристида, Ѳемистокла въ изгнаніи, Сократа, Фокіона, піющихъ смертную чашу, Катона самоубійцу и Брута, въ послѣднюю минуту жизни уже не вѣрящаго добродѣтели? Или людямъ надлежитъ быть Ангелами, или всякое многосложное Правленіе, основанное на дѣйствіи различныхъ

воль, будетъ вѣчнымъ раздоромъ, а народъ нещастнымъ орудіемъ нѣкоторыхъ властолюбцевъ, жертвующихъ отечествомъ личной пользѣ своей. Да живетъ же сія дикая Республиканская независимость въ мѣстахъ, подобно ей дикихъ и неприступныхъ, на снѣжныхъ Альпійскихъ громадахъ, среди острыхъ гранитовъ и глубокихъ пропастей, гдѣ отъ вѣчныхъ ужасовъ Природы безмолвствуютъ страсти въ хладной душѣ людей, и гдѣ человѣкъ, не зная многихъ потребностей, можетъ довольствоваться немногими законами Природы.

Сограждане! признаемъ во глубинѣ сердецъ благодѣтельность Монархическаго Правленія, и скажемъ съ Екатериною: «Лучше повиноваться законамъ подъ единымъ Властелиномъ, нежели угождать многимъ» (12) «Предметъ Самодержа-«вія», вѣщаетъ Она, «есть не то, чтобы отнять «у людей естественную свободу, но чтобы дѣй-«ствія ихъ направить къ величайшему благу (13).» Сія утѣшительная истина въ устахъ Монаршихъ плѣняетъ сердце — и неизмѣримая Имперія, подъ скипетромъ Вѣнценосца, слѣдующаго правиламъ Екатерины, кажется мнѣ щастливымъ семействомъ, управляемымъ единою волею отца, по непремѣннымъ законамъ любви его. Сіе Правленіе тѣмъ благотворнѣе, что оно соединяетъ выгоды Монарха съ выгодами подданныхъ: чѣмъ они довольнѣе и щастливѣе, тѣмъ власть Его святѣе и Ему пріятнѣе. Оно всѣхъ другихъ сообразнѣе съ цѣлію гражданскихъ обществъ: ибо всѣхъ болѣе способствуетъ тишинѣ и безопасности.

«Государь есть источникъ всякія власти въ Мо-
«нархіи (19); но сія власть должна дѣйствовать
«чрезъ нѣкоторыя посредства, нѣкоторымъ опре-
«дѣленнымъ образомъ: раждаются Правительства
«и законы, которые дѣлаютъ твердымъ и непо-
«движнымъ установленіе всякаго государства (20,
«21). Сенатъ, главное Правительство, но завися-
«щее отъ Монарха, есть въ Россіи хранилище за-
«коновъ (26). Онъ принимаетъ ихъ отъ Государя
«для исполненія; но можетъ представлять Ему,
«естьли найдетъ въ нихъ что нибудь вредное, тем-
«ное или противное Уложенію (21, 23, 24).» Та-
кимъ образомъ Сенатъ въ отношеніи къ Монарху
есть совѣсть Его, а въ отношеніи къ народу рука
Монарха; вообще же онъ служитъ эгидою для го-
сударства, будучи главнымъ блюстителемъ по-
рядка.

Монархиня, сказавъ, что Самодержавіе не есть
врагъ свободы въ гражданскомъ обществѣ, опре-
дѣляетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Она есть не
«что иное, какъ спокойствіе духа, происходящее
«отъ безопасности, и право дѣлать все дозволяе-
«мое законами (38, 39); а законы не должны за-
«прещать ничего, кромѣ вреднаго для общества;
«они должны быть столь изящны, столь ясны,
«чтобы всякой могъ чувствовать ихъ необходи-
«мость для всѣхъ гражданъ: и въ семъ-то един-
«ственно состоитъ возможное равенство граж-
«данское (34)! Законодатель сообразуется съ ду-
«хомъ народа; мы всего лучше дѣлаемъ то, что
«дѣлаемъ свободно, и слѣдуя природной нашей

«склонности. Когда умы для лучшихъ законовъ «не готовы, то приготовьте ихъ; когда же надобно для щастія народа перемѣнить его обы«чаи, то дѣйствуйте однимъ примѣромъ. Одно не«обходимое наказаніе не есть тиранство, и зако«намъ подлежитъ только явное зло (57—63).»

Монархиня раздѣляетъ всѣ возможныя преступленія на особенные роды, и мудрость Ея, обогащенная мыслями Философовъ, которые занимались симъ важнымъ дѣломъ, опредѣляетъ для каждаго рода особенныя наказанія, извлеченныя изъ самаго естества вины: мысль святая! новое свѣтило для Законодателей! Такимъ образомъ «на«рушитель благонравія да лишится выгодъ, со«пряженныхъ съ благонравіемъ; да ознаменуется «стыдомъ, всенароднымъ безчестіемъ; да удалит«ся отъ общества, которому онъ служитъ поно«шеніемъ; да загладитъ раскаяніемъ дѣло свое, и «да исправится! Такимъ образомъ нарушитель об«щаго покоя да лишится мирныхъ его наслажде«ній, и губитель другихъ да погибнетъ (68—79)!»

Премудрая доказываетъ умомъ и опытами, что «излишно строгое наказаніе не удерживаетъ лю«дей отъ злодѣяній; что умѣренное, но *продолжи«тельное*, дѣйствуетъ на душу сильнѣе жестока«го, но *маловременнаго;* что законы *исправитель«ные* и кроткіе благотворнѣе строгихъ, *искорени«тельныхъ;* что ужасная привычка къ казни оже«сточаетъ сердце, и отнимаетъ у Законодателя «способы къ исправленію нравовъ; что *стыдъ* «долженъ быть главнымъ его орудіемъ; что не

«умѣренность наказанія, а совершенное упущеніе «вины раждаетъ дерзость и необузданность (81.— «91).» Нѣжная душа Екатерины могла ли безъ трепета вообразить лютую казнь смерти, уничтоженіе существа, одареннаго чувствомъ? Монархиня отрицаетъ ея необходимость въ спокойное царствованіе законовъ, и кроткая Философія торжествуетъ надъ жестокимъ обыкновеніемъ вѣковъ (210 — 213). Ко славѣ вашей, Россіяне! скажетъ нѣкогда Исторія, что у васъ первыхъ престала литься кровь человѣческая на эшафотахъ! И одно нѣжное, женское сердце, подкрѣпленное необыкновенною силою ума, могло согласить правосудіе съ человѣчествомъ! Злодѣйство наказано; но единый Богъ располагаетъ жизнію людей въ Россіи!

Законъ, утвердивъ наказаніе, долженъ опредѣлить и способы открывать преступленіе. «Въ «странахъ, гдѣ человѣчество угнетено, судъ «простъ и рѣшителенъ: гордый Паша выслушиваетъ распрю, и судимый оправданъ или наказанъ. Но въ государствѣ просвѣщенномъ, гдѣ «жизнь, честь и собственность гражданина священны, требуется основательнаго разысканія «истины (112 — 114.)» Монархиня исчисляетъ всѣ необходимыя осторожности въ судопроизводствѣ; опредѣляя случаи, въ которыхъ многія согласныя вѣроятности раждаютъ увѣреніе, отвергаетъ всѣ сомнительныя доказательства; ставитъ неясное преступленіе еще наряду съ невинностію; щадитъ судимаго до послѣдней возможности оправ-

данія, избавляя его отъ всѣхъ ужасовъ, предшествующихъ наказанію, и страшнымъ вратамъ темницъ дозволяетъ отверзаться единственно для обличенныхъ (116 — 192.) Съ какимъ трогательнымъ краснорѣчіемъ изображаетъ Она ужасъ сего варварскаго обыкновенія терзать людей прежде осужденія, сей адомъ вымышленный способъ допросовъ, страшнѣйшій самой казни, вину безчисленныхъ ложныхъ показаній и неправедныхъ приговоровъ (193 — 198)! Сердце всякаго чувствительнаго, содрогаясь вмѣстѣ съ добродѣтельнымъ сердцемъ Монархини, увѣрено, что въ Ея царствованіе ни въ какомъ случаѣ не могло быть терпимо сіе лютое и безразсудное истязаніе.

Съ такимъ же Ангельскимъ человѣколюбіемъ судитъ Она то преступленіе, котораго имя всего страшнѣе въ Самодержавіяхъ — «*оскорбленіе Ве*«*личества* — и которое часто бываетъ предло«гомъ несправедливыхъ жестокостей, единствен«но отъ темнаго и ложнаго понятія о существѣ «онаго. Такъ въ Римѣ наказывалось смертію неу«важеніе ко статуямъ Императора (475); такъ по «древнему закону Англіи надлежало казнить вра«ча, который дерзнулъ бы сказать о больномъ «Королѣ, что жизнь его въ опасности (476.)» Монархиня говоритъ, что истинное оскорбленіе Величества есть только злодѣйскій умыслъ противъ Государя (478); что не должно наказывать за слова какъ за дѣйствія (481), кромѣ случая, въ которомъ возмутитель проповѣдуетъ мятежъ и бунтъ, слѣдственно уже дѣйствуетъ (480); что слова все-

го болѣе подвержены изъясненіямъ и толкамъ; что безразсудная нескромность не есть злоба (481); что для самаго безумнаго поносителя имени Царей должно опредѣлить только исправительное наказаніе (482); что въ «самодержавномъ государствѣ хотя и нетерпимы язвительныя сочине-«нія, но что ихъ не должно вмѣнять въ преступ-«леніе: ибо излишняя строгость въ разсужденіи «сего будетъ угнетеніемъ разума, производитъ не-«вѣжество, отнимаетъ охоту писать и гаситъ да-«рованія ума (484).»

Означивъ такимъ образомъ свойство и дѣйствіе законовъ, Монархиня требуетъ отъ ихъ сочинителя ясности въ слогѣ, убѣдительной силы, доказательствъ пользы; они не терпятъ никакихъ излишнихъ тонкостей ума, будучи писаны для всего народа; они суть не логическія хитрости, но простое и здравое сужденіе отца, пекущагося о дѣтяхъ и домашнихъ своихъ; языкъ ихъ есть языкъ добродѣтели и благости; слогъ ихъ совершенъ не высокопарностію, не витійствомъ, но чистотою, благородствомъ, необходимостію каждаго слова. Они должны быть свѣтлымъ зерцаломъ, въ которомъ всякій гражданинъ, правый и неправый, видѣлъ бы ясно судьбу свою; чтобы добродушный судія не усомнился въ ихъ смыслѣ, и чтобы самый лукавый не могъ находить въ нихъ двусмыслія, благопріятнаго для ябеды и неправосудія (448 — 462).

Но Екатерина не довольствуется тѣмъ, чтобы всѣ возможныя преступленія въ обществѣ были

судимы и наказываемы по ихъ истинной важности: Она желаетъ отвратить зло. Солоны и Ликурги временъ грядущихъ! внимайте словамъ Ея! «Хо-«тите ли предупредить злодѣянія? сдѣлайте, что-«бы законы благотворили равно всѣмъ гражда-«намъ; чтобы люди страшились только законовъ «и ничего болѣе не страшились; чтобы законы у-«ничтожали только бѣдственную свободу вредить «ближнему; награждайте добродѣтель, просвѣщай-«те людей, усовершенствуйте воспитаніе!» (243 — «249) Екатерина открываетъ вамъ тайну человѣческаго сердца и государственнаго благополучія. Дайте способы человѣку въ каждомъ гражданскомъ отношеніи находить то щастіе, для котораго Всевышній сотворилъ людей: ибо главнымъ корнемъ злодѣяній бываетъ нещастіе. Но чтобы люди умѣли наслаждаться и быть довольными во всякомъ состояніи мудраго политическаго общества, то просвѣтите ихъ! Они увидятъ необходимость гражданской зависимости, необходимость нравственнаго добра для щастія, и будутъ довольнѣе, добрѣе и щастливѣе!

Но просвѣщеніе требуетъ хорошаго воспитанія (348). Оно должно быть двоякое: нравственное воспитаніе человѣка, общее во всѣхъ странахъ, и политическое воспитаніе гражданина, различное по образу Правленій. Религія, любовь къ добродѣтели, къ трудамъ, къ порядку, чувствительность къ нещастію ближнихъ, разсудительность или повиновеніе сердца уму, принадлежитъ къ первому; любовь къ отечеству, къ его учрежденіямъ и всѣ

свойства, нужныя для ихъ цѣлости, входятъ во второе (351 — 352). Пусть Спартанецъ или житель дикихъ Кантоновъ Гельвеціи не терпитъ самовластія! Въ Россіи при самомъ начальномъ раскрытіи души, должно вкоренить въ человѣка благоговѣніе къ Монарху, соединяющему въ себѣ государственныя власти, и, такъ сказать, *образу отечества*. «Каждое особенное семейство должно «быть управляемо примѣромъ большаго семейства «(349), которое есть государство. Хотя въ про«странной Имперіи общественное или народное «воспитаніе невозможно, однакожь Законодатель «долженъ предписать нѣкоторыя правила, кото«рыя могли бы служить по крайней мѣрѣ совѣ«томъ для родителей (350).» Монархиня предписываетъ оныя — и Философъ, посвятившій всю жизнь свою на образованіе сердца, не могъ бы сказать ничего премудрѣе.

Екатерина обращаетъ взоръ на три государственныя состоянія: земледѣльческое, торговое или ремесленное, и воинское. «Первое есть самое необходимое и труднѣйшее: тѣмъ болѣе должно ободрять его (297).» Монархиня ставитъ въ примѣръ обычай Китая, гдѣ Императоръ ежегодно возвышаетъ прилѣжнѣйшаго земледѣльца въ санъ Мандарина. Сообразуясь съ уставами нашего государства, Она предлагаетъ иные способы награды для тѣхъ, которые, потомъ лица своего орошая землю, извлекаетъ изъ нѣдръ ея истинныя сокровища людей, гораздо драгоцѣннѣйшія Перуанскаго злата и Бразильскихъ діамантовъ; «глав-

«ное же ободреніе сельскаго трудолюбія есть, по «словамъ Ея, право собственности: всякой печет«ся о своемъ болѣе, нежели о томъ, что другому «принадлежитъ, или что другіе могутъ отнять у «него (295, 296);» Ея человѣколюбивое намѣреніе ясно (261); Ея желаніе также (260). Чувствуя, сколь нужно размноженіе народа для Россіи, Екатерина спрашиваетъ: «Отъ чего болѣе половины «младенцевъ, рождаемыхъ въ нашихъ селахъ, у«мираетъ въ дѣтствѣ?» Она угадываетъ источникъ сего страшнаго зла: «порокъ въ физическомъ «воспитаніи и въ образѣ жизни. Люди, не могу«щіе о самихъ себѣ имѣть нужнаго попеченія въ «болѣзняхъ, могутъ ли имѣть хорошій присмотръ «за слабыми существами, находящимися въ без«престанной болѣзни, то есть, въ младенчествѣ? «Какое щастіе для Россіи, естьли найдется спо«собъ отвратить такую гибель (266 — 276)!» Однимъ словомъ: Она хотѣла благоденствія земледѣльцевъ; хотѣла, чтобы, осыпанные изобиліемъ Природы, среди многочисленныхъ семействъ своихъ, они трудились для наслажденія, и подъ смиреннымъ кровомъ сельскихъ хижинъ, гдѣ любитъ обитать спокойствіе, не завидовали великолѣпнымъ градскимъ палатамъ, гдѣ часто праздность и скука изнуряетъ сердце; Она хотѣла, чтобы трудолюбіе, зернистые классы, златыя нивы полныя житницы, были для нихъ истинною роскошью!

Какъ отъ успѣховъ земледѣлія цвѣтутъ поля и селы, такъ *среднее политическое состояніе* укра-

шаетъ грады (377). Обогащая государство торговлею и художествами, представляя ему новые источники общественнаго избытка и силы, оно не менѣе полезно и для успѣховъ земледѣлія, имѣя нужду въ его плодахъ, и щедро награждая за нихъ селянина (377). Премудрая чувствуетъ необходимость особенныхъ законовъ для градскихъ жителей, для опредѣленія ихъ правъ и выгодъ (393), для одобренія ихъ промышлености и трудолюбія. Каждая мысль Ея о семъ предметѣ есть важная истина для Законодателей. «Торговля бѣжитъ отъ «притѣсненій, и царствуетъ тамъ, гдѣ она свобод«на: но свобода не есть самовластіе торгующихъ «въ странахъ вольныхъ: на примѣръ въ Англіи, «они всего болѣе ограничены законами; * но зако«ны сіи имѣютъ единственною цѣлію общее бла«го торговли, и купечество въ Англіи процвѣ«таетъ (317 — 322).» — Сей же родъ людей прославляетъ государство науками (377), имѣющими вліяніе и на благо другихъ состояній.

Цвѣтущія села и грады должны быть безопасны отъ внѣшнихъ непріятелей, которые огнемъ и мечемъ могутъ превратить ихъ въ гробы богатствъ и людей: образуется воинское состояніе, училище Героевъ, древній источникъ гражданскихъ

* О свободѣ торговой можно сказать тоже, что о свободѣ политической: она состоитъ не въ волѣ дѣлать все полезное одному человѣку, а въ волѣ дѣлать все не вредное обществу.

отличій, названныхъ правами Благородства или Дворянства (365). Гражданинъ, для общаго блага жертвующій не только спокойствіемъ жизни, но и самою жизнію, есть предметъ государственной благодарности; ея мѣра есть мѣра услугъ его. Герои, спасители отечества, были вездѣ первыми знаменитыми гражданами, пользовались вездѣ особеннымъ правами (361). Но чѣмъ же наградить воина умирающаго на полѣ славы? Народная признательность изобрѣла средство быть *вѣчною*, награждая отца въ сынѣ: почесть важнѣйшая мраморныхъ памятниковъ! И такъ право наслѣдственнаго Благородстса есть священное для самого разсудка, для самой Философіи — и *полезное* для общества: ибо дѣти знаменитыхъ мужей, рожденные съ великими гражданскими преимуществами, воспитываются въ долгѣ заслужить ихъ личными своими достоинствами (374). Честь и слава, по словамъ безсмертнаго Монтескьё, есть сѣмя и плодъ Дворянства. Хотя первымъ источникомъ онаго были издревле однѣ воинскія добродѣтели; но какъ правосудіе нужно не менѣе побѣдъ для государственнаго благоденствія, то оно также можетъ быть отличіемъ сего рода людей (368) сихъ главныхъ стражей отечества внѣ и внутри его. Но славныя права Дворянъ, ихъ не менѣе славныя обязанности всегда ли будутъ только жребіемъ нѣкоторыхъ щастливыхъ поколѣній? Нѣтъ: добродѣтель съ заслугою сообщаютъ Благородство (363), вѣщаетъ Екатерина — и такимъ образомъ открываетъ путь славы для всѣхъ состоя-

ній. Что можно пріобрѣсти достоинствами, то можно утратить пороками: Монархиня означаетъ и тѣ и другіе. Естьли человѣкъ, который долгое время былъ для сограждапъ примѣромъ нравственнаго совершенства и любви къ отечеству, рукою Государя возводится на степень Дворянства: то можно ли стоять на ней, измѣннику, вѣроломному, лживому свидѣтелю? Онъ свергается въ толпу народную, гдѣ гражданское правосудіе знаменуетъ его стыдомъ и безчестіемъ (371).

Глава о гусударственной Экономіи служитъ наставленіемъ всѣхъ Монарховъ, утѣшеніемъ для всѣхъ гражданъ, доказывая первымъ, что они суть только хранители общественнаго сокровища, и могутъ употреблять его единственно для блага народнаго; доказывая послѣднимъ, что они, удѣляя Государю часть своего избытка, утверждаютъ тѣмъ собственное ихъ благосостояніе; что они платятъ дань не Государю, а самимъ себѣ, или другъ другу. Естьли пастыри и земледѣльцы хотятъ, чтобы стада и поля ихъ были цѣлы, то нужно воинство для отраженія внѣшнихъ хищниковъ; естьли купечество желаетъ безопасности для кораблей своихъ, то надобенъ флотъ, готовый наказать дерзостнаго оскорбителя ихъ Флаговъ. Внутренняя безопасность, полезныя заведенія, удобность пути для сообщенія людей, соединеніе рѣкъ, наконецъ самое великолѣпіе Двора, изображающаго величіе народа — однимъ словомъ, всѣ предметы государственныхъ расходовъ имѣютъ въ предметѣ общую пользу (576 — 580). Но Мо-

нархиня желаетъ облегчить сiю необходимость для народа и предписываетъ Законодателю искать новыхъ, удобнѣйшихъ способовъ для раздѣленiя налоговъ, сравнивая ихъ съ легкими парусами, долженствующими ускорять плаванiе корабля, а не бременить его (601). Самое же вѣрнѣйшее средство умножить государственныя богатства есть умножить народъ и привести въ цвѣтущее состоянiе земледѣлiе, ремесла, торговлю, художества, науки (603 — 618).

Всякая часть законодательства представляется важною и спасительною подъ мудрымъ перомъ Екатерины. Она первая изобразила всѣ великiя должности оберегательной власти или Благочинiя. Во многихъ земляхъ имя Полицiи означаетъ единственно наушниковъ Правительства и ужасъ не только злыхъ людей, но и самыхъ добрыхъ. Монархиня превращаетъ ее въ благодѣтельное судилище нравовъ и порядка для всей Имперiи. Полицiя, соблюдая тишину, обуздываетъ вредную роскошь, старается искоренять, и даже предупреждать нравственное зло, безчинство, обманы; печется о безопасности, физическомъ благосостоянiи народа, чистотѣ воздуха, здравой пищѣ, твердости зданiй, украшенiи городовъ и селъ, о прiятной удобности путешественниковъ, — наконецъ печется о бѣдныхъ и больныхъ. Сiя дѣятельная часть Правительства, — сей, такъ сказать, неусыпный Аргусъ его, не присвоивая себѣ уголовнаго и гражданскаго суда, исправляетъ людей легкими

наказаніями, и спасаетъ порокъ отъ преступленія (553 — 565).

Предложивъ въ семъ Наказѣ самую лучшую основу для политическаго образованія Россіи, Екатерина заключаетъ его священными, премудрыми мыслями, которыя, подобно Фаросу, въ теченіе временъ должны остерегать всѣ Монархіи отъ политическаго кораблекрушенія. Сограждане! да обновится вниманіе ваше: Ее гласъ вѣчной Судьбы, открывающей намъ причину государственныхъ бѣдствій!

«Имперія близка къ своему паденію, какъ скоро «повреждаются ея начальныя основанія; какъ «скоро измѣняется духъ Правленія, и вмѣсто ра«венства законовъ, которые составляетъ душу «его, люди захотятъ личнаго равенства, несоглас«наго съ духомъ законнаго повиновенія; какъ «скоро престанутъ чтить Государя, начальни«ковъ, старцевъ, родителей. Тогда государствен«ныя правила называются *жестокостію*, уставы «*принужденіемъ*, уваженіе *страхомъ*. Прежде «имѣніе частныхъ людей составляло народныя «сокровища; но въ то время сокровище народное «бываетъ наслѣдіемъ частныхъ людей, и любовь «къ отечеству исчезаетъ (502 — 566). — Что ис«требило наши двѣ славныя Династіи, говоритъ «одинъ Китайскій Писатель: то, что онѣ, не до«вольствуясь главнымъ надзираніемъ, единствен«но приличнымъ Государю, хотѣли управлять «всѣмъ непосредственно, и присвоили себѣ дѣла, «которыя должны быть судимы разными госу-

«дарственными Правительствами. Самодержав-«ство разрушается, когда Государи думаютъ, что «имъ надобно изъявлять власть свою не слѣдова-«ніемъ порядку вещей, а премѣною онаго, и ко-«гда они собственныя мечты уважаютъ болѣе за-«коновъ (510 — 511). — Самое вышнее искусство «Монарха состоитъ въ томъ, чтобы знать, въ ка-«кихъ случаяхъ должно ему употребить власть «свою: ибо благополучіе Самодержавія есть от-«части кроткое и снисходительное правленіе. На-«добно, чтобы Государь только ободрялъ, и чтобы «одни законы угрожали (513 — 515). Нещастливо «то государство, въ которомъ никто не дерзаетъ «представить своего опасенія въ разсужденіи бу-«дущаго, не дерзаетъ свободно объявить своего «мнѣнія (517). — Все сіе не можетъ понравиться «ласкателямъ, которые безпрестанно твердятъ «земнымъ Владыкамъ, что народы для нихъ су-«ществуютъ. Но *Мы думаемъ, и за славу Себѣ* «*вмѣняемъ сказать, что Мы живемъ для На*-«*шего народа*. Сохрани Боже, чтобы, по соверше-«ніи сего законодательства, какой нибудь народъ «на землѣ былъ щастливѣе Россійскаго! Тогда не «исполнилось бы намѣреніе Нашихъ законовъ: — «нещастіе, до котораго Я дожить не желаю (520)!»

Я вѣрю своему сердцу: ваше конечно то же чувствуетъ.... Сограждане! сердце мое трепещетъ отъ восторга: удивленіе и благодарность производятъ его. Я лобызаю Державную руку, которая, подъ божественнымъ вдохновеніемъ души, начертала сіи священныя строки! Какой Монархъ на

тронѣ дерзнулъ — такъ, *дерзнулъ* объявить своему народу, что слава и власть Вѣнценосца должны быть подчинены благу народному; что не подданные существуютъ для Монарховъ, но Монархи для подданныхъ? Мы удивляемся Философу, который проповѣдуетъ Царямъ ихъ должности; но можно ли сравнять его смѣлость съ великодушіемъ самодержавной Екатерины, Которая, утверждая престолъ на благодарности подданныхъ, торжественно признаетъ Себя обязанною заслуживать власть Свою? Ядовитая лесть, которая вьется и шипитъ вокругъ Государей, могла ли уязвить такое геройское сердце? Нѣтъ! гнусный гадъ, пресмыкаясь во прахѣ, не ужалитъ орла, подъ небесами парящаго!... И сіе великое движеніе пылкой души, сіи въ восторгѣ произнесенныя слова: «сохрани Боже, чтобы какой нибудь народъ былъ щастливѣе Россійскаго!» не суть ли изліяніе и торжество страстной добродѣтели, которая, избравъ себѣ предметъ въ мірѣ, стремится къ нему съ пламенною ревностію, и самую жизнь въ разсужденіи его ни за что считаетъ? Такъ, Екатерина преломила бы скипетръ Царскій, свергла бы вѣнецъ съ главы Своей, возненавидѣла бы власть Свою, естьли бы они не служили Ей средствомъ ощастливить Россіянъ!

Ея Наказъ долженствовалъ быть для Депутатовъ Аріадниною нитію въ лавиринѳѣ государственнаго законодательства; но онъ, открывая имъ путь, означая все важнѣйшее на семъ пути, содержитъ въ своихъ мудрыхъ правилахъ и душу

главныхъ уставовъ, политическихъ и гражданскихъ, подобно какъ зерно заключаетъ въ себѣ видъ и плодъ растѣнія.

Уже Депутаты Россійскіе сообщали другъ другу свои мысли о предметахъ общаго Уложенія, и жезлъ Маршала гремѣлъ въ торжественныхъ ихъ собраніяхъ. Екатерина невидимо внимала каждому слову, и Россія была въ ожиданіи.... Но Турецкая война воспылала, и Монархиня обратила Свое вниманіе на внѣшнюю безопасность государства.

Сограждане! принесемъ жертву искренности и правдѣ; скажемъ — что Великая не нашла, можетъ быть, въ умахъ той зрѣлости, тѣхъ различныхъ свѣдѣній, которыя нужны для законодательства. Да не оскорбится тѣмъ справедливая гордость народа Россійскаго! Давно ли еще сіяетъ для насъ просвѣщеніе Европы? И мудрость Ликурговъ была ли когда нибудь общею? Не всегда ли великое искусство государственнаго образованія считалось небеснымъ вдохновеніемъ, извѣстнымъ только нѣкоторымъ избраннымъ Душамъ? Оставляя суевѣрныя преданія древности о Нимфахъ Эгеріяхъ, можемъ согласиться, что Нумы всѣхъ вѣковъ имѣли нужду въ чрезвычайныхъ откровеніяхъ Генія. Сколько мудрости потребно Законодателю? Сколь трудно знать человѣческое сердце, предвидѣть всѣ возможныя дѣйствія страстей, обратить къ добру ихъ бурное стремленіе, или остановить твердыми оплотами, согласить частную пользу съ общею; наконецъ — послѣ высочай-

шихъ умозрѣній, въ которыхъ духъ человѣческій, какъ древле Моисей на горѣ Синайской, съ невидимымъ Божествомъ сообщается — спуститься въ обыкновенную сферу людей, и тончайшую Метафизику преобразить въ уставъ гражданскій, понятный для всякаго!

Но собраніе Депутатовъ было полезно: ибо мысли ихъ открыли Монархинѣ источникъ разныхъ злоупотребленій въ государствѣ. Прославивъ благую волю Свою, почтивъ народъ довѣренностію, убѣдивъ его такимъ опытомъ въ Ея благотворныхъ намѣреніяхъ, Она рѣшилась Сама быть Законодательницею Россіи.

Едва умолкли громы войны, въ самый первый годъ щастливаго мира Екатерина обнародовала новое Учрежденіе для Губерній, которое составляетъ вторую важную эпоху въ Ея правленіи, и которое, мало по малу, удивительнымъ образомъ премѣнило Россію какъ въ умахъ, такъ и во нравахъ.

Государства, подобно человѣку, имѣютъ разные нравственные возрасты: мудрый Законодатель слѣдуетъ взоромъ своимъ за ихъ измѣненіями, и отъ времени до времени обновляетъ систему свою, прибавляя или иначе располагая части ея. Что въ вѣкъ Петра Великаго было достаточно для скораго производства дѣлъ, то во дни Екатерины уже не отвѣтствовало новымъ потребностямъ Россіянина. Сограждане! опытъ и размышленіе открываютъ намъ сію любопытную истину: «что »быстрые шаги человѣка къ Философіи и къ граж-

«данскому совершенству *до нѣкотораго отдале-* «*нія* бываютъ самые безпокойные.» Разумъ, помраченный невѣжествомъ, есть тихое, заростшее травою блато, котораго сонныя воды не знаютъ никакого бурнаго волненія; но первые лучи Философіи, пробуждая мысленную силу, раждаютъ сомнѣніе за сомнѣніемъ, которыя волнуютъ душу въ Океанѣ неизвѣстности: время заблужденій и дерзкихъ системъ! Но вихрь наконецъ утихаетъ, и разумъ, обогащенный идеями, находитъ для себя щастливую пристань, гдѣ тишина и мирныя наслажденія ожидаютъ его. Такъ и въ гражданскихъ обществахъ. Легко Законодателю управлять народомъ грубымъ и полудикимъ, котораго нужды, понятія и страсти малочисленны; котораго душа недѣятельна и разумъ дремлетъ. Тогда новый гражданинъ въ случаѣ обиды скорѣе прибѣгаетъ къ человѣческой управѣ, нежели къ гражданской; тогда бываетъ болѣе ссоръ, нежели дѣлъ тяжебныхъ. Но когда гражданинъ, такъ сказать, *осмотрится* въ политическомъ обществѣ; когда, узнавъ новыя потребности, новыя выгоды стяжанія, онъ уже привыкнетъ ко власти законовъ, *отнимающихъ* и *дающихъ:* тогда раждается охота къ тяжбамъ, раждается ябеда, сія *хитрость простыхъ*, которая, безпокоя другихъ, сама себя изнуряетъ, и стремясь къ неправымъ пріобрѣтеніямъ, ведетъ за собою разореніе. Дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія исцѣляютъ гражданина отъ сей болѣзни, открывая каждому пользу справедливости, честности и мирной жизни; но пока сія

щастливая перемѣна не совершится, Законодатель умножаетъ способы правосудія для скорѣйшаго успокоенія невинности и наказанія ябедника. Со временъ Петра Великаго до царствованія Екатерины число тяжебныхъ дѣлъ безпрестанно возрастало, и Монархиня должна была установить новыя судилища. *

Но творенія великихъ умовъ, подобно твореніямъ Природы, не ограничивается благомъ единаго рода, и новое Учрежденіе Екатерины представляетъ намъ въ своемъ намѣреніи различныя пользы для Россіи. Одна изъ великихъ мыслей сего Учрежденія есть ввести въ правленіе всѣ три гражданскія состоянія, пріучить людей къ законовѣдѣнію, утвердить правосудіе на собственномъ ихъ благѣ. Всякой можетъ быть судіею для равныхъ ему, и долженъ знать уставы государственные; всякой для своей безопасности избираетъ достойнѣйшаго, поручая ему нѣкоторымъ образомъ жребій свой; всякой, зная тяжбу, знаетъ и судящихся, будучи товарищемъ ихъ въ гражданской жизни; всякой боится употребить во зло общую довѣренность, ибо чрезъ три года возвратится онъ въ состояніе частнаго гражданина, и будетъ наказанъ общимъ презрѣніемъ, естьли не исполнитъ обязанностей чести.

Монархиня повелѣла — и Россія, дотолѣ не соразмѣрная въ частяхъ своихъ, подобно дикому произведенію Натуры или слѣпаго случая, пріяла

* См. Манифестъ при Учрежденіи.

видъ гармоническаго размѣра, подобно творенію совершеннаго Искусства; части сравнялись между собою, и каждая Губернія ограничилась удобнѣйшимъ для нее постранствомъ. Монархиня повелѣла — и гласъ Ея, какъ лира Амфіонова, творитъ новые грады, естьли не великолѣпіемъ художества, то своею пользою украшенные. Уже земледѣлецъ не принужденъ на долго разставаться съ мирными Пенатами, чтобы въ отдаленіи искать защиты отъ притѣснителя, суда на хищнаго сосѣда, или потребностей для жизни своей. Уже каждое селеніе означаетъ близость города, гдѣ правосудіе беретъ подъ свою эгиду пастыря и оратая; гдѣ торговля удовлетворяетъ ихъ главнымъ потребностямъ, и гдѣ свободно мѣняются они плодами трудовъ своихъ. Благоразумный Политикъ видитъ въ начальномъ недостаткѣ сихъ юныхъ заведеній будущіе ихъ успѣхи и богатство. Такъ юное древо, съ трудомъ пробиваясь сквозь твердыя глыбы земли, едва, едва примѣтно на ея зеленой поверхности; но время возвышаетъ его — и величественный дубъ осѣняетъ землю.

Сіи округи, заключая въ средоточіи своемъ столицу Губерніи, которая управляетъ ихъ политическими дѣйствіями, представляетъ образъ различныхъ семействъ подъ начальствомъ единаго, главнаго, и Государевъ Намѣстникъ имѣлъ благословенную власть отца.* *Ходатай за пользу общую и госу-*

* Сія благодѣтельная должность есть нынѣ должность Губернаторовъ.

дарственную, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ, но не судія, онъ наблюдалъ теченіе правосудія, движеніе вѣсовъ его, и могъ остановить беззаконіе, относясь или въ Сенатъ или къ Самой Монархинѣ; *пресѣкалъ всякаго роду злоупотребленія, излишнюю роскошь, тиранство и жестокости. Доброхотство и любовь къ народу* долженствовали быть его главнымъ свойствомъ.* — Монархическое Правленіе требуетъ такого соединенія блюстительныхъ властей въ одномъ человѣкѣ, для храненія порядка въ разныхъ удѣлахъ государства — и когда Франція вышла изъ бурнаго хаоса безначалія и снова заняла мѣсто свое между Европейскими Державами, тогда хитрый властелинъ ея, наученный опытностію, долженъ былъ для лучшаго благоустройства установить Префектовъ, которые суть не что иное, какъ Намѣстники Государевы.

Учрежденіе Губернскаго Правленія было совсѣмъ новое и безпримѣрное въ Россіи: мѣсто, ограниченное исполнительною властію, безъ всякой судебной. Монархиня чувствовала, сколь нужно отдѣлить сію власть, чтобы главное Мѣсто въ Губерніи не присвоило себѣ опаснаго самовластія; и такимъ образомъ оно не можетъ предписать рѣшенія нижнимъ Судамъ, которые въ совершенной свободѣ дѣйствуютъ по уставамъ; но требуетъ отъ нихъ скорости, наказываетъ пенею нерадивую

* См. Учрежденіе.

медленность; и въ случаѣ неисправленія предаетъ виновнаго законамъ: слѣдственно имѣетъ всѣ способы благотворить обществу, не вмѣшиваясь въ права Судейскія.

Прежде въ Губернскихъ и градскихъ судилищахъ соединялись дѣла всякаго роду, и своимъ множествомъ, своимъ разнообразіемъ затрудняли ихъ: Монархиня отличила гражданскія отъ уголовныхъ, частныя отъ государственныхъ, и предписала имъ особенный путь, какъ для скорѣйшаго, такъ и для лучшаго производства: ибо единство упражненій научаетъ Судію быстрому соображенію обстоятельствъ и вѣрнѣйшимъ способамъ открывать истину. Два Департамента Магистратовъ, Верхнихъ Расправъ и Земскихъ Судовъ, Уголовная и Гражданская Палаты, образуютъ двѣ нити правосудія, которыя соединяются между собою только въ дѣлахъ смѣшенныхъ или двоякихъ. Сіи Палаты, имѣя права Коллегій, судятъ въ средоточіи Губерній, нѣтъ дальнихъ переносовъ; всѣ нужныя объясненія могутъ быть доставляемы скоро, и медленность, первое зло по неправдѣ, пресѣкается. — Государственныя пользы, ввѣренныя Казенной Палатѣ, (которая дѣйствуетъ, такъ сказать, на мѣстѣ, знаетъ обстоятельства, знаетъ особенныя выгоды своей Губерніи, и не развлекается уже никакими другими предметами) составили лучшую систему хозяйства; Казна обогатилась новыми доходами и вѣрнѣйшимъ сборомъ прежнихъ.

Дворянская Опека и Сиротскій Судъ, которые, подобно небесному Провидѣнію, пекутся о безза-

щитныхъ младенцахъ и вдовахъ — Общественное Призрѣніе, которое благотворитъ нещастнымъ жертвамъ бѣдности и недуговъ, воспитываетъ сирыхъ, управляетъ работными *домами* (гдѣ бѣдный гражданинъ, лишенный всего, кромѣ силъ, трудами своими живетъ и другимъ пользу приноситъ) мѣстами наказанія, или, лучше сказать исправленія гражданскихъ пороковъ — и наконецъ Совѣстный Судъ, который есть *человѣколюбіе правосудія* (божественная и безпримѣрная мысль въ законодательствѣ!) останутся въ Россіи вѣчнымъ памятникомъ того, что нѣкогда Добродѣтель въ лицѣ Монархини управляла ею.

Политическое и нравственное дѣйствіе такого новаго, всеобъемлющаго Учрежденія долженствовало скоро означиться въ государствѣ.

Многочисленное Россійское Дворянство со временъ Петра Великаго служило мечемъ отечеству до изнеможенія силъ своихъ; тогда подъ знаменами воинскими, въ шумныхъ станахъ, среди опасностей и сраженій надлежало искать почтенныхъ сыновъ Россіи. Великій Императоръ, образуя армію, хотѣлъ, чтобы отличенные гражданскими правами отличались ревностію и служили до послѣдней возможности: необходимость сего требовала. Но обстоятельства перемѣнились. Уже Россія могла обойтися безъ сего принужденія, и Петръ III заслужилъ благодарность Дворянства, оказавъ довѣренность къ его свободной патріотической ревности. Съ того времени провинціи и села оживились присутствіемъ многихъ Благородныхъ, ко-

торые могли съ честію оставить воинскую службу; они вели спокойную, но праздную и для государства мало полезную жизнь; хозяйство и ловля звѣрей, которая пріятнымъ образомъ напоминала имъ воинскую дѣятельность, были единственнымъ ихъ занятіемъ. Россія, особливо въ отдаленныхъ частяхъ своихъ, представляла картину *Феодальныхъ* вѣковъ Европы, когда всякой владѣлецъ казался отдѣленнымъ отъ государства составомъ; и естьли бы тяжбы, раждаемыя грубымъ корыстолюбіемъ и самою праздностію, не давали иногда чувствовать нашимъ Дворянамъ зависимость ихъ отъ Правленія, то они могли бы нѣкоторымъ образомъ забыть отношенія гражданина къ государству. Такое состояніе конечно не благопріятствовало духу общественности и патріотизма!

Но открытіе Намѣстничествъ открыло Дворянамъ новое поле дѣятельности, вывело ихъ изъ произвольнаго заточенія, соединило въ общество, болѣе познакомило между собою и возвысило цѣну добраго мнѣнія о человѣкѣ. Прежде любопытные иностранцы находили въ Россіи пустые, унылые города, гдѣ пять или шесть Судей составляли все общество; но теперь въ каждой Губерніи находятъ они цвѣтущую столицу, украшенную новыми зданіями, оживленную присутствіемъ многочисленнаго Дворянства, которое призываетъ ихъ къ весельямъ лучшихъ Европейскихъ городовъ, и своимъ пріятнымъ гостепріимствомъ, ласковою учтивостію доказываетъ имъ, что обширныя степи и лѣса не

служатъ въ Россіи преградою для успѣховъ свѣтской людкости.

Прежде какая-то грубая восточная пышность отличала богатыхъ Дворянъ въ провинціяхъ: теперь общій вкусъ въ жизни сближаетъ состоянія, безъ роскоши украшаетъ посредственность и самому недостатку даетъ видъ довольства.

Прежде Дворяне наши гордились какою-то, можно сказать, дикою независимостію въ своихъ помѣстьяхъ: теперь, избирая важныя судебныя власти, и чрезъ то участвуя въ правленіи, они гордятся своими великими государственными правами, и благородныя сердца ихъ болѣе нежели когда нибудь любятъ свое отечество.

Прежде человѣколюбивый родитель, удаленный отъ столицы, въ сельскомъ уединеніи не имѣлъ средства достойнымъ образомъ воспитывать своихъ дѣтей: теперь, въ новомъ порядкѣ вещей, нашелъ онъ болѣе возможности образовать умъ и сердце ихъ. Пребываніе многихъ дворянскихъ семействъ въ Губернскихъ городахъ и старанія Правительства способствовали вездѣ заведенію благородныхъ училищъ.

Сія перемѣна, столь благопріятная для государственнаго просвѣщенія, не имѣла вреднаго дѣйствія и на сельское хозяйство. Великая Законодательница все предвидѣла, и почти для всѣхъ Дворянъ, избираемыхъ въ должность, назначила мѣсяцы отпусковъ въ самое то время, когда сельскія работы требуютъ глазъ помѣщика. Ссылаясь на опытъ, спрашиваю: не процвѣло ли въ наше

время и самое земледѣліе въ Россіи? Сіе изъясняется двумя причинами: вопервыхъ открылись новые способы для торговли, всегда имѣющей вліяніе на хлѣбопашество; вовторыхъ Дворяне, чрезъ взаимное сообщеніе свѣдѣній, узнали лучшіе сиособы земледѣлія, и старинныя предразсужденія (ибо оно также имѣетъ ихъ) уступили мѣсто новѣйшимъ полезнымъ опытамъ.

Дерзну ли еще сказать истину? Новое Учрежденіе пресѣкло многія злоупотребленія господской власти надъ рабами, поручивъ ихъ судьбу особенному вниманію Намѣстника. Сіи гнусные, но къ утѣшенію добраго сердца малочисленные тираны, которые забываютъ, что быть господиномъ есть, для истиннаго Дворянина, быть отцемъ своихъ подданныхъ, не могли уже тиранствовать во мракѣ; лучь мудраго Правительства освѣтилъ ихъ дѣла; страхъ былъ для нихъ краснорѣчивѣе совѣсти, и судьба подвластныхъ земледѣльцевъ смягчилась. Но чувствительное и патріотическое сердце желало бы еще найти другую, утѣшительнѣйшую причину такой благой перемѣнѣ — и для чего сверхъ боязни, не признать намъ въ семъ случаѣ и спасительнаго дѣйствія лучшей нравственности?

Чрезъ умноженіе *Окружныхъ* городовъ умножилось купечество, и процвѣло чрезъ многолюдство *Губернскихъ*, которыхъ торжища скоро представили богатое собраніе плодовъ Россійской и чужеземной промышлености. Самые нравы торговыхъ людей, отъ многихъ и близкихъ сношеній съ Дворянствомъ болѣе просвѣщеннымъ, утрати-

ли прежнюю свою грубость, и богатый купецъ видя предъ собою образцы въ лучшемъ искусствѣ жизни, непримѣтно заимствовалъ вкусъ и свѣтскую обходительность.

Земледѣльцы, сельскою добродѣтелію отъ плуга на ступени Ѳемидина храма возведенные, судьи себѣ подобныхъ, долженствовали съ пріобрѣтеніемъ такихъ новыхъ правъ возвыситься въ духѣ своемъ, узнать лучше гражданскую жизнь и законы, служащіе ей основаніемъ; долженствовали возвращаясь подъ домашній кровъ свой, быть опытными совѣтниками и миротворцами поселянъ.

Установленію сельскаго Благочинія обязаны мы безопасностію дорогъ и уменьшеніемъ всякаго рода безпорядковъ. Давно ли еще путешественникъ трепеталъ грозныхъ лѣсовъ Россіи? давно ли внезапный шумъ листьевъ ужасалъ его сердце? Давно ли дикіе, уединенные гроты были вертепомъ разбойниковъ? Но дѣятельная новая власть проникла въ самую непроницаемость древнихъ лѣсовъ, въ сіе отечество злодѣевъ; истребила ихъ тайныя убѣжища, и обнимая всемѣстность взоромъ своимъ, препятствуетъ самому зарожденію опасныхъ скопищъ. Теперь путешественникъ не страшится ничего въ обширныхъ предѣлахъ Россіи; теперь, подъ щитомъ невидимой власти, безпечно и спокойно углубляется онъ въ самыя дикія мѣста, и отечество наше есть для него самая безопаснѣйшая страна въ Европѣ.

Сограждане! я означилъ только главныя дѣйствія сего Учрежденія Екатерины, дѣйствія уже

явныя: но еще многія хранятся въ урнѣ будущаго, или въ началѣ своемъ менѣе примѣтны для наблюдателя. Оно, необходимо просвѣщая народъ, окажется тѣмъ благодѣтельнѣе въ слѣдствіяхъ, чѣмъ народъ будетъ просвѣщеннѣе.

Но при концѣ сего начертанія взоръ мой невольно устремляется на всю неизмѣримую Имперію, гдѣ столько морей и народовъ волнуется, гдѣ столько климатовъ цвѣтетъ или свирѣпствуетъ, гдѣ столько необозримыхъ степей разстилается, и столько величественныхъ горъ бросаетъ тѣнь на землю! Я воображаю сіи едва вообразимыя пространства со всѣми ихъ жителями, и думаю: «Екатерина, «подобно Божеству, согласила все *словомъ* Своимъ; «отдаленные берега Ледовитаго моря представляютъ тотъ же государственный порядокъ, которому на берегахъ величественной Волги или «Невы удивляемся; народы столь различные правятся единымъ уставомъ; части, толь несходныя, «всеобщимъ Учрежденіемъ Монархіи приведены «въ цѣлое, и безчисленныя страны Россійскія составили разныя семейства единаго отечества!» Сія мысль восхищаетъ духъ мой!

Какъ искусный художникъ, сотворивъ хитрое орудіе, и приводя его въ движеніе, еще не опускаетъ творческой руки своей, но внимательно наблюдая, прибавляетъ, чего не достаетъ къ совершенству онаго: такъ Великая Екатерина, исполнивъ мудрое Свое Учрежденіе, еще не успокоилась отъ трудовъ законодательныхъ, но спѣшила увѣнчать ихъ новыми.

Уставъ Благочинія * содержитъ въ себѣ не только всѣ способы внѣшняго порядка и безопасности, но и самыя святѣйшія правила Гражданскаго нравоученія, столь любезнаго добродѣтельному сердцу Монархини. Такъ называемое *Зерцало Благочинія* есть зерцало всѣхъ взаимныхъ гражданскихъ обязанностей, предложенныхъ съ тою ясною краткостію, которая должна быть характеромъ законовъ, и которая сколь неплодовита словами, столь мыслями и отношеніями богата. Оно даетъ Полиціи священныя права Римской Ценсуры; оно предписываетъ ей не только устрашать злодѣйство, но и способствовать благонравію народа, питать въ сердцахъ любовь къ добру общему, чувство жалости къ нещастному: сіе первое движеніе существъ нравственныхъ, слабыхъ въ уединеніи и сильныхъ только взаимнымъ между собою вспоможеніемъ; оно предписываетъ ей утверждать миръ въ семействахъ, основанный на добродѣтели супруговъ, на любви родительской и неограниченномъ повиновеніи дѣтей: ** *ибо миръ въ семействахъ есть миръ во градѣ*, по словамъ древняго Философа. Однимъ словомъ: Монархиня превратила въ законъ мысли Наказа Ея о семъ предметѣ, и никакое другое государство не имѣетъ столь мудраго и совершеннаго Полицейскаго Устава.

Начало Дворянства нашего теряется во мракѣ

* Обнародованный въ 1782 году, Апрѣля 8.

** См. Зерцало Благочинія.

вѣковъ. Благородные Россіяне были конечно прежде сердцемъ и душею, нежели именемъ благородные. Мало по малу, въ теченіе временъ дѣлами знаменитые роды составили въ нашемъ отечествѣ первую ограду Трона и особенное состоянія подъ названіемъ Дворянскаго. Награжденные отъ Государей помѣстьями, они имѣли право умножать ихъ куплею и сверхъ того занимать первыя мѣста какъ въ гражданскомъ, такъ и въ воинскомъ порядкѣ. Петръ III даровалъ имъ вольность: Екатерина распространила ихъ политическія дѣйствія; но еще не доставало полнаго изображеніи правъ Дворянскихъ, утвержденнаго Монаршею властію и торжественно преданнаго вѣкамъ въ образѣ священнаго монумента. Екатерина обнародовала *Грамоту Дворянства*, гдѣ, представляя въ блестящей картинѣ всѣ заслуги его, представляетъ Она и всѣ награды, которыми отечество изъявило ему свою признательность. Монархиня именемъ Неба скрѣпляетъ святость, вѣчность и непоколебимость сихъ преимуществъ.....

Здѣсь обращаюсь къ вамъ, мои собратія, благородные сыны Россіи, потомки мужей именитыхъ! и мысленно развертывая передъ вами сію государственную хартію, на которой сіяютъ всѣ великія права Дворянства, вопрошаю: чего не достаетъ къ совершенству нашего гражданскаго благоденствія? какихъ выгодъ можемъ еще желать? кому завидовать? Мы свободны! судимы только равными себѣ! боимся однихъ законовъ! имѣемъ голосъ въ Имперіи, и Монархъ внимаетъ

ему! Наша собственность неотъемлема; достоинство родовъ и право наслѣдства сохранены, но мы по волѣ располагаемъ пріобрѣтеніями. Земля, которою владѣемъ, для насъ отверзаетъ нѣдра свои и тайныя сокровища; для насъ текутъ воды въ ея пространствѣ! И естьли нѣкоторыя особенныя склонности влекутъ насъ въ климаты чуждые; естьли полезное любопытство наше требуетъ себѣ новой пищи; естьли кроткое небо южной Европы обѣщаетъ намъ лучшее здравіе: мы свободны! Дворянинъ Россійской есть гражданинъ вселенныя; нѣтъ преграды для путей его. Но и тамъ, въ странахъ отдаленныхъ, отечество не престаетъ намъ благодѣтельствовать; и тамъ мы наслаждаемся плодами нашей собственности, въ нѣдрахъ его оставленной; оттуда располагаемъ ею, и внѣ Россіи живемъ Россіею. * Но естьли полная мѣра политическаго благоденствія есть наша доля, то будемъ же признательны, и не забудемъ, что великія отличія приносятъ съ собою и великія должности; что Благородный есть ли и человѣкъ добродѣтельный, или поношеніе своего рода; что быть полезными есть первая наша обязанность; и что истинный Россійскій Дворянинъ не только посвящаетъ жизнь отечеству, но готовъ и смертію доказать безпредѣльную любовь свою къ его благу!

* См. Дворянскую Грамоту, подписанную въ 1785 году, 21 Апрѣля.

Екатерина, возобновивъ или умноживъ права наши, въ то же время обнародовала и *Городовое Положеніе*, которое навѣки утвердило *Среднее состояніе* въ Россіи, опредѣливъ сферу дѣйствій его, и назначивъ въ ней разныя степени, увѣнчанныя наконецъ титломъ Именитаго Гражданина, который имѣетъ уже часть Дворянскихъ преимуществъ и даетъ внуку своему право требовать сего достоинства. Каждая новая степень приноситъ съ собою новыя выгоды для общежитія, открываетъ вблизи еще важнѣйшія, возбуждаетъ ревность къ трудамъ, ревность къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, и питая честолюбіе, способствуетъ государственному благу. Монархиня знала человѣческое сердце и тайну гражданскихъ обществъ; знала, что самыя легкія отличія производятъ дѣла важныя; знала, что всѣ государственныя степени, возвышаясь одна передъ другою, должны имѣть нѣкоторую связь — и такимъ образомъ Дворянинъ уже подаетъ руку Именитому Гражданину, который, переходя наконецъ въ санъ Благородныхъ, оставляетъ за собою лѣствицу для другихъ, ему подобныхъ. Естьли иностранные Писатели донынѣ говорятъ, что въ Россіи нѣтъ *Средняго состоянія*, то пожалѣемъ о ихъ дерзкомъ невѣжествѣ, но скажемъ, что Екатерина даровала сему важному состоянію истинную политическую жизнь и цѣну; что всѣ прежнія его установленія были недостаточны, не тверды и не образовали полной системы; что Она первая обратила его въ государственное достоинство, которое основано на *трудолюбіи* и *добрыхъ нравахъ*,

и которое можетъ быть утрачено пороками; * что Она первая поставила на его главную степень цвѣтъ ума и талантовъ: мужей просвѣщенныхъ науками, украшенныхъ изящными дарованіями, ** и чрезъ то утвердила закономъ, что государство, уважая общественную пользу трудолюбіемъ снисканныхъ богатствъ, равномѣрно уважаетъ и личные таланты, и признаетъ ихъ нужными для своего благоденствія.

Такимъ образомъ Монархиня производила въ дѣйство великія мысли Своего Наказа; такимъ образомъ Ея собственная мудрая рука постепенно образовала полную государственную систему Монархической Россіи, согласную съ истиннымъ щастіемъ *человѣка*, слѣдственно несогласную съ печальнымъ именемъ *раба*, которымъ прежде гражданинъ назывался въ отечествѣ нашемъ, и которое навсегда уничтожилось Екатериною. *** Глубокомысленный Политикъ и Философъ видитъ предъ собою величественное, огромное зданіе, которое всякою частію удивляетъ разумъ, свидѣтельствуетъ мудрость зодчаго, и должно повелѣвать вѣками. Естьли Великая не совершила его.... пожалѣемъ о краткомъ вѣкѣ смертнаго! Когда бы Монархи были только Законодателями, то Екате-

* См. Городовое Положеніе.

** Ученые и художники по сему закону имѣютъ право на достоинство Именитыхъ Гражданъ.

*** Указомъ 1786 года, Февраля 19.

рина безъ сомнѣнія успѣла бы образовать Россію совершенно; но труды ихъ столь безчисленны, столь разнообразны, что умъ обыкновенный теряется въ сей необозримости. Внѣшняя Политика внутреннее правленіе, трудное и на многіе предметы обращенное правосудіе, занимая всю душу, истощаютъ ея дѣятельность, которая, укрываясь въ частяхъ своихъ отъ глазъ Историка, не менѣе нужна и спасительна для государствъ, и которая подобно тонкимъ, едва замѣтнымъ нитямъ ручейка, мало по малу образующимъ свѣтлую рѣку, обращаетъ на себя вниманіе наблюдателя только чрезъ большое пространство времени, представляя картину народнаго щастія, удовольствія и порядка. *

=

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Монархиня давала законы: Мать подданныхъ благотворила полезными учрежденіями.

* Я не могу говорить здѣсь о всѣхъ Указахъ Екатерины: на примѣръ о межеваніи, о фабрикахъ, о таможняхъ, о рудокопняхъ, о почтѣ, о сборѣ податей, о банкахъ, и проч. Всѣ они доказываютъ Ея попечительность о пользѣ государства и гражданъ.

Сограждане! сей огромный Домъ, который украшаетъ древнюю столицу Россійскую, величественно осѣняя рѣку ея — сей Домъ, предметъ удивленія Екропы, всѣхъ любопытныхъ чужеземцевъ, всѣхъ друзей человѣчества — есть храмъ, посвященный Екатериною Милосердію! Тамъ нещастные младенцы, жертвы бѣдности или стыда — не радость, но ужасъ родитилей въ первую минуту бытія своего; отвергаемые міромъ при самомъ ихъ вступленіи въ міръ; невинные, но жестоко наказываемые Судьбою — пріемлются во святилище добродѣтели, спасаются отъ бури, которая сокрушила бы ихъ на первомъ дыханіи жизни; спасаются и — что еще болѣе — спасаютъ, можетъ быть, родителей отъ адскаго злодѣянія, къ нещастію не безпримѣрнаго! находятъ человѣколюбивое призрѣніе; не только кровъ и пищу, но и всѣ лучшіе, мудрою благостію вымышленные способы укрѣплять ихъ здравіе, образовать душу, предупреждать физическое и нравственное зло. Тамъ всегдашнія, трогательныя попеченія небесной благодѣтельности не уступаютъ самымъ нѣжнѣйшимъ родительскимъ попеченіямъ, и осыпая цвѣтами колыбель младенцевъ, скрываютъ отъ сиротъ нещастіе сиротства; тамъ кроткая улыбка добродушной надзирательницы замѣняетъ для юныхъ сердецъ щастливую улыбку матери; тамъ благоразумный Надзиратель заступаетъ мѣсто отца, и пріучая ихъ къ трудолюбію, къ порядку, готовитъ въ нихъ отечеству полезныхъ гражданъ. Искусные въ художествахъ и ремеслахъ, которыя

дѣлаютъ человѣка независимымъ властелиномъ жизни своей, сіи питомцы Монаршей щедрости выходятъ въ свѣтъ, и послѣдній даръ, ими изъ рукъ ея пріемлемый, есть — гражданская свобода. Они выходятъ, обогащенные средствами устроить себѣ пріятную долю въ обществѣ, которое ждетъ ихъ съ нетерпѣніемъ и, такъ сказать, разсыпаетъ предъ ними свои жребіи; они избираютъ — и сей, нѣкогда отверженный младенецъ, спасенный Монаршимъ провидѣніемъ отъ вѣрной гибели, есть теперь надежный помощникъ Именитаго Гражданина въ дѣлахъ торговыхъ, или примѣръ искуснаго ремесленника, или исправный письмоводитель въ домѣ Вельможи. — Трудолюбивый мѣщанинъ среди воспитанницъ Сиротскаго Дому находитъ себѣ подругу, наученную всѣмъ женскимъ работамъ и правиламъ хозяйства.

Да скажутъ тѣ, которые путешествовали въ странахъ чуждыхъ, и вездѣ искали знаковъ человѣколюбиваго Правленія — да скажутъ они, гдѣ представлялось взору ихъ нѣчто подобное Сиротскому Дому Екатерины? Какое другое благодѣтельное заведеніе можетъ равняться съ нимъ обширностію плана, богатымъ основаніемъ, порядкомъ, а всего болѣе успѣхомъ и пользою? Какое другое заведеніе пріобрѣло столько общей довѣренности, чтобы частные люди повѣряли ему драгоцѣнную собственность охотнѣе, нежели первымъ богачамъ въ Имперіи, и такимъ образомъ на цвѣтущемъ его состояніи утверждали свой достатокъ?

Симъ великимъ учрежденіемъ Монархиня открыла истинному человѣколюбію и патріотизму самый лучшій способъ дѣйствія. Естьли вы, любимые сыны щастія, хотите доказать Провидѣнію свою признательность за дары Его; естьли чувствительное сердце ваше имѣетъ нужду излиться въ благотвореніяхъ: то не на стогнахъ ищите предмета для оныхъ: тамъ не рѣдко вредная праздность одѣвается рубищемъ бѣдности, чтобы обмануть жалость и сострадание; но спѣшите въ сей храмъ добродѣтели, принести ей чистыя жертвы удѣленіемъ вашего избытка: ибо Екатерина позволила вамъ благотворить вмѣстѣ съ Нею; — тамъ каждый даръ вашъ процвѣтетъ и украсится сторичнымъ плодомъ для святой пользы человѣчества.

Монархиня, увѣренная, что благонравіе нѣжнаго пола въ вышшемъ состояніи имѣетъ сильное вліяніе на государственное благонравіе, основала, подъ собственнымъ Ея надзираніемъ, Домъ воспитанія для двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ, чтобы сдѣлать ихъ образцемъ женскихъ достоинствъ. Уставъ сей и цѣлію и средствами своими заслужилъ искреннюю похвалу, искреннее удивленіе первыхъ умовъ въ Европѣ. Тамъ любовь и кротость должны ласкою образовать юное сердце для всѣхъ женскихъ добродѣтелей; тамъ чувствительность и нѣжность, обращенныя въ пріятную науку, расцвѣтаютъ въ душѣ отъ примѣровъ и наставленій. Нравственность есть главный предметъ; но и разумъ обогащается всѣми

знаніями, всѣми идеями, нужными для того любезнаго существа, которое должно быть прелестію свѣта, сокровищемъ супруга и первымъ наставникомъ дѣтей. Пріятныя женскія рукодѣлья, которыя украшаютъ жизнь хозяйки — искусства Грацій, которыя милую природу и совершенства ея дѣлаютъ еще милѣе — входятъ также въ систему воспитанія. Екатерина любила посѣщать сей прекрасный цвѣтникъ, Ею насажденный; любила смотрѣть на веселыхъ питомицъ, которыя, оставляя игры свои, спѣшили къ Ней на встрѣчу, окружали Ее радостными, шумными толпами, цѣловали Ея руки, одежду; единогласно называли матерью, и своею безпечною рѣзвостію въ присутствіи Монархини доказывали, что онѣ только любили, а не боялись Ее! Она знала имена, самые характеры ихъ; награждала добрые успѣхи Своимъ благоволеніемъ, ласковыми взорами и похвалами; однимъ словомъ: Она казалась истинною матерію сего многочисленнаго, цвѣтущаго семейства. Всякой пріѣздъ Ея былъ щастливымъ торжествомъ для всего Дома. — Доставляя юнымъ дѣвицамъ невинныя забавы, Монархиня желала, чтобы онѣ представляли иногда нравоучительныя Драмы; славный Расинъ писалъ для Сенъ Сира: еще славнѣйшій Геній Фернейскій * хотѣлъ перомъ своимъ способствовать полезнымъ удовольствіямъ воспитанницъ Екатерины, Которая,

* См. переписку Екатерины съ Вольтеромъ.

занимая величіемъ Своимъ театръ міра, съ веселіемъ занималась театромъ любезнаго дѣтства — и минуты, проведенныя Ею въ Воскресенскомъ монастырѣ, были конечно не потерянными для щастія минутами Ея царствованія. Она предчувствовала мирное благополучіе семействъ, которое долженствовало быть плодомъ сего учрежденія — и не обманулась. Какое-то невинное добродушіе, искренность, благонравіе, сверхъ знаній и талантовъ, бываютъ особеннымъ характеромъ Монастырскихъ воспитанницъ. — Монархиня основала также, и для мѣщанскаго состоянія училище, котораго питомицы приготовляются быть хорошими, добронравными хозяйками, искусными въ рукодѣльяхъ, и на всю жизнь остаются подъ особенною защитою Опекунскаго Совѣта. *

Академія Художествъ существовала въ Россіи едва ли не однимъ именемъ; Екатерина даровала ей истинное бытіе, законы и права, взявъ ее подъ личное Свое покровительство, въ совершенной независимости отъ всѣхъ другихъ властей; основала при ней воспитательное училище: обод-

* Не рѣдко самыя лучшія учрежденія, уже не будучи одушевляемы дѣятельнымъ надзираніемъ перваго творца ихъ, мало по малу теряютъ всю пользу; но Сиротской Домъ и Воскресенское Училище дѣвицъ имѣли щастіе найти новую Покровительницу въ Ея Величествѣ Вдовствующей Императрицѣ, Маріи Θеодоровнѣ, Которая оживляетъ ихъ Своимъ попеченіемъ.

ряла таланты юныхъ художниковъ; посылала ихъ въ отчизну Искусства, вникать въ красоты его среди величественныхъ остатковъ древности, тамъ, гдѣ самый воздухъ вливаетъ, кажется, въ грудь *чувство изящнаго*, ибо оно есть чувство народное; гдѣ Рафаель, ученикъ древнихъ, превзошелъ своихъ учителей, и гдѣ Микель Анджело *одинъ* сравнялся съ ними во *всѣхъ* Искусствахъ. Тамъ питомцы Россійскаго Художества обогащались мыслями, и кисть и рѣзецъ свой образовали по великимъ твореніямъ Генія. Сказавъ: *и мы, и мы художники!* они творили — и первыя въ Европѣ Академіи хотѣли имѣть ихъ своими Членами. — Съ того времени похвальный вкусъ къ художествамъ распространился въ Россіи; съ того времени столицы наши гордятся великолѣпными зданіями собственныхъ Архитекторовъ; красоты живописи и ваянія расцвѣли въ нашемъ климатѣ, и Россіянинъ, не выѣзжавъ изъ отечества, можетъ говорить объ Искусствѣ. — Права, данныя Академіи, служатъ величайшею почестію, какую только Государь можетъ оказать дарованіямъ: всякой ея питомецъ есть навѣки свободный человѣкъ со всѣмъ его родомъ, подсудимъ ей одной, или по крайней мѣрѣ безъ ея вѣдѣнія не судится другою властію; воленъ жить независимо своимъ талантомъ, воленъ избрать всякую службу, но ни къ какой не принуждается. Симъ важнымъ правомъ Екатерина почтила въ Россіи и художества и свободу!

Кадетскій Корпусъ, учрежденный Императри-

цею Анною, производилъ хорошихъ Офицеровъ и даже Военачальниковъ; ко славѣ его должно вспомнить, что Румянцевъ былъ въ немъ воспитанъ. Но сіе учрежденіе клонилось уже къ своему паденію, когда Екатерина обратила на оное творческій взоръ Свой — умножила число питомцевъ, надзирателей; предписала новые для нихъ законы, сообразные съ человѣколюбіемъ, достойные Ея мудрости и времени. Военная строгость, которая доходила тамъ не рѣдко до самой крайности, обратилась въ прилѣжное, но краткое надзираніе, и юныя сердца, прежде ожесточаемыя грозными наказаніями, исправлялись отъ легкихъ пороковъ гласомъ убѣдительнаго наставленія. Прежде Нѣмецкій языкъ, Математика и Военное Искусство были почти единственнымъ предметомъ науки ихъ: Екатерина прибавила какъ другіе языки (особливожъ совершенное знаніе Россійскаго), такъ и всѣ необходимыя для государственнаго просвѣщенія науки, которыя, смягчая сердце, умножая понятія человѣка, нужны и для самаго благовоспитаннаго Офицера: ибо мы живемъ уже не въ тѣ мрачныя, варварскія времена, когда отъ воина требовалось только искусства убивать людей; когда видъ свирѣпый, голосъ грозный и дикая наружность считались нѣкоторою принадлежностію сего состоянія. Уже давно первыя Европейскія Державы славятся такими Офицерами, которые служатъ единственно изъ благороднаго честолюбія, любятъ побѣду, а не кровопролитіе; повелѣваютъ, а не тиранствуютъ; храбры въ огнѣ

сраженія и пріятны въ обществѣ; полезны отечеству шпагою, но могутъ быть ему полезны и умомъ своимъ. Такихъ хотѣла имѣть Монархиня, и Корпусъ сдѣлался ихъ училищемъ. Привыкая ко всѣмъ воинскимъ упражненіямъ они, въ то же самое время слушаютъ и нравоученіе, которое доказываетъ имъ необходимость гражданскаго порядка и законовъ; исполняя справедливую волю благоразумныхъ Начальниковъ, сами пріобрѣтаютъ нужныя для добраго Начальника свойства; переводя Записки Юлія Цесаря, Монтекукулли или Фридриха, переводятъ они и лучшія мѣста изъ Расиновыхъ трагедій, которыя раскрываютъ въ душѣ чувствительность; читая Исторію войны, читаютъ Исторію и государствъ и человѣка; восхищаясь славою Тюрена, восхищаются и добродѣтелію Сократа; привыкаютъ ко грому страшныхъ орудій смерти, и плѣняются гармоніею нѣжнѣйшаго Искусства; узнаютъ и быстрые воинскіе марши и живописную игру тѣлодвиженій, которая, выражая дѣйствіе музыки, образуетъ пріятную наружность человѣка. Простая, здравая пища, мѣра трудовъ и отдыха; раздѣленіе часовъ на разныя упражненія, соотвѣтственныя каждому особенному возрасту, были предписаны Е к а т е р и н о ю по лучшей физической и нравственной системѣ воспитанія, не Аѳинскаго, не Спартанскаго, но самаго пристойнѣйшаго для юнаго Россійскаго Дворянства въ вѣки Европейскаго просвѣщенія. — Питомцы выходятъ исправными, знающими Офицерами, способными и для гражданскихъ должностей, пріятными людьми

для свѣта, съ характеромъ и съ правилами, имѣющими щастливое вліяніе на всю жизнь ихъ.

Екатерина съ прискорбіемъ видѣла, что образованіе благородныхъ дѣтей въ Россіи поручается родителями иностранцамъ, которые всего менѣе къ тому способны, не зная нашихъ нравовъ, духа народнаго, и которые, не имѣя къ отечеству нашему сыновней любви, не могутъ вселять ее и въ юныхъ учениковъ своихъ. Она повелѣла воспитывать, вмѣстѣ съ Кадетами, и нѣсколько мѣщанскихъ дѣтей, желая, чтобы они могли со временемъ посвятить себя званію учителей и замѣнить иностранцевъ. Уже многіе и изъ нихъ, исполняя намѣреніе Монархини, въ сей почтенной должности заслужили благодарность родителей и самаго отечества.

Здѣсь справедливая народная признательность требуетъ наименовать того мужа, котораго главною страстію было способствовать успѣхамъ воспитанія въ Россіи, и который служилъ Екатеринѣ первымъ орудіемъ для исполненія Ея благотворныхъ въ семъ великомъ дѣлѣ намѣреній. Бецкій жилъ и дышалъ добродѣтелію, не блестящею и не громкою, которая изумляетъ людей, но тихою и медленно-награждаемою общимъ уваженіемъ; рѣдкою: ибо люди стремятся болѣе къ блестящему, нежели къ основательному; и мужественною: ибо она не страшится никакихъ трудовъ. Онъ довольствовался славою быть помощникомъ Екатерины, радовался своими трудами, и будучи строгимъ наблюдателемъ порядка, безпрестанно взы-

скивая и требуя, сей другъ человѣчества умѣлъ заслужить любовь и надзирателей и питомцевъ: ибо требовалъ только должнаго и справедливаго. Герой, искусный Министръ, мудрый Судія, есть конечно украшеніе и честь государства; но благодѣтель юности не менѣе ихъ достоинъ жить въ памяти благодарныхъ гражданъ.

Корпусы Морской и Артиллерійской * обязаны Екатеринѣ нынѣшнимъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Первый образовалъ многихъ искусныхъ Офицеровъ, которыхъ и самые гордые Англичане уважаютъ. Чтобы сообщить лучшимъ питомцамъ его совершенную опытность, знаніе морей и всѣхъ чрезвычайныхъ феноменовъ сей величественной стихіи, Монархиня посылала ихъ въ отдаленности Океана, въ другія части міра, и молодые Офицеры Россійскіе имѣли славу повелѣвать старыми мореходцами Альбіона **. — Корпусъ Артиллерійской производитъ лучшихъ Инженеровъ для нашихъ армій.

Греческое Училище, основанное для юныхъ потомковъ древнѣйшей Республики, которыхъ отцы вѣчное изгнаніе предпочли вѣчному страху и рабству подъ желѣзнымъ скипетромъ Оттоманскимъ, было также памятникомъ Екатерининой бла-

* Онъ прежде назывался Школою.

** См. Указъ 1762 году о Корпусахъ. — Многіе наши Офицеры, какъ извѣстно, служили на Англійскихъ корабляхъ.

годѣтельности. Тѣ, которые въ нещастномъ отечествѣ своемъ не узнали бы, можетъ быть, никогда славной его Исторіи, великихъ именъ ея, и самаго древняго языка ихъ, научались во глубинѣ Сѣвера гордиться своимъ происхожденіемъ. Во градѣ Святаго Петра воскресали для нихъ священныя тѣни Героевъ и мудрецовъ Греческихъ; во градѣ Святаго Петра юныя сердца ихъ бились при имени Термопилъ и Маратона; во градѣ Святаго Петра они бесѣдовали съ Платономъ и Ксенофонтомъ; воображая древнюю славу Греціи, стремились душею къ святымъ мѣстамъ ея; воображая настоящее униженіе страны ихъ, радовались пребыванію своему въ странѣ великихъ дѣлъ и Героевъ. Они не чужды въ Россіи — они *дома* — въ отечествѣ славы! *

Такимъ образомъ Монархиня благотворила юности и человѣчеству въ своей Имперіи, вѣдая, что самые мудрые законы безъ добрыхъ нравовъ не сдѣлаютъ государства щастливымъ, и что нравы должны быть впечатлѣваемы на зарѣ жизни. Учреждая общественное воспитаніе, и полагая святую нравственность главнымъ его основаніемъ, Она торжественно объявила всѣмъ родителямъ Свое желаніе, чтобы они въ самомъ домашнемъ воспитаніи сообразовались съ правилами, Ею обнародованными. ** Одна истинная Мать народа, по-

* Еще учреждены Монархинею Горное, Лекарское и Судоходное Училища.

** См. главу о воспитаніи въ Наказѣ.

вторяю, могла имѣть столько попеченія о благѣ дѣтей въ государствѣ.

Мать народа... конечно!... Сердцу моему пріятно напомнить вамъ, о сограждане! еще трогательное доказательство сихъ нѣжныхъ чувствъ Екатерины. Она съ самаго Своего вступленія на престолъ пеклась о физическомъ благосостояніи Россіи; установила Медицинскую Коллегію, и предписала ей * не только снабдить государство искусными врачами, но и собирать всѣ мѣстныя свѣдѣнія о болѣзняхъ народныхъ, о ихъ причинахъ; искать лекарствъ простѣйшихъ на всякую болѣзнь, особливо для земледѣльцевъ; изслѣдовать врачебную силу травъ Россійскихъ, и всякое полезное открытіе немедленно обнародывать для общаго блага. Сего не довольно: ужасный, неизъяснимый ядъ въ крови, съ которымъ почти родятся младенцы, обнаруживаясь въ своей жестокости, похищалъ въ Россіи едва ли не большую часть дѣтей и на самыхъ спасенныхъ рокомъ оставлялъ страшные знаки своей свирѣпости и безобразія. Уже извѣстно было въ Европѣ средство избавленія; но Россія не пользовалась симъ благодѣтельнымъ открытіемъ, страшась новости, не извѣданной очевиднымъ опытомъ. Что одна мать можетъ сдѣлать для своего обожаемаго младенца, то Екатерина сдѣлала для своихъ подданныхъ: Она привила Себѣ оспу!... День незабвенный для родителей, обя-

* Прежде была Медицинская Канцелярія.

занныхъ ему спасеніемъ дѣтей и милою ихъ красотою! Благодарная Россія по справедливости его торжествовала — и чувствительный отецъ семейства никогда торжествовать не престанетъ. Онъ украситъ розами дѣтей своихъ, и поведетъ ихъ въ священный храмъ молить за Екатерину. Она собственнымъ опытомъ заставила насъ прибѣгнуть къ щастливому средству, и съ того времени мы не боимся ужаснѣйшей эпохи въ физическомъ бытіи нашемъ.

Еще Монархиня не ограничила системы государственнаго просвѣщенія заведенными Ею воспитательными обществами, какъ для Благороднаго, такъ и для мѣщанскаго состоянія. Лучи солнечные теряютъ силу свою въ неизмѣримыхъ пространствахъ; столица, отъ нѣкоторыхъ частей Имперіи столь отдаленная, едва ли могла на нихъ дѣйствовать. Екатерина учредила вездѣ — въ малѣйшихъ городахъ, и въ глубинѣ Сибири — *Народныя училища*, чтобы разлить, такъ сказать, богатство свѣта по всему государству. Особенная Коммисія, изъ знающихъ людей составленная, должна была устроить ихъ, предписать способы ученія, издавать полезнѣйшія для нихъ книги, содержащія въ себѣ главныя, нужнѣйшія человѣку свѣдѣнія, которыя возбуждаютъ охоту къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, служатъ ему ступенію къ вышшимъ знаніямъ, и сами собою уже достаточны для гражданской жизни народа, выходящаго изъ мрака невѣжества. Сіи школы, образуя учениковъ, могутъ образовать и самыхъ учителей,

и такимъ образомъ быть всегдашнимъ и время отъ времени яснѣйшимъ источникомъ просвѣщенія. Онѣ могутъ—и должны быть полезнѣе всѣхъ Академій въ мірѣ, дѣйствуя на первые элементы народа; и смиренный учитель, который дѣтямъ бѣдности и трудолюбія изъясняетъ буквы, ариѳметическія числа, и разсказываетъ въ простыхъ словахъ любопытные случаи Исторіи, или, развертывая нравственный катихизисъ, доказываетъ, сколь нужно и выгодно человѣку быть добрымъ, въ глазахъ Философа почтенъ не менѣе Метафизика, котораго глубокомысліе и тонкоуміе самымъ Ученымъ едва вразумительно; или мудраго Натуралиста, Физіолога, Астронома, занимающихъ своею наукою только нѣкоторую часть людей. Естьли въ городахъ, едва возникающихъ, въ семъ новомъ твореніи Екатерины, еще не представлялось глазамъ ни палатъ огромныхъ, ни храмовъ великолѣпныхъ: то въ замѣну сихъ, иногда обманчивыхъ свидѣтельствъ народнаго богатства взоръ Патріота читалъ на смиренныхъ домикахъ любезную надпись: *Народное Училище* — и сердце его радовалось. Кто благоговѣлъ предъ Монархинею среди Ея пышной столицы и блестящихъ монументовъ славнаго царствованія, тотъ любилъ и восхвалялъ Просвѣтительницу отечества, видя и слыша, въ стѣнахъ мирной хижины, юнаго ученика градской школы, окруженнаго внимающимъ ему семействомъ, и съ благородною гордостію толкующаго своимъ родителямъ нѣкоторыя про-

стыя, но любопытныя истины, свѣданныя имъ въ тотъ день отъ своего учителя.

Словесность, сей главный органъ Генія и чувствительности; сія, можно сказать, посланница Неба, которая разноситъ изъ страны въ страну великія и полезныя идеи, соединяетъ умы и сердца, производитъ и питаетъ нѣжную потребность души: заниматься изящными мыслями, наслаждаться твореніемъ стройнаго воображенія, изліяніемъ сердца — Словесность была предметомъ особеннаго благоволенія и покровительства Екатерины: ибо Она знала ея сильное вліяніе на образованіе народа и щастіе жизни. Всякое истинное дарованіе было правомъ на лестное отличіе — и славная Россіяда въ Ея время украсила нашу Поэзію. Державинъ въ Русскихъ стихахъ оживилъ Горація, и представилъ новыя сильныя черты піитической живописи. Богдановичь своими цвѣтами осыпалъ Лафонтенову сказку, и въ легкомъ слогѣ игралъ воображеніемъ. Многіе другіе Стихотворцы явились — и Екатерина, дерзну сказать, была для нихъ Музою: душа ихъ пылала Ея славою, и хваля Премудрую, они не боялись казаться льстецами! Сама Она, великими дѣлами обремененная Монархиня, въ рѣдкіе часы досуга любила перомъ Своимъ способствовать успѣхамъ нашей Словесности. Европѣ извѣстно, что Екатерина, плывя по величественной Волгѣ, въ то самое время, когда сильная буря устрашала всѣхъ бывшихъ съ Нею, спокойно переводила Велисарія, къ безсмертной славѣ Мармонтеля! — Она указы-

вала Русскимъ Авторамъ новые предметы, вредные пороки общества, которые должны осмѣивать Таліи,—черты характера народнаго, которыя требуютъ кисти таланта; писала, для юныхъ Отраслей Августѣйшаго Дому Своего нравоучительныя повѣсти; но всего болѣе, чувствуя важность отечественной Исторіи (и предчувствуя, что сія Исторія должна нѣкогда украситься и возвеличиться Ею!) занималась Россійскими лѣтописями, изъясняла ихъ, соединяя предложеніе дѣйствій съ философскими мыслями, и драгоцѣнные труды Свои для Публики издавала. Желая присвоить Россіи лучшія творенія древней и новой чужестранной Литтературы, Она учредила Коммисію для переводовъ, опредѣлила награду для трудящихся— и скоро почти всѣ славнѣйшіе въ мірѣ Авторы вышли на языкѣ нашемъ, обогатили его новыми выраженіями, оборотами, а умъ Россіянъ новыми понятіями. Чтобы утвердить Русской языкъ на правилахъ и привести въ систему, Монархиня основала Академію Словесности, по примѣру Французской, и мы обязаны сему трудолюбивому обществу Полнымъ Россійскимъ Словаремъ, нужнымъ для всякаго и необходимымъ для Авторовъ. Царствованіе Елисаветы произвело Ломоносова и Сумарокова; первый смѣло парилъ за орломъ Пиндаровымъ и бросалъ на бумагу сильныя, безсмертныя строфы: второй имѣлъ славу написать нѣсколько нѣжныхъ и остроумныхъ стиховъ. Но сіи два Поэта не образовали еще нашего слога: во время Екатерины Россіяне начали выражать свои мысли ясно

для ума, пріятно для слуха, и вкусъ сдѣлался общимъ: ибо Монархиня Сама имѣла его и любила нашу Словесность; и естьли Она Своими ободреніями не произвела еще болѣе талантовъ, виною тому независимость Генія, который одинъ не повинуется даже и Монархамъ, дикъ въ своемъ величіи, упрямъ въ своихъ явленіяхъ, и часто самыя неблагопріятныя для себя времена предпочитаетъ блестящему вѣку, когда мудрые Цари съ любовію призываютъ его для торжества и славы.

Не довольствуясь тѣмъ, чтобы покровительствовать науки и таланты въ Россіи, Она на всѣ страны міра, на всю область ума распространила Свои благодѣянія, и славу Свою возвышала, такъ эказать, славою всѣхъ отмѣнныхъ дарованій, Ею ободряемыхъ. Философы гордились благосклоннымъ воззрѣніемъ Екатерины, и горѣли ревностію величать Ту, которая воцарила съ собою Философію, и тайныя желанія мудраго человѣколюбія обратила въ государственные уставы. Вольтеръ жалѣлъ, что старость не позволяла ему видѣть *Сѣверную Владычицу сердецъ*. Пылкій Дидеротъ спѣшилъ лично изъявить Ей свое удивленіе, Плиній Франціи съ восторгомъ говорилъ, что одобрительное слово Екатерины ему драгоцѣннѣе похвалъ Академическихъ. * Даламберъ славился Ея милостію болѣе, нежели именемъ глубокомысленнаго Математика. Европа съ удивленіемъ

* См. Сешелево путешествіе въ Монбаръ.

читаетъ Ея переписку съ ними — и не имъ, но Ей удивляется. Какое богатство мыслей и знаній! какое проницаніе! какая тонкость разума, чувства и выраженій! Та, Которая истощила своимъ царствованіемъ всѣ похвалы міра, умѣла съ неподражаемою пріятностію хвалить цвѣты Словесности, игру остроумія, тонкую черту сердца. Сколь трогательно такое снисхожденіе въ Монархинѣ! Но *унижается* ли Монархъ, когда онъ сходитъ иногда съ высокаго трона, становится на ряду съ людьми, и будучи любимцемъ Судьбы, платитъ дань уваженія любимцамъ Природы, отличнымъ дарованіямъ? Власть разума не можетъ ли еще служить нѣкоторою опорою для политической власти? По крайней мѣрѣ она можетъ быть ея орудіемъ во всемъ, что касается до блага человѣчсства. Такъ думали Августъ, Лудовикъ XIV, Фридрихъ и Петръ Великій, Который, приходя къ Боргаву, къ Лейбницу, говорилъ: *я съ вами человѣкъ!* * Такъ думала и Великая Екатерина.

Въ Ея царствованіе Россійская Академія Наукъ еще болѣе пріобрѣла знаменитыхъ Членовъ, и сдѣлалась несравненно полезнѣе для отечества, вопервыхъ *ежемѣсячными сочиненіями*, которыя, будучи магазиномъ историческихъ и другихъ любопытныхъ свѣдѣній, распространяли ихъ въ

* Я читалъ переписку Лейбница съ Петромъ Великимъ. Ко славѣ того и другаго можно сказать, что они почитали другъ друга.

государствѣ; вовторыхъ путешествіями ея Профессоровъ по всѣмъ обширнымъ странамъ Россіи: намѣреніе великое, достойное Екатерины! исполненіе, достойное намѣренія! эпоха важная въ ученой Исторіи нашего государства и цѣлаго міра! Сіи избранные мужи должны были отъ береговъ Невы до горъ Рефейскихъ, до морей Азовскаго, Каспійскаго и далѣе, видѣть и описать Россію въ трехъ царствахъ Природы, проникнуть во внутренность пустынь, во глубину пещеръ и лѣсовъ дремучихъ, гдѣ око наблюдателя еще никогда не примѣчало за творческою Натурою, гдѣ она искони дѣйствовала уединенно или предъ свидѣтелями невнимательными; исчислить минералы въ нѣдрахъ земли, растенія на зеленыхъ коврахъ ея, животныхъ въ трехъ стихіяхъ, и такимъ образомъ собрать богатства для Россійской Естественной Исторіи. Симъ предметомъ еще не ограничились труды ихъ: Монархиня желала, чтобы они изслѣдовали всѣ историческіе монументы въ нашей Имперіи; замѣчали слѣды народовъ, которые отъ странъ Азіи преходили Россію, сами исчезли, но оставили знаки своего теченія, подобно рѣкамъ изсохшимъ; желала, чтобы они въ развалинахъ, среди остатковъ древности, какъ бы забытыхъ временъ, искали откровеній прошедшаго; чтобы они въ нынѣшнихъ многочисленныхъ народахъ Россійскихъ узнавали ихъ неизвѣстныхъ предковъ, разбирая языки, происхожденіе и смѣсь оныхъ; чтобы они, наблюдая обычаи, нравы, понятія сихъ людей, сообщили Историку и Моралисту новыя свѣдѣнія,

а Законодателю новыя средства благодѣянія.—Повелѣнія были исполнены, и не только Россія, но и вся Европа; не только Ученые, но и всѣ любопытные читаютъ съ удовольствіемъ и пользою описаніе сихъ путешествій.

Московскій Университетъ, подъ начальствомъ Шувалова (который всегда будетъ знаменитъ титломъ основателя его и Ломоносова Мецената) во время Екатерины болѣе нежели прежде благотворилъ обществу: ибо щедрость Ея даровала ему болѣе способовъ дѣйствія. Многіе Ученые были имъ призваны изъ Германіи участвовать въ трудахъ его, наставлять юношество, питать въ немъ охоту къ наукамъ, и воспалять благородное соревнованіе въ Россійскихъ Профессорахъ. Но всего болѣе оживляла Московскій Университетъ извѣстная всѣмъ любовь Екатерины къ наукамъ, побуждая родителей учить дѣтей своихъ. Число юныхъ питомцевъ его съ каждымъ годомъ умножалось, а съ числомъ ихъ возрастала благодѣтельность сего храма просвѣщенія. И естьли мы видимъ нынѣ столь многихъ достойныхъ судей въ столицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ; естьли слогъ приказный уже не всегда устрашаетъ насъ своимъ варварствомъ; естьли необходимыя правила Логики и языка саблюдаются не рѣдко въ опредѣленіяхъ судилищъ; естьли Министерство находитъ всегда довольно юношей, способныхъ быть его орудіями и служить отечеству во всѣхъ частяхъ своими знаніями: то государство обязано сею пользою Московскому Университету; Универ-

ситетъ же обязанъ сею великою славою Екатеринѣ и духу Ея царствованія.

Чтобы еще болѣе размножить народныя свѣдѣнія чрезъ книги, Она дозволила заведеніе вольныхъ Типографій, учредивъ благоразумную Ценсуру, необходимую въ гражданскихъ обществахъ: ибо разумъ можетъ уклоняться отъ истины, подобно какъ сердце отъ добродѣтели, и неограниченная свобода писать столь же безразсудна, какъ неограниченная свобода дѣйствовать. Но какъ мудрый Законодатель, избѣгая самой тѣни произвольнаго тиранства, запрещаетъ только явное зло, и многія сердечныя слабости предаетъ единому наказанію общаго суда или мнѣнія: такъ Монархиня запрещенію Ценсуры подвергала только явный развратъ въ важнѣйшихъ для гражданскаго благоденствія предметахъ, оставляя здравому разуму гражданъ отличать истины отъ заблужденій; то есть, Она сдѣлала ее не только благоразумною, но и снисходительною, и сею довѣренностію къ общему суду пріобрѣла новое право на благодарность народную.

И такъ чудно ли, что Россія, въ 34 года дѣятельнаго царствованія, котораго главною цѣлію было народное просвѣщеніе, столь преобразилась, возвысилась духомъ, созрѣла умомъ, что отцы наши, естьли бы они теперь воскресли, не узнали бы Россіи? Естьли сердце Государей въ рукѣ Провидѣнія, то сердца народовъ въ рукѣ Государей: что могло устоять противъ неутомимаго въ благотвореніяхъ Правительства, которое дѣйствовало на подданныхъ и славою внѣшнихъ успѣховъ, и мудрыми законами,

и воспитаніемъ, и всѣми средствами просвѣщенія? Что могло не покориться всемогущей и благой волѣ, пылавшей тою огненною ревностію, которая бываетъ главнымъ свойствомъ великихъ душъ, истинныхъ подобій Божества? Екатерина, возведенная Самимъ Небомъ на тронъ едва не безпредѣльной въ мірѣ Имперіи, не ужаснулась безпредѣльныхъ Своихъ обязанностей, священныхъ для добродѣтели; но почувствовала вдохновеніе геройскаго сердца, которому все возможнымъ кажется, ибо самъ Богъ помогаетъ ему. Чувство каждой должности раждало въ Ней стремленіе и силу исполнить ее — и Россія, Ей нѣкогда чуждая, ставъ театромъ Ея добродѣтелей, сдѣлалась для Екатерины истиннымъ отечествомъ, нѣжно любимымъ: ибо отечество для душъ великихъ есть та страна, гдѣ онѣ могутъ дѣйствовать; ихъ ближніе суть тѣ люди, которыхъ могутъ онѣ творить щастливыми. Чѣмъ болѣе Монархиня трудилась для Россіи, чѣмъ болѣе осыпала ее добромъ и славою, тѣмъ болѣе Она любила въ ней предметъ Своихъ благодѣяній и каждое благодѣяніе было для насъ залогомъ новаго. Сограждане! я изъясню теперь общее наше чувство: скажите, что великое могло наконецъ удивить насъ въ дѣлахъ Екатерины? Не все ли въ рукахъ Ея казалось намъ легкимъ, естественнымъ, даже необходимымъ? Пріученные къ Ея обыкновенной славѣ и добродѣтели, мы были уже, дерзну сказать, какъ бы нечувствительны къ дѣламъ Монархини; истощенная благодарность наша уподоблялась неблагодарности! Ваше сердце

разумѣетъ меня, о сограждане! я не порицаю, но хвалю вашу чувствительность. Виноватъ ли смертный, естьли Небо, открывая для Монаршей добродѣтели поле безконечное, полагаетъ границу нашей любви, признательности, самому удивленію; естьли, даруя Своимъ орудіямъ нѣкоторую часть правъ Своихъ, оставляетъ насъ, обыкновенныхъ людей, въ тѣсномъ кругу человѣчества?

Сія геройская ревность къ добру соединялась въ Екатеринѣ съ рѣдкимъ проницаніемъ, которое представляло Ей всякое дѣло, всякое начинаніе въ самыхъ дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ; и потому Ея воля и рѣшеніе были всегда непоколебимы. Она знала Россію, какъ только одни чрезвычайные умы могутъ знать государство и народы; знала даже мѣру Своимъ благодѣяніямъ: ибо самое добро въ философическомъ смыслѣ можетъ быть вредно въ Политикѣ, какъ скоро оно не соразмѣрно съ гражданскимъ состояніемъ народа. Истина печальная, но опытомъ доказанная! Такъ, самое пламенное желаніе ощастливить народъ можетъ родить бѣдствія, естьли оно не слѣдуетъ правиламъ осторожнаго благоразумія. Сограждане! я напомню вамъ Монарха, ревностнаго къ общему благу, дѣятельнаго, неутомимаго, который пылалъ страстію человѣколюбія, хотѣлъ уничтожить вдругъ всѣ злоупотребленія, сдѣлать вдругъ все добро, но который ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, и при концѣ жизни своей видѣлъ съ горестію, что онъ государство свое не приближилъ къ цѣли политическаго совершенства, а удалилъ отъ нее: ибо Преемнику, для

возстановленія порядка, надлежало всѣ новости его уничтожить. Вы уже мысленно наименовали Іосифа — сего нещастнаго Государя, достойнаго, по его благимъ намѣреніямъ, лучшей доли! Онъ служитъ тѣнію, отъ которой мудрость Екатерины тѣмъ лучезарнѣе сіяетъ. Онъ былъ нещастливъ во всѣхъ предпріятіяхъ: Она во всемъ щастлива; онъ съ каждымъ шагомъ впередъ — отступалъ назадъ: Она безпрерывными шагами текла къ своему великому предмету; писала уставы на мраморѣ, неизгладимыми буквами; творила во-время и потому для вѣчности, и потому никогда дѣлъ Своихъ не передѣлывала — и потому народъ Россійскій вѣрилъ необходимости Ея законовъ, непремѣнныхъ, подобно законамъ міра. Европа удивлялась *щастію* Екатерины: Европа справедлива, ибо мудрость есть рѣдкое щастіе. Но кто думаетъ, что темный, неизъяснимый случай рѣшитъ судьбу государствъ, и не разумная или безразсудная система правленія, тотъ по крайней мѣрѣ не долженъ писать Исторіи народовъ. Нѣтъ, нѣтъ! ѳеноменъ Монархини, Которыя всѣ войны были завоеваніями и всѣ уставы щастіемъ Имперіи, изъясняется только соединеніемъ великихъ свойствъ ума и души.

Душа Екатерины была тверда, мужественна, истинна геройская. Небо, какъ бы единственно для славы Ея, нѣсколько разъ помрачало тучами горизонтъ Россіи въ царствованіе великой Монархини, чтобы Она, презирая бури и громы, могла доказать народамъ крѣпость души Своей: такъ искусный

мореходецъ еще болѣе славенъ опасностями, чрезъ которыя провелъ онъ корабль свой въ мирное пристанище. Сограждане! я дерзну напомнить вамъ то время, когда Россія, сражаясь съ сильнымъ внѣшнимъ непріятелемъ, видѣла язву, смерть, волненіе въ стѣнахъ Московскихъ, и скоро послѣ безумный, яростный бунтъ, который пламенною рѣкою разливался по обширнымъ странамъ ея; когда завистники Екатерины, сильные Цари, радовались нашему бѣдствію, и грозили Ей новою войною... тогда, тогда надлежало видѣть славу мужественныхъ Ея добродѣтелей! Она вѣщаетъ Вождю Своего отдаленнаго воинства: *иди далѣе и побѣждай!* Она какъ солнце взираетъ съ трона на градъ столичный, и печальный мракъ его исчезаетъ; Она отвѣтствуетъ на угрозы Дворовъ: *Я отражу нападеніе!* И мы удивляемся Риму, который, видя у вратъ своихъ непріятеля, повелѣваетъ Консулу итти съ воинствомъ въ другую часть міра, или, тѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами, съ презрѣніемъ слышитъ о новыхъ!.. Сограждане! я уже говорилъ о той минутѣ, когда Монархиня въ увеселительномъ Дворцѣ Своемъ спокойно исчисляла выстрѣлы кораблей Шведскихъ, и когда главныя арміи наши были за отдаленными предѣлами отечества: Англія, Пруссія вооружались, хотѣли предписать намъ миръ: но Екатерина непоколебимая даровала оный Густаву, а Питтъ и Фридрихъ Вильгельмъ должны были смириться. — Сія-то рѣшительная твердость принудила всѣ Кабинеты въ нѣкоторомъ смыслѣ зависѣть отъ нашей Монархини,

и всѣ трактаты Ея съ Державами были славны для Россіи.

Но Великая въ Герояхъ сохранила на тронѣ нѣжную чувствительность Своего пола, которая вступалась за нещастныхъ, за самыхъ винныхъ; искала всегда возможности простить, миловать; смягчала всѣ приговоры суда, и служила совершеннѣйшимъ образцемъ той высокой добродѣтели, которую могутъ имѣть одни Небеса и Государи: милосердія! О божественная кротость сердца! украшая человѣчество во всякомъ состояніи, ты торжествуешь на престолѣ! Каждое движеніе твое есть тамъ спасеніе людей — и зрѣлище виновнаго, тобою сохраненнаго и помилованіемъ исправленнаго, есть прелестный рай твой, неизвѣстный душамъ жестокимъ! Ахъ! человѣческое правосудіе не можетъ быть истиннымъ правосудіемъ безъ милосердія! Но Екатерина чувствительная вѣдала ту черту, которая отдѣляетъ небесную добродѣтель отъ слабости; не преступала ее, и Царскимъ долгомъ побѣждала нѣжность Своего сердца.

Спрашиваю у всѣхъ Россіянъ: было ли что нибудь оскорбительное для человѣческой гордости, что нибудь тягостное для самолюбія въ чувствахъ нашего безпредѣльнаго къ Ней повиновенія? Не казалось ли оно природнымъ влеченіемъ сердца, необходимостію души, ея любезною потребностію? Слѣдуя уставамъ Монархини, мы слѣдовали гласу Неба, и повинуясь, не знали принужденія. Она прелестными качествами души Своей украшала власть Державную. Благоговѣя предъ Обла-

дательницею народовъ, сердца Россіянъ обожали Екатерину, и лучезарныя добродѣтели Монархини соединялись въ Ней съ плѣнительною любезностію человѣка. Чужеземцы! вы, которые изъ отдаленныхъ климатовъ пріѣзжали въ Россію единственно за тѣмъ, чтобы видѣть Екатерину! скажите, съ какимъ чувствомъ вы приближались къ Ней, когда Она, окруженная Своими Полководцами и Министрами, окруженная славою дѣлъ Своихъ, взирала на васъ съ величіемъ? Не представлялось ли вамъ, что вы зрите Монархиню міра и вашу собственную? Но вы, которые наслаждались неоцѣненнымъ щастіемъ видѣть и слышать Ее, когда Она отъ величія снисходила къ любезности, и какъ бы преставая быть Монархинею, являлась только въ видѣ свѣтской пріятности, дружественной искренности, среди достойнѣйшихъ людей Двора Ея, въ незабвенныхъ для васъ вечернихъ собраніяхъ, куда принужденіе входить не дерзало, гдѣ царствовала свобода въ разговорахъ, гдѣ всякой для себя могъ заниматься удовольствіями общества! вы съ удивленіемъ и слезами говорите о сихъ часахъ, которые вамъ казались минутами, и въ которые ласковыя слова Ея, простое обхожденіе, искренняя веселость и невинныя игры, Ея присутствіемъ и самымъ участіемъ оживляемыя, заставляли васъ позабывать Самодержицу и восхищаться одною неизъяснимою прелестію ума Екатерины.

Сія трогательная, любезная мысль уступаетъ мѣсто еще любезнѣйшей: Мать отечества была и

самою нѣжнѣйшею матерію семейства. Какое воображеніе безъ сладкаго душевнаго чувства можетъ представить себѣ Монархиню, Которая, одною рукою подписывая судьбу государствъ, другою ласкаетъ цвѣтущія Отрасли Императорскаго Дому, и Которая, прерывая нить великихъ политическихъ мыслей, оставляя на минуту заботы правленія, отдыхаетъ сердцемъ въ семейственныхъ радостяхъ, и, такъ сказать, дополняетъ ими щастіе добродѣтельной Монархини? Естьли обыкновенному уму трудно вообразить сіе неизъяснимое щастіе, то всякое чувствительное сердце представитъ себѣ душевное удовольствіе нѣжной Праматери, когда священное потомство Ея расцвѣтало предъ нею; когда Она видѣла предъ Собою и совершенство Ангельской красоты и нравственное совершенство, и надежду любви Своей и надежду Россіи!

Но какая чудесная сила укрѣпляла Екатерину для безчисленныхъ предметовъ Ея дѣятельности, такъ, что Великая могла, занимаясь правленіемъ Имперіи, ежедневно заниматься и Августѣйшимъ Домомъ Своимъ; находить время для внѣшнихъ Министерскихъ, внутреннихъ государственныхъ и частныхъ судебныхъ дѣлъ, для Своей особенной переписки, ученыхъ трудовъ, для самыхъ женскихъ прелестныхъ рукодѣлій (ибо Она любила иногда напоминать себѣ простоту Пенелопина вѣка) — и наконецъ для пріятнаго отдохновенія въ избранномъ Своемъ обществѣ? Сія чудесная сила есть *духъ порядка*, благодѣтельный

для всякаго, а въ добромъ Монархѣ щастіе народа. Каждый часъ представлялъ Ей особенное упражненіе, и сіе разнообразіе, обновляя вниманіе души, служило для разума Ея нѣкоторымъ успокоеніемъ. Слѣдуя такой мудрой системѣ, Она успѣла затмить самыя дѣятельнѣйшія царствованія, извѣстныя намъ по Исторіи; дѣла *единой* Государыни могли бы прославить *многихъ* Государей.

И слава Екатерины принадлежитъ Ей Самой. Генрихъ IV былъ Царь мудрый и благодѣтельный; но Сюлли стоитъ подлѣ него: Исторія освѣщаетъ ихъ однимъ лучемъ славы. Лудовикъ XIV гремѣлъ въ Европѣ, возвеличилъ Францію; но Кольберъ, первый Министръ въ мірѣ, былъ его Министромъ! Екатерина, Законодательница и Монархиня, подобно Петру, образовала людей — но сіи люди жили и дѣйствовали Ея душею, Ея вдохновеніемъ; сіяли заимствованнымъ отъ Нее свѣтомъ, какъ планеты сіяютъ отъ солнца; Она отличала нѣкоторыхъ, и сіе отличіе было мѣрою ихъ важности. Такимъ образомъ видѣли мы при Екатеринѣ возвышеніе человѣка, котораго нравственное и патріотическое достоинство служитъ еще предметомъ споровъ въ Россіи. Онъ былъ знатенъ и силенъ: слѣдственно не многіе могутъ судить о немъ безпристрастно; зависть и неблагодарность суть два главные порока человѣческаго сердца. Но то неоспоримо, что Потемкинъ имѣлъ умъ острый, проницательный; разумѣлъ великія намѣренія Екатерины, и потому заслуживалъ Ея довѣренность. Еще неоспоримѣе то, что онъ

не имѣлъ никакого рѣшительнаго вліянія на Политику, внутреннее образованіе и законодательство Россіи, которыя были единственно твореніемъ ума Екатерины. Ея Министры исполняли только волю Ея — и Россія имѣла щастіе быть управляемою однимъ великимъ Геніемъ во все долговременное царствованіе Екатерины.

Но щастіе можетъ ли казаться долговременнымъ?... О сограждане! Небо проститъ намъ несправедливость нашу, когда мы, пораженные ударомъ, забыли непремѣнные уставы Природы; забыли, что Великая успѣла осыпать насъ благодѣяніями на теченіе вѣковъ, и дерзали обвинять Провидѣніе, что Оно толь скоро лишило наше отечество Матери, и толь внезапно: ибо Екатерина *не умирая* не приготовивъ насъ страхомъ къ сему нещастію, въ одно мгновеніе сокрылась духомъ отъ земли и Россіи! Обольщенные безсмертіемъ дѣлъ Ея, мы думали, что и Сама Она безсмертна; думали, что Та, Которая украсила вечеръ жизни отцевъ нашихъ, должна была царствовать и для благоденствія нашихъ дѣтей! Она оставила намъ мудрые законы Свои, источникъ блага и просвѣщенія для самыхъ отдаленныхъ потомковъ; но намъ казалось, что съ Нею мы всего лишились; что Она вся во гробѣ, и съ нашимъ щастіемъ, дѣломъ рукъ Ея. Не тѣ одни были неутѣшны, которые наслаждались лицезрѣніемъ Великія, внимали плѣнительнымъ словамъ Премудрыя, окружали тронъ Ея; нѣтъ, вся Россія проливала горестныя слезы: ибо Она не для лю-

бимцевъ, а для Россіи царствовала; не только нѣкоторымъ, но всѣмъ благотворила — и слезы чувствительныхъ сердецъ текли Ей въ жертву съ равнымъ жаромъ въ столицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ государства. О Монархи міра! Екатерина и жизнію и смертію Своею служила вамъ примѣромъ: такъ царствуйте, чтобы смертные обожали васъ! и видя, съ какимъ умиленіемъ, съ какою трогательною любовію донынѣ говорятъ Россіяне о Великой, будьте увѣрены, что народы чувствительны и благодарны противъ Царей добродѣтельныхъ, и что память ваша, если вы заслужили любовь подданныхъ, пребудетъ вовѣкъ священною. И самаго недостойнаго Государя хвалятъ, когда онъ держитъ въ рукѣ скипетръ: ибо его боятся, или гнусные льстецы хотятъ награды; но когда сей скипетръ изъ руки выпадетъ, когда Монархъ платитъ дань общему року смертныхъ: тогда, тогда внимайте гласу Истины, которая, повелѣвая умолкнуть страстямъ, надеждѣ и страху, опершись рукою на гробъ Царя, произноситъ свое рѣшеніе: и вѣки повторяютъ его! Не въ чертогахъ Царскихъ обнаруживается чувство народное; о всякомъ Монархѣ кто нибудь изъ царедворцевъ искренно проливаетъ слезы; нѣтъ, оно явно только на стогнахъ града, въ тихомъ жилищѣ семействъ, отъ Двора удаленныхъ, и въ хижинѣ мирнаго трудолюбія: естьли въ нихъ сердечная признательность не оплакиваетъ смертій Государя, то онъ не царствовалъ для народнаго щастія!

Сограждане! Какимъ торжествомъ для добродѣтелей Монархини и для вашей святой благодарности были первыя слова юнаго Самодержца, Который, восходя на престолъ Россіи, и желая объявить волю Свою царствовать мудро и добродѣтельно, сказалъ только: *Я буду царствовать по сердцу* и *законамъ* Екатерины *Великой!...* Великой! повторила вся Россія. — Симъ обѣтомъ Онъ почтилъ и память Ея, и вашу признательную къ Ней любовь; вы разумѣли Его — и утѣшились!

Но благотворенія новыя не охлаждаютъ въ сердцѣ нашемъ признательности къ дѣламъ Екатерины; мы воспоминаемъ ихъ съ любовію, читаемъ мудрые законы Ея съ удивленіемъ, и въ восторгѣ чувствительности взираемъ на небо, гдѣ око смертнаго ищетъ всегда безсмертныхъ... Намъ кажется, что священный Духъ Монархини, въ образѣ Генія хранителя Россіи, и тамъ не престаетъ заниматься нашимъ отечествомъ; намъ кажется, что мы внимаемъ небесному гласу Екатерины:

«О Россіяне! вы, которые были столь любезны «Моему сердцу; которыхъ щастіе было Моимъ «щастіемъ; на которыхъ взирала Я съ радостію «Матери, видящей благоденствіе дѣтей своихъ! «естьли Я обогатила Россію новыми предѣлами и «народами, украсила чело ваше пальмою побѣды, «гремѣла въ трехъ частяхъ міра и славилась вами: «то слава Моя была мнѣ залогомъ вашей силы и «безопасности; желая, чтобы міръ васъ страшился, Я хотѣла единственно того, чтобы вы могли

«никого не страшиться. Естьли Мои законы ограничивают природную вольность человѣка, то «будьте увѣрены, что Я пожертвовала частію свободы только единой цѣлости гражданскаго порядка, и предпочла независимости вашей одно «ваше благополучіе; не даровала вамъ тѣхъ однихъ правъ, которыя могли быть для васъ вредными. Я просвѣщала васъ, Россіяне! слѣдственно не хотѣла угнетать человѣчества. И естьли «Мое царствованіе не возвело еще Россіи на высочайшую степень народнаго блаженства: то помните, что власть Государя не есть всемогущество Небесное, Котораго воля есть уже совершеніе; помните, что Имперіи цвѣтутъ вѣками, и «что Провидѣніе требуетъ отъ Царей только возможнаго блага. Но Я указала вамъ великую цѣль: «теките къ ней осѣненные Моими лаврами, путеводимые Моими законами! И когда всѣ народы «земли будутъ завидовать вашей долѣ; когда имя «Россіянина будетъ именемъ щастливѣйшаго гражданина въ мірѣ: тогда исполнятся тайные обѣты «Моего сердца; тогда вы узнаете, что Я хотѣла, «но чего не могла сдѣлать; и признательность «ваша почтитъ равно и дѣла Мои и Мою волю: «единая награда, къ которой добрые Монархи могутъ быть чувствительны и по смерти своей!»

И я клянусь именемъ вашимъ, о согражданe! именемъ всего нашего потомства, что память Екатерины Великой будетъ во вѣки вѣковъ благословляема въ Россіи.

1801 г.

ИЗВѢСТІЕ

О МАРѲѢ ПОСАДНИЦѢ,

ВЗЯТОЕ ИЗЪ ЖИТІЯ СВ. ЗОСИМЫ.

—

Женщины во всѣ времена и во всѣхъ земляхъ жили болѣе для семейственнаго щастія, нежели для славы: мудрено ли, что ихъ имена рѣдки въ Исторіи? Чѣмъ ближе народъ къ простотѣ естественной, тѣмъ менѣе вліянія имѣютъ онѣ на политическую судьбу его. Не одно воспитаніе опредѣляетъ скромную жизнь ихъ: сама Природа хотѣла того, давъ имъ нѣжное сердце, чувствительныя нервы, робость, стыдливость и болѣзни. Мы видимъ цѣль ея: кому нибудь надлежало поручить воспитаніе и храненіе младенцевъ. Однакожь Природа любитъ иногда чрезвычайности, отходитъ отъ своего обыкновеннаго закона и даетъ женщинамъ характеры, которые выводятъ ихъ изъ домашней неизвѣстности на театръ народный, не только въ странахъ просвѣщенныхъ, гдѣ Искусство во многомъ измѣняетъ Натуру, но и въ самомъ почти дикомъ состояніи людей. Такимъ образомъ и *старая Русь* являетъ намъ примѣры нѣ-

которыхъ славныхъ женщинъ — весьма не многихъ, но по тому еще болѣе достойныхъ вниманія нашего.

И безъ сказки, напечатанной въ *Вѣстникѣ Европы*, всѣ мы знали, что Мароа Посадница была чрезвычайная, рѣдкая женщина, умѣвъ присвоить себѣ власть надъ гражданами въ такой Республикѣ, гдѣ женщинъ только любили, а не слушались. Естьли бы современные лѣтописцы разумѣли, что такое Исторія, и что важно въ ней для потомства, то они конечно постарались бы собрать для насъ всѣ возможныя извѣстія о Мароѣ; но не ихъ дѣло было цѣнить характеры. Въ сказкахъ, въ пѣсняхъ и преданіяхъ осталось болѣе слѣдовъ ея, нежели въ лѣтописяхъ. Тѣмъ любопытнѣе показалось намъ въ Житіи Св. Зосимы слѣдующее извѣстіе о Посадницѣ, которое выписываемъ здѣсь для Читателей:

Обширныя владѣнія Новгородскія простирались на сѣверъ до рѣки Двины и Бѣлаго моря. Бояре и Вельможи сей Республики имѣли знатныя помѣстья въ нынѣшней Архангельской губерніи. Люди ихъ часто бывали, для рыбной ловли, на островѣ Соловецкомъ, и наглымъ образомъ оскорбляли монаховъ тамошней новой обители. Зосима, начальникъ ея, пріѣхалъ въ Новгородъ и требовалъ защиты отъ Ѳеофила. Отвѣтъ сего Архіепископа достоинъ примѣчанія, изъявляя великое уваженіе Духовныхъ властей къ тогдашнему Новогородскому Правительству: «я готовъ помогать «монастырю твоему, но не могу ничего сдѣлать

«безъ воли Бояръ *начальныхъ*»—и святый мужъ, безъ сомнѣнія узнавъ о могуществѣ Мареы, *великой Болярыни града*, просилъ ея заступленія. Она имѣла деревни въ *землѣ Корельской:* рабы ея, вмѣстѣ съ другими часто обижавъ Соловецкихъ монаховъ и боясь допустить Зосиму къ строгой госпожѣ своей, оклеветали его передъ нею, такъ, что Мареа велѣла выгнать старца изъ дому: черта, которая не доказываетъ отмѣннаго ея Христіанскаго благочестія. Но Бояре Новгородскіе обошлись съ нимъ ласковѣе, выслушали его справедливыя жалобы, обѣщали покровительство Соловецкой обители, и вывели Мареу изъ заблужденія на счетъ характера Св. Зосимы. Сія пылкая женщина, устыдясь своей несправедливости, рѣшилась загладить ее блестящимъ образомъ — дала великолѣпный обѣдъ — пригласила знаменитѣйшихъ Бояръ Новогородскихъ и Зосиму — встрѣтила его съ великими знаками уваженія — посадила за столомъ въ *первомъ мѣстѣ*, угощала съ ласкою, и желая превзойти щедростію всѣхъ Бояръ (которые одарили святаго мужа богатыми церковными сосудами и ризами), отдала Соловецкому монастырю большую деревню на рѣкѣ Сумѣ. — Зосима получилъ отъ Совѣта Новогородскаго грамоту на *владѣніе островомъ*, съ приложеніемъ осьми оловянныхъ печатей: Архіепископской, Посадничей, *Тысященачальнической* и *пяти Концовъ города*. Естьли сія грамота донынѣ сохранилась въ архивѣ Соловецкаго монастыря, то она должна быть драгоцѣнна для Историка Россіи, который можетъ

найти въ ней имена послѣднихъ народныхъ чиновниковъ Новогородскихъ: ибо, скоро по возвращеніи Угодника въ Соловецкую обитель, Князь Иванъ Васильевичь объявилъ войну сей Республикѣ и навѣки уничтожилъ ее. Чудеса не принадлежатъ къ Исторіи; однакожь упомянемъ здѣсь о пророчествѣ Св. Зосимы. Выгнанный въ первый разъ гордою Посадницею, онъ сказалъ ученикамъ своимъ: «скоро, скоро сей домъ опустѣетъ и дворъ «его заростетъ травою!» что и въ самомъ дѣлѣ совершилось. Родъ Борецкихъ погибъ съ Республикою; домъ Мареинъ опустѣлъ — но донынѣ еще показываютъ въ Новѣгородѣ мѣсто его. * —

Оставляя Мареу, изъявимъ желаніе, чтобы когда нибудь искусное перо изобразило намъ *галлерею Россіянокъ*, знаменитыхъ въ Исторіи или достойныхъ сей чести. Въ разсужденіи древности благоразумный Авторъ ограничитъ себя Несторомъ и не вздумаетъ начать — на примѣръ — съ Томирисы, Скиеской Царицы, которая, естьли вѣрить Геродоту и Діодору Сицилійскому, приковала къ кресту нещастнаго Кира. Предки наши Славя-

* Другое чудо, описанное въ Житіи сего Угодника, заставляетъ думать, что Князь Иванъ Васильевичь не *простилъ* тогда знатныхъ Новогородцевъ, какъ говорятъ наши лѣтописи. Св. Зосима, взглянувъ на шесть главныхъ чиновниковъ, вмѣстѣ съ нимъ обѣдавшихъ у Мареы, увидѣвъ ихъ сидящихъ безъ головъ. Авторъ *Житія* прибавляетъ, что сіи шесть чиновниковъ были послѣ *казнены* Московскимъ Княземъ.

не были конечно Скиѳскаго племени; но есть ли дозволимъ себѣ восходить такимъ образомъ въ Исторіи народовъ, то доберемся наконецъ до Адама и должны будемъ говорить объ Евѣ какъ о первой знаменитой Россіянкѣ. Нѣтъ, *галлерея* наша открылась бы Ольгою и Гориславою; а среднія времена представили бы намъ изображеніе Греческой Княжны Софіи, супруги Князя Іоанна, (которой Россія обязана первыми искрами просвѣщенія * —) матери Царя Ивана Васильевича, имѣвшей слабости, но весьма умной — первой супруги его, прекрасной и любезной Анастасіи — Маріи Гудоновой, которой добродѣтель обуздывала иногда Бориса въ жестокостяхъ его подозрительнаго характера — и трогательной, невинной Ксеніи. — Правда, что Русскіе лѣтописцы, въ которыхъ дальжно искать матеріаловъ для сихъ біографій, крайне скупы на подробности; однакожь умъ внимательный, одаренный *историческою догадкою*, можетъ дополнять недостатки соображеніемъ, подобно какъ ученый любитель древностей, разбирая на какомъ нибудь монументѣ старую Греческую надпись, по двумъ буквамъ угадываетъ третью, изглаженную временемъ, и не ошибается. — Новѣйшая Русская Исторія имѣетъ также своихъ знаменитыхъ женщинъ; наименуемъ изъ нихъ Наталію Кириловну, дочь бѣднаго дворянина, и Царицу Россіи, и мать

* Съ нею пріѣхали изъ Италіи многіе ученые Греки, которые остались въ Россіи.

Петра Великаго, въ дѣвическомъ уединенномъ теремѣ и въ царскихъ чертогахъ равно смиренную, кроткую, добродѣтельную, такъ, что никакой микроскопъ исторической строгости не открываетъ въ ея жизни ни малѣйшаго пятна — Софію, почти великую, — умомъ славу Россіянокъ, духомъ сестру Петрову, сердцемъ женщину, но любезную — Екатерину I, по великодушному характеру достойную блестящей судьбы ея, чудесной и романической. Не знаю, дозволитъ ли Политика въ наше время Философу-Историку свободно и торжественно судить царствованія Анны и Елисаветы; но умный живописецъ-Авторъ можетъ въ легкихъ чертахъ представитъ Ихъ личные характеры съ хорошей стороны и безъ лести. Должно отличить сердце Анны отъ Ея строгаго правленія: какъ женщина, Она была умна и добродушна (по разсказамъ нашихъ отцевъ и всѣмъ извѣстіямъ чужестранцевъ); какъ Государыня — имѣла нещастіе уважатьла Бирона, * но имѣ достоинство огорчаться его жестокостію. Имя Елисаветы напоминаетъ — естьли не чрезвычайныя, великія дѣла, то по крайней мѣрѣ веселый Дворъ и щастливое царствованіе, которое послѣ бывшихъ строгостей казалось весьма человѣколюбивымъ. Россія на первыхъ мѣстахъ государственныхъ увидѣла опять Русскихъ, снова услышала вокругъ

* Патріотическая Исторія рано или поздно воздастъ ему по дѣламъ его. Къ щастію онъ былъ не Русской!

трона любезный языкъ свой, отдохнула и оживилась. При Елисаветѣ родилась и торжествовала наша Поэзія. Щастливая пѣсня дѣлала щастье стихотворца, и какая-то нѣжность была общимъ характеромъ Двора Государыни мягкосердечной, не хотѣвшей наказывать смертію и самыхъ злыхъ преступниковъ. Довольно для пріятной картины!— Наконецъ не на одномъ тронѣ Сочинитель долженъ искать лицъ для историческихъ портретовъ: онъ вспомнитъ, на примѣръ, сію Графиню Головкину, которая добровольно промѣняла столицу на Сибирь, и годъ жила въ землянкѣ съ мертвымъ тѣломъ супруга. Такое геройство супружеской любви давно бы прославлено было въ цѣломъ свѣтѣ, естьли бы Русскіе умѣли и любили хвалиться добродѣтелями Русскихъ. Однимъ словомъ, *галлерея славныхъ Россіянокъ* можетъ быть весьма пріятнымъ сочиненіемъ, естьли Авторъ, имѣя талантъ и вкусъ, изобразитъ лица живыми красками любви къ женскому полу и къ отечеству. Нужно ли сказать, кому надлежало бы приписать такое сочиненіе *въ наше время?*
. .

1803 г.

О РОССІЙСКОМЪ ПОСОЛЬСТВѢ ВЪ ЯПОНІЮ.

—

Въ прошедшемъ году *Вѣстника* было упомянуто о морской экспедиціи, приготовляемой въ Петербургѣ и любопытной не только для Россіи, но и для всей Европы: ибо предметъ ея не ограничивается успѣхами нашей торговли, но касается и до Наукъ, до блага человѣчества и распространенія выгодъ гражданственности между народами дикими. Сообщимъ теперь подробнѣйшее извѣстіе о семъ важномъ предпріятіи.

Господинъ Камергеръ Рязановъ, назначенный Посломъ въ Японію, отправляется съ двумя купеческими кораблями, купленными въ Лондонѣ. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Русской Американской Компаніи. Экипажъ обоихъ состоитъ изъ опытныхъ Офицеровъ и матрозовъ нашего флота. При миссіи ѣдутъ Гвардіи Офицеры, вмѣстѣ съ Учеными, которые должны въ семъ путешествіи обогатить Науку Природы новыми открытіями и замѣчаніями. — Русскіе мореплаватели отправятся 1 Іюня изъ Кронштата въ Портсмутъ; оттуда къ островамъ Канарскимъ или *благополучнымъ* — какъ ихъ на-

зывали Древніе — и въ самомъ дѣлѣ достойнымъ сего имени, по своему щастливому климату и богатству даровъ естественныхъ. Тамъ, Русскіе Ученые увидятъ высочайшую вулканическую гору въ мірѣ, при восхожденіи солнца, огромною своею тѣнію закрываетъ и весь островъ и море до самаго горизонта, и которая, будучи на вершинѣ покрыта вѣчнымъ льдомъ, на уступахъ и скатахъ своихъ производитъ гигантское дерево, самое твердѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ. * Умъ, просвѣщенный Наукою, можетъ объяснить тамъ исторію великихъ революцій міра: ибо Тенерифа, по мнѣнію Физиковъ, образовалась дѣйствіемъ подземнаго огня, который изъ глубокихъ нѣдръ земли извергнулъ ее на поверхность моря. Горы ея, составленныя изъ растопленныхъ и сожженныхъ камней, занимали всегда любопытство наблюдателей. — Отъ сихъ острововъ корабли наши пойдутъ вправо, къ южнымъ странамъ Америки, къ богатой Бразиліи, гдѣ рѣки выбрасываютъ на берегъ золото и камни драгоцѣнные; гдѣ взору Европейца представляется совсѣмъ иная Натура, такъ, что описаніе тамошнихъ растеній и животныхъ показалось бы намъ баснословіемъ, естьли бы за истину его не ручались имена Ученыхъ, заведенныхъ въ сію землю ревностію къ успѣхамъ Науки. Сколько еще любопытныхъ открытій можно тамъ сдѣлать! сколько наблюденій повѣрить и

* Винатико.

дополнить! — Оттуда наши мореплаватели должны слѣдовать путемъ славнаго Магеллана, оставить Сѣверный Океанъ Атлантическій и, мимо Капа-Горна, войти въ Южный или Тихій. Они увидятъ жителей земли Магелланской, которыхъ и самые Англійскіе путешественники (Байронъ, Валлисъ), возобновляя старыя сказки Гишпанцевъ, описываютъ намъ ужасными Гигантами. Русскіе повѣрятъ сіи извѣстія, и мы узнаемъ наконецъ истину о Патагонахъ. — Дошедши, вдоль береговъ Хили, до гавани Вальпарезо, они обратятся къ Сандвичевымъ островамъ (гдѣ славный Кукъ, преодолѣвъ всѣ опасности морей, столь нещастно кончилъ жизнь свою отъ руки дикаго), и наконецъ пойдутъ въ Японію, чтобы открыть и основать торговое сообщеніе для Россіи съ сими островами, гдѣ промышленость и невѣжество людей равно удивительны, гдѣ нѣкоторыя искусства достигли до неизвѣстной намъ степени совершенства, но гдѣ разумъ человѣка еще въ колыбели. Донынѣ сія земля, жертва Деспотизма и суевѣрія, торговала единственно съ Китаемъ и Голландцами, которые охотно подвергались всякаго роду уничиженіямъ, чтобы сохранить только чрезмѣрно выгодныя коммерческія связи съ нею. Естьли Посольство наше успѣетъ въ своемъ намѣреніи, то мы разныя вещи будемъ получать изъ Японіи гораздо лучше, нежели изъ Китая. Японскій чай, фарфоръ, лакъ, шелковыя и бумажныя матеріи, превосходнѣе Китайскихъ. Русская Американская Компанія можетъ вымѣнивать ихъ на свои това-

ры. Японцы же, при всей ихъ грубости, не такіе злые и коварные обманщики въ торговлѣ, какъ наши сосѣды Китайцы. — Сіи острова представляютъ весьма много любопытнаго для Натуралистовъ, особливо въ царствѣ животныхъ. Соловей, который, по древнимъ баснямъ, столь восхитительно пѣлъ на могилѣ Орфеевой, былъ конечно родомъ изъ Японіи!! ибо нигдѣ не поютъ они столь пріятно, какъ тамъ, и самыми красивыми перьями отличаются. Разныя другія птицы, чудесно убранныя рукою Натуры, и прекраснѣйшія насѣкомыя въ свѣтѣ также находятся въ Японіи и могутъ обогатить *собранія* Русскихъ Натуралистовъ. Тамъ же безпрестанно свирѣпствуетъ восемь Вулкановъ, пламенная лава льется рѣками, и минеральныя воды, отмѣннаго свойства, кипятъ въ нѣдрахъ земли, какъ на сильнѣйшемъ огнѣ. Всякой, имѣя понятіе о благородномъ энтузіазмѣ Наукъ, можетъ вообразить, какъ прелестна должна быть для сѣверныхъ наблюдателей земля столь богатая красотами Натуры и не менѣе любопытными ужасами.

Изъ Японіи Русскіе отправятся на 1805 годъ зимовать въ Камчатку; оттуда въ Уналашку, въ Кадьякъ и другіе острова сего Архипелага, который находится между Камчаткою и сѣверною Америкою и который открытъ нашими мореплавателями. Достойно замѣчанія, что Господинъ Рязановъ, начальникъ сей важной экспедиціи, есть зять славнаго Шелехова, присоединившаго къ Россійскимъ владѣніямъ новые Американскіе острова,

гдѣ онъ первый возгласилъ имя Великой Екатерины народамъ дикимъ, и первый осыпалъ ихъ благодѣяніями гражданской жизни. Зять его долженъ навѣки утвердить сіи благодѣянія; долженъ образовать страны новыя, и посѣять въ нихъ Художества съ Науками. Обѣ Санктпетербургскія Академіи посылаютъ съ нимъ книги, картины, эстампы, бюсты. Полудикіе увидятъ тамъ величественный образъ Екатерины, и дѣти ихъ, можетъ быть, станутъ уже читать описаніе дѣлъ Ея!

Спустясь отъ Американскаго Архипелага къ Нуткѣ, о которой не давно еще (въ 1790 году) спорила Англія съ Гишпаніею, наши мореплаватели возвратятся въ Кадьякъ, нагрузятся товарами и пойдутъ въ Кантонъ (сей единственный Китайскій портъ, открытый для Европейцевъ, но гдѣ Русскіе не бывали, донынѣ торговавъ съ Китайцами только въ Кяхтѣ); оттуда къ Филиппинскимъ Гишпанскимъ островамъ, еще мало намъ извѣстнымъ — гдѣ Натура, среди ужасовъ вулканическихъ и землетрясеній, разсыпаетъ всѣ богатства своего плодородія; гдѣ вѣчно царствуетъ лѣто; гдѣ цвѣтъ и плоды безпрестанно украшаютъ деревья: пальмовые, лимонные и померанцовые лѣса служатъ щитомъ отъ несноснаго жара лучей солнечныхъ; кокосы, мушкатные орѣхи, ароматическая корица, кассія, растутъ безъ содѣйствія рукъ человѣческихъ. Слово, что *подлѣ яда родится и лекарство*, всего справедливѣе можетъ быть сказано о сихъ мѣстахъ: ибо нигдѣ нѣтъ столько

ядовитыхъ и лекарственныхъ травъ, какъ на островахъ Филиппинскихъ.

Ява, Суматра и полуостровъ Индѣйскій будутъ также предметомъ любопытства Русскихъ плавателей. Тамъ увидятъ они храмы, можетъ быть, древнѣйшей Религіи въ мірѣ, монументы суевѣрія грубаго, но почтеннаго вѣками; народы многочисленные въ подданствѣ купцовъ Европейскихъ, правящихъ ими по одному закону хитраго корыстолюбія. Тамъ обозрятъ они всѣ заведенія цвѣтущей Англійской и нынѣ уже слабой, издыхающей Голландской торговли. Наконецъ, оплывъ Мысъ Доброй Надежды, съ другой стороны выдутъ на тотъ пунктъ, съ котораго обратились къ южной Америкѣ, и возвратятся въ любезное отечество.

Такимъ образомъ въ первый разъ флагъ Россіи *окружитъ* шаръ земный, и въ странахъ, гдѣ едва имя ея извѣстно, услышатъ языкъ нашего отечества; увидятъ въ Русскихъ не хищниковъ, не тирановъ, которые нѣкогда спѣшили по слѣдамъ Колумба злодѣйствовать въ Новомъ Мірѣ, но друзей человѣчества, предлагающихъ народамъ взаимныя выгоды торговли; увидятъ любопытныхъ наблюдателей Природы, которые выдутъ на берегъ съ орудіями мирныхъ Наукъ, а не смерти.

И такъ сія важная экспедиція должна имѣть слѣдствіемъ своимъ 1) открытіе для насъ морской торговли съ Китаемъ, съ Японіею, можетъ быть съ южною Америкою и съ Индіею; 2) образованіе Русскихъ колоній и торговыхъ заведеній на островахъ и твердой землѣ въ сѣверной Америкѣ; 3) на-

блюденія, открытія ученыя, благодѣтельныя вообще для успѣховъ разума человѣческаго.

Пусть другіе удивляются молодымъ, благороднымъ Россіянамъ, которые добровольно оставляютъ пышную столицу и ввѣряютъ себя волнамъ на нѣсколько лѣтъ, чтобы переходить изъ одной части міра въ другую, быть во всѣхъ жаркихъ климатахъ Линіи и въ холодныхъ предѣлахъ Сѣвера: мы искренно завидуемъ ихъ долѣ, воображая безчисленныя удовольствія, которыя ожидаютъ ихъ въ неизмѣримостяхъ Океана! Любопытство дѣятельнаго ума имѣетъ рай свой, неизвѣстный умамъ робкимъ и лѣнивымъ. Къ симъ удовольствіямъ прибавимъ еще славу участвовать въ предпріятіи важномъ и полезномъ, славу открыть путь новый для Россійскаго мореплаванія, наконецъ славу презирать опасности! онѣ и въ самой тихой, бездѣйственной жизни для человѣка неизбѣжны: опасность *блестящая* есть выгода славолюбія.

Заключимъ эту статью нѣкоторыми общими примѣчаніями. Есть люди — и Русскіе, безъ сомнѣнія очень скромные — которые утверждаютъ, что Россія не должна и думать о знаменитости въ мореплаваніи (ибо гавани ея запираются льдомъ на шесть мѣсяцевъ въ году), и что благоразуміе велитъ намъ довольствоваться продажею и куплею на мѣстѣ. Петръ Великій не такъ думалъ. Мудрено ли? Онъ былъ Русской въ душѣ и Патріотъ; а сіи господа или *Англоманы*, или *Галломаны*, и желаютъ называться Космополитами. Только мы, обыкновенные люди, не можемъ съ ними парить

умомъ выше *низкаго* Патріотизма; мы стоимъ на землѣ, и на землѣ Русской; смотримъ на свѣтъ не въ очки Систематиковъ, а своими природными глазами; думаемъ, что въ нынѣшнемъ состояніи вещей Государство не можетъ достигнуть до совершеннаго величія безъ флотовъ и знаменитыхъ успѣховъ мореплаванія, а славное происхожденіе Русскихъ, ихъ гордость народная, безпримѣрная храбрость и внутренняя сила государственная указываютъ намъ на первую степенъ въ Политикѣ. Естьли бы Петръ Великій не завелъ флота, то Англійскій фрегатъ пришелъ бы иногда бомбардировать Ревель, и всякой островъ могъ бы смѣло оскорблять Русскихъ: наши арміи не имѣли бы средствъ наказать дерзкихъ за моремъ; а сія мысль не утѣшительна для народнаго, справедливаго самолюбія обширнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ. Сверхъ того сильному Государству надобны деньги; а ихъ не льзя имѣть много безъ выгодной внѣшней торговли, которая возбуждаетъ, усиливаетъ внутреннюю промышленость. Россія богата естественными дарами; но они драгоцѣнны единственно своимъ *великимъ количествомъ:* ихъ можно вывозить только моремъ. Безъ собственныхъ купеческихъ кораблей мы находимся въ совершенной зависимости отъ чужестранныхъ мореплавателей и купцовъ, отпуская, что имъ взять угодно. *Перевозъ* вещей есть также большая выгода — занимаетъ, питаетъ, обогащаетъ множество людей: для чего уступать ее другимъ народамъ?... «Но Русскія моря замерзаютъ!...» Однакожь кромѣ Чернаго, которое соединяетъ насъ

съ Средиземнымъ, пока Геллеспонтъ открытъ для кораблей нашихъ...(Константинополь такъ близокъ! и Турецкая Имперія такъ ветха!)... Да и сіе неудобство главнаго *нынѣшняго* Русскаго порта, то есть Кронштатскаго, можетъ быть побѣждено усиліями торговаго ума и промышлености. Корабль имѣетъ время сходить въ Лондонъ, въ Гавръ, въ Бордо; и чтобы не стоять ему праздно 6 мѣсяцевъ, для чего не воспользоваться симъ временемъ для *отдаленнаго* мореплаванія съ новымъ грузомъ, чтобы возвратиться лѣтомъ? Было время, когда сѣверные мореходцы — Норманы, не чужіе Русскимъ — считались первыми въ Европѣ; являлись безпрестанно на берегахъ Франціи, Италіи — правда, не для торговли, а чтобы славиться храбростію. Русскимъ недостаетъ одного для успѣховъ ихъ мореплаванія: смѣлаго духа предпріимчивости; но онъ созрѣетъ вмѣстѣ съ нашимъ политическимъ умомъ — и любезный, благодѣтельный Монархъ нашъ способствуетъ тому сею важною Японскою экспедиціею. Теперь военные корабли снабдили купеческіе Офицерами и матрозами: со временемъ купеческіе могутъ снабдить ими военные, какъ въ другихъ земляхъ бываетъ. Самолюбіе наше не должно оскорбляться тѣмъ, что мы, предпринимая окружить землю, должны были нынѣ купить Англійскіе корабли, или для скорости, или для того, что они лучше и надежнѣе Русскихъ: давно ли занимаемся искусствомъ мореплаванія? давно ли мы, какъ сказалъ Ломоносовъ, *сидѣли на лодкѣ въ лужѣ?* Вспомнимъ, что и самая Англія покупала нѣкогда чужіе корабли для

своей Индѣйской торговли: Ганзейскіе города продавали ихъ купцамъ Лондонскимъ. Теперь Англія есть первая морская Держава!

Пусть вѣтры благополучные несутъ нашихъ Аргонавтовъ по обширному Океану! Мы будемъ слѣдовать за ними взорами и сердцами. Пусть они обозрѣваютъ моря, какъ легкое передовое войско обозрѣваетъ мѣсто, гдѣ скоро должна явиться армія! Мы жгли флоты непріятельскіе на Эгейскомъ морѣ, истребляли ихъ на Балтійскомъ, щастіемъ, великимъ духомъ Екатерины и Русскою храбростію: намъ остается доказать, что можемъ господствовать на семъ элементѣ и народною, торговою, умною предпріимчивостію!

1803 г.

О МОСКОВСКОМЪ МЯТЕЖѢ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

—

Кровопролитіе, мятежи и бѣдствія составляютъ главную и, къ нещастью, любопытнѣйшую часть всемірныхъ лѣтописей; но Исторія нашего отечества, подобно другимъ описывая жестокія войны и гибельные раздоры, рѣдко упоминаетъ о бунтахъ противъ Властей законныхъ: что служитъ къ великой чести народа Русскаго. Онъ, кажется, всегда чувствовалъ необходимость повиновенія и ту истину, что своевольная управа гражданъ есть во всякомъ случаѣ великое бѣдствіе для государства. Такимъ образомъ народъ Московскій великодушно терпѣлъ всѣ ужасы временъ Царя Ивана Васильевича, всѣ неистовства его Опричныхъ, которые, подобно шайкѣ разбойниковъ, злодѣйствовали въ столицѣ какъ въ землѣ непріятельской. Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты, безмолвствовали — и только въ храмахъ Царя Царей молили Небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Іоанна.

Тѣмъ болѣе удивляется Историкъ Россіи, когда царствованіе Государя добраго, милосердаго, народолюбиваго, представляетъ ему для описанія ужасный бунтъ въ столицѣ и лютое изступленіе народа... Я говорю о *первомъ* мятежѣ, бывшемъ въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ никѣмъ изъ Русскихъ писателей не былъ изображенъ подробно и вѣрно; а какъ всякое изъ народныхъ происшествій, самое горестное, оставляетъ для потомства благодѣтельное нравоученіе, то мы вздумали собрать разсѣянныя извѣстія о семъ бѣдственномъ случаѣ, и предлагаемъ ихъ читателю за достовѣрныя.

Царь Алексѣй Михайловичь, подобно своему родителю, въ цвѣтущей юности сдѣлался самодержавнымъ Государемъ. Воспитанный Бояриномъ Морозовымъ, онъ имѣлъ къ нему довѣренность неограниченную, соединенную съ трогательною любовію. Уже Россія наслаждалась миромъ и благоустройствомъ, которое Михаилъ возстановилъ съ великимъ трудомъ и съ явною помощію Неба; но Царь юный и неопытный чувствовалъ нужду въ мудромъ совѣтникѣ для мудраго управленія государствомъ. Къ нещастію, Борисъ Ивановичь Морозовъ не походилъ характеромъ своимъ на добродѣтельнаго Патріарха Филарета, который былъ истиннымъ Геніемъ-хранителемъ и Царя и царства во времена самыя опасныя: сей Бояринъ славился умомъ, но унижался склонностями и пороками души слабой: завистію, корыстолюбіемъ и пристрастіемъ къ своимъ угодникамъ. Желая вла-

ствовать, какъ Годуновъ при Θеодорѣ властвовалъ, онъ не имѣлъ мудрой, глубокой политики сего великаго человѣка, изумлявшаго народъ блескомъ своихъ добродѣтелей, но прибѣгнулъ къ средствамъ хитрости низкой: удалилъ отъ Двора многихъ знаменитыхъ Патріотовъ, особенно же родственниковъ покойной Царицы, * разослалъ ихъ по городамъ Воеводами, окружилъ Царя ближними людьми своими и пристрастилъ его къ охотѣ, чтобы отвести отъ дѣлъ государственныхъ: ибо властолюбивые Министры во всѣхъ земляхъ и во всѣ времена боялись трудолюбія Монарховъ. Наконецъ, къ увѣнчанію своихъ хитростей, онъ показалъ ему двухъ прекрасныхъ дочерей Милославскаго; и когда Государь, влюбясь въ большую, соединился съ нею бракомъ, Морозовъ черезъ десять дней женился на меньшой сестрѣ, надѣясь титломъ Царскаго свояка еще болѣе утвердить права и власть Царскаго Ментора.

Рѣдко случается, чтобы любимцы Государей пользовались любовію народною; ихъ судятъ жестоко, ибо судіею бываетъ зависть, которую трудно обезоружить и добродѣтелію. Морозова уважали, но не терпѣли: Бояре за его самовластіе, а народъ за разныя новыя подати и откупы, тогда введенные. Говорили, что онъ убѣдилъ Царя воз-

* Царь Алексѣй Михайловичь, оплакавъ родителя, черезъ нѣсколько дней лишился и матери: тронъ дорого стоилъ его доброму сердцу.

высить цѣну на соль и отдать ее на откупъ Думному Дьяку Назарію Ивановичу Чистову, и что первый Бояринъ выдумываетъ такія монополіи для собственной прибыли. Купечество жаловалось на то, что Правительство запретило употребленіе неклейменыхъ аршиновъ и наложило на казенные высокую цѣну. Но сіи жалобы, едвали основательныя, * не могли бы произвести ужаснаго и всеобщаго возмущенія безъ другихъ причинъ, гораздо важнѣйшихъ.

Илья Даниловичь Милославской хотя издавна служилъ при Дворѣ, но былъ весьма небогатый дворянинъ; сдѣлавшись тестемъ Государя, осыпанный вдругъ его благодѣяніями и возведенный на степень Боярина, онъ старался обратить милость Царскую и на всѣхъ ближнихъ и дальнихъ своихъ родственниковъ, которые скоро заняли важнѣйшія мѣста государственныя. Морозовъ охотно способствовалъ ихъ возвышенію, соединивъ честь

* За пудъ соли платили тогда 30 копѣекъ, а прежде 20: такая надбавка не могла быть тягостна и для самыхъ бѣдныхъ людей. Введеніе клейменыхъ аршиновъ было нужно для отвращенія всякихъ обмановъ въ мѣрѣ. Купецъ не разорялся, платя въ казну однажды навсегда шесть или семь гривенъ за желѣзный аршинъ. Но Морозова не любили, и всѣ выдумки его казались преступленіемъ. Налогъ на соль такъ озлобилъ гражданъ, что они стали гораздо менѣе покупать ее, и казна, вмѣсто прибыли, имѣла убытокъ. Между тѣмъ испортилось множество рыбы отъ *недосоленія*.

и пользу своего рода съ честію и пользою Милославскихъ. Сіи люди, по большей части весьма бѣдные и привыкшіе въ низкой долѣ завидовать богатымъ, съ перемѣною судьбы своей не перемѣнились душею: хотѣли только наживаться и не имѣли гордаго честолюбія древнихъ фамилій Боярскихъ; не зная стыда, ужаснаго только для сердецъ благородныхъ, не знали и страха; ибо сильный Морозовъ былъ ихъ свойственникомъ и покровителемъ. Двое изъ новыхъ любимцевъ Фортуны сдѣлались особеннымъ предметомъ народной ненависти: Окольничіе Леонтій Плещеевъ и шуринъ его Траханіотовъ. Первый начальствовалъ въ Земскомъ Приказѣ, то есть уголовномъ и гражданскомъ судѣ столицы, и жертвовалъ правдою гнусной корысти съ такимъ безстыдствомъ, съ такою дерзостію, что въ наше время трудно повѣвѣрить разсказамъ о дѣлахъ сего человѣка. * Онъ разорялъ правыхъ и виноватыхъ; научалъ злодѣевъ доносить на богатыхъ людей, бралъ ихъ подъ стражу, заключалъ въ темницу и предлагалъ имъ выкупать себя деньгами. — Траханіотовъ, будучи главою Пушкарскаго Приказа, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи оружейные и другіе заводы. По уставу Царскому надлежало всякой мѣсяцъ выдавать жалованье мастеровымъ людямъ, которые на нихъ работали; но Траханіотовъ не думалъ исполнять его, бралъ деньги себѣ, и тирански мучилъ

* Иностранцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, описали ихъ.

работниковъ, которые смѣли усильно требовать платы и жаловаться. Симъ бѣднымъ людямъ съ ихъ семействами оставалось умереть съ голоду. — Напрасно утѣсненные искали правосудія. Челобитныя, вручаемыя даже самому Государю, не имѣли никакого дѣйствія: ибо онъ, не читая, отдавалъ ихъ на разсмотрѣніе Боярамъ, которые или не хотѣли или боялись обличать виновныхъ, и всякую жалобу представляли ему въ видѣ ложномъ. Граждане Московскіе чувствовали сію несправедливость тѣмъ живѣе, что благодатное царствованіе Михаила пріучило ихъ къ царству милости и правосудія; времена прежнихъ насилій и безпорядковъ уже заглаждались въ ихъ памяти. Добрый Царь, отдѣленный отъ народа высокою Кремлевскою стѣною, не зналъ, что дѣлается за нею, и не слыхалъ народнаго вопля. Плещеевъ и Траханіотовъ его слышали, но презирали, вмѣстѣ съ другими Боярами веселясь безпечно въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ своего родственника Милославскаго. * Морозовъ наслаждался любовію молодой, прекрасной супруги и всѣми удовольствіями власти. Гроза висѣла надъ его головою; но онъ былъ упоенъ своимъ величіемъ, и зная неограниченную къ себѣ милость Царя, не могъ вообразить никакой бѣдственной перемѣны своего жребія.

* Царь подарилъ ему домъ въ Кремлѣ; но пышный Милославскій разломалъ его и построилъ новый.

Народъ толпился на Красной площади, а въ другихъ частяхъ города собирался передъ церквами, совѣтуясь, что ему дѣлать. Онъ угадывалъ чувствительное сердце юнаго Монарха; былъ увѣренъ, что Царь защитилъ бы своихъ добрыхъ подданныхъ и наказалъ бы неправду чиновниковъ, естьли бы зналъ, что терпятъ одни, и какъ другіе употребляютъ во зло его довѣренность. Въ самомъ дѣлѣ могутъ ли Государи хотѣть народнаго утѣсненія? По крайней мѣрѣ сіи примѣры рѣдки въ Исторіи. Все склоняетъ ихъ къ правосудію и милости: собственная польза, слава и щастіе. Личное благо людей, самыхъ знатнѣйшихъ въ государствѣ, можетъ быть противно общему; только одинъ человѣкъ никогда не бываетъ въ такомъ опасномъ искушеніи добродѣтели — и сей человѣкъ есть Монархъ самодержавный.—Народныя неудовольствія и совѣщанія были конечно извѣстны двумъ сильнѣйшимъ Боярамъ Русскимъ: Морозову и Милославскому; но они не взяли никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ отвратить мятежъ, и старались, можетъ быть, только закрыть сію тучу отъ Государя, въ безразсудной надеждѣ, что она сама собою разсѣется. Ослѣпленіе властителей бываетъ всегда предтечею государственныхъ бѣдствій. Сіи Бояре могли бы укротить народъ отставкою Плещеева и Траханіотова; но имъ казалось стыдно покориться общему желанію, и своихъ родственниковъ явно признать недостойными чиновниками. Такія ничтожныя побужденія бываютъ для

характеровъ слабыхъ сильнѣе государственнаго блага!

Объяснивъ главныя обстоятельства тогдашняго времени, безъ которыхъ не льзя имѣть справедливаго понятія о дѣйствіяхъ, приступаемъ къ горестному описанію мятежа и крайностей народнаго изступленія.

23 Іюня 1648 году, * въ день Крестнаго Хода въ монастырь Срѣтенской, Царь, отслушавъ тамъ обѣдню, возвращался верхомъ въ Кремлевскій дворецъ свой: многочисленныя толпы народа окружили его на площади. *Стой, Государь!* кричали ему со всѣхъ сторонъ, и схватили за узду лошадь Царскую. Изумленный Монархъ остановился..... Граждане молили его быть отцемъ своего народа; разсказали все, что они терпятъ отъ судіи неправеднаго, Леонтія Плещеева, и просили съ величайшею покорностію, чтобы Государь защитилъ ихъ и на мѣсто сего жестокаго человѣка посадилъ Боярина честнаго и добросовѣстнаго. Царь слушалъ съ удивленіемъ и милостиво отвѣтствовалъ, что граждане могутъ быть покойны; что онъ самъ изслѣдуетъ дѣло и накажетъ виновнаго. Народъ громогласно изъявилъ благодарность Монарху, и восклицанія: *здравія и многія лѣта нашему Царю-Государю!* провожали его до Спасскихъ воротъ.

Такимъ образомъ все могло кончиться мирно,

* То есть, въ третій годъ царствованія Алексѣя Михайловича.

законно и благополучно. Еще народъ не былъ преступникомъ: онъ пожаловался только своему отцу и Монарху на судію недостойнаго; желалъ единственно отставки Плещеева: не требовалъ даже и его наказанія; умолчалъ о всѣхъ другихъ неудовольствіяхъ своихъ и людяхъ, ему ненавистныхъ. Такая умѣренность предвѣщала ли злодѣйства, которымъ надлежало совершиться въ сей день, бѣдственный для Москвы и цѣлой Россіи?... Къ нещастію, нѣкоторые чиновники, прискакавъ за Царемъ на площадь, и слыша, что сдѣлалось, безразсудно вступились за Леонтія Плещеева, начали укорять гражданъ мятежною дерзостію — даже бить ихъ, топтать лошадьми.... Тутъ искры бунта воспылали. Граждане забыли власть законовъ и присвоили себѣ насильственную управу. Страшный вопль раздался на площади; камни посыпались на чиновниковъ: народъ, въ слѣдъ за ними, вломился въ Кремль, гналъ ихъ до самыхъ палатъ Государевыхъ, и Стрѣльцы съ великимъ трудомъ могли остановить его на ступеняхъ крыльца. Бѣшенство овладѣло имъ, и тысячи голосовъ требуютъ, чтобы имъ выдали Плещеева.... Бояринъ Морозовъ выходитъ на Красное крыльцо, и говоритъ народу именемъ Монарха, что Царь обѣщалъ имъ правосудіе и сдержитъ слово свое.... Напрасно; мятежники кричатъ ему: «намъ и тебя надобно; мы хотимъ и твоей головы!»... Едва онъ могъ спастись отъ ихъ злобы во дворецъ Государевъ. Они бросились въ Кремлевскій домъ Морозова; отбили ворота: умертвили вѣрнаго слугу, который хотѣлъ

имъ противиться, и ворвались въ горницу, гдѣ была супруга Боярина.... Сія женщина, молодая и прекрасная, ожидала вѣрной смерти отъ неистовыхъ; но они не тронули ее и сказали: *благодари Бога, что Царица сестра твоя!...* Такимъ образомъ и въ самомъ бунтѣ народъ не забывалъ уваженія къ Царской фамиліи.... Въ нѣсколько минутъ домъ Боярина былъ разграбленъ; сундуки, шкапы взломаны; богатые ковры Персидскіе, парчи, бархаты, соболи и черныя лисицы изорваны на части; мѣшки съ ефимками высыпаны на полъ, серебряная посуда выброшена изъ оконъ на улицу; жемчугъ выносили въ шапкахъ и за ничто продавали. Грабители дерзнули даже прикоснуться и къ святынѣ образовъ и сняли съ нихъ богатыя ризы; извѣстно, что въ старину сіи драгоцѣнные оклады составляли въ домахъ главное украшеніе и сокровище. Въ день свадьбы Морозова Государь подарилъ ему великолѣпный берлинъ, окованный серебромъ и внутри обитый золотою парчею съ собольею опушкою: народъ изломалъ его. Глубокій погребъ Боярскій, по словамъ одного иностраннаго Писателя, *обратился въ колодезь*: Нѣмецкія и Фряжскія вина лились изъ разбитыхъ бочекъ.

Мятежники, опустошивъ домъ перваго Боярина, раздѣлились на многія толпы: однѣ пошли къ Думному Дьяку Чистову, ненавистному въ столицѣ за соляный откупъ; другіе къ Плещееву, Трахaніотову, къ извѣстнымъ друзьямъ ихъ и помощникамъ, Князьямъ Никитѣ Одоевскому и Лыкову. Грабежъ въ домахъ ихъ продолжался во всю ночь,

до самаго утра. Плещеевъ и шуринъ его спаслися бѣгствомъ; но Чистовъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ упавъ съ лошади, лежалъ больной на постелѣ. Слыша о бунтѣ и зная народную къ себѣ ненависть, онъ спрятался: * невѣрный слуга указалъ его мятежникамъ, которые тирански умертвили нещастнаго и бросили на дворѣ въ яму. Олеарій, зналъ лично сего Думнаго Дьяка, описываетъ его человѣкомъ суровымъ и корыстолюбивымъ: будучи при Дворѣ знатенъ и силенъ, онъ дѣлалъ великія неудовольствія Голштинскимъ Посламъ за то, что они мало дарили его.

Правительство какъ будто бы исчезло въ сіе время, оставивъ столицу въ жертву, можетъ быть, горсти бунтовщиковъ: ибо конечно не весь народъ участвовалъ въ такихъ злодѣяніяхъ. Морозовъ, гордый въ щастіи, оказалъ всю малость души своей въ опасности; думалъ уже не совѣтовать Царю, а единственно спасать жизнь свою, какъ спасаютъ ее люди недостойные власти — то есть, бѣгствомъ. Кто родился управлять народомъ, тотъ предупреждаетъ опасность мудростію или отражаетъ ее великодушіемъ, или гибнетъ, держа твердою рукою жезлъ правленія... Юный Монархъ, оставленный своимъ главнымъ совѣтникомъ, изъявлялъ нерѣшительность. Онъ велѣлъ только запереть Кремлевскія ворота, когда народъ разсѣялся по Китаю и Бѣлому городу.

* *Подъ вѣниками*, говоритъ Олеарій.

На другой день мятежники снова явились на большой площади и грозили довершить свое мщеніе. Тогда Государь приказалъ собраться въ Кремлѣ войску иностранному. Нѣсколько сотъ Нѣмцовъ, подъ начальствомъ Офицеровъ своихъ, шли вооруженные сквозь толпы народа, который издавна не любилъ ихъ и часто оскорблялъ грубыми насмѣшками; но тутъ онъ свободно далъ имъ дорогу и говорилъ ласково: *добрые Нѣмцы! не троньте насъ; а мы впредь будемъ жить съ вами дружно*. Для нихъ отворили Спасскія ворота: никто изъ мятежниковъ не дерзнулъ итти въ Кремль за ними. Офицеры иностранные разставили караулы у всѣхъ башенъ и вокругъ дворца, гдѣ собралися вѣрные Бояре, готовые умереть за Царя и отечество. Знатнѣйшій между ими былъ Никита Ивановичь Романовъ-Юрьевъ, Дворецкій Государя и ближній его родственникъ, человѣкъ умный, но безпечный; благодѣтель всѣхъ бѣдныхъ въ столицѣ, покровитель иностранцевъ и *новыхъ обычаевъ*, которыми Патріархъ часто укорялъ его въ бесѣдахъ, но дружески и ласково: ибо всѣ знатные и не знатные любили сего именитаго Боярина. Царь, милосердый по своему характеру природному, и юностію лѣтъ расположенный къ средствамъ кроткимъ, избралъ его въ посредники между собою и народомъ... Романовъ выѣхалъ верхомъ изъ Кремля на площадь, снялъ съ головы высокую Боярскую шапку свою и показалъ, что хочетъ гово-

рить народу, * который, окруживъ его толпами, кричалъ: *здравствуй, отецъ нашъ!* Добродѣтельный Бояринъ съ чувствительностію изъявилъ гражданамъ, сколь прискорбно сердцу Государя, что они не удовольствовались его обѣщаніемъ разсмотрѣть ихъ жалобы, присвоили себѣ право наказывать виновныхъ и сами впали въ преступленіе; что Государь вторично даетъ имъ слово казнить всѣхъ народныхъ притѣснителей, но желаетъ, чтобы добрые граждане усмирились и покойно разошлись по домамъ своимъ.... Народъ отвѣтствовалъ, что онъ чувствуетъ милость Царскую, готовъ умереть за него, но не сойдетъ съ площади, пока истинные виновники мятежа: Морозовъ, Плещеевъ и Траханіотовъ, не будутъ ему выданы и наказаны... Никита Ивановичъ Романовъ изъявляетъ гражданамъ благодарность за ихъ усердіе къ Царю, увѣряя клятвенно, что Морозова и Траханіотова нѣтъ во дворцѣ, и что они бѣжали изъ города. Народъ требуетъ Плещеева. Бояринъ обѣщаетъ обо всемъ донести Государю, кланяется народу и ѣдетъ назадъ въ Кремль....

Здѣсь Русскій Историкъ, съ умиленіемъ прославивъ добродушіе Монарха, замѣтитъ, что оно бы-

* Въ сей піесѣ нѣтъ *ни одной черты*, которая не была бы историческою въ строжайшемъ смыслѣ. Авторъ *отъ слова до слова* повторяетъ здѣсь извѣстіе чужестранцевъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями происшествія.

ло уже несогласно съ государственнымъ благомъ, которое въ такихъ нещастныхъ обстоятельствахъ утверждается болѣе непоколебимымъ мужествомъ власти, нежели ея снисхожденіемъ. Народъ слѣпъ и безразсуденъ: рѣшительностію Правителей онъ долженъ быть самъ отъ себя спасаемъ.

Вмѣсто того, чтобы въ грозномъ ополченіи выслать изъ Кремля Стрѣльцовъ и роты иностранныя, съ повелѣніемъ разсѣять мятежниковъ, естьли они не захотятъ усмириться и добровольно исполнить воли Монаршей, Царь приказалъ имъ объявить, что Леонтій Плещеевъ долженъ быть немедленно казненъ въ глазахъ народа, и *другіе* также, естьли они будутъ пойманы... Черезъ нѣсколько минутъ въ самомъ дѣлѣ отворились Кремлевскія ворота, и народъ увидѣлъ сего нещастнаго: палачь велъ его; судья уголовный держалъ въ рукѣ приговоръ къ смерти. Мятежники не дали совершиться законному обряду казни, и съ лютостію растерзали человѣка, нѣкогда для нихъ страшнаго.... Въ то же время Государь отправилъ Князя Семена Пожарскаго въ слѣдъ за Траханіотовымъ; его догнали близъ монастыря Троицкаго, заключили на нѣсколько часовъ въ темницѣ Земскаго Двора и казнили на площади 25 Іюня. — Сіи двѣ жертвы усмирили народъ. Ему извѣстно было, что Морозовъ дѣйствительно искалъ спасенія въ бѣгствѣ: ибо ямщики видѣли его за валомъ — и хотѣли схватить; но онъ ускакалъ отъ нихъ, возвратился въ городъ и тихонько пробрался во дворецъ, какъ въ самое безопаснѣйшее для себя мѣсто. Мя-

тежники, полагая, что сего Боярина нѣтъ въ столицѣ, удовольствовались обѣщаніемъ Царя наказать его, когда онъ будетъ сысканъ. Изъявивъ Государю благодарность за Его правосудіе, они разошлись по домамъ, и Москва отдохнула, бывъ три дни жертвою мятежа и страха....

Сіе спокойствіе скоро нарушилось бѣдствіемъ инаго роду. Въ 10 часовъ утра возстановилась тишина въ городѣ: въ три часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмитровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепелъ всѣ домы, бывшіе за бѣлою стѣною до самой Неглинной; перешелъ даже за сію рѣку и грозилъ обнять пламенемъ главный питейный домъ казенный, гдѣ стояло множество бочекъ съ виномъ... Китай-городъ и самый дворецъ Государевъ былъ въ опасности. Вмѣсто того, чтобы гасить огонь, чернь съ жадностію бросилась въ казенные погреба; пьяные безъ чувствъ падали на улицахъ и задыхались отъ дыма.... Олеарій, описывая пожаръ, разсказываетъ случай невѣроятный. Въ 11 часовъ сей бѣдственной ночи, говоритъ онъ, нѣсколько иностранцевъ стояло на улицѣ и съ ужасомъ смотрѣло на быстрое теченіе пламени. Вдругъ видятъ они монаха, который съ великимъ усиліемъ тащитъ за собою мертвое тѣло, и говоритъ имъ: *помогите мнѣ бросить его въ огонь; это остатки злодѣя Плещеева; ничѣмъ другимъ нельзя остановить пожара*. Иностранцы не хотѣли сдѣлать того; но мальчики, тутъ бывшіе, схватили трупъ и бросили въ огонь,

который въ самомъ дѣлѣ, къ удивленію ихъ, началъ гаснуть!...

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Царь угощалъ въ Кремлѣ всю свою гвардію. * Милославскій, спасенный отъ народной злобы достоинствомъ Царскаго тестя, началъ также давать обѣды знаменитѣйшимъ изъ купцовъ и гражданъ, помогать бѣднымъ, ласкать народъ и снискивать любовь его. Патріархъ велѣлъ Священникамъ утверждать прихожанъ въ тишинѣ, миролюбіи и повиновеніи властямъ законнымъ. Мѣсто Плещеева и Траханіотова заняли чиновники достойные, извѣстные столицѣ по ихъ любви къ справедливости. Всѣ признаки волненія исчезли, и жители Московскіе снова обратились къ мирной дѣятельности гражданской. Бояре ѣздили по улицамъ, и народъ изъявлялъ обыкновенное къ нимъ уваженіе.

Тогда столица увидѣла зрѣлище великое и рѣдкое въ лѣтописяхъ міра — зрѣлище, котораго описаніе останется навѣки трогательнымъ въ нашей Исторіи для всѣхъ сердецъ истинно-Русскихъ, привязанныхъ къ добрымъ своимъ Монархамъ.

Объявили народу, что Государь желаетъ говорить съ нимъ. Послѣ обѣдни — день былъ праздничный — Царь Алексѣй Михайловичь выѣхалъ изъ Кремля, сошелъ съ лошади и сталъ на возвышенномъ мѣстѣ **... Граждане со всѣхъ сторонъ

* То есть, Стрѣльцовъ.

** Олеарій называетъ сіе мѣсто *театромъ*.

тѣснились къ Нему, громогласно изъявляя усердіе къ священной особѣ Монарха. Подлѣ Него стоялъ добрый и любимый Бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ. Государь съ Ангельскою кротостію сказалъ купечеству и гражданству, что «Ему горестно было свѣдать все претерпѣнное ими отъ злыхъ чиновниковъ; что сіи недостойные заслужили казнь, употребляя во зло священную власть закона, которая перешла наконецъ въ руки чистыя и непорочныя; что Бояре добросовѣстные, заступившіе мѣсто Плещеева и Траханіотова, будутъ править и судить по уставу человѣколюбія и справедливости; что самъ Онъ, не смотря на общую довѣренность къ симъ почтеннымъ людямъ, будетъ неусыпнымъ окомъ смотрѣть за всѣми частями правленія; что особенныя привиллегіи и монополіи немедленно уничтожатся; что прежняя цѣна соли возстановляется; что выгода и благоденствіе гражданъ составятъ единственный предметъ Его попеченій, и что Онъ всѣми дѣлами Своего царствованія желаетъ пріобрѣсти имя Ему любезное: имя отца народнаго».... Граждане *низко поклонились* Царю, благодаря Его за милость и желая Ему здравія и долголѣтія, по обычаю Русскихъ.... Тутъ великодушный Царь обратилъ рѣчь на Бориса Ивановича Морозова, и сказалъ, «что не находя его совершенно правымъ, не находитъ и во всемъ виноватымъ, и не требовавъ еще въ Свое царствованіе никакой жертвы отъ гражданъ, надѣется, что они исполнятъ первую прозьбу Его и простятъ сего Боярина, — ко-

торый — за что Онъ ручается — заслужитъ впредь любовь и дружбу ихъ; что естьли они не хотятъ видѣть Морозова въ Синклитѣ, то Онъ исключитъ его изъ сего Верховнаго Совѣта, желая только, чтобы народъ не требовалъ головы человѣка, который былъ Ему вторымъ отцомъ и наставникомъ».... Глаза чувствительнаго Монарха наполнились слезами: онѣ составили неизъяснимо трогательное заключенiе Его рѣчи — и самые тѣ, которые не давно еще свирѣпствовали какъ неистовые мятежники въ столицѣ, были поражены симъ зрѣлищемъ: упали на колѣна, цѣловали одежду Царя, ноги Его, и восклицали единогласно: *да будетъ, что угодно Богу и Тебѣ, Государю! Мы всѣ дѣти твои!...* Сердечное удовольствiе изобразилось на лицѣ Монарха, до сей минуты печальнаго. Онъ изъявилъ народу Свою признательность; увѣщевалъ его быть кроткимъ и послушнымъ, увѣряя, что не забудетъ никогда Своихъ Царскихъ обѣщанiй и вѣрно исполнитъ ихъ.... Съ сими словами Государь сѣлъ на коня и со всею свитою Бояръ и царедворцевъ возвратился въ Кремль....

Такое дѣйствiе Монарха, внушенное ему чувствительнымъ сердцемъ, безъ сомнѣнiя восхитительно. Дерзну сказать, что сiя минута была едва ли не самою прекраснѣйшею изъ тридцати-двулѣтняго царствованiя Алексѣя Михайловича — минута, въ которую Онъ столь разительно доказалъ нѣжную дружбу Свою къ воспитателю, и священное уваженiе *даннаго слова:* ибо Ему легко было и другими средствами спасти Морозова. Одна

пылкая, юная душа могла такъ отважно поручить народу свое драгоцѣнное спокойствіе! Жить единственно для щастія подданныхъ, быть истиннымъ отцемъ народнымъ — сіи обѣты, подтвержденные Царемъ въ минуту живѣйшаго чувства признательности, были конечно искренны и начертаны во глубинѣ Его сердца!.... мысль плѣнительная!... Но для чего великая наука управлять государствами не есть одно съ прекрасными движеніями чувствительности?... Историкъ строгимъ саномъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосердымъ, и долженъ осуждать то, что ему какъ человѣку любезно, но что бываетъ вреднымъ въ правленіи, ибо люди не Ангелы! Отирая сладкія слезы свои, онъ скажетъ, что здравая Политика, основанная на опытахъ и знаніи человѣчества, предписывала Царю Алексѣю Михайловичу совсѣмъ иные способы утушить мятежъ. *Мудрая верховная власть можетъ быть снисходительною, но никогда не требуетъ снисхожденія;* она прощаетъ, но не проситъ—и благодарность должна быть чувствомъ подданныхъ, а не Монарха.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того * Государь отправился въ монастырь Троицкій. Борисъ Ива-

* Въ *Лѣтописи о мятежахъ* сказано, что народный бунтъ начался 2 Іюня; но число, въ ней означенное, можетъ быть опискою. Олеарій, разсказывая достовѣрно подробности, именно говоритъ, что Царь, послѣ крестнаго хода, возвращался тогда изъ Срѣтенскаго

новичь Морозовъ, который около двухъ недѣль скрывался во дворцѣ, въ первый разъ явился тогда глазамъ народа Московскаго: ѣхалъ верхомъ подлѣ Царя, своего спасителя, и на обѣ стороны низко кланялся гражданамъ. Съ сего времени онъ сдѣлался первымъ народнымъ благотворителемъ, и кто вручалъ ему свою челобитную, тотъ могъ вѣрно ожидать успѣха, естьли дѣло его было право. Подобно Боярину Никитѣ Ивановичу Романову, Морозовъ объявилъ себя также и покровителемъ иностранцевъ.

монастыря; а крестный ходъ въ сей монастырь бываетъ 23 числа Iюня. — Г. Голиковъ, положась на Ядро Россiйской Исторiи, говоритъ, что Царь Алексѣй Михайловичь наказалъ смертiю многихъ мятежниковъ: это несогласно ни съ другими вѣрнѣйшими извѣстiями, ни съ разумомъ, ни съ характеромъ Царя. Могъ ли онъ въ угодность имъ казнить Плещеева, Траханiотова, — просить гражданъ, чтобы они не требовали головы Морозова, и въ то же время казнить ихъ самихъ! Авторы Русскихъ записокъ мнимоусердною ложью своею часто оскорбляютъ память добрыхъ Государей: такъ поступилъ и Хилковъ, или, лучше сказать, Переводчикъ его Миссiи, сочинитель Ядра Россiйской Исторiи: онъ боялся унизить Алексѣя Михайловича излишнимъ милосердiемъ, и для того вздумалъ изобразить вѣроломнымъ Царя великодушнаго и добродѣтельнаго, который не хотѣлъ нарушить и слова, даннаго его именемъ злодѣю Разину! Впрочемъ въ нѣкоторыхъ историческихъ запискахъ первый мятежъ столицы не отличенъ отъ втораго, бывшаго также въ царствованiе сего Монарха.

Съ сего же времени Царь Алексѣй Михайловичъ началъ царствовать Самъ Собою, часто присутствовать въ Совѣтѣ и входить во всѣ дѣла: ибо Онъ видѣлъ, сколько опасно для Монарха излишно полагаться на Бояръ, которые для особенныхъ, ничтожныхъ выгодъ своихъ могутъ жертвовать благомъ государства, слѣдственно славою и щастіемъ Государя.

Но *ошибка* Царскаго добродушія имѣла вредныя слѣдствія: скоро бунтъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ доказалъ необходимость мѣръ твердыхъ и строгихъ.

1803 г.

О ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРІИ.

—

Левекъ говоритъ что Царь Алексѣй Михайловичь учредилъ Тайную Канцелярію, и, какъ легкій Французской Авторъ, прибавляетъ: «жалъ! онъ былъ впрочемъ хорошій Государь!» Мы знаемъ, какъ по большой части Французы пишутъ Исторію, и не удивляемся. Гораздо важнѣе то, что Г. Шлецеръ, бывшій нѣсколько лѣтъ Профессоромъ Русской Исторіи въ нашей Академіи — (Иностранный Профессоръ Русской Исторіи!!) — шутя надъ Левекомъ, и называя его не *Историкомъ*, а *граверомъ*-Левекомъ, также приписываетъ учрежденіе Тайной Канцеляріи Алексѣю Михайловичу. «Ужасъ ея, говоритъ онъ, такъ поразилъ умы, что перо выпало изъ рукъ лѣтописцевъ, и всѣ лѣтописи перервались въ царствованіе сего Государя.» Это, на примѣръ, очень любопытно, естьли справедливо; но могъ ли Г. Шлецеръ, ученый Критикъ и страстный любитель нашей Исторіи, не усомниться въ истинѣ такого случая? Естьли и словесная критика вожна въ Исторіи, философическая еще важнѣе. Какъ! Царь Алексѣй Михайловичь, доброй и человѣколюбивой, основалъ страшное судилище? и для чего? какія чрезвычай-

ныя опасности и заговоры могли оправдать сіе учрежденіе? Въ царствованіе славное и кроткое подняло голову чудовище?? при Государѣ, котораго Бояре Русскіе окружали съ любовію и почтеніемъ (ибо Онъ не казнилъ и не душилъ ихъ подобно Ивану Васильевичу, не боялся ихъ подобно Годунову, не равнялся съ ними подобно Шуйскому, и царствовалъ смѣлѣе, надежнѣе своего родителя) — при Государѣ, который иногда (на примѣръ во время Новогородскаго и Псковскаго мятежа, во время двухъ бунтовъ Московской черни) умѣлъ быть правосуднымъ, но всегда любилъ прощать и миловать?? Ктожь были жертвами его Тайной Канцеляріи? Развѣ Онъ учредилъ его для того, чтобы она дремала въ бездѣйствіи? Олеарій, * Маербергъ, говоря о происшествіяхъ (и самыхъ маловажныхъ) Его времени, безъ сомнѣнія разсказала бы нѣкоторые анекдоты *Руской жестокости* **, которую

* Олеарій, какъ извѣстно, былъ Секретаремъ Посольства, отправленнаго Голштинскимъ Герцогомъ въ Персію чрезъ Москву въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Алексѣй Михайловичь, восшедши на престолъ, звалъ Олеарія въ Россію, и въ письмѣ своемъ, учтивомъ и ласковомъ, называетъ его *Географусомъ небеснаго бѣга.* Nonny soit qui mal y pense! Довольно, что Онъ любилъ ученыхъ людей, въ такое время, когда въ Россіи не умѣли еще и называть ихъ.

** Надобно замѣтить, что всякой народъ въ Европѣ ославленъ съ какой нибудь худой стороны, и что всѣ обыкновенные путешественники основываютъ наблюденія свои

иностранцы всегда любили изображать яркими красками. Самое преданіе сохранило бы для потомства память начальныхъ ужасовъ тайнаго судилища, естьли бы они и въ самомъ дѣлѣ заставили молчать лѣтописцевъ. Но можно доказать, что царствованіе Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича было, напротивъ того, цвѣтущимъ временемъ Русскихъ лѣтописей, перерванныхъ нещастіями Россіи, естьли имѣемъ описаніе временъ Годунова, Димитрія Самозванца, Шуйскаго и славныхъ патріотическихъ дѣлъ междоцарствія, то мы обязаны тѣмъ спокойному вѣку великихъ Романовыхъ.

на предразсудкѣ: во Франціи они ищутъ легкомысленныхъ, въ Италіи злобныхъ и мстительныхъ, въ Гишпаніи лѣнивыхъ, въ Англіи чудаковъ, въ Германіи педантовъ, а въ Россіи варваровъ. Случаи и характеры, которые не согласны съ общимъ предразсудкомъ о народѣ, остаются неуваженными. Гораздо легче твердить за другими, нежели наблюдать и мыслить. Люди, которые даже славятся умомъ своимъ въ Европѣ, не рѣдко судятъ такимъ образомъ о народахъ, и Виндамъ сказалъ въ Парламентѣ, что Русскіе варвары; что солдаты наши разбойники, грабители! Сей Ораторъ-Донъ-Кишотъ повторилъ фразу своего дѣдушки, не заботясь о томъ, справедлива ли она въ наше время; иначе, узнавъ, что въ Италіи, Швейцаріи и Нѣмецкой землѣ говорятъ о дисциплинѣ Англійскихъ и Русскихъ солдатъ, онъ нашелся бы принужденнымъ назвать варварами первыхъ. Какъ люди, такъ и народы должны презирать клевету. Устыдить можно единственно тѣхъ, которые имѣютъ стыдъ; а клеветники, по щастью, не знаютъ его въ глаза.

Добрые монахи, которые въ нашествіе Поляковъ служили для Русскихъ не только примѣромъ любви къ отечеству и къ Вѣрѣ, но и примѣромъ храбрости, могли тогда снова обратиться къ мирнымъ упражненіямъ благочестивой жизни и къ похвальной охотѣ своей быть Историками отечества. Смѣло требую свидѣтельства всѣхъ знакомыхъ съ манускриптами нашихъ монастырскихъ библіотекъ: на многихъ историческихъ рукописяхъ именно означено время ихъ сочиненія, и сія время есть — царствованіе Михаила и великодушнаго Сына Его. Я самъ имѣю одну лѣтопись, тогда писанную и доведенную до начала Польской войны при Алексѣѣ Михайловичѣ: въ концѣ Ея поставленъ 1664 годъ. Гдѣ же страхъ, произведенный Тайною Канцеляріею? Гдѣ онѣмѣніе лѣтописцевъ? спрашиваемъ у Г. Шлецера; но онъ развертываетъ первый томъ Татищева, показываетъ намъ страницу 59 — и мы оставляемъ въ покоѣ сего ученаго иностранца, достойнаго нашей искренней благодарности за то, что онъ во многихъ случаяхъ умною своею критикою способствуетъ основательности Исторіи Русской.

Такъ, Г. Татищевъ ввелъ въ заблужденіе и Левека и Шлецера; онъ именно говоритъ, что Царь Алексѣй Михайловичь, основавъ Тайную Канцелярію, устрашилъ лѣтописцевъ и заставилъ ихъ безмолвствовать. «Могъ ли грубо ошибиться нашъ умной, трудолюбивый Историкъ?» скажутъ нѣкоторые: «онъ конечно писалъ то, что зналъ, и что въ самомъ дѣлѣ было.» — Вы не совсѣмъ оши-

баетесь, милостивые государи: *Тайная Канцелярія* точно была при Алексѣѣ Михайловичѣ... «Слѣдственно Татищевъ правъ?» Нѣтъ! *тайная* значила *домашняя* или *приватная*: * въ сію канцелярію входили экономическія дѣла Государевы; подъ ея вѣдѣніемъ находились нѣкоторыя село и деревни, которыя онъ считалъ собственными: на примѣръ, село Алексѣевское, Тайнинское; и когда Царь хотѣлъ изъявить свое отмѣнное благоволеніе къ какому нибудь монастырью, Онъ подчинялъ его Тайной Канцеляріи: на примѣръ, Савинскій, котораго всѣ расходы и счеты въ ней повѣрялись. ** Дьякъ или Секретарь управлялъ ею, всюду ѣзжалъ съ Государемъ и писалъ *личные* Царскіе указы. Однимъ словомъ, Она была Кабинетомъ и никогда не занималась наказаніемъ государственныхъ преступниковъ. Имя *тайной* обмануло Татищева: онъ вообразилъ то гибельное судилище, которое прославилось къ нещастію, въ новѣйшія времена; а находя, что многія лѣтописи идутъ не далѣе кончины Михаила Ѳеодоровича, заключилъ, что монахи не смѣли писать ихъ при Его сынѣ, и догадку свою выдалъ за историческую истину, вмѣстѣ съ лѣтописью Іоакима и многими любопытными анекдотами, которыхъ источника мы никогда не узнаемъ.

* Chancellerie privée. По Русски называемъ мы и Conseiller privé Тайнымъ Совѣтникомъ.

** Вамъ скажутъ объ этомъ и въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ и въ Савинскомъ монастырѣ.

Лѣтописцы наши не Тациты: не судили Государей; разсказывали не всѣ дѣла ихъ, а только блестящія — воинскіе успѣхи, знаки набожности, и проч. *Левъ не раззѣвалъ челюстей за такими Историкама*, и самъ ужасный Царь Иванъ Васильевичь могъ съ удовольствіемъ читать описаніе своихъ побѣдъ, путешествій къ Троицѣ и въ другіе монастыри. Только славной Бояринъ Курбскій не утѣшилъ бы его своими записками: за то сей достойной мужъ убрался въ Польшу, чтобы оставить намъ *вѣрное*, но едва *вѣроятное* изображеніе Государя своего. — Однакожь мы обязаны вѣчною благодарностію добрымъ монахамъ за Русскія лѣтописи. Безъ ихъ труда исчезла бы и память старой Руси; они сохранили по крайней мѣрѣ нить случаевъ — и когда время Петра Великаго и строгія, взятыя Имъ мѣры противъ монаховъ отняли у нихъ не только охоту, но и самую возможность продолжать лѣтописи, Исторія наша не обогатилась лучшими собраніями матеріаловъ. Кто у насъ думалъ заготовлять ихъ для описанія временъ Екатерины I, Петра II, Анны, Елисаветы? Правда, есть Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ; но собранія трактатовъ и дипломатическихъ бумагъ не довольно для Историка. Надобно будетъ читать иностранцевъ; а какъ вѣрно описываютъ они случай и людей, мы знаемъ по ихъ извѣстіямъ о нашихъ временахъ! Надобно будетъ обратиться къ преданіямъ: но скоро исчезнетъ слѣдъ ихъ. Гдѣ старцы, которые еще недавно говаривали со слезами о Петрѣ Великомъ? Не много уже и такихъ, кото-

рые говорятъ о правленіи Анны, о нещастіи Долгорукихъ, о лютостяхъ Бирона, о весельяхъ Двора Елисаветы — и кто ихъ слушаетъ со вниманіемъ? У насъ заняты головы такими важными дѣлами!!...

Обратимся къ Тайной Канцеляріи. Желаете ли видѣть ея *первую* сцену? Подите въ село Преображенское, которое надѣляетъ Москву хорошею водою — тамъ, среди огородовъ, укажутъ вамъ развалины небольшаго каменнаго зданія: тамъ Великой Императоръ, преобразуя отечество, и на всякомъ шагу встрѣчая неблагодарныхъ, злые умыслы и заговоры, *долженъ былъ* для Своей и государственной безопасности основать сіе ужасное судилище... Такъ, Петръ Великій былъ его учредителемъ; но Исторія не дерзнетъ обвинять славнаго Монарха: жестокія обстоятельства заставили Его прибѣгнуть къ жестокому средству... Я видѣлъ глубокія ямы, гдѣ сидѣли нещастные; видѣлъ желѣзныя рѣшетки въ маленькихъ окнахъ, сквозь которыя проходилъ свѣтъ и воздухъ для сихъ государственныхъ преступниковъ. Воспоминаніе конечно горестное; но въ ту же минуту вы произносите имя Александра, и сердце ваше отдыхаетъ!

Я чувствую великія дѣла Петровы, и думаю: «щастливы предки наши, которые были ихъ свидѣтелями!» однакожь — не завидую ихъ щастію! Гораздо веселѣе жить въ то время, когда въ Преображенскомъ проливаютъ землю не кровію, а водою для произведенія овощей и салата!

Естьли бы кто нибудь въ царствованіе Александра могъ быть еще недоволенъ — (но мы для одной реторической фигуры предполагаемъ сію возможность) — то я желалъ бы въ лѣтній вечеръ сводить его въ Преображенское!

1803 г.

ЗАПИСКА

О

МОСКОВСКИХЪ ДОСТОПАМЯТНОСТЯХЪ.*

—

Писано въ 1817 году для нѣкоторой Особы, ѣхавшей въ Москву.

Мы знаемъ по несомнительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, въ 1147 году Москва уже существовала: ибо въ семъ году, Марта 28, Князь Суздальскій, Юрій или Георгій Долгорукій, роскошно угощалъ въ ней друга и союзника своего, Князя Святослава Ольговича Сѣверскаго. *Вѣроятно*, что Князь Юрій былъ ея первымъ основателемъ. Она прежде называлась *Кучковымъ:* ибо тамъ жилъ, какъ разсказываютъ, богатый Дворянинъ Степанъ Ивановичъ *Кучко*, имѣя домъ на Чистыхъ Прудахъ. Мѣсто нынѣшняго Кремля было покрыто густымъ лѣсомъ, гдѣ въ маленькой хижинѣ оби-

* Авторъ согласился напечатать здѣсь эту записку единственно для того, что она, безъ его вѣдома, была напечатана въ Украинскомъ Вѣстникѣ съ ошибками.

талъ пустынникъ *Букалъ:* тамъ стоитъ нынѣ церковь *Спаса на Бору*.

Въ 1238 году Татарскій Наполеонъ, Батый, сжегъ Москву. Сынъ Александра Невскаго, Даніилъ, былъ ея первымъ *знаменитымъ* Княземъ, а сынъ Даніиловъ, Іоаннъ Калита, первымъ *Великимъ Княземъ* (въ 1328 году). Въ то время Св. Митрополитъ Петръ, оставивъ древнюю столицу Великаго Княженія, Владиміръ, переѣхалъ въ Москву и тѣмъ способствовалъ ея возвышенію.

До самаго XVI вѣка одинъ Кремль, обнесенный каменною стѣною въ Княженіе Димитрія Донскаго (въ 1367 году), былъ *городомъ*, а прочія части Москвы назывались *Посадомъ*, *Загородьемъ*, *Зарѣчьемъ*.

Нынѣшняя *Срѣтенка* въ XIV вѣкѣ была еще внѣ Москвы и называлась *Кучковымъ Полемъ:* тамъ при Донскомъ казнили государственныхъ преступниковъ; тамъ въ 1395 году, во время нашествія Тамерланова, Духовенство и народъ Московскій встрѣтили Владимірскій образъ Богоматери; тамъ, въ память чудеснаго спасенія Москвы, Великій Князь Василій Димитріевичь соорудилъ церковь и монастырь *Срѣтенскій*. Въ Лѣтописяхъ XV вѣка упоминается объ *Арбатѣ*, *Неглинной*, *Подолѣ*, то есть, нижней части города, между Кремлемъ и Москвою-рѣкою. Въ началѣ XVI столѣтія уже были улицы *Рожественка*, *Мясницкая*, *Варварская*, *Покровская*, *Тверская*, составляя *Большой Посадъ*. Такъ называемая *Великая улица* шла берегомъ Москвы-рѣки, мимо Кремля, къ

нынѣшнему Воспитательному Дому. Въ 1535 году заложенъ *Китай-городъ*, матерью Царя Іоанна Васильевича, а *Бѣлый* въ 1586 году. При Василіи, отцѣ Іоанна Грознаго, считалось въ Москвѣ до сорока тысячь домовъ, естьли вѣрить Герберштейну; церквей же при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ около двухъ тысячь (нынѣ же ихъ менѣе трехъ сотъ).

Кремль нынѣшній есть памятникъ XV вѣка или Іоанна Васильевича I, который призвалъ въ Россію многихъ Италіянскихъ Архитекторовъ славнаго вѣка Медицисовъ. Стѣны и башни воздвигнуты сими художниками отъ 1485 до 1492 году. *Грановитая Палата* основана въ 1491 году Маркомъ Фрязиномъ и Петромъ Антоніемъ. Дворецъ старый или *теремный* заложенъ въ 1499 году Миланскимъ Архитекторомъ Алевизомъ.

Соборъ Успенскій, освященный въ 1479 году, построенъ славнымъ *Аристотелемъ*, извѣстнымъ въ Италіи подъ именемъ *Фіоравенти*. Тамъ надобно видѣть: 1) ризу Спасителеву, привезенную въ Москву при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ изъ Персіи; 2) Владимірскій образъ Богоматери, знаменитѣйшій въ Россіи, Палладіумъ Суздальскаго Великаго княженія, принесенный во XII вѣкѣ Андреемъ Боголюбскимъ изъ Вышегорода въ Владиміръ, а сыномъ Донскаго въ Москву (см. выше); 3) гробы древнихъ Московскихъ Святителей, Митрополитовъ и Патріарховъ; 4) ризницу, въ коей много и богатаго и любопытнаго.

Нынѣшніе Соборы Архангельскій и Благовѣщенскій также основаны при Великомъ Князѣ

Іоаннѣ Васильевичѣ. Въ Архангельскомъ лежатъ всѣ наши Государи, отъ Калиты до Царя Іоанна Алексіевича. Вотъ святилище Исторіи Россійской! Сіи безмолвные гробы краснорѣчивы для того, кто, смотря на нихъ, воспоминаетъ преданія Московскихъ лѣтописей отъ XIV до XVIII столѣтія. Тамъ искалъ я вдохновенія, чтобы живо изобразить Донскаго и двухъ Іоанновъ Васильевичей. Древнѣйшій гробъ заключаетъ въ себѣ прахъ Калиты, основателя Московской или нынѣшней Россійской Державы... Тутъ знаменитые Романовы: Михаилъ, Алексій, Ѳеодоръ; тутъ Св. младенецъ Димитрій, тѣнь коего въ видѣ Самозванца низвергла умнаго, во многихъ отношеніяхъ Великаго Царя Бориса Годунова, ознаменованнаго печатію тайнаго злодѣйства (онъ лежитъ уединенно въ Троицкой Обители). Тутъ же погребенъ и юный Царь Казанскій, Александръ, сынъ знаменитой нещастіемъ Сіоюнбеки.

Соборъ Благовѣщенскій достопамятенъ тѣмъ, что его Протоіереи, отъ временъ Іоанна Грознаго до нашихъ, бывали обыкновенно Духовниками Государей. Сей Соборъ вмѣстѣ съ Успенскимъ зависитъ единственно отъ Синода.

Самая древнѣйшая церковь въ Москвѣ есть Кремлевскій Соборъ Преображенія или *Спаса на Бору:* она создана Іоанномъ Калитою въ 1328 году. Тамъ мощи Св. Стефана Пермскаго, мужа добродѣтельнаго, обратившаго Пермяковъ въ Вѣру Христіанскую при Димитріи Донскомъ.

Спасъ за золотою рѣшеткою, возобновленный

ри Императрицѣ Аннѣ, основанъ въ XVII вѣкѣ. Тамъ любопытны сосуды церковные съ рѣзными надписями.

На мѣстѣ нынѣшней Кремлевской церкви *Николы Гостунскаго* * было нѣкогда Ординское подворье, гдѣ живали чиновники Хановъ, надсматривая за Великими Князьями. Супруга В. Кн. Іоанна Васильевича, Греческая Царевна Софія, не хотѣла терпѣть сихъ опасныхъ лазутчиковъ въ Кремлѣ, послала дары къ женѣ Ханской (около 1477 года) и писала къ ней, что она (Софія), имѣвъ какое-то видѣніе, желаетъ создать церковь на Ординскомъ подворьѣ, проситъ его себѣ и даетъ вмѣсто онаго другое. Царица, жена Ханова, согласилась: домъ разломали, и Татары, выѣхавъ изъ него, остались безъ пристанища; ихъ уже не впустили въ Кремль. На развалинахъ подворья выстроили деревянную церковь *Николая Льнянаго*, а при Князѣ Василіи Іоанновичѣ, каменную *Николы Гостунскаго*.

Колокольня *Иванъ Великій* есть памятникъ Царя Годунова и страшнаго голода, бывшаго тогда въ Россіи (около 1600 г.). Бѣднымъ людямъ выдавали хлѣбъ и деньги съ тѣмъ, чтобы они помогали каменщикамъ въ строеніи. Пишутъ гдѣ-то, что Архитекторомъ былъ Нѣмецъ *Іоаннъ Вильке*, и что отъ его имени названа колокольня *Иваномъ Великимъ*. Это несправедливо: сіе имя дано ей отъ церкви Св. Іоанна, находящейся подъ оною. Тамъ 33

* Она уже сломана.

колокола. Въ числѣ ихъ долженъ быть и славный Новогородскій *Вѣчевый*. Огромнѣйшій въ свѣтѣ колоколъ, вылитый при Императрицѣ Аннѣ, вѣсомъ въ 12 тысячь пудъ, лежитъ въ ямѣ. Увѣряли, что онъ висѣлъ на башнѣ, упалъ во время пожара 1735 года и расшибся: это басня. Его лили въ сей ямѣ, повредили отъ неискусства и такъ оставили.

Чудовъ Монастырь, гдѣ со временъ Елисаветы Петровны находится Каѳедра Московскихъ Архіепископовъ, основанъ Св. Алексіемъ Митрополитомъ при Димитріи Донскомъ. Сей добродѣтельный Святитель умѣлъ своимъ ходатайствомъ въ Ордѣ смирятъ Хановъ для блага утѣсненной Россіи. Тамъ мощи его. Тамъ погребены и многіе Вельможи прошедшихъ вѣковъ: *Философъ* Іеромонахъ Епифаній, именованный въ надписи мудрѣйшимъ толкователемъ Св. Писанія, и Тимоѳей Юродивый, который 28 лѣтъ юродствовалъ въ домѣ у Царицы Параскевы Ѳеодоровны, супруги Іоанна Алексіевича, отца Императрицы Анны. Тамъ лежитъ и послѣдній Царь Казанскій Симеонъ. Сей Царь былъ умный человѣкъ. Видя на Кремлевской площади знатныхъ Лифляндскихъ плѣнниковъ, онъ сказалъ имъ: «Каковы Русскіе? «Вы, Нѣмцы, учили ихъ; а они и васъ и насъ про«учили!»

Вознесенскій Дѣвичій Монастырь основанъ супругою Донскаго, Евдокіею, славною отмѣннымъ благочестіемъ. Тамъ гробница ея и почти всѣхъ Московскихъ Великихъ Княгинь, всѣхъ Царицъ

до XVIII вѣка. Достопамятнѣйшія суть: 1) сама Евдокія; 2) хитрая Гречанка Софія, супруга Іоанна Васильевича I; 3) Елена, мать Іоанна Грознаго, умная, хотя и недобродѣтельная; 4) благодушная, милостивая Анастасія, его первая супруга, и 5) мать Петра Великаго, Наталья Кириловна.

Домъ Патріаршій (нынѣ Синодальная или Крестовая Палата) построенъ Никономъ Патріархомъ въ 1655 году. Тамъ древняя Патріаршеская библіотека и ризница, достойныя особеннаго вниманія.

Изъ старыхъ зданій Кремлевскихъ упомянемъ еще о *Потѣшномъ дворцѣ* Царя Алексія Михайловича (гдѣ онъ забавлялся музыкою и театральными представленіями), о *Житномъ Дворѣ* или запасномъ; а изъ новѣйшихъ зданій отъ временъ Петра Великаго до нашихъ главныя суть: огромный Арсеналъ, дворецъ Елисаветы Петровны, Сенатъ, новая Оружейная и Мастерская Палата, куда нынѣ перенесены всѣ наши любопытныя древности, Царская утварь Мономахова, сосуды, доспѣхи, одежды древнихъ Государей и Витязей Россійскихъ: чему есть особенное подробное описаніе, изданное П. С. Валуевымъ, но сочиненное А. Ѳ. Малиновскимъ.

Въ Кремлевской Экспедиціи надобно видѣть славную модель великолѣпнаго Баженовскаго дворца, заложеннаго между Архангельскимъ Соборомъ и Москвою-рѣкою въ 1773 году, но скоро оставленнаго по неудобности мѣста. Видимъ только за-

мыслъ прекрасный, и читаемъ надписи на камняхъ, на мѣди, недостойныя даже и бумаги. Вотъ одна:

Да процвѣтетъ Москва подобьемъ райска крина:
Возобновляетъ Кремль и градъ Екатерина.

Это еще не самая худая. Планы знаменитаго Архитектора Баженова уподоблялись *Республикѣ Платоновой* или *Утопіи* Томаса Моруса: имъ можно удивляться единственно въ мысляхъ, а не на дѣлѣ.

Во многихъ мѣстахъ Кремля, въ землѣ, видны остатки кирпичныхъ сводовъ: это были погреба Князей и Бояръ, имѣвшихъ тамъ свои домы. Въ древнемъ Кремлѣ находились болѣе двадцати улицъ. Отъ дворца къ Москвѣ-рѣкѣ былъ подземельный ходъ или *Тайникъ*, на случай опасности.

Кремль есть мѣсто великихъ историческихъ воспоминаній. Здѣсь, среди развалинъ порядка гражданскаго, возникла мысль спасительнаго Единодержавія, какъ жизнь среди могилъ и тлѣнія. Здѣсь, подъ звукомъ цѣпей Ханскихъ, воспылала ревность государственной независимости, изготовились средства побѣды и свободы. Здѣсь Донскій развернулъ черное знамя Великокняжеское, чтобы итти на Мамая. Здѣсь Іоаннъ Васильевичь растопталъ Басму, или образъ Хана. Здѣсь началось, утвердилось Самодержавіе, не для особенной пользы Самодержцевъ, но для блага народнаго. Отсюда священныя тѣни добродѣтельныхъ предковъ

изгнали Іоанна Грознаго, когда онъ измѣнилъ добродѣтели. Кремль былъ душенъ для тирана!... Въ Спасскія ворота въѣхалъ на конѣ Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ Св. крестъ, а въ другой мечь обнаженный, чтобы свергнуть Лжедимитрія. Показываютъ мѣсто, гдѣ лежалъ Самозванецъ, выскочивъ изъ окна заднихъ переходовъ дворца. На паперти храма Успенскаго нововѣнчанный, юный Царь Михаилъ лилъ горькія слезы, когда Россіяне лобызали ноги его, также со слезами, но радостными.

Сія священная ограда бывала и ѳеатромъ ужасовъ: тутъ кипѣли волны бунтовъ Стрѣлецкихъ; тутъ издыхалъ на копьяхъ знаменитый Матвѣевъ! Мысленно видимъ улыбку торжествующей Софіи; видимъ десятилѣтняго Петра, уже Монарха взоромъ и гласомъ повелительнымъ. Сей великій Государь, прославивъ Россію, отнялъ у Кремля славу быть всегдашнимъ жилищемъ Царей: но здѣсь пріемлютъ они вѣнецъ отъ Бога и Отечества; здѣсь, какъ въ средоточіи Россіи, отъ времени до времени являются передъ нами въ важныя, рѣшительныя эпохи своего Царствованія!.... Такъ мы видѣли здѣсь Александра въ роковой, незабвенный годъ (1812), когда надлежало искусить великодушіе и твердость Россіянъ! Здѣсь померкла *блуждающая звѣзда* Наполеонова... Вотъ славнѣйшее изъ всѣхъ воспоминаній Кремлевскихъ для вѣковъ грядущихъ!

Осмотрѣвъ достопамятности Кремля, иноземные путешественники всегда съ живѣйшимъ лю-

бопытствомъ, съ искреннѣйшимъ удивленіемъ осматриваютъ Сиротскій Домъ, Институты, больницы. Говорить о сихъ прекрасныхъ, великолѣпныхъ заведеніяхъ человѣколюбія есть славить Августѣйшую ихъ Покровительницу, равно добродѣтельную и скромную....

Говоря о Москвѣ, забудетъ ли Исторіографъ то мѣсто, гдѣ собраны всѣ наши Государственныя Хартіи пяти вѣковъ, отъ XIII до XVIII? *Архивъ Коллегіи* Иностранныхъ Дѣлъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ въ Европѣ. Его начальники, отъ незабвеннаго Миллера до А. Ѳ. Малиновскаго, съ величайшею ревностію, съ неописаннымъ трудомъ привели всѣ бумаги въ наилучшій порядокъ, коему удивлялся Императоръ Іосифъ, сказавъ: «Я прислалъ бы сюда нашихъ Вѣнскихъ Архивистовъ.» Тамъ любопытные читаютъ древнѣйшія грамоты Новогородскія и Московскія, Хартію Максимиліанову, въ которой уже отецъ Іоанна Грознаго названъ *Императоромъ*, письма славной Англійской Королевы Елисаветы и проч. Тамъ же можно видѣть и портреты нашихъ первыхъ Царей.

Обратимся къ зданіямъ. Въ Китаѣ-городѣ (то есть, *среднемъ*, по смыслу сего имени на языкѣ Татарскомъ) представляется глазамъ нашимъ богатѣйшій, огромнѣйшій *Гостинный дворъ* въ Россіи. Онъ стоитъ на семъ мѣстѣ уже пятый вѣкъ. Древнѣйшіе иноземные путешественники удивлялись тамъ богатству и дешевизнѣ Азіатскихъ товаровъ. Старыя имена нѣкоторыхъ рядовъ нынѣ уже непонятны, на прим: *Суровскаго*, *Москатиль-*

наго; первый названъ такъ отъ города *Сурожа*, или Судака, откуда шли въ Москву шелковыя ткани.

Близъ Спасскихъ воротъ замѣтимъ Готическую церковь *Василія Блаженнаго*. Она воздвигнута Іоанномъ Грознымъ въ память завоеванія Казанскаго Царства. Пишутъ, что Іоаннъ велѣлъ ослѣпить ея строителя, Италіянскаго художника, сказавъ: «хочу, чтобы эта церковь осталась единственнымъ славнымъ памятникомъ его искусства.» Къ щастію, это ложь. Тогда сей Царь назывался еще *Любимымъ*, а не *Грознымъ*.

Другая новѣйшая Готическая церковь *Успенія*, если не ошибаюсь, въ Бѣломъ городѣ, на Покробкѣ, также достойна замѣчанія: нашъ славный Зодчій Баженовъ хвалилъ соразмѣрность и красоту ея. Она построена на иждивеніе гостя *Сверчкова* въ концѣ XVIII вѣка. Въ надписи сказано: «се дѣло рукъ человѣческихъ!»

На Лубянкѣ у Никольскихъ воротъ церковь *Гребенскія Богоматери* основана Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ въ XV вѣкѣ, когда онъ шелъ усмирить Новгородъ.

Древнѣйшіе монастыри суть: 1) Богоявленскій (въ немъ не нашелъ я ничего достопамятнаго, кромѣ гробницъ Боярскихъ); 2) Петровскій (гдѣ погребены братья Царицы Наталіи Кирилловны, убитые мятежными Стрѣльцами); 3) Симоновъ, (близъ коего, на *Старомъ Симоновѣ*, находится древняя церковь Рождества, гдѣ лежитъ прахъ двухъ сподвижниковъ Донскаго, Иноковъ Пере-

свѣта и Осляби, убитыхъ въ Куликовскомъ сраженіи); 4) Новоспасскій (гдѣ схоронена мать Царя Михаила Ѳеодоровича, Марѳа Іоанновна, четыре его брата и дочь, Царевна Ирина); 5) *Андроніевъ*, основанный Св. Алексіемъ Митрополитомъ, по обѣту, данному имъ на морѣ въ часъ ужасной бури; 6) Даниловъ, гдѣ мощи Св. Даніила, перваго Кн. Московскаго; 7) Новодѣвичій, созданный Василіемъ, отцемъ Іоанна Грознаго, въ память завоеванія Смоленска (тамъ лежитъ: Анна, дочь Грознаго, три дочери Царя Алексія, Евдокія, Екатерина и Софія, столь знаменитая честолюбіемъ и нещастіемъ, умершая схимницею въ слезахъ, но безъ раскаянія, и Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, бабка Петра II, въ санѣ Царицы лишенная чести супругомъ Петромъ Великимъ, и въ монашествѣ честимая какъ Царица юнымъ внукомъ своимъ); 8) Донскій, памятникъ Царя Ѳедора Іоанновича и побѣды одержанной надъ Крымцами (имя сей Обители происходитъ отъ Донскаго образа Богоматери, бывшаго съ Димитріемъ Іоанновичемъ въ Куликовской битвѣ). Не многіе изъ тѣхъ, которые провели большую часть жизни въ Москвѣ, смотрятъ равнодушно на Донской Монастырь: почти всѣ приближаются къ нему съ умиленіемъ и слезами: ибо тамъ главное кладбище Дворянства и богатаго купечества. Жить долго есть терять милыхъ. Такъ нѣкоторыя Эпитафіи младенцевъ сочинены мною.... Но гробы дѣтей моихъ не имѣютъ Эпитафій.

Монастыри *Заиконоспасскій* и *Греческій*, на Ни-

кольской улицѣ, основаны во время Царя Алексія: первый Бояриномъ Кн. Ѳеодоромъ Ѳед. Волконскимъ. Главная церковь Греческаго монастыря построена бывшимъ Господаремъ Молдавскимъ Дмитріемъ Кантемиромъ. Заиконоспасское Училище, названное послѣ Академіею, заведено при Царѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ. Первые учители были Греки. Сей достойный братъ Великаго Петра любилъ Просвѣщеніе: имъ построенъ и Печатный Дворъ (на Никольской улицѣ). Типографія же существовала въ Москвѣ еще со временъ Іоанна Грознаго. Первая напечатанная въ ней книга была *Апостолъ*: его можно видѣть въ Библіотекѣ Типографской на семъ дворѣ, равно какъ и многія другія, нынѣ уже рѣдкія книги. Подобіе Англійскаго герба, изображенное тамъ на воротахъ, заставило нѣкоторыхъ думать, что сей домъ былъ Англійскимъ подворьемъ.

Къ описанію Московскихъ достопамятностей, прибавимъ слѣдующее:

На Варварской улицѣ, гдѣ нынѣ Знаменскій мужескій Монастырь, былъ домъ знаменитой Фамиліи Романовыхъ.

Въ Китаѣ-городѣ, на старой Троицкой площади, гдѣ нынѣ Церковь *Троицы* на *Поляхъ*, было мѣсто нашихъ древнихъ *судебныхъ поединковъ*.

За Москвою рѣкою, гдѣ нынѣ Церковь *Спасъ* на *Болвановкѣ*, Великіе Князья Московскіе обыкновенно встрѣчали Пословъ Ханскихъ, которые прі-

ѣзжали съ *Басмою* (или съ рѣзнымъ изображеніемъ Хана).

Между Покровкою и Мясницкою, не далеко отъ Менщиковой башни, былъ домъ Боярина Матвѣева и церковь, гдѣ Царь Алексій увидѣлъ въ первый разъ дѣвицу Наталію Нарышкину, воспитанную у сего Боярина.

Высокую башню Московскую, называемую *Сухаревою*, строилъ въ 1695 году вѣрный Стрѣлецкій Полковникъ Сухаревъ. Тамъ, около 1700 года, было заведено первое Математическое училище, которое перенесено въ С. Петербургъ и названо Морскимъ Кадетскимъ Корпусомъ.

Иностранцы со временъ Великаго Князя Іоанна начали селиться въ Москвѣ; жили прежде за Москвою-рѣкою и на берегу Яузы, а послѣ въ разныхъ частяхъ города. Царь Алексій снова переселилъ ихъ на берегъ Яузы въ нынѣшнюю Нѣмецкую Слободу. Старое кладбище иноземцевъ было въ Марьиной рощѣ: тамъ, какъ вѣроятно, лежитъ славный путешественникъ Тавернье, умершій въ Москвѣ, другъ Петра Великаго, Лефоръ, погребенъ въ Московской Протестантской церкви; но мы къ сожалѣнію, не знаемъ его гроба.

Въ селѣ Преображенскомъ, которое даетъ Москвѣ лучшую воду, среди огородовъ нашелъ я то мѣсто, гдѣ гнѣздилась первая Тайная Канцелярія со всѣми своими ужасами. Воспоминаніе нещастное царствованія Петрова! Какія времена! и въ сравненіи съ нашими! Да онѣмѣетъ языкъ, который не похвалитъ образованія!

Мы говорили о монастыряхъ: прибавимъ, что они большею частію стоятъ на прекрасныхъ мѣстахъ: Андроніевъ, Новоспасскій, Симоновъ, гдѣ я провелъ столько пріятныхъ лѣтнихъ вечеровъ, смотря на заходящее солнце съ высокаго берега Москвы-рѣки.

Въ самомъ городѣ безъ сомнѣнія лучшій видъ изъ Кремля, съ колокольни Ивана Великаго; но есть и другіе виды прелестные: на примѣръ, съ бывшаго мѣста Кн. Безбородка, въ Яузской Части.

Но ничто не можетъ сравняться съ Воробьевыми горами: тамъ извѣстная Г-жа Лебрюнь неподвижно стояла два часа, смотря на Москву, въ безмолвиомъ восхищеніи. Дѣдъ, отецъ Іоанна Грознаго, живали на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ былъ сельскій дворецъ и Екатерины II. Березовую рощу на сихъ горахъ садилъ Петръ Великій.

Вообще Москва хвалится своими пріятными окрестностями: означимъ еще нѣкоторыя изъ ближнихъ и дальнихъ:

1) *Поклонная гора*, на Тульской дорогѣ. Вся Москва передъ глазами. Тутъ извощики снимаютъ шапки, и кланяются ея золотымъ куполамъ.

2) *Васильевское*, нынѣ Князя Н. Б. Юсупова, а прежде Долгорукаго-Крымскаго: тамъ сей заслуженный воинъ и достойный Градоначальникъ угощалъ Москвитянъ. Домъ не великолѣпенъ, но мѣсто живописное.

3) Прекрасными видами *Кунцово*, въ шести верстахъ отъ Москвы, подаренное Царемъ Алексіемъ тестю своему, Нарышкину.

4) *Коломенское*, любимое мѣсто Царей Романовыхъ. Оно славно плодовитыми садами. Тамъ былъ каменный Дворецъ Алексія Михайловича. Многіе думаютъ, что Петръ Великій родился въ Коломенскомъ: нѣтъ, въ Кремлѣ.

5) Противъ Коломенскаго за Москвою-рѣкою *Перерва*, гдѣ нынѣ бывшая Заиконоспасская Академія, и Самарова гора (гдѣ авторъ живалъ весною, лѣтомъ въ своей молодости, когда онъ еще занимался мечтами воображенія).

6) *Царицыно*, купленное Екатериною въ 1775 году у Кн. Кантемира, съ нѣкотораго времени любимое гульбище Московскихъ богатыхъ купцовъ. Сады, звѣринецъ (паркъ), деревья, растѣнія прекрасны. Дворецъ похожъ на темницу. Екатерина любила Готическую Архитектуру: велѣла сломать Баженовскій дворецъ и построить этотъ новый, который еще хуже сломаннаго. Не легко найти мѣсто пріятнѣйшее для сельскаго жилища Царей.

7) *Архангельское*, прежде Князей Голицыныхъ, нынѣ Князя Н. Б. Юсупова, прекрасно не только мѣстоположеніемъ, но и садами; домъ также хорошъ. Тамъ хранилось знатное собраніе историческихъ древнихъ рукописей умнаго Кн. Димитрія Михайловича Голицына. Сей-то Князь, въ минуту, когда Императрица Анна при радостныхъ восклицаніяхъ Двора перервала надвое договоръ, заклю-

ченный ею съ Государственнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, сказалъ зрителямъ: «Господа! пиръ былъ «изготовленъ, гости позваны; никто не явился; «простите!» Искусный Генералъ-Фельдмаршалъ Кн. Михайло Михайловичъ Голицынъ жилъ и дѣйствовалъ его умомъ.

8) *Горенки*, Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, извѣстны ботаническимъ садомъ, гдѣ много рѣдкаго.

9) *Петровское*, (въ 7 верстахъ отъ города) Графа Льва Кирилловича Разумовскаго: мѣсто не высокое, но садъ едва ли не лучшій въ окрестностяхъ Москвы.

10) *Останьково* нравилось Графу Шереметеву развѣ близостію къ городу. Положеніе совсѣмъ не красиво. Домъ великъ; въ украшеніяхъ замѣтенъ мелочный вкусъ. Въ саду есть хорошія деревья; всего лучше древніе кедры, привезенные Кн. Михайломъ Яковлевичемъ Черкаскимъ изъ Сибири, гдѣ онъ былъ Губернаторомъ. Останьково принадлежало ему.

11) *Кусково*, нѣкогда славное. Тамъ отдыхалъ на лаврахъ Герой Шереметевъ, сподвижникъ Петра Великаго (тамъ въ числѣ трофеевъ Оружейной Камеры, я видѣлъ сѣдло Карла XII); тамъ Графъ Петръ Борисовичь угощалъ Екатерину и Графа Фалькенштейна; тамъ всякое Воскресеніе, отъ Маія до Сентября, съѣзжалось лучшее Московское Дворянство веселиться въ сельскомъ домѣ Русскаго Боярина.

12) *Свирлово*, (въ 7 верст. отъ Москвы), Н. П.

Высоцкаго, пріятно разнообразіемъ своихъ прогулокъ. Съ нѣкотораго времени живутъ тамъ многіе изъ Дворянъ и богатыхъ купцовъ въ наемныхъ сельскихъ домикахъ.

13) *Дубровицы*, нынѣ Графа Мамонова, верстахъ въ 30 отъ Москвы, славится мѣстоположеніемъ (на сліяніи двухъ рѣкъ, Дѣсны и Похры) и церковью, сдѣланною изъ бѣлаго камня. Петръ Великій часто ѣздилъ смотрѣтъ ея строеніе. На дорогѣ къ Дубровицамъ показываютъ мѣсто, гдѣ онъ всегда останавливался пить чай подъ тѣнію высокихъ липъ.

14) Въ *Алексѣевскомъ* (въ 5 верст. отъ города, на Троицкой дорогѣ) еще недавно стоялъ ветхій дворецъ и баня Царя Алексѣя Михайловича. Недалеко оттуда прекрасный Мытищенскій водоводъ.

15) Въ селѣ *Тайнинскомъ*, (верстахъ въ 20 отъ Москвы) Великіе Князья и Цари часто забавлялись охотою. Тамъ былъ дворецъ Елисаветы Петровны. Нынѣ въ саду полынь и крапива, а въ прудахъ тина.

Вы безъ сомнѣнія будете въ Троицкой Лаврѣ: я описалъ главныя достопамятности сего важнаго Историческаго мѣста.

Монастырь Воскресенскій, или Новый Іерусалимъ, (въ 40 верст. отъ Москвы) также достоинъ вашего вниманія. Огромная церковь сего монастыря, совершенное подобіе Іерусалимской, заложена при Царѣ Алексіи Михайловичѣ Патріархомъ

Никономъ, а достроена въ малолѣтство Петра Великаго. Не одни Русскіе, но и многіе любопытные чужеземцы ей удивлялись (на прим. Іосифъ II). Тамъ погребено тѣло знаменитаго Никона; тамъ его пустынная келья, вериги и проч. Онъ безъ сомнѣнія не лицемѣрилъ въ дѣйствіяхъ своей отмѣнной набожности, но тѣмъ не менѣе былъ честолюбивъ. Не далеко отъ Новаго Іерусалима на голову разбили мятежныхъ Стрѣльцевъ, когда Петръ Великій находился въ чужихъ краяхъ.

Мѣсто Воскресенской Обители прекрасно: еще лучше мѣсто *Саввинской*, верстахъ въ 20 оттуда, близъ Звенигорода, на Москвѣ рѣкѣ. Основанный еще въ XIV вѣкѣ на горѣ, гдѣ обыкновенно стояла воинская *стража* тамошняго Удѣльнаго Князя, сей Монастырь названъ *Сторожевскимъ*. Цари Романовы отмѣнно любили его. Алексій Михайловичь живалъ въ немъ дней по десяти, и самъ входилъ во всѣ экономическія дѣла онаго. Тамъ хранятся письма, а въ ризницѣ одежда сего Царя. На большомъ Саввинскомъ колоколѣ вырѣзана непонятная надпись. Вѣроятно, что это не буквы, а шифры разныхъ азбукъ. Нигдѣ въ Московской губерніи не видалъ я такого богатства растѣній, какъ вокругъ Саввина. Цвѣты, травы, деревья исполнены какой-то особенной силы и свѣжести. Липы, дубы прекрасны. Дорога оттуда къ Москвѣ есть самая пріятная для глазъ, гориста; но какіе виды!

Я писалъ на память; могъ иное забыть, но не забылъ главнаго.

Въ заключеніе скажемъ, что Москва будетъ всегда истинною столицею Россіи. Тамъ средоточіе Царства, всѣхъ движеній торговли, промышлености, ума гражданскаго. Красивый, великолѣпный Петербургъ дѣйствуетъ на Государство, въ смыслѣ Просвѣщенія, слабѣе Москвы, куда отцы везутъ дѣтей для воспитанія, и люди свободные ѣдутъ наслаждаться пріятностями общежитія. Москва непосредственно даетъ Губерніямъ и товары и моды и образъ мыслей. Ея полу-Азіятская физіогномія, смѣсь пышности съ неопрятностію, огромнаго съ мелкимъ, древняго съ новымъ, образованія съ грубостію, представляетъ глазамъ наблюдателя нечто любопытное, особенное, характерное. Кто былъ въ Москвѣ, знаетъ Россію.

Со временъ Екатерины Великой Москва прослыла *Республикою*. Тамъ безъ сомнѣнія болѣе свободы, но не въ мысляхъ, а въ жизни; болѣе разговоровъ, толковъ о дѣлахъ общественныхъ, нежели здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ умы развлекаются Дворомъ, обязанностями службы, исканіемъ, личностями. Тамъ болѣе людей, которые живутъ для *удовольствія:* слѣдственно не рѣдко скучаютъ и рады всякому случаю поговорить съ живостію, но весьма невинною. Здѣсь сцена, тамъ зрители; здѣсь дѣйствуютъ, тамъ судятъ, не всегда справедливо, но всегда съ любовію къ справедливости. Гласъ народа, гласъ Божій: а въ Москвѣ болѣе народа, нежели въ Петербургѣ.

Во время Екатерины доживали тамъ вѣкъ свой многіе люди, знаменитые родомъ и чиномъ, ува-

жаемые Дворомъ и Публикою. Въ домахъ ихъ собиралось лучшее Дворянство: слушали хозяина и пересказывали другъ другу слова его. Сіи почтенные старцы управляли образомъ мыслей. Нынѣ уже мало такихъ домовъ. Надобно ѣхать въ Англійскій клобъ, чтобы узнать общее мнѣніе; можно знать его и дома, послушавъ нѣсколько разъ, какъ судятъ Москвичи. У нихъ есть какія-то неизмѣнныя правила, но всѣ въ пользу Самодержавія: Якобинца выгнали бы изъ Англійскаго Клоба! Сіи правила вообще благородны. Въ Москвѣ съ жаромъ хвалятъ заслуги Государственныя, помнятъ старое добро, и донынѣ славятъ бывшихъ ея знаменитыхъ Градоначальниковъ: Долгорукова-Крымскаго, Графа З. Г. Чернышева, Еропкина, и пр.; однимъ словомъ: Москва заслуживаетъ имя *доброй*.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВОКРУГЪ МОСКВЫ.

—

Письмо первое изъ Коломны отъ 14-го Сентября.

Я обѣщалъ вамъ, любезный другъ, объѣздить Московскія окрестности и сказать нѣсколько словъ о томъ, что увижу. Исполняю свое обѣщаніе; но время, мною избранное, не благопріятствуетъ живописи предметовъ. Осенью хорошо сидѣть у камина, а не скитаться; хорошо думать, а не смотрѣть. Не даромъ Русскіе бранятся Сентябремъ мѣсяцемъ! Унылый видъ природы располагаетъ только къ меланхолическимъ *Іеремiадамъ*, для которыхъ нѣтъ нужды дышать туманами и прятаться въ коляскѣ отъ дождя: плакать стихами и прозою всего лучше въ кабинетѣ. Бѣдные люди мои конечно не понимаютъ, какъ можно по грязи ѣздить для удовольствія и въ Коломнѣ искать любопытнаго! *Наблюденія* вашего путешественника не очень важны: что дѣлать? Москва не Римъ.

Я выѣхалъ изъ своей деревни не рано, и первымъ моимъ ночлегомъ было Кусково, нѣкогда столь извѣстное Московскимъ жителямъ, а нынѣ

оставленное и забытое. Оно можетъ упрекать ихъ неблагодарностію! Бывало, всякое Воскресенье, отъ Мая до Августа, дорога Кусковская представляла улицу многолюднаго города, и карета обскакивала карету. Въ садахъ гремѣла музыка, въ аллеяхъ тѣснились люди, и Венеціанская гондола съ разноцвѣтными флагами разъѣзжала по тихимъ водамъ большаго озера (такъ можно назвать обширный Кусковскій прудъ). Спектакль для благородныхъ, разныя забавы для народа и потѣшные огни для всѣхъ составляли еженедѣльный праздникъ Москвы. Роскошь можетъ быть нѣкоторымъ образомъ почтенною, когда имѣетъ своею цѣлію общественныя удовольствія.—Въ Кусковѣ два раза была угощаема Великая Екатерина. Знаменитый путешественникъ, Графъ Фалькенштеинъ, * удивлялся тамъ сельскому великолѣпію Русскаго Боярина. Наконецъ къ чести и славѣ сего помѣстья должно вспомнить, что въ немъ отдыхалъ на лаврахъ Герой Шереметевъ, когда отечество и Петръ Великій не имѣли враговъ. Памятъ и слѣды такихъ людей украшаютъ мѣста лучше всѣхъ зданій великолѣпныхъ. Не только фамилія, но и Россія можетъ справедливо гордиться Графомъ Борисомъ Петровичемъ и тѣмъ добродѣтельнымъ Шереметевымъ, котораго мучилъ Царь Иванъ Васильевичь, желая узнать, гдѣ скрыты его мнимыя сокровища, и который отвѣтствовалъ ему съ велико-

* Императоръ Іосифъ.

душною кротостію: *Государь! я отправилъ ихъ на тотъ свѣтъ съ бѣдными!* *

Теперь Кусково можетъ завидовать Останкину, которое въ самомъ дѣлѣ лучше мѣстоположеніемъ; первое есть старинное помѣстье Шереметевыхъ, а второе досталось имъ отъ Черкаскихъ. Славные Останкинскіе кедры присланы изъ Сибири Княземъ Михайломъ Яковлевичемъ Черкаскимъ; онъ былъ въ Тобольскѣ Губернаторомъ.—Вообще можно сказать, что наши старинные Бояре для сельскихъ жилищъ своихъ не искали живописныхъ мѣстъ, которыхъ довольно въ окрестностяхъ Москвы. Одинъ Кирилла Полуектовичь Нарышкинъ умѣлъ выбрать несравненное Кунцово на высокомъ берегу Москвы рѣки, гдѣ представляется взору самый величественный амфитеатръ. У насъ и нынѣ обыкновенно думаютъ, что въ деревняхъ надобно садить аллеи, рыть пруды, строитъ бесѣдки; у всякаго свой вкусъ—но я люблю тѣ мѣста, которыя для своей пріятности не требуютъ никакихъ искусственныхъ украшеній. Люди не богатые, лѣнивые, а можетъ быть и нѣкоторые люди *со вкусомъ* пристанутъ къ моему мнѣнію. Чего стоилъ Кусковскій прудъ? Хорошо взглянуть на него; но здорово ли жить на берегу страшной, водяной *массы*, почти неподвижной? Рѣка чиститъ воздухъ: большой прудъ наполняетъ его только вредною сыро-

* Курбскій называетъ его *мудрымъ Царскимъ Совѣтникомъ*.

стію. — Кусковскіе сады, гдѣ глаза мои видали нѣкогда столько людей, представили мнѣ довольно печальныхъ мыслей! Тамъ, въ главной аллѣе, выставлялись прежде всѣ померанцовыя деревья изъ оранжерей: она казалась уголкомъ Гишпаніи. Теперь все уныло и пусто.

На другой день въ 10 часовъ я остановился въ деревнѣ Люберцахъ, * которая принадлежала славному Князю Менщикову, а теперь государева. Менщиковъ назвалъ ее *новымъ Преображенскимъ*, именемъ мѣста любезнаго великому его Императору и другу. Петръ III, будучи Великимъ Княземъ, желалъ имѣть въ Люберцахъ сельской домъ; но его не успѣли достроить, и заготовленные матеріалы, отвезенные въ Москву, послужили для строенія Воспитательнаго Дому. Я, какъ Русской и дворянинъ, желалъ видѣть мѣсто, которое нравилось Петру III: Онъ подписалъ два указа, славные и безсмертные!.... Я съ удовольствіемъ вошелъ и въ садъ, гдѣ гулялъ нѣкогда Менщиковъ, храбрый, искусный Генералъ и *великой человѣкъ въ нещастіи.* Никакихъ слѣдовъ его не осталось въ сей деревнѣ. Мѣстоположеніе красиво, и большой садъ, раздѣляющій селеніе на двѣ половины, находится подъ вѣдѣніемъ Коломенскаго Управителя.

Отъѣхавъ верстъ 25, увидѣлъ я на правой сторонѣ Москву-рѣку и нѣсколько деревень, которыя съ господскими домами и садами образуютъ пре-

* Въ 16 верстахъ отъ Москвы.

красный ландшафтъ. Къ щастью—какъ бы нарочно для моего удовольствія — въ самую ту минуту проглянуло солнце... Естьли исключить Владимірскую лѣсную и скучную дорогу, то можно сказать, что наша древняя столица окружена со всѣхъ сторонъ пріятными мѣстами. — Въ селѣ Марковѣ я останавливался искать на берегу Москвы-рѣки окаменѣлостей, которыми оно славится. Мнѣ удалось найти пять или шесть камней довольно замѣчательныхъ цвѣтомъ и видомъ; одинъ съ удивительнымъ совершенствомъ представляетъ кусокъ ржанаго хлѣба.

Почти всѣ деревни, чрезъ которыя ѣхалъ я отъ Кускова до Коломны, принадлежатъ Графу Шереметеву. Извѣстный въ Исторіи Бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ, одинъ изъ первыхъ богачей въ Россіи, хотя имѣлъ дѣтей, но отказалъ Московскія и Коломенскія помѣстья свои Фельдмаршалу Борису Петровичу, тогда еще молодому человѣку. Сей Бояринъ отъ измѣны Казаковъ попался въ плѣнъ Крымскимъ Татарамъ въ 1660 году, и 20 лѣтъ страдалъ въ тяжкой неволѣ. Освобожденный миромъ, заключеннымъ Россіею съ Ханомъ, онъ жилъ и погребенъ въ селѣ Чиркинѣ — гдѣ я ночевалъ за дурною погодою, и на другой день къ обѣду пріѣхалъ въ Коломну.

Желаете ли знать, когда и кѣмъ построенъ сей городъ? никто вамъ того не скажетъ. Лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ объ немъ въ концѣ XII вѣка; онъ, можетъ быть, древнѣе — и гораздо древнѣе Москвы. Вообще имя Коломны встрѣчается въ Исторіи по двумъ случаямъ: или Татары

жгутъ ее, или въ ней собирается Русское войско итти противъ Татаръ — что бывало всегда на большой равнинѣ, гдѣ течетъ рѣка Сѣверка: мѣсто достойное примѣчанія для всѣхъ любителей Исторіи! Тутъ Князь Димитрій Донской осматривалъ легіоны свои, побѣдившіе Мамая. Здѣсь же онъ примирился торжественно съ Рязанскимъ Княземъ Олегомъ (человѣкомъ сварливымъ и безпокойнымъ), къ неудовольствію Бояръ его, которые желали, чтобы Димитрій наказалъ Олега. Преподобный Сергій былъ ихъ миротворцемъ. — Что касается до имени города, то его *для забавы* можно произвести отъ славной Италіянской фамиліи Colonna. Извѣстно, что Папа Вонифатій VIII гналъ всѣхъ знаменитыхъ людей сей фамиліи, и что многіе изъ нихъ искали убѣжища не только въ другихъ земляхъ, но и въ другихъ частяхъ свѣта. Нѣкоторые могли уйти въ Россію, выпросить у нашихъ Великихъ Князей землю, построить городъ и назвать его своимъ именемъ!! Писатели, которые утверждаютъ, что Рюрикъ происходитъ отъ Кесаря Августа, и что осада Трои принадлежитъ къ Славянской Исторіи, безъ сомнѣнія не найдутъ лучшихъ доказательствъ! — Если мы не знаемъ, кто основалъ Коломну, то знаемъ по крайней мѣрѣ, что Великій Князь Василій Ивановичь окружилъ ее каменною стѣною съ башнями. Улицы и строеніе здѣсь не красивы; но за то промышленость людей достойна вниманія и похвалы. Давно извѣстны Коломенскія фабрики, кумашныя, полотняныя, шелковыя, которыя съ нѣкотораго времени раз-

множились и въ другихъ мѣстахъ кругомъ Москвы. Въ самыхъ маленькихъ деревенькахъ женщины въ избахъ своихъ вьютъ шелкъ, а мужья ткутъ платки, и проч. Мудрено ли, что многіе крестьяне начинаютъ жить господами, опрятно, со вкусомъ и даже роскошно? Иностранные путешественники могли бы удивиться ихъ избытку; но иностранцы смотрятъ въ Москвѣ большую пушку, разбитой колоколъ, и не ѣздятъ по окрестнымъ деревнямъ. Надобно только замѣтить, что богатѣйшіе изъ Подмосковныхъ крестьянъ Раскольники: они не пьянствуютъ! — Всего извѣстнѣе въ Россіи Коломенскіе сальные заводы: ихъ болѣе тридцати! Сало, отправляемое за море, идетъ по большой части отсюда. Жители торгуютъ рогатымъ скотомъ, закупаютъ его на Дону, въ Малороссіи, солятъ мясо и продаютъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ: не удивительно, что имя мясника здѣсь почтеннѣе, нежели гдѣ нибудь! Коломна славится еще яблоками, вишнями и другими плодами; мы ѣдимъ ихъ въ Москвѣ. Не только въ городѣ, но и въ окрестныхъ деревняхъ я видѣлъ очень хорошіе сады.

Въ пяти верстахъ отъ Коломны впадаетъ Москва-рѣка въ Оку, среди глубокихъ песковъ. Тутъ построенъ монастырь, который возбудилъ мое любопытство своимъ именемъ: онъ называется *Голутвинымъ*. Разсказываютъ по старому монашескому преданію, что на семъ мѣстѣ жили нѣкогда разбойники, которыхъ называли *голытьбою* или голыми людьми, и что ихъ имя въ теченіе времени

досталось монастырю въ наслѣдство. Воры не боялись въ старину близости городовъ, въ самыхъ окрестностяхъ Москвы имѣли станы и были не рѣдко ужаснѣе самыхъ чужеземныхъ непріятелей. Есть ли мѣсто въ Россіи, гдѣ бы преданіе не сохранило памяти ихъ злодѣйствъ? Всѣ старинныя сказки и пѣсни доказываютъ, что они царствовали во время ига Татарскаго.

Въ Голутвинѣ монастырѣ три церкви и кельи всѣ каменныя. Сказываютъ, что онъ построенъ Сергіемъ Чудотворцемъ (слѣдственно въ XIV вѣкѣ). Тамъ хранится посохъ его. Прежде сей монастырь былъ очень богатъ.

Въ 25 верстахъ отъ Коломны находится село Дѣдлово, весьма достойное любопытства. Я давно желалъ видѣть его. Тутъ въ царствованіе Михаила Өедоровича строился фрегатъ для Голштинскаго Посла, отправленнаго Герцогомъ чрезъ Россію къ Персидскому Шаху. Олеарій описалъ сіе путешествіе. Голштинцы изъ Дѣдлова поѣхали Окою и Волгою въ Астрахань. Корабль или фрегатъ Царя Алексѣя Михайловича, названный *Орломъ* и сожженный Стенькою Разинымъ въ Астрахани, строенъ тамъ же, равно какъ и ботикъ Петра Великаго, *дѣдъ Русскаго флота*, прославленный Ломоносовымъ въ стихахъ и въ прозѣ, и торжествено встрѣченный большими *внуками* его, военными кораблями въ Петербургѣ.* И нынѣ строятъ въ Дѣд-

* Въ 1723 году.

ловѣ барки или струга, на которыхъ возятъ хлѣбъ изъ Орла въ Москву, и которыя ходятъ Волгою до Астрахани. Самъ Петръ Великій сдѣлалъ для нихъ модель, которую еще показываютъ тамъ любопытнымъ, по которой уже давно не слѣдуютъ. Я смотрѣлъ съ душевнымъ удовольствіемъ на сей памятникъ Великаго Императора.

Деревня Клинъ, которая была въ старину наслѣдственнымъ помѣстьемъ фамиліи Романовыхъ, принадлежитъ къ Дѣдлову. Оно разселено вдоль низкаго берега Оки на великомъ пространствѣ, и въ весенніе мѣсяцы заливается водою недѣль на шесть, такъ, что жители другъ ко другу ѣздятъ въ лодкахъ. Въ немъ около 3000 душъ и три каменныя церкви. Крестьяне совсѣмъ почти не имѣютъ земли, но богаты отъ промысловъ и строенія судовъ. Екатерина Великая пожаловала это славное въ цѣлой Россіи село Господину Измайлову.

Странствія мои, любезный другъ, не кончились; но дурное время заставляетъ меня отстрочить ихъ до весны. Тогда надѣюсь еще написать къ вамъ нѣсколько писемъ, разумѣется *историческихъ* и самыхъ простыхъ. Иногда, особливо въ ясный день, позволю себѣ быть и маляромъ, естьли не живописцемъ; иногда разскажу вамъ и какой нибудь анекдотъ, только не выдуманной. Вокругъ Москвы живутъ люди, и много добрыхъ. Хотя вы принадлежите къ сектѣ Дюкре Жанлисъ, которая не любитъ чувствительныхъ путешественниковъ *проѣхавшихъ милю, чтобы написать томъ*; однакожь я имѣю злой

умыселъ искусить ваше терпѣніе и при первомъ случаѣ разсказать вамъ самую жалкую повѣсть! На сей разъ будьте покойны: возвращаюсь къ камину своей Подмосковной.

1803 г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

ВОСПОМИНАНІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ

НА ПУТИ КЪ ТРОИЦѢ.

Троицкой монастырь святъ не только для сердецъ набожныхъ, но и для ревностныхъ любителей отечественной славы; не только Россіяне, но и самые просвѣщенные иностранцы, знающіе нашу Исторію, любопытствуютъ видѣть мѣста великихъ происшествій.

Возобновивъ въ памяти своей дѣла нашей древности, въ прекраснѣйшее время года я выѣхалъ изъ Москвы на ту дорогу, по которой столь часто Цари Русскіе ѣзжали и ходили на богомолье, испрашивать побѣды или благодарить за нее Всевышняго, въ обители, основанной святымъ мужемъ и Патріотомъ: сердце его, забывъ для себя все земное, желало еще благоденствія отечеству. Чрезъ нѣсколько минутъ открылось село Алексѣевское, напоминающее именемъ своимъ Царя Алексѣя Михайловича, который приготовилъ Россію къ величію и славѣ. Но тамъ представляется глазамъ еще другой ближайшій его памятникъ: старый дворецъ, гдѣ

онъ всегда останавливался на возвратномъ пути изъ монастыря Троицкаго и распоряжалъ торжественный въѣздъ свой въ Москву. Я спѣшилъ видѣть сіе почтенное зданіе, едва ли не старѣйшее изъ всѣхъ деревянныхъ домовъ въ Россіи. Оно очень не высоко, но занимаетъ въ длину саженъ тридцать. На лѣвой сторонѣ отъ Москвы были комнаты Царя, на правой жили Царевны, а въ серединѣ Царица; въ первыхъ окна довольно велики, а въ другихъ гораздо менѣе и выше отъ земли, вѣроятно для того, чтобы нескромное любопытство не могло въ нихъ со двора заглядывать — тогда думали болѣе о скромности, нежели о симметріи. Стѣны разрушаются; но я осмѣлился войти въ домъ, и прошелъ во всю длину его, естьли не съ благоговѣніемъ, то по крайней мѣрѣ съ живѣйшимъ любопытствомъ. Печи вездѣ большія, съ разными, отчасти аллегорическими фигурами на изразцахъ. Внутреннія украшенія не могли истощить казны Царской: потолки и стѣны обиты выбѣленнымъ холстомъ, а двери (и то въ однѣхъ Царскихъ комнатахъ) краснымъ сукномъ съ широкими жестяными скобами; окна выкрашены зеленою краскою. Я воображалъ нашего добраго Русскаго Царя, сидящаго тутъ среди вельможъ своихъ, или, лучше сказать, *передъ ними*: тогда и самые важные Бояре, приходя къ Государю, останавливались у дверей; а сиживали съ нимъ единственно въ Совѣтѣ или за обѣдомъ, и то за другимъ столомъ. Къ сожалѣнію, мы худо знаемъ старинные обычаи; а что и знаемъ, то по большой части отъ иностранцевъ,

которые, бывъ въ Россіи, описывали ихъ: на примѣръ Герберштеинъ, Петреусъ, Олеарій, Маржеретъ и другіе. Лѣтописцы наши и не подозрѣвали, что должно изображать характеръ времени въ его обыкновеніяхъ; не думали, что сіи обыкновенія мѣняются, исчезаютъ и дѣлаются занимательнымъ предметомъ для слѣдующихъ вѣковъ. Не все то любопытно, что хорошо; за то многое любопытно, чего и нельзя назвать хорошимъ. Пусть мы умнѣе своихъ предковъ, пусть намъ нечего занять отъ нихъ; но самое просвѣщеніе дѣлаетъ умъ любопытнымъ: хочется знать старину, какова ни была она, даже и чужую, а своя еще милѣе. Мнѣ случилось видать памятники иностранной древности; но дворецъ Государя Алексѣя Михайловича гораздо болѣе занималъ мое воображеніе, даже и сердце. Я съ какою-то любовію смотрѣлъ на тѣ вещи, которыя принадлежали еще къ характеру старой Руси; съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ брался рукою за дверь, думая, что нѣкогда отворялъ ее Родитель Петра Великаго, или Канцлеръ Матвѣевъ, или собственный предокъ мой, служившій Царю. Я чувствовалъ, что во мнѣ не простыла Русская кровь!

Москва не много видна изъ оконъ дворца; но вѣроятно, что бывшій съ этой стороны заборъ (ямы столбовъ не загладились еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) не дозволялъ и того видѣть: въ старину любили жить открытымъ сердцемъ, а не въ открытомъ домѣ. Передъ окнами растутъ двѣ березы, изъ которыхъ одна запустила корень свой подъ са-

мый домъ: можетъ быть, Царица Наталія Кирилловна посадила ихъ! — Другая стѣна безъ оконъ, но съ дверьми въ садъ или въ огородъ, который безъ сомнѣнія украшался всего болѣе подсолнечниками (этотъ вкусъ видимъ еще и нынѣ въ провинціальныхъ купеческихъ огородахъ); теперь густѣютъ въ немъ однѣ рябины, малиновые и смородинные кусты, такіе старые, что Царевны могли еще брать съ нихъ ягоды. Тутъ видны развалины двухъ бань, въ которыя онѣ ѣзжали не рѣдко изъ самой Москвы, даже зимою, какъ я слыхалъ отъ стариковъ, свѣдущихъ въ Русскихъ преданіяхъ. —Вокругъ дворца не осталось никакихъ другихъ зданій, кромѣ погреба, гдѣ не только ледъ, но даже и снѣгъ не таетъ до глубокой осени; слѣдственно Царь могъ всегда пить здѣсь самый холодный медъ! — Онъ любилъ Алексѣевское, хотя впрочемъ мѣстоположеніе очень обыкновенно: ровное и гладкое; на лѣвой сторонѣ видна сосновая роща. Большая каменная церковь Алексѣевская сооружена также Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Дворецъ подлѣ нее. Пусть одно время разрушитъ его до основанія, а не рука человѣческая! У насъ мало памятниковъ прошедшаго: тѣмъ болѣе должны мы беречь, что есть!

Сѣвъ въ коляску, я могъ на досугѣ мыслить о быстрыхъ и медленныхъ успѣхахъ гражданскаго искусства. Воображая, какъ въ седьмомъ-надесять вѣкѣ жили еще Цари наши, и сравнивая тогдашній образъ жизни съ нашимъ, мы готовы назвать своихъ предковъ варварами; но должно заглянуть мы-

сленно въ другія части свѣта, чтобы судить справедливо о степеняхъ гражданскаго просвѣщенія. Въ Азіи, въ Африкѣ есть народы, которые десять, пятнадцать вѣковъ учатся въ школѣ общежитія, и еще далеки отъ того состоянія, въ которомъ были Русскіе во время Царей. Этотъ низенькой домикъ Алексѣя Михайловича удивилъ бы своей огромностію Министровъ Сенарскаго Царя.

Но я увидѣлъ не далеко отъ дороги прекрасный *водоводъ*, оставилъ сравненія и пошелъ смотрѣть его. Вотъ одинъ изъ монументовъ Екатерининой благодѣтельности! Она любила во многомъ слѣдовать примѣру Римлянъ, которые не жалѣли ничего для пользы имѣть въ городахъ хорошую воду, столь необходимую для здоровья людей, необходимѣе самихъ Аптекъ. Издержки для общественнаго блага составляютъ роскошь, достойную великихъ Монарховъ, — роскошь, которая питаетъ самую любовь къ отечеству, нераздѣльному съ Правленіемъ. Народъ видитъ, что объ немъ пекутся, и любитъ своихъ благотворителей. Москва вообще не имѣетъ хорошей воды; едва ли двадцатая часть жителей пользуется Трехгорною и Преображенскою, за которою надобно посылать далеко. Екатерина хотѣла, чтобы всякой бѣдной человѣкъ находилъ близь своего дому колодезь свѣжей, здоровой воды, и поручила Генералу Бауеру привести ее трубами изъ ключей Мытищскихъ; теперь она уже въ городѣ: остается сдѣлать каналы внутри его. Работа долговременна и трудна, но благодѣяніе превосходитъ труды; и время откры-

тія народныхъ колодезей будетъ важною эпохою для Московскихъ жителей, то есть небогатыхъ, слѣдственно для большаго числа.—Водоводъ идетъ мостомъ черезъ низкую долину, на каменныхъ аркахъ, и длиною будетъ саженъ сто. Я увѣренъ, что всякой иностранный путешественникъ съ удовольствіемъ взглянетъ на сіе дѣло общественной пользы.

Коляска дожидалась меня въ деревнѣ Растокинѣ, которая достойна примѣчанія для любителей Исторіи. Тутъ народъ Московскій, всегда усердный къ добрымъ Государямъ своимъ, встрѣтилъ Царя Іоанна Васильевича, когда онъ, взявъ Казань, съ торжествомъ возвращался въ столицу, еще не обагренной кровію подданныхъ, истинныхъ Бояръ Русскихъ — еще не грозный истребитель невинныхъ Новогородцевъ, славнѣйшихъ дѣтей древней Россіи, но юный Герой, украшенный лаврами славы, и нѣжный супругъ прелестной Анастасіи, столь любезной для Историка, вопервыхъ по ея кроткимъ добродѣтелямъ, вовторыхъ и потому, что брачному союзу Іоанна съ нею обязаны мы царствованіемъ Фамиліи Романовыхъ, которая успокоила и возвеличила Россію. Извѣстно, что главною причиною избранія въ Цари Михаила Ѳеодоровича было свойство его съ Іоанномъ черезъ Анастасію. Лѣтописи говорятъ, что все пространство отъ города до Ростокинскаго моста (то есть, семь верстъ) было занято радостными Московскими жителями, которые слѣдуя собственному побужденію, спѣшили скорѣе преклонить колѣна предъ своимъ Госу-

даремъ; спѣшили изъявить ему благодарность за то, что онъ сокрушилъ грозное Татарское царство. Не многихъ побѣдителей народы благодарили столь искренно! Въ семъ случаѣ польза была явная для Россіи, и Государь не имѣлъ нужды доказывать ее подданнымъ. Осада и приступъ стоили крови; но вдовы и сироты жаловались только на судьбу, а не на Царя своего. Принявъ народную благодарность, онъ снялъ съ себя воинскую одежду, надѣлъ корону Мономахову и въ величественномъ смиреніи пошелъ за крестами въ городъ. — Историкъ Россіи признаетъ сіе время щастливѣйшимъ и славнѣйшимъ временемъ Іоаннова царствованія.

Я своротилъ влѣво съ большой дороги, чтобы видѣть село Тайнинское, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичь любилъ забавляться соколиною охотою. Мѣсто уединенное и пріятное! Тутъ запруженная Яуза кажется большою рѣкою, и со всѣхъ сторонъ обтекаетъ дворецъ Елисаветы Петровны, которая (любя слѣды великаго ея дѣда) построила его близъ развалинъ дворца Алексѣя Михайловича. Онъ также разрушается и, какъ мнѣ сказывали, продается на свозъ. Я осмотрѣлъ его: есть большія комнаты, и видно, что нѣкоторыя были хорошо отдѣланы. Госпожа Радклифъ могла бы воспользоваться симъ дворцомъ и сочинить на него ужасной романъ; тутъ есть все нужное для ея мастерства: пустыя залы, коридоры, высокія лѣстницы, остатки богатыхъ украшеній, и (что всего важнѣе) вѣтеръ воетъ въ трубахъ, свиститъ въ разбитыя окончины и хлопаетъ дверьми, съ которыхъ валится

позолота. Я же ходилъ по гнилымъ его лѣстницамъ при страшномъ громѣ и блескѣ молніи: это въ самомъ дѣлѣ могло сильно дѣйствовать на воображеніе. — Жаль, что такое пріятное мѣсто, окруженное водою и густо осененное старыми деревьями, которыя могли бы закрыть и самое огромное зданіе, теперь остается дикою пустынею. Вездѣ трава въ поясъ; кропива и полынь растутъ на свободѣ. Сонныя воды Яузы одѣлись тиною. Мосты сгнили, такъ, что я съ великимъ трудомъ могъ черезъ одинъ изъ нихъ перебраться. Эта неприступность напомнила мнѣ Эрменонвильскій островъ, гдѣ нѣкогда покоились Руссовы кости. — Прибавлю, что въ Тайнинскомъ ночевалъ Царь Іоаннъ Васильевичь, возвращаясь въ Москву по взятіи Казани. Тамъ встрѣтили его главные Бояре и Князь Юрій Васильевичь, братъ его. По обычаю тогдашняго времени Царица Анастасія должна была ожидать супруга въ Московскомъ дворцѣ и преодолѣть желаніе сердца, которое стремилось на встрѣчу къ нему, чтобы представить Іоанну новорожденнаго сына ихъ, Димитрія. Казалось, что Провидѣніе хотѣло тогда со всѣхъ сторонъ осыпать сладкими чувствами сердце сего Государя.

Выѣхавъ опять на большую Троицкую дорогу въ Мытищахъ, я ходилъ пѣшкомъ, сквозь длинную насаженную аллею, къ тамошнимъ славнымъ колодцамъ, откуда проведена вода въ Москву. Ихъ числомъ 42; каждый представляетъ издали видъ маленькаго домика, и всѣ вмѣстѣ кажутся небольшимъ, прекраснымъ селеніемъ. Тутъ я отвѣды-

валъ воду: она чиста и не имѣетъ никакого вкуса, слѣдственно очень хороша. Колодцы деревянные, кромѣ одного, каменнаго, называемаго *громовымъ*, для того, какъ увѣряютъ, что тутъ ударилъ нѣкогда громъ въ землю, и что изъ отверстія, имъ сдѣланнаго, потекла сама собою чистая вода.

Сѣло Пушкино (въ 26 верстахъ отъ Москвы) извѣстно въ нашей Исторіи тѣмъ, что въ немъ Бояринъ Иванъ Андреевичь Хованскій, оклеветанный Милославскимъ, взятъ былъ подъ стражу. Въ другомъ мѣстѣ упомянемъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ сего случая. — Здѣсь замѣчу только, что многіе крестьяне села Пушкина живутъ не въ избахъ, а въ красивыхъ домикахъ, не хуже самыхъ богатыхъ поселянъ въ Англіи и въ другихъ Европейскихъ земляхъ. Вотъ дѣйствіе усердія Московскихъ жителей къ Святому Сергію! Троицкая дорога ни въ какое время года не бываетъ пуста, и живущіе на ней крестьяне всякой день угощаютъ проѣзжихъ съ большою для себя выгодою. Они всѣ могли бы разбогатѣть, естьли бы гибельная страсть къ вину не разоряла многихъ — страсть, которая въ Россіи, особливо вокругъ Москвы, дѣлаетъ по крайней мѣрѣ столько же зла, какъ въ сѣверной Америкѣ между дикими народами. Я всегда радуюсь успѣхамъ промышлености, встрѣчая на улицахъ, въ торговые дни, миловидныхъ крестьянокъ съ ягодами, цвѣтами, травами для Аптекъ; но какъ отцы и мужья ихъ употребляютъ деньги? Не только нищета и болѣзни, но и самыя злодѣйства бываютъ слѣдствіемъ сего ужаснаго порока.

Русской человѣкъ добродушенъ: ему надобно впасть въ нѣкоторое безпамятство, чтобъ поднять руку на ближняго... Но что говорить о такомъ злѣ, которое всѣмъ извѣстно!

Тамъ, гдѣ Цари наши всегда отдыхали на пути къ Троицѣ, въ селѣ Братовщинѣ, я также остановился, не столько для отдыха, сколько для того, чтобы видѣть тамъ на досугѣ нѣкоторые монументы старины. Они стоятъ въ деревянной церкви, построенной, думаю, еще прежде Царя Алексѣя Михайловича, и въ ветхомъ зданіи, похожемъ на анбаръ и называемомъ *Царскою вышкою*. Это имя было для меня не ново: я слыхалъ, что въ старину назывались такъ высокіе терема, въ которыхъ Русскіе Бояре прохлаждались лѣтомъ. Цари наши не требовали ничего великолѣпнѣйшаго для своего дорожнаго отдыха. Тутъ вѣрно клали имъ перину или устилали полъ травою для свѣжести, отворяя со всѣхъ сторонъ *задвижныя* окна: тогда не боялись еще сквознаго вѣтра. Приставъ сказывалъ мнѣ, что другая *вышка*, которая уже разрушилась, была гораздо просторнѣе. Близъ ветхой церкви (гдѣ давно нѣтъ ни службы, ни образовъ) построенъ дворецъ при Елисаветѣ Петровнѣ: Г. Миллеръ ошибся, назвавъ его древнимъ зданіемъ Царей. Къ нему идетъ отъ села прекрасная березовая аллея. Рѣчка Скауба на лѣвой сторонѣ, поля и луга составляютъ очень хорошій сельскій видъ. Онъ полюбился Екатеринѣ Великой, Которая, бывъ тутъ въ 1775 году, приказала строить новый дворецъ и каменную церковь. Сдѣланъ фундаментъ,

изготовлены матеріалы — и все такъ оставлено. Отъ мѣста, гдѣ надлежало быть новому зданію, насажена въ правую сторону еще другая березовая аллея до самой большой дороги. Во всякомъ дѣлѣ, которое начато и не совершено, есть для меня что-то печальное. Развалины древности говорятъ по крайней мѣрѣ о прошедшемъ; тутъ зданіе отслужило время свое: это почтенный старецъ, лѣтами склоненный къ землѣ и гробу—а гдѣ разрушается недостроенное, тамъ можно только жалѣть о трудахъ потерянныхъ.

Сѣвъ на гнилой церковной паперти, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ вокругъ себя и на сельскіе ландшафты вдали, думая, что не только люди, образъ ихъ жизни и твореній, но и самый видъ Натуры перемѣняется со временемъ. Теперешніе веселые луга и поля были нѣкогда или болотомъ или густымъ лѣсомъ. Г-нъ Миллеръ удивляется, отъ чего Переславль названъ *Залѣскимъ*, когда вокругъ его нѣтъ даже и рощи! Видно, что онъ безъ вниманія смотрѣлъ на окрестности Троицкой дороги: частый кустарникъ и самый грунтъ земли (на правой и на лѣвой сторонѣ) доказываютъ, что тутъ прежде были сплошные лѣса, которые, вѣроятно, простирались и далѣе къ сѣверу, то есть, къ Переславлю. Россія въ сравненіи съ другими Европейскими землями есть конечно новая страна въ разсужденіи *обитаемости*; въ первые вѣки Христіянскаго лѣтосчисленія она состояла изъ обширныхъ пустынь, гдѣ являлись иногда кочующіе народы, подобно караванамъ въ степяхъ Африкан-

скихъ, и гдѣ въ десятомъ, одиннадцатомъ вѣкѣ рѣдкія селенія уподоблялись рѣдкимъ островамъ на Океанѣ; но присутствіе людей въ два или три столѣтія чудеснымъ образомъ измѣняетъ натуру. Гдѣ размножаются люди, тамъ (особливо въ сѣверныхъ земляхъ) исчезаютъ лѣса; нѣкоторые боятся того, думая, что потомкамъ нашимъ со временемъ нечѣмъ будетъ согрѣвать домовъ своихъ: страхъ напрасной! Вопервыхъ, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, изсушенія болотъ и другихъ успѣховъ гражданской дѣятельности, климатъ становится теплѣе; вовторыхъ, дерева растутъ у насъ скоро; наконецъ, въ случаѣ нужды, неистощимые слои земляныхъ уголевъ ожидаютъ въ Россіи только заступа, чтобы пылать въ нашихъ печахъ и каминахъ.

Маленькая деревня Талица, въ 9 верстахъ отъ Братовщины, замѣчена мною по любопытной встрѣчѣ. Я шелъ пѣшкомъ, увидѣлъ старика съ сумою, и проговорилъ съ нимъ долѣе часу. Ему около ста лѣтъ; но онъ едва начинаетъ сѣдѣть, и твердъ на ногахъ какъ человѣкъ лѣтъ въ 50; только худо видитъ. Жена у него еще старѣе (двумя или тремя годами) и живетъ съ нимъ въ хижинѣ какъ Бавкида съ Филемономъ. У нихъ было 12 дѣтей, которыя всѣ померли во младенчествѣ. Я зашелъ къ нимъ въ гости. Они питаются милостынею и дома не пекутъ хлѣба, однакожъ варятъ щи. Мужъ приноситъ воду и дрова, а жена затопляетъ печь; онъ имѣетъ болѣе силъ, а она лучше видитъ. Какая рѣдкая судьба! жить вмѣстѣ 80 лѣтъ! Можетъ быть на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другаго супру-

жества столь долговременнаго! Я хотѣлъ знать, любятъ ли они другъ друга? — «Какъ не любить! мужъ да жена больше, чѣмъ братъ да сестра * » — «Боитесь ли вы смерти?» — «Чего бояться? Мы, слава Богу! пожили. Смерть не бѣда.» — «Тебѣ не жаль будетъ старушки?» — «Чего жалѣть! Кому нибудь надобно умереть прежде.» — «А если она переживетъ тебя?» — «Ну что же? въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей; дадутъ ей уголокъ.» — Такимъ образомъ лѣта служатъ самымъ лучшимъ приготовленіемъ ко смерти, и Натура себя оправдываетъ! По ея закону мы должны любить жизнь, когда она еще сильно дѣйствуетъ въ крови и въ нервахъ; силы изнуряются, и благодѣтельное равнодушіе заступаетъ мѣсто сей, нѣкогда пламенной любви; утружденный старецъ видитъ для себя въ могилѣ мѣсто отдохновенія.—Къ удовольствію всѣхъ страстныхъ охотниковъ до здѣшняго свѣта замѣтимъ, что едва ли въ какой нибудь землѣ люди живутъ такъ долго, какъ у насъ: не въ городахъ, разумѣется, а въ деревняхъ всякой годъ (какъ извѣстно по вѣдомостямъ разныхъ Губерній, вносимымъ въ газеты) умираетъ въ Россіи множество стариковъ за сто лѣтъ. Вотъ благословеніе сѣверныхъ земель и трудолюбивой жизни! а мы не рѣдко бранимъ климатъ свой и боимся работы; хотимъ богатства, чтобы имѣть все безъ труда—то есть, хотимъ преждевременной смерти!

Въ селѣ Воздвиженскомъ, въ 12 верстахъ отъ

* Думаю, что это старинная пословица.

Троицы, юные Цари, Іоаннъ и Петръ, съ Царевною Софіею жили нѣсколько времени, боясь въ Москвѣ мнимаго злоумышленія Хованскихъ. Князь сей фамиліи Андрей Ивановичь и Милославскій были тогда начальниками грозныхъ Стрѣльцовъ и поссорились другъ съ другомъ. Стрѣльцы взяли сторону перваго, и Милославскій, страшась ихъ обыкновеннаго неистовства, уѣхалъ въ деревню: но оттуда написалъ къ Государямъ и Царевнѣ, что Хованскій имѣетъ злодѣйскій умыселъ обагрить руки свои въ крови Царской, умертвить Патріарха, всѣхъ главныхъ Бояръ; что сынъ его всенародно хвалился свойствомъ съ Королями Польскими и говорилъ, что онъ рожденъ царствовать, а не повиноваться; что отецъ хочетъ возвести его на тронъ Россіи, и проч. Испуганный Дворъ немедленно уѣхалъ въ Савинъ монастырь, а оттуда въ Воздвиженское. Между тѣмъ отъ имени Царей написали къ Князю Андрею Ивановичу, что по извѣстнымъ его заслугамъ и вѣрности къ трону Государи желаютъ совѣтоваться съ нимъ въ нѣкоторомъ важномъ дѣлѣ и требуютъ его къ себѣ вмѣстѣ съ сыномъ. Сей Бояринъ, ничего не подозрѣвая (убѣдительное доказательство его невинности!) спѣшилъ къ Монархамъ; но Царевна Софія велѣла еще на дорогѣ взять подъ стражу отца и сына, оковать и привезти въ Воздвиженское. Тамъ ожидалъ нещастныхъ эшафотъ безъ всякаго изслѣдованія и суда. Старецъ Хованскій со слезами просилъ Бояръ, чтобы они только выслушали его; но Софія не велѣла принимать никакихъ оправданій

— ему отрубили голову. Войско, собравшееся тогда вокругъ монастыря Троицкаго, единодушно требовало дозволенія итти въ Москву, истребить опасное ополченіе Стрѣльцовъ, и навсегда успокоить Дворъ; но Государи, или, лучше сказать, правительствующая Царевна не хотѣла того: дерзкіе мятежники были нужны для тайныхъ замысловъ ея властолюбія. — Въ селѣ Воздвиженскомъ между поселянами сохранилось преданіе, что Петръ Великій въ юности своей искалъ у нихъ безопасности. Мудрено понять, для чего Дворъ въ то время не прямо отправился къ Троицѣ, а остановился въ селѣ, укрѣпленномъ только своими оврагами.

Верстъ за семь отъ Троицы открываются, среди зелени лѣсовъ, златыя главы церквей ея, вокругъ огромной колокольни, подобной величественному столпу. — Я взъѣхалъ на гору Волкушу.... Русскіе Патріоты! это мѣсто должно быть намъ извѣстно. Здѣсь Архимандритъ монастыря Троицкаго благословлялъ крестомъ и кропилъ Святою водою достойныхъ сыновъ Россіи, которые съ Вождемъ Пожарскимъ и съ гражданиномъ Мининымъ шли освободить Москву отъ чужестранныхъ тирановъ!... Я сталъ на вершинѣ горы — и воображеніе представило глазамъ моимъ ряды многочисленнаго войска подъ сѣнію распущенныхъ знаменъ, украшенныхъ именемъ городовъ, которыхъ добрые жители шли подъ ними: Нижняго Новагорода, Дорогобужа, Вязьмы, Ярославля, Владиміра, и проч. Мнѣ казалось, что я вижу сановитаго Пожарскаго среди мужественныхъ воеводъ

его, и слышу громъ оружія, которому черезъ нѣсколько дней надлежало грянуть во имя отечества!... Русскіе были тогда сиротами: не имѣли Государя и сражались за одну Россію.

Лавра со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми нѣкогда дремучимъ лѣсомъ. Святый Сергій, рожденный въ нещастныя времена нашего отечества, когда внѣшніе непріятели и внутренніе раздоры обращали Россію въ истинную *юдоль плача*, въ самой цвѣтущей юности удалился отъ свѣта, который представлялъ ему горестное зрѣлище злодѣйствъ и бѣдствій. Здѣсь мракъ лѣсовъ и дикое уединеніе, оградивъ его своею тишиною, не мѣшали святому юношѣ мирно бесѣдовать съ Творцемъ Натуры; здѣсь, отвращаясь сердцемъ и взоромъ отъ мятежной земли, въ безмолвіи пустынь гласилъ онъ съ Пророкомъ древности: *Небеса повѣдаютъ славу Божію!.... Но Святый Угодникъ*, какъ говоритъ почтенный Историкъ Лавры, *сокрывъ себя въ пустынѣ, не могъ сокрыть имени своего.* Мірскія добродѣтели ищутъ славы: она сама находитъ небесную святость, и не щадитъ ея скромности. Скоро уединеніе благочестиваго Сергія сдѣлалось извѣстнымъ, и многіе старцы захотѣли молиться вмѣстѣ съ юношею. Вотъ происхожденіе сея обители, смиренной въ своемъ началѣ, славной и великолѣпной въ послѣдствіи! то есть, судьбу ея можно нѣкоторымъ образомъ уподобить жребію самой Христіанской Религіи.

Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и готическихъ башенъ ея. Глубокой ровъ, вы-

сокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его нѣкогда лучшею крѣпостію нашего государства. Въ пятомъ и шестомъ-надесять вѣкѣ монахи ограждали себя каменными стѣнами не столько отъ мірскихъ соблазновъ, сколько отъ грозныхъ непріятелей, которые искали у нихъ сокровищъ. Всѣ старинные монастыри вокругъ Москвы построены на высокихъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія не для хорошихъ видовъ, о которыхъ не думали святые отшельники, но для удобнѣйшей защиты. — Я видѣлъ слѣды батарей, которыми Поляки громили Троицкія стѣны; но и развалины бываютъ *тамъ* могилою непріятеля, *гдѣ* два сильныя чувства: любовь къ отечеству и Вѣра, вооружаютъ защитниковъ.

Входя во внутренность ограды, вы видите передъ собою монументы четырехъ вѣковъ, которые, по словамъ Стихотворца, привѣтствуютъ васъ

Одинъ съ угрюмостью своей,
Другой съ улыбкою веселой!

Соборъ Троицкій основанъ еще при Князѣ Васильѣ Димитріевичѣ, слѣдственно въ началѣ XV вѣка; онъ въ свое время казался безъ сомнѣнія великолѣпнымъ, а теперь малѣйшая изъ приходскихъ церквей въ Москвѣ болѣе его. Италіянскій Архитекторъ, именемъ Аристотель, родомъ изъ Болоньи, привезъ къ намъ вкусъ щастливаго вѣка Медицисовъ въ Княженіе Іоанна Васильевича и построилъ въ Москвѣ Соборъ Успенскій, служившій образцомъ и для Успенскаго Собора Лавры,

храма величественнаго; прежде того въ Россіи не имѣли идеи о хорошей архитектурѣ. — Изъявивъ Христіанское усердіе къ святынѣ Троицкаго монастыря, я съ любопытствомъ осматривалъ достопамятности церквей и ризницы. Два образа, даръ Царей Іоанна и Годунова Троицкому Собору, осыпаны рѣдкой величины драгоцѣнными камнями. Тутъ же Русскіе Патріоты съ особенною вѣрою прикладываются къ образу Сергія, написанному на отломкѣ гробовой доски его и бывшему во всѣхъ походахъ съ Государемъ Петромъ Великимъ, и еще съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ: вотъ славное знамя Россіи!—Между многими любопытными вещами я замѣтилъ пелену Софіи, Греческой Княжны, супруги Великаго Князя Ивана Васильевича, и многія церковныя утвари, вышитыя самою Императрицею Анною, которая отмѣнно любила женскія рукодѣлья. Елисавета Петровна подарила монастырю богатую служебную шапку и панагію, а Великая Екатерина большіе золотые сосуды. Однимъ словомъ, здѣсь всякой Русской Государь ознаменовалъ Свое царствованіе какимъ нибудь даромъ, кромѣ, естьли не ошибаюсь, Петра Великаго. Иностранцы, которые видали богатство Италіянскихъ и Гишпанскихъ монастырей, могутъ еще подивиться богатству Троицкой ризницы, большимъ серебрянымъ паникадиламъ, подсвѣчникамъ и другимъ украшеніямъ здѣшнихъ церквей. Серебряная рака Чудотворца Сергія есть конечно самая драгоцѣннѣйшая гробница въ свѣтѣ. Кромѣ щедрости Госуда-

рей, кромѣ 100,000 душъ, бывшихъ во владѣніи у сего монастыря, вклады частныхъ людей также не мало способствовали его великолѣпію. Сіе отмѣнное усердіе къ Лаврѣ не прохлаждается въ сердцахъ Россіянъ. Не только жители Москвы и въ радостяхъ и въ горестяхъ своихъ посѣщаютъ ее, но и другіе, изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ отъ столицы, ѣздятъ сюда на богомолье. Святость Лавры торжествовала и въ наши времена: когда Москва и окрестности ея представляли ужасъ язвы— когда всѣ деревни на Троицкой дорогѣ, и даже здѣшнія слободы были опустошены ею—ни одинъ человѣкъ не заразился въ монастырѣ, отворенномъ для всѣхъ молельщиковъ, которые толпами приходили въ него.

Между колокольнею и Троицкимъ Соборомъ стоитъ каменный обелискъ, сооруженный Митрополитомъ Платономъ. Тамъ, на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, изображены *четыре* эпохи славы его и незабвенныя услуги, оказанныя имъ Россіи.

1. Когда Димитрій, вдохновенный любовію къ отечеству, осмѣлился наконецъ, чрезъ 150 лѣтъ удивительной робости Славянскаго потомства, сразиться съ Татарами, онъ спѣшилъ принять совѣтъ и благословеніе Сергія, который не только утвердилъ его въ семъ великомъ предпріятіи, но далъ ему и двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослаби, явившихъ себя Героями на полѣ сраженія. Хотя радость народа и торжество Димитрія были кратковременны; хотя злобный Тохтамышъ скоро послѣ того опустошилъ Россію, взялъ и выжегъ Мо-

скву: однакожь на полѣ Куликовскомъ исчезло гибельное суевѣріе Русскихъ, главная вина ихъ постыднаго рабства: *они считали грозныхъ Татаръ бичемъ Небеснымъ, которому ничто не могло противиться.* Такимъ образомъ великодушный Князь Александръ, Герой на берегахъ Невы, ужасъ Шведовъ и храбрыхъ Нѣмецкихъ рыцарей, унижался передъ Батыемъ и Сартакомъ—не стыдился смиренно молить ихъ о помилованіи Россіи! Богатыри его: Полочанинъ Храбрый, Миша Новогородецъ, Сава Сильный, Ратмиръ Смѣлый, не дерзали поднять руки на Татарина! Но Димитрій далъ примѣръ, и великій Князь Іоаннъ имъ воспользовался; свергнулъ иго и—Москва въ стѣнахъ своихъ увидѣла плѣнныхъ Князей Татарскихъ.

2. Въ мятежное царствованіе Шуйскаго Троицкій монастырь былъ осажденъ Поляками, которые требовали, чтобы онъ сдался Лжедимитрію, извѣстному подъ именемъ Тушинскаго. Архимандритъ Іосафъ съ Воеводами Долгорукимъ и Голохвастовымъ изъявили непріятелю одно презрѣніе. Начались приступы, кровопролитныя сраженія, и монахи вмѣстѣ съ малочисленными Стрѣльцами умирали на стѣнахъ; святые гимны Христіанскіе, которые день и ночь не умолкали въ храмахъ Троицы, были для Русскихъ гимнами битвы. Дѣло невѣроятное! цѣлая армія болѣе года осаждала монастырь, истощила всѣ усилія, и наконецъ отступила. — Троицкая обитель увѣнчала подвигъ свой тѣмъ, что отправила къ Царю всѣ церков-

ныя сокровища: ибо ему нужны были деньги для содержанія войска.

3. Когда недостойные Бояре и гнусные измѣнники свели съ престола нещастнаго Шуйскаго и впустили Поляковъ въ Москву злодѣйствовать, тогда Троицкіе Патріоты, Архимандритъ Діонисій и Келарь Аврамій Палицынъ писали грамоты во всѣ города и молили гражданъ вспомнить отечество. Трубецкій, ими убѣжденный, собралъ войско и приступилъ къ Москвѣ; но не могъ или не хотѣлъ усмирить мятежниковъ въ своей арміи. Пожарскій остановился въ Ярославлѣ: Келарь Палицынъ спѣшилъ къ нему, заклиналъ его не медлить, самъ отправился съ войскомъ къ столицѣ, былъ въ сраженіяхъ и способствовалъ побѣдамъ. Козаки, требуя жалованья, взбунтовались: начальники Троицкаго монастыря, не имѣя денегъ, прислали имъ ризы, стихари, жемчужные эпитрахили; мятежники были тронуты, ничего не взяли, и клялись быть вѣрными.—Столица освободилась отъ ига; юный Михаилъ царствовалъ, но Польскій Королевичь Владиславъ называлъ себя Царемъ Русскимъ, и скоро осадилъ Москву; не могъ взять ее, и приступилъ къ Троицкому монастырю—но тамъ были еще живы побѣдители Сапѣги и Пана Лисовскаго: храбрые иноки снова явились на стѣнахъ съ Келаремъ Авраміемъ, и такъ славно отразили Владислава, что онъ потерялъ надежду завоевать престолъ Россійскій — заключилъ перемиріе съ монастыремъ и требовалъ мира съ Россіею.

4. Наконецъ юный Петръ два раза находилъ въ стѣнахъ Троицкихъ убѣжище отъ злобы Стрѣльцовъ. Здѣсь вооружился онъ мечемъ правосудія для наказанія заговорщиковъ и твердостію прекратилъ умыслы Софіина властолюбія.

Однимъ словомъ, Троицкая Лавра съ самаго основанія своего была истинною Русскою защитою, и благочестивые старцы ея не только молитвами, но и дѣломъ ревностно служили отечеству. Вообще должно отдать справедливость Россійскому Духовенству: оно во всѣхъ народныхъ бѣдствіяхъ изъявляло геройскій патріотизмъ: для того свирѣпство Поляковъ, желавшихъ спокойно тиранствовать въ Россіи, болѣе всего устремлено было противъ нашего Духовенства. Такъ добродѣтельный Патріархъ Эрмогенъ сдѣлался жертвою ихъ лютости и своей любви къ отечеству. Гетманъ Желковскій требовалъ отъ него, чтобы онъ запретилъ Пожарскому собирать войско; но сей великій мужъ отвѣчалъ ему: *а кто же спасетъ Россію?* и кончая жизнь, грозилъ Гетману правосудіемъ Неба, храбростію вѣрныхъ сыновъ отечества. Патріоты! вамъ надобно знать, что прахъ Эрмогена покоился въ Чудовѣ монастырѣ (а нынѣ рака его въ Успенскомъ Соборѣ). Отъ того, что мы не имѣемъ порядочной Исторіи, славныя и великія дѣла предковъ намъ мало извѣстны; но ихъ довольно для пера краснорѣчиваго. Съ нѣкотораго времени намъ натвердили о Мининѣ и Пожарскомъ: ихъ любовь къ отечеству безъ сомнѣнія трогательна; но еще трогательнѣе для меня тогдашнее брат-

ское согласіе Русскихъ воиновъ, изображенное сею милою, простою чертою въ нашихъ лѣтописяхъ *никакой ссоры между людьми Пожарскаго не бывало, но всѣ совѣтно и единомысленно другъ съ другомъ поступали.* Вотъ что должно быть въ памяти всѣхъ Русскихъ! Мы со слезами читаемъ въ Греческой Исторіи, съ какимъ усердіемъ маленькія Республики высылали гражданъ своихъ противъ Царя Персидскаго: у насъ была такая же эпоха. Русскіе съ радостію отдавали имѣніе и жизнь отечеству. На примѣръ: Смоленскъ осажденъ Сигизмундомъ; жители окрестныхъ мѣстъ оставляютъ и домы и семейства свои въ жертву Полякамъ, чтобы спѣшить къ Пожарскому подъ знамя отечества!

Я съ любопытствомъ взглянулъ на Троицкія пушки, бросавшія громъ на Поляковъ, и разсматривалъ остатки оружія, которымъ ихъ разили храбрые иноки. Здѣсь была особенная палата, наполненная бердышами, мечами и пищалями; но Генералъ-Фельдцейгмейстеръ Шуваловъ по указу Императрицы Елисаветы Петровны взялъ сіе древнее оружіе въ Петербургъ; осталась только нѣкоторая часть его на память монастырю.

Въ Лаврѣ двѣ библіотеки: одна принадлежитъ Семинаріи, а другая монастырю; первая состоитъ изъ 6000 книгъ иностранныхъ и Русскихъ, историческихъ, нравоучительныхъ, богословскихъ, и проч.; а во второй однѣ церковныя книги и рукописи. Въ Россіи, подобно какъ и во всѣхъ другихъ земляхъ, монахи во время общаго невѣжества бы-

ли почти единственными хранителями любопытныхъ манускриптовъ. Всѣ историческія рукописи были изъ Троицкой библіотеки посыланы къ Екаринѣ Великой, Которая столь ревностно занималась нашею Исторіею; но мнѣ сказывали, что въ нихъ нѣтъ никакихъ важныхъ отмѣнъ противъ напечатанныхъ лѣтописей.

Къ любопытнымъ вещамъ въ Лаврѣ принадлежитъ и большой колоколъ, въ 4000 пудъ вѣсомъ, первой въ Россіи и въ цѣломъ свѣтѣ, такъ, что и славный Китайскій не можетъ съ нимъ равняться. Вѣроятно, что онъ и навсегда останется первымъ: вкусъ къ огромнымъ колоколамъ проходитъ. Троицкіе всѣ называются особенными именами: Годуновъ, Лебедь, Переспоръ, и проч. — Видъ съ колокольни (превыщающей двумя или тремя саженями Ивана Великаго) отмѣнно хорошъ; монастырскія окрестности живописны.

Еще недавно сломанъ Троицкій каменной дворецъ Царя Іоанна Васильевича. Архитектура нынѣшняго дворца не показываетъ древности. Странно, что въ архивѣ монастырской не нашлось никакихъ записокъ о его построеніи. Знаютъ только, что онъ назывался Писаревскимъ, и что Тихонъ Писаревъ былъ Троицкимъ Архимандритомъ около 1720 году; слѣдственно можно заключать, что онъ и построенъ въ это время; внутри же украшенъ лѣпною работою при Елисаветѣ Петровнѣ. Зала, расписанная бирюзовою краскою, представляетъ въ барельефахъ всѣ побѣды Пе-

тра Великаго, съ девизами не худо вымышленными. Я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на барельефы и читалъ надписи. Въ двухъ комнатахъ стоятъ алебастровыя изображенія всѣхъ нашихъ Князей и Государей отъ самаго Рюрика, сдѣланныя съ медалей, которыя не весьма удачно изобрѣтены художникомъ. На примѣръ, Святославъ, чудесный Герой своего времени, столь прекрасно и живо описанный Несторомъ, изображенъ какимъ-то смиреннымъ Игумномъ: ни одной черты геройской! Лице Годунова характернѣе другихъ; оно есть также вымыселъ, какъ думаю: въ его время у насъ не писали портретовъ, воображая, что это грѣхъ, и что одни лица Святыхъ достойны живописи. Любопытно знать, когда и съ кого былъ написанъ первый портретъ въ Россіи! — Петръ Великій могъ еще жить въ этомъ дворцѣ. Онъ часто бывалъ въ Троицкомъ монастырѣ и часто бралъ деньги изъ монастырской казны, давая собственноручныя росписки, которыя и теперь хранятся въ Лаврѣ. Государь посылалъ Архимандрита въ церковь, оставался съ Келаремъ и дружески спрашивалъ: есть ли у нихъ деньги? Келарь отвѣчалъ: «какъ не быть для Вашего Величества?» и приносилъ мѣшки. Надобно знать, что Троицкіе Архимандриты не вмѣшивались въ экономію монастыря: ею занимались всегда Келари. Я слышалъ сіи подробности отъ такого человѣка, которому онѣ извѣстны по вѣрному преданію. — Садъ подлѣ дворца, состоящій изъ аллей сѣнистыхъ, вокругъ немалаго пруда, и боль-

шое зданіе, гдѣ живутъ Семинаристы, называются также Писаревскими.

Троицкая Семинарія, заведенная при Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, есть одно изъ главныхъ духовныхъ училищъ въ Россіи. Въ ней всѣхъ учениковъ около 400, изъ которыхъ 150 на полномъ казенномъ содержаніи. Кромѣ древнихъ языковъ, здѣсь учатъ Французскому и Нѣмецкому. Это похвально: кому надобно проповѣдывать, тотъ долженъ знать Боссюэта и Массильйона. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ монаховъ говорили со мною по-Французски; а важные учители вмѣшивали въ свой разговоръ Латинскія фразы. Они доказывали мнѣ, что ученость привѣтлива: ходили со мною и все показывали съ видомъ искренней услужливости. Наука даетъ человѣку какое-то благородство во всякомъ состояніи.

Въ Лаврѣ погребены многіе знаменитые люди; и читая списокъ ихъ, я нашелъ множество именъ, которыхъ уже нѣтъ въ нашихъ дворянскихъ книгахъ: на примѣръ, Князей Пожарскихъ, Горбатыхъ, Гагиныхъ, Ряполовскихъ, Воротынскихъ. Князья Долгорукіе имѣли бы право возобновить фамилію Пожарскихъ, которой послѣдняя отрасль, внука (естьли не ошибаюсь) Князя Дмитрія Михайловича, вышла за Долгорукаго; съ нею исчезло сіе имя, столь любезное для Русскихъ! — Мнѣ показывали гробъ славнаго Архимандрита Діонисія. Я спросилъ, гдѣ лежатъ кости добродѣтельнаго Келаря Аврамія? и къ сожалѣнію услышалъ, что Преосвященный Платонъ, любя великихъ мужей

Россіи, напрасно искалъ его могилы; время сокрыло ее завѣсою тайны. Извѣстно только по запискамъ монастырскимъ, *что* Аврамій оставилъ по кончинѣ своей: мало богатства, но много славы! — Въ Успенскомъ Соборѣ погребена единственная *Лифляндская* Королева въ свѣтѣ, Марѳа Владиміровна, двоюродная племянница Царя Іоанна Васильевича и супруга Магнуса, столь извѣстнаго въ нашей исторіи. Іоаннъ игралъ судьбою сего Датскаго Принца; давалъ ему города, чтобы снова отнимать ихъ; велѣлъ Лифляндцамъ быть ему вѣрными и жестоко наказывалъ ихъ за сію вѣрность; пожаловалъ его въ Короли, и взялъ въ плѣнъ. Нѣжная супруга раздѣляла съ Магнусомъ непостоянную судьбу его; она по любви къ нему отказалась отъ Россіи, когда онъ прибѣгнулъ наконецъ къ защитѣ Польши, и горести сократили жизнь ея. — Въ часовнѣ, при церкви Сошествія Св. Духа стоитъ гробъ ученаго Грека Максима, еще болѣе добродѣтельнаго, нежели ученаго. Онъ противился браку Великаго Князя Василія Іоанновича съ Княжною Глинскою, находя его незаконнымъ — былъ сосланъ въ заточеніе, возвращенъ при Іоаннѣ и жилъ въ Троицкомъ монастырѣ, когда Царь, послѣ своей тяжкой болѣзни, съ Царицею и съ сыномъ пріѣхалъ въ сію обитель. Узнавъ о намѣреніи его отправиться въ Кирилловскій монастырь, Философъ Максимъ всячески уговаривалъ Государя остаться въ Москвѣ, доказывая, что Богъ во всѣхъ мѣстахъ равно присутствуетъ, и что гораздо лучше царствовать добродѣтельно, не-

желп скитаться по отдаленнымъ монастырямъ. Видя же, что Іоаннъ не принимаетъ его совѣта, онъ предсказалъ ему кончину Царевича. Такъ повѣствуетъ Курбскій, говоря, что благочестивый Максимъ призывалъ къ себѣ Князя Мстиславскаго, Адашева и его самого, заклиная ихъ удержать Царя. Но Іоаннъ не послушался, и предсказаніе сбылося. Сей анекдотъ дѣлается еще любопытнѣе своимъ послѣдствіемъ. Въ монастырѣ С. Николая, на берегу рѣки Яхромы, путешествующій Царь желалъ увидѣться съ однимъ старымъ монахомъ, который прежде былъ Епископомъ, и котораго любилъ отецъ его. Князь Щербатовъ говоритъ, что лѣтописцы наши не сказываютъ имени сего монаха, а сохранили только его прозванье *Топорковъ*. Почтенный Историкъ ошибся: Князь Курбскій именуетъ его Вассіаномъ, прибавляя, что онъ былъ родомъ изъ Лифляндіи, и за его злыя дѣла лишенъ Епископскаго сана по смерти Василія Іанновича. Сей чернецъ совѣтовалъ Царю быть истинно самодержавнымъ, отнять всю власть у Бояръ и царствовать ужасомъ. Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, такъ плѣнился коварнымъ совѣтомъ монаха, что поцѣловалъ руку его съ восторгомъ, сказавъ: *самъ отецъ мой не могъ бы присовѣтовать мнѣ лучше!*..... Царевичь Димитрій скончался дорогою; скоро умерла добродѣтельная Царица Анастасія; Іоаннъ началъ свирѣпствовать, и къ семейственнымъ утратамъ своимъ прибавилъ еще важнѣйшую: потерю любви народной. — Умный Историкъ долженъ разсказывать такіе анекдоты: ибо они

любопытны и показываютъ образъ мыслей времени; но онъ имѣетъ еще и другую обязанность: разсуждать и сказки отличать отъ истины.

Подлѣ Успенскаго Собора вростаетъ въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ: Царь Борисъ, супруга его, сынъ Ѳеодоръ и нещастная Ксенія. Кто не остановится тутъ подумать о чудныхъ дѣйствіяхъ властолюбія, которое дѣлаетъ людей великими благодѣтелями и великими преступниками? Естьли бы Годуновъ не убійствомъ очистилъ себѣ путь къ престолу, то Исторія назвала бы его славнымъ Государемъ; и царскія его заслуги столь важны, что Русскому Патріоту хотѣлось бы сомнѣваться въ семъ злодѣяніи: такъ больно ему гнушаться памятью человѣка, который имѣлъ рѣдкій умъ, мужественно противоборствовалъ государственнымъ бѣдствіямъ и страстно хотѣлъ заслужитъ любовь народа! Но что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго роду святынею; и робкій Историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи. Такимъ образомъ Исторія дѣлается иногда эхомъ злословія.... Мысль горестная! Холодный пепелъ мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба! глубокая тишина его прерывается только благословеніями или проклятіемъ идущихъ мимо и читающихъ гробовую надпись. Что, естьли мы клевещемъ на сей пепелъ; естьли несправедливо терзаемъ память человѣка,

вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмысліемъ или враждою?.... Но я пишу теперь не Исторію; слѣдственно не имѣю нужды рѣшить дѣла, и признавая Годунова убійцею Святаго Димитрія, удивляюсь Небесному правосудію, Которое наказало сіе злодѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ.

Борисъ Годуновъ * былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сами творятъ блестящую судьбу свою и доказываютъ чудесную силу Натуры. Родъ его не имѣлъ никакой знаменитости, и воспитаніе тогдашняго времени не могло воспалить въ немъ того страстнаго властолюбія, научить той великой хитрости, которыя составляютъ его характеръ. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался извѣстенъ при Дворѣ въ должности Рынды или оруженосца: для чего надлежало ему быть пріятной наружности: ибо иностранцы, описывая Дворъ Царей нашихъ, замѣчаютъ отмѣнную красоту юношей, которые, въ длинной бѣлой одеждѣ, носили передъ Государями оружіе въ ихъ торжественныхъ выходахъ. Борисъ умѣлъ пріобрѣсти благосклонность Малюты Скуратова, любимца Іоаннова; женился на его дочери, былъ пожалованъ въ Кравчіе, былъ дружкою на свадьбѣ Царя и наконецъ выдалъ сестру свою за Царевича Ѳеодора: изъ чего можно заключить о великой милости Іоанновой къ Годунову. Кончина

* Несправедливость нашихъ лѣтописцевъ въ разсужденіи сего Царя заставила меня войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

сего Государя и слабость Θеодора открыли ему дальнѣйшіе виды властолюбія. Будучи только 17-мъ Членомъ Тайнаго Совѣта,* онъ сдѣлался единственною его душею: однихъ удалилъ, другихъ преклонилъ на свою сторону, и властвовалъ въ Россіи. Иностранные Писатели называютъ его торжественно объявленнымъ Протекторомъ Государства; но онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ только властолюбіе и разумъ Кромвеля, не имѣя его титула: Русскіе лѣтописцы даютъ ему одно имя Конюшаго. Мирное и кроткое царствованіе Θеодора, послѣ ужасовъ Іоаннова, казалося народу и дворянству истиннымъ золотымъ вѣкомъ: такъ выгодно быть преемникомъ жестокаго Царя! А какъ всѣ знали, что Θеодоръ мало занимался государственными дѣлами, то вся слава правленія относилась къ Годунову, который своею мудрою дѣятельностію, благоразумною политикою въ разсужденіи иностранныхъ Державъ, правосудіемъ внутри государства, ласковымъ обхожденіемъ съ Боярами и щедростію къ народу,** заслужилъ общее уваженіе и любовь. Онъ воспитывалъ сына своего сообразно съ тайнымъ, великимъ его назначеніемъ; вызвалъ для того изъ Нѣмецкой земли ученыхъ мужей и явилъ въ Россіи примѣръ нравственнаго образованія, достойный самыхъ просвѣщенныхъ временъ. Димитрія уже не было.... Увѣривъ Рос-

* Онъ состоялъ изъ 31 человѣка.

** Доходы его простирались до 90,000 рублей.

сію въ своей рѣдкой мудрости, Годуновъ спокойно ожидалъ слѣдствій; онъ предвидѣлъ скорую кончину Ѳеодора, слабаго душею и тѣломъ.

Надежда его исполнилась. Общій гласъ наименовалъ Годунова Царемъ, * когда на тронѣ пресѣкся родъ Князей Варяжскихъ и Царица Ирина отказалась отъ правленія. Россія въ первый разъ избрала себѣ Государя, торжественно и свободно. Бояре и народъ, Патріархъ и Духовенство предложили ему вѣнецъ отечества. Хитрый Годуновъ хотѣлъ показать, что твердая душа его не ослѣпляется блескомъ трона, и съ скромнымъ величіемъ отвергнулъ корону; но Іовъ умолялъ его, народъ требовалъ, сама Царица просила — и Борисъ съ видомъ глубокой горести отвѣтствовалъ наконецъ, что онъ изъ повиновенія соглашается властвовать.

Ложный слухъ о вооруженіяхъ Хана Крымскаго благопріятствовалъ тонкой политикѣ Годунова: онъ желалъ увѣрить Россіянъ, что безопасность отечества ему дороже сана Царскаго — отложилъ священный обрядъ вѣнчанія и велѣлъ собираться войску. Серпуховъ былъ свидѣтелемъ великаго зрѣлища: тамъ въ нѣсколько недѣль собралось болѣе 200,000 воиновъ: ** армія, какой еще въ Россіи никогда не видали! Бояре и дворянство хотѣли изъ

* Одни Шуйскіе и Григорій Годуновъ тому противились.

** Маржеретъ говоритъ: пять сотъ тысячъ.

явитъ отмѣнное усердіе новому Государю; вооружили столько людей, сколько могли набрать въ своихъ помѣстьяхъ, и явились въ станѣ со всѣмъ блескомъ восточной роскоши. Годуновъ прибылъ въ сей необозримый станъ какъ на пиръ великолѣпный, который давала ему довольная и щастливая Россія; бранный шлемъ украшалъ тогда голову его не хуже вѣнца Царскаго. Но Казигирей требовалъ мира и прислалъ Мурзъ своихъ быть свидѣтелями славы и величія Царя Россійскаго. Пораженные зрѣлищемъ безчисленнаго войска, стоявшаго въ ружьѣ на пространствѣ семи верстъ, они отъ страха и трепета едва могли говорить съ Царемъ. Въ станѣ начались пиршества, которыхъ описаніе кажется намъ даже романическимъ. Цѣлыя шесть недѣль Государь угощалъ ежедневно болѣе 10,000 человѣкъ, въ богатыхъ ставкахъ, на серебряныхъ блюдахъ; раздавалъ деньги простымъ воинамъ, а чиновниковъ дарилъ золотыми парчами и бархатомъ; наконецъ утвердивъ миръ съ Татарами, заключилъ ежедневныя празднества обѣдомъ для всего войска: изъявилъ ему благодарность за усердіе, и съ торжествомъ возвратился въ Москву принять корону отъ Патріарха. Властолюбивая Годунова душа блаженствовала въ сіе время. Едва ли какое нибудь другое царствованіе начиналось столь великолѣпно и славно: можно ли было ожидать такого конца ужаснаго?

Принимая вѣнецъ, Годуновъ со слезами клялся быть правосуднымъ, человѣколюбивымъ, отцомъ народа. Онъ старался исполнить обѣтъ свой. Лѣ-

тописцы наши, столь неохотно отдающіе ему справедливость, признаются, что Борисъ *любилъ въ судахъ правду*, и что въ его время не лилась кровь человѣческая на эшафотахъ; но все, чего можно было не сказать въ похвалу Годунова, ими умолчано: на примѣръ, какъ онъ облегчалъ бремя налоговъ; какъ хотѣлъ прекратить разныя злоупотребленія власти, вредныя для народа; * какъ во время общихъ бѣдствій, которыми Богъ посѣтилъ Россію въ его правленіе, истощилъ онъ всю казну Царскую на благодѣянія.... Провидѣнію не угодно было, чтобы намѣреніе Годунова исполнилось, и чтобы Россія въ его время начала уже спорить съ другими Державами въ успѣхахъ гражданскаго искусства; но онъ имѣлъ сіе намѣреніе, и мы должны быть признательны къ чрезвычайнымъ дѣйствіямъ ума во мракѣ самаго невѣжества. Царь Борисъ, по увѣренію иностранныхъ Писателей, ** хотѣлъ ввести въ Россію науки съ художествами; любилъ великихъ людей, и всячески убѣждалъ славнаго Англійскаго Математика Ди пріѣхать въ Москву; отправлялъ молодыхъ дворянъ въ другія земли *** учиться; взялъ въ Рус-

* См. Манифестъ Годунова, отысканный Миллеромъ въ Сибирскихъ Архивахъ.

** Мильтона, Патрея и проч.

*** Ихъ послано было 18 въ Швецію и въ Нѣмецкую землю. Трое изъ нихъ служили при дворѣ Карла IX въ Штокгольмѣ.

скую службу многихъ Нѣмецкихъ Офицеровъ — однимъ словомъ хотѣлъ употребить тѣ же способы для просвѣщенія Россіи, которые сто лѣтъ послѣ были увѣнчаны совершеннымъ успѣхомъ въ рукахъ Петра Великаго. Но судьба не позволила ему царствовать долѣе осьми лѣтъ; не позволила ему и въ сіе краткое время спокойно заниматься благомъ отечества, омрачивъ Россію ужасами и бѣдствіями. Годуновъ сдѣлалъ все, чего можно требовать отъ человѣческой мудрости, когда она должна сражаться съ ожесточеннымъ рокомъ. Очевидцы, Маржеретъ и Петрей, описали намъ его удивительную попечительность о спасеніи народа во время страшнаго голода, который два года свирѣпствовалъ въ Россіи. Царь ежедневно раздавалъ бѣднымъ 30,000 рублей; * отправлялъ лекарства и большія суммы денегъ въ Смоленскъ, опустошаемый язвою; истребилъ цѣлую армію злодѣевъ, которые подъ начальствомъ грознаго, отчаяннаго *Хлопка*, сего Русскаго Катилины, все жгли и грабили въ окрестностяхъ столицы. Въ самое то время, когда государство было жертвою неслыханныхъ золъ, Царь Борисъ, находя въ духѣ своемъ довольно твердости для ихъ отраженія, спокойно и величественно принималъ въ

* См. Петрея и Маржерета. Онъ нарочно завелъ строенія, чтобы бѣдныя люди, имъ питаемые, могли трудами быть полезны государству. Иванъ Великій остался монументомъ сего благодѣянія.

Москвѣ иностранныхъ Министровъ, удивлялъ ихъ велелѣпіемъ Двора, давалъ убѣжище Принцамъ, * сажалъ Царей на троны, ** заключалъ выгодные союзы, строилъ города и крѣпости; славился своимъ миролюбіемъ; дѣйствіемъ одной хитрой политики, безъ оружія, истребилъ опасныя Нагайскія Орды, и безъ побѣдъ заставилъ Европейскія Державы *** уважать Россію болѣе прежняго. Послы Сигизмунда III, Королей Датскаго и Шведскаго, Елисаветы Англійской и преемника ея, славныхъ городовъ Ганзейскихъ, надменнаго Папы, Императора Рудольфа и наконецъ завоевателя восточнаго, Персидскаго Шаха Аббаса, благоговѣли передъ трономъ Годунова.... И сего Монарха, о которомъ Петръ Великій отзывался съ уваженіемъ, и котораго имя самъ Царь Михаилъ велѣлъ сохранить на Иванѣ Великомъ, не смотря на то, что родитель его былъ гонимъ Борисомъ; сего Монарха, говорю, лѣтописцы наши не стыдятся описывать безумнымъ злодѣемъ, увѣряя, что онъ, для пріобрѣтенія любви народной, жегъ Москву, тайно умерщвлялъ старыхъ монахинь, изъ фамиліи Ро-

* Шведскому.

** Касимовскаго.

*** Самъ жестокой Авторъ Ядра Россійской Исторіи въ этомъ признается — не Хилковъ, а Секретарь, или Переводчикъ его, истинный сочинитель сей книги, какъ то открылось по найденнымъ запискамъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи.

мановыхъ, * научалъ слугъ доносить на господъ своихъ въ нелѣпостяхъ, и даже самъ грабилъ съ ними домы Бояръ! ** Мы, слава Богу! живемъ въ такія времена, въ которыя можемъ и должны разсуждать; изъясненіемъ характеръ человѣка дѣломъ, и дѣло характеромъ человѣка; знаемъ, что властолюбіе умныхъ людей не всегда бываетъ чуждо злодѣйства, но что для вѣроятности сего злодѣйства надобно доказать связь его съ пользою властолюбія. Годуновъ, ослѣпленный страстію, могъ ужаснымъ образомъ пролить невинную, святую кровь для пріобрѣтенія короны: къ нещастію рода человѣческаго мы находимъ такія страшныя дѣла въ Исторіи; но почти всѣ другія мнимыя преступленія его кажутся мнѣ нелѣпостями, достойными грубыхъ невѣждъ, которые хотѣли злословіемъ льстить царствующей Фамиліи Романовыхъ. Безпристрастный Историкъ конечно осудитъ въ немъ безпокойную подозрительность въ разсужденіи нѣкоторыхъ знатныхъ фамилій: она была причиною ссылки Романовыхъ; она заставила Годунова мѣшать брачнымъ союзамъ Бояръ и терпѣть шпіонство; но должно вспомнить характеръ того времени; должно вспомнить, что Борисъ царствовалъ скоро послѣ Іоанна, который дозволялъ себѣ не такіе ужасы въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія. Онъ не родился Госуда-

* Евфимію Никитишну, жену Князя Ивана Васильевича Сицкаго

** См. Ядро Россійской Исторіи.

ремъ; а подозрительность гораздо извинительнѣе въ избранномъ, нежели въ наслѣдственномъ Монархѣ. Послѣдній въ самой колыбели уже казался намъ властелиномъ; но люди таковы, что имъ трудно считать земнымъ богомъ человѣка, который нѣкогда былъ наравнѣ съ ними. Годуновъ могъ думать, что знатные Бояре не охотно ему повинуются; и хотѣвъ быть осторожнымъ, сдѣлался притѣснителемъ. Иностранные Писатели * замѣчаютъ, что онъ весьма рѣдко показывался народу: не трудно угадать причину: Годуновъ-Царь боялся напомнить ему лицомъ своимъ Годунова-подданнаго — страхъ неизвѣстный наслѣдственный Вѣнценосцамъ! — Къ чести нравственнаго характера его должно замѣтить, что онъ былъ нѣжнымъ отцомъ и супругомъ. Москва въ царствованіе Бориса не видѣла при Дворѣ тѣхъ соблазнительныхъ, развратныхъ явленій, которыя описаны Курбскимъ, и которыми она гнушалась послѣ въ царствованіе Лжедимитрія: тамъ сіяло одно великолѣпіе и соблюдалась строгая благопристойность. Усердная набожность принадлежитъ также къ характеру Годунова; не льзя сомнѣваться въ ея искренности, когда онъ пожертвовалъ ей жизнію любимаго сына, велѣвъ его больнаго, въ холодный зимній день, нести въ церковь. ** Никто изъ Русскихъ Царей чаще Бориса не бывалъ

* Маржеретъ.

** См. Флетчера.

въ монастырѣ Троицкомъ и въ другихъ святыхъ обителяхъ. Можетъ быть угрызеніе совѣсти влекло его къ олтарямъ Религіи, которая самыхъ преступниковъ не отвергаетъ, и льетъ бальзамъ на сокрушенное тайнымъ раскаяніемъ сердце.

Уже Россія забывала свои бѣдствія: рука дѣятельнаго правленія залечила язвы ея; изобиліе, порядокъ и благоустройство начинали царствовать *.... Вдругъ все перемѣнилось!.... Сей Царь, мудрый и сильный, на котораго смотрѣла съ почтеніемъ Европа и Азія, уступаетъ тронъ свой Польскому бродягѣ!.... Вотъ любопытная эпоха нашей Исторіи, трудная, но весьма занимательная для ума историческаго. Онъ долженъ рѣшить важное сомнѣніе, не только для Россіи, но и для Европы; рѣшить не иначе, какъ собравъ довольное число вѣроятностей для убѣжденія.... Хотя Историкъ судитъ безъ свидѣтелей; хотя не можетъ допрашивать мертвыхъ: однакожь истина всегда заронваетъ искры для наблюдателя безпристрастнаго; должно отыскать ихъ въ пеплѣ — и тогда происшествіе объясняется.

Естьли Небесное правосудіе хотѣло наказать Годунова, то Оно не могло избрать ужаснѣйшаго способа для сего наказанія, какъ воскресивъ имя убіеннаго для пораженія убійцы; и естьли Году-

* Маржеретъ, вѣрный слуга Лжедмитрія, и слѣдственно недоброжелатель Годунова, пишетъ, что Россія была тогда сильнѣе и щастливѣе прежняго.

новъ подлинно отравилъ себя ядомъ, то безразсудное его отчаяніе можно только изъяснить непосредственнымъ дѣйствіемъ вышняго Промысла и безпокойной совѣсти: * ибо онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ еще никакихъ причинъ бояться самозванца, на голову побитаго Царскою арміею и несмѣвшаго вытти изъ Путивля, гдѣ едва ли было у него и 3000 сброднаго войска. ** Внезапная смерть Годунова, молодость Царя Ѳеодора, несогласіе Бояръ и наконецъ измѣна неблагодарнаго Басманова открыли ему путь къ Москвѣ. — Что принадлежитъ до тогдашней народной ненависти къ Царю Борису, о которой говоритъ Князь Щербатовъ, то я не вижу рѣшительныхъ доказательствъ. Извѣстно непостоянство народа: онъ могъ быть обольщенъ чудесною новостію и слѣдовать за Лжедимитріевыми знаменами безъ всякой особенной ненависти къ Борису, который правленіемъ сво-

* Маржеретъ и Петрей, бывшіе тогда въ Россіи, говорятъ, что ударъ прекратилъ жизнь его; нѣкоторые иностранцы думали, что измѣнникъ Петръ Басмановъ далъ ему яду; а наши лѣтописцы утверждаютъ, что Борисъ самъ себя отравилъ.

** Вотъ тогдашнее состояніе дѣлъ: самозванецъ, побитый Шуйскимъ, ушелъ въ Путивль съ своими Іезуитами; Воевода Сендомирскій, отецъ Марины, уѣхалъ назадъ въ Польшу; часть Борисовой арміи не могла взять Рыльска, занятаго единомышленниками Отрепьева; главная армія осаждала Кромы и начальники ея ссорились между собою.

имъ не заслужилъ ее. Скорѣе повѣрю я Татищеву, что *Бояре* не любили тогда Годунова: ибо онъ, запретивъ крестьянамъ переходить съ мѣста на мѣсто, отнялъ у сильныхъ и богатыхъ господъ средство разорять бѣдныхъ дворянъ, то есть переманивать ихъ земледѣльцевъ къ себѣ. Татищевъ находитъ въ семъ законѣ причину гибели Царя Бориса и нещастнаго семейства его. Но Патріоту не хотѣлось бы оскорблять памяти старинныхъ Бояръ Русскихъ и думать, что грубое корыстолюбіе могло привязать ихъ къ успѣхамъ самозванца.

Ничто по крайней мѣрѣ не мѣшаетъ намъ жалѣть о добродѣтельной Борисовой супругѣ (отъ которой онъ, по словамъ одной лѣтописи нашей, таилъ непохвальныя дѣла свои) — о юномъ и прекрасномъ Ѳеодорѣ, котораго умъ и свойства единодушно прославляютъ всѣ Русскіе лѣтописцы, и который, подобно Англійской Аннѣ Грей, нашелъ на тронѣ одну преждевременную смерть — наконецъ о любезной Ксеніи, столь милой доброму сердцу по самымъ ужаснымъ ея бѣдствіямъ. Едва оплакавъ кончину достойнаго жениха своего, Принца Датскаго, она рѣшилась родителя — видѣла убіеніе матери, брата, и была жертвою гнуснаго сластолюбія убійцы ихъ. Ея жизнь угасла въ слезахъ подъ сводомъ монастырской кельи.

Шуйскій, сдѣлавшись Царемъ, велѣлъ перевезти тѣло Годунова изъ Варсонофьевскаго монастыря въ Троицкій и похоронить его *честно*, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, при Успенскомъ Соборѣ. Симъ изъявилъ онъ уваженіе къ памяти Годунова,

который любилъ его. На лѣвой сторонѣ отъ Собора, съ краю, лежитъ Царица; подлѣ нее Борисъ; въ третьемъ гробѣ Ксенія, а въ четвертомъ Ѳеодоръ.

Всякой, кто знаетъ исторію отечества, кто умѣетъ цѣнить характеры и дѣла, будучи въ Лаврѣ, захочетъ видѣть эту смиренную палатку; устремитъ на нее глаза съ любопытствомъ; скажетъ: «вотъ чѣмъ должно кончиться земное властолю-«біе!» и примолвитъ: «Богъ судитъ тайныя зло-«дѣянія; а мы должны хвалить Царей за все, что «они дѣлаютъ для славы и блага отечества!»

Изъ монастыря поѣхалъ я въ село Деулино, до котораго будетъ версты 4 отъ Троицы. Тутъ заключенъ съ Поляками миръ при Царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, не славный, однакожь въ тогдашнихъ обстоятельствахъ благодѣтельный для Россіи. Она уступила Польшѣ Смоленскъ и еще нѣсколько городовъ; за то Королевичь Владиславъ отказался отъ своихъ требованій на престолъ Россійскій, и возвратилъ изъ плѣна Филарета Никитича. Три раза съѣзжались Министры: въ первый разъ (по словамъ лѣтописцевъ) они побранились, въ другой едва не подрались, а въ третій заключили миръ на 14 лѣтъ. Поляки, выходя изъ Россіи, конечно не думали, что имъ уже никогда не возвращаться въ ея предѣлы. Деулинскій договоръ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ трагедіи, которую они столько лѣтъ играли въ нашемъ отечествѣ. Воображая ихъ неистовства—грабежи, убійства, всякаго роду насилія — я вижу дѣйствіе Небеснаго правосудія,

которое дозволило потомству отмстить за предковъ, избравъ Екатерину Великую для совершенія удара. Взаимная ненависть двухъ народовъ рано или поздно кончится погибилію одного изъ нихъ.

Г. Миллеръ замѣчаетъ, что многія мѣстечки и деревни въ Россіи, гдѣ заключались трактаты съ Швеціею и Польшею, или совсѣмъ исчезли или перемѣнили свои имена; такимъ образомъ, возвращаясь изъ Сибири, между Тихвина и Старой Ладоги, онъ напрасно искалъ села Столбова, гдѣ подписанъ былъ трактатъ съ Шведами. Заполье и Андрусово, гдѣ въ 1582 и 1667 году Россія заключила миръ съ Поляками, также намъ неизвѣстны. Но Деулино и самая деревянная церковь, построенная Троицкимъ Архимандритомъ Діонисіемъ и Келаремъ Авраміемъ на память миру, служитъ донынѣ предметомъ любопытства для Русскихъ, знающихъ свою Исторію. — Недалеко отъ Деулинской церкви видны еще остатки укрѣпленій: Русскихъ или Польскихъ, не извѣстно. Тамошній Священникъ, о которомъ пишетъ Г. Миллеръ, и который разговаривалъ съ нимъ о Польской войнѣ, давно умеръ. Я не видалъ нынѣшняго, и не могъ узнать, столько ли онъ свѣдущъ въ Русскихъ древностяхъ, какъ его предмѣстникъ.

Такимъ образомъ два дни прошли для меня въ историческихъ воспоминаніяхъ, дѣлающихъ мѣста и предметы любопытными. Исторія въ нѣкоторыхъ лѣтахъ занимаетъ насъ гораздо болѣе романовъ; для зрѣлаго ума истина имѣетъ особенную

прелесть, которой нѣтъ въ вымыслахъ. Въ самомъ грустномъ расположеніи, въ которомъ цвѣты разума и воображенія не веселятъ насъ, человѣкъ можетъ еще съ какимъ-то меланхолическимъ удовольствіемъ заниматься Исторіею: тамъ все говоритъ о томъ, что было, и чего уже нѣтъ!....

1803 г.

РУССКАЯ СТАРИНА.

(Сообщаю анекдоты и разныя извѣстія о старой Москвѣ и Россіи, выбранныя мною изъ чужестранныхъ Авторовъ, которые во время Царей жили въ нашей столицѣ и которые не во всѣхъ библіотекахъ находятся. Думаю, что эта статья для многихъ читателей будетъ занимательна. Къ нещастью, мы такъ худо знаемъ Русскую старину, любезную для сердца Патріотовъ!)

—

Во время Царя Михаила Ѳеодоровича считалось въ Москвѣ около 2000 церквей. Сіе великое число покажется удивительно; но должно знать, что всякой Бояринъ, всякой знатной или богатой человѣкъ того времени хотѣлъ имѣть собственную церковь свою. Онѣ были почти всѣ деревянныя и маленькія. Патріархъ Никонъ, видя частые въ Москвѣ пожары, уговаривалъ набожныхъ и богатыхъ людей строить каменныя церкви, и множество деревянныхъ было при немъ сломано. Олеарій говоритъ о *пятидесяти* церквахъ въ Кремлѣ; но вѣроятно, что онъ и придѣлы называетъ храмами. — Иностранцы, замѣчая, что всѣ наши церкви внутри бываютъ съ круглыми сводами, хотѣли знать причину того, но не смогли свѣдать ее. Извѣстно, что и языческіе храмы (какъ на при-

мѣръ, Пантеонъ въ Римѣ) по большой части имѣли круглые своды: видъ неба безъ сомнѣнія служилъ для нихъ образцомъ. — Католики и Лютеране спрашивали также у Русскихъ: для чего въ храмахъ нашихъ не бываетъ музыки? Для того (отвѣчали они), «что инструменты бездушные не «могутъ хвалить Бога, и что въ Новомъ Завѣтѣ совсѣмъ не упоминается о музыкѣ.» — Олеарій и другіе чужестранные Писатели говорятъ, что одно Русское ухо могло сносить страшной звонъ Московскихъ колоколовъ. Въ большой колоколъ Годунова, вѣсомъ въ 356 центнеровъ, звонили единственно въ большіе праздники, или тогда, какъ Цари принимали въ Кремлѣ важныхъ Пословъ чужестранныхъ. — Описывая тишину благочестія, наблюдаемую Русскими въ церквахъ, Олеарій прибавляетъ, что Московскіе жители и на улицахъ безпрестанно молятся, или передъ иконами, стоящими на воротахъ, или передъ крестами церквей. Герберштеинъ, бывшій въ Москвѣ еще при Князѣ Васильѣ Ивановичѣ, также замѣчаетъ великую набожность Русскихъ, и пишетъ, что они, приходя одинъ къ другому въ гости, обыкновенно снимаютъ шапку въ дверяхъ, ищутъ глазами не хозяина, а иконъ; становятся посреди горницы, три раза крестятся и кланяются имъ, говоря въ слухъ: *Господи помилуй*; а тамъ уже оборачиваются къ хозяину съ привѣтствіемъ: *дай Боже здравія тебѣ и домочадцамъ твоимъ!* — До самыхъ временъ Императора Петра Великаго Русскіе Священники не смѣли говорить проповѣдей

въ церквахъ; начальники Духовенства боялись ереси и расколу, который, по ихъ мнѣнію, могъ родиться отъ своевольныхъ изъясненій Св. Писанія. Во время Патріарха Никона Муромскій Протопопъ Логинъ отступилъ отъ сего закона и началъ проповѣдывать въ церкви, уговоривъ и другихъ Муромскихъ священниковъ слѣдовать его примѣру. Народъ слушалъ ихъ съ великимъ удовольствіемъ; но Патріархъ, свѣдавъ о томъ, разстригъ Логина и товарищей его, и сослалъ ихъ въ Сибирь. — Цари бывали со всѣми Боярами ежегодно два или три раза въ Монастырѣ Троицкомъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичь всегда праздновалъ тамъ день Троицы и свои имянины въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Не доѣзжая до монастыря за три версты, онъ выходилъ изъ коляски или берлина, чтобы со всѣми Боярами итти пѣшкомъ до самыхъ воротъ, гдѣ встрѣчалъ его Архимандритъ. Царь живалъ тамъ по нѣскольку дней, и часто забавлялся охотою въ окрестныхъ мѣстахъ. Петрей говоритъ, что Архимандритъ, по старинному обыкновенію, долженъ былъ угощать Царей и свиту ихъ на счетъ богатой казны монастырской. — Всѣ Рускіе Государи старались отличить себя благочестіемъ; но едва ли кто нибудь изъ нихъ могъ сравняться въ усердной набожности съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, который, по словамъ Олеарія, почти всегда молился въ церкви на колѣняхъ и падалъ ницъ передъ иконами.

Олеарій при описаніи своего путешествія издалъ весьма хорошій и вѣрный планъ Москвы. Въ его

время она раздѣлялась на *Китай-городъ*, *Царь-городъ* (нынѣ Бѣлой-городъ), *Скородомъ* и Стрѣлецкую Слободу, бывшую за Москвою-рѣкою. Кремль считался только частію Китая-города. Олеарій пишетъ великолѣпіи дворца, построеннаго въ Италіянскомъ вкусѣ Царемъ Михаиломъ для сына его Алексѣя Михайловича; самъ же Царь жилъ для своего здоровья въ деревянномъ домѣ. Всѣ знатнѣйшіе Бояре имѣли домы въ Кремлѣ. Палаты Никона Патріарха были тамъ, послѣ дворца, огромнѣйшимъ зданіемъ. Олеарій не изъясняетъ имени Кремля; но мы знаемъ, что оно Татарское и значитъ *крѣпость*. За то онъ сказываетъ намъ, что имя Китая-города значитъ *среднiй городъ*, — вѣроятно, также на Монгольскомъ или Татарскомъ языкѣ, изъ котораго наши предки заимствовали довольно словъ. Будучи между Кремлемъ и Царемъ-городомъ, *Китай* могъ назваться *среднимъ*. Въ немъ жили тогда всѣ богатѣйшіе гости или купцы, нѣкоторые Князья Московскіе и дворяне. Олеарій, упоминая о готической и примѣчанія достойнѣйшей въ Китаѣ-городѣ церкви Василія Блаженнаго, разсказываетъ, что Царь Іоаннъ, будучи ею весьма доволенъ, приказалъ выколоть глаза Архитектору ея, чтобы онъ не могъ построить другаго, столь же красиваго храма: возможно — но справедливо ли? оставимъ безъ изслѣдованія. По крайней мѣрѣ сей анекдотъ разсказывали у насъ въ старину за истину. Не далеко отъ Василія Блаженнаго было возвышенное мѣсто, на которомъ *лежали* неподвижно двѣ огромныя пушки, обра-

щенныя къ той улицѣ, откуда обыкновенно приходили Татары. На Красной Площади *съ утра до вечера* толпилось множество людей праздныхъ, господскихъ слугъ, купцовъ и продавцевъ всякаго роду вещей. Сіе мѣсто походило на Римской Форумъ. Тутъ разсказывались всякія любопытныя вѣсти. Уже при Царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ (вѣроятно, что и гораздо прежде) для всякаго товара былъ въ Москвѣ особенный рядъ, какъ и нынѣ, и на томъ же самомъ мѣстѣ. Олеарій именуетъ ряды: шелковый, суконный, серебряный, шапошный, сѣдельный, сапожный, иконный и проч. Онъ говоритъ еще о рынкѣ (между Польскимъ Дворомъ и Красною Площадью), гдѣ въ хорошую погоду Московскіе жители стригли себѣ волосы, которыми земля была тамъ устлана какъ *мягкими тюфяками*. Китай-городъ окруженъ былъ *красною*, а *Царь-городъ* бѣлою стѣною. Въ сей части города жили Дѣти Боярскіе или дворяне, богатое мѣщанство; купцы, имѣвшіе торгъ съ другими городами ремесленники и всѣ хлѣбники; тамъ же были Царская конюшня и литейной дворъ, на томъ мѣстѣ, которое называлось *поганымъ прудомъ*. — Третья часть Москвы (за нынѣшнимъ *Бѣлымъ городомъ*) называлась *Скородомомъ* отъ того, что она состояла изъ однихъ деревянныхъ маленькихъ домовъ, которыхъ строеніе не требовало много времени. Тамъ находился лѣсной рядъ, гдѣ продавались всегда готовые срубы. Въ *Скородомѣ*, окруженномъ *деревянною* стѣною съ башнями, жили мѣщане и подъячіе. — Четвертая часть города, или Стрѣлецкая Слобода (за

Москвою-рѣкою), также обнесенная деревянною стѣною, была построена ва время Князя Василья Ивановича для иностранныхъ солдатъ, взятыхъ имъ въ Русскую службу. Во время Годунова, Димитрія и Царя Михаила Ѳеодоровича жили тамъ Стрѣльцы и самые бѣднѣйшіе люди.

Густая борода и толстое брюхо считались на Руси великимъ украшеніемъ человѣка. Цари, принимая чужестранныхъ Министровъ, нарочно окружали себя людьми дородными, чтобы тѣмъ придать болѣе важности своимъ аудіенціямъ. Знатные господа обыкновенно подбривали себѣ волосы кругомъ, и единственно тогда отпускали ихъ, когда впадали при Дворѣ въ немилость. Бояринъ съ длинными волосами ходилъ всегда потупивъ глаза въ землю, и народъ, встрѣчаясь съ нимъ, говорилъ: *Царь-Государь на него прогнѣвался.* — Иностранцы чрезмѣрно хвалили красоту Московскихъ женщинъ, но съ отвращеніемъ говорили о странномъ ихъ обыкновеніи *размазывать* себѣ лицо бѣлилами и румянами, такъ, что сіи грубыя краски лежали на немъ толстыми слоями. Сія безобразная мода перешла въ Россію изъ Константинополя еще во время Великихъ Князей Кіевскихъ. Бѣдныя красавицы наши иногда со слезами должны были ей слѣдовать. Олеарій разсказываетъ, что въ бытность его въ Москвѣ жена Боярина, Князя Ивана Борисовича Черкаскаго, будучи молода и прекрасна, не хотѣла бѣлиться; но всѣ знатныя женщины объявили ей войну за такое презрѣніе къ древнему обыкновенію, подбили мужей своихъ всту-

питься за честь бѣлилъ, и наконецъ принудили молодую Княгиню раскрасить, подобно другимъ, нѣжное лицо ея.

Предки наши носили не совсѣмъ такое платье, какое нынѣ называется *Русскимъ*. Сверхъ короткой рубашки (у богатыхъ вышитой разными шелками, и даже золотомъ, на рукавахъ и на воротникѣ, который выставлялся изъ-подъ одежды) они надѣвали узкое и короткое полу-кафтанье, едва достававшее до колѣнъ, и сшитое всегда изъ тонкой матерiи (изъ тафты или атласа) съ бархатнымъ или парчевымъ воротникомъ, высокимъ и стоячимъ; а сверхъ того кафтанъ, по икру, также изъ тонкой матерiи, но всегда стеганый и называемый *ферезь*; * а когда имъ надлежало вытти изъ дому, тогда всякой наряжался въ кафтанъ длинной, суконно́й, темно-синiй или кофейной, иногда же парчевой или атласной, съ широкимъ воротникомъ, съ золотыми петлицами и съ длинными сбористыми рукавами. Такихъ богатыхъ кафтановъ хранилось множество въ Царской кладовой; въ день аудiенцiи давали ихъ надѣвать чиновникамъ, и снова запирали въ сундуки — Бояре, при всякомъ торжественномъ случаѣ, являлись въ *высокихъ* шапкахъ, собольихъ и черныхъ лисьихъ, а другiе знатные или богатые люди носили обыкновенно бархатныя съ собольею опушкою. Сапо-

* Нынѣ мы называемъ *ферезями* одни нарядные сарафаны.

ги у нихъ были короткіе, по большой части изъ Персидскаго сафьяна, остроносые и съ высокими каблуками. Женщины носили ферези, или сарафаны, а сверхъ шубу или длинное, широкое платье, почти такое же, какъ мущины, съ застежками или серебряными пуговицами. Замужнія ходили въ шапкахъ * съ бобровою опушкою, унизанныхъ жемчугомъ, вышитыхъ золотомъ; а дѣвицы въ большихъ лисьихъ. — Маржеретъ говоритъ, что знатныя Русскія женщины обыкновенно провожали верхомъ Царицу, когда она ѣзжала гулять за городъ: это покажется иному невѣроятнымъ; но для чего же лгать Маржерету, который долго жилъ въ Москвѣ при Годуновѣ и Димитріи? Надобно думать, что Русскія женщины переняли ѣздить верхомъ у Татарокъ.

Описаніе домашней жизни старыхъ Русскихъ Бояръ безъ сомнѣнія не плѣнитъ нашего воображенія. Не многіе изъ нихъ имѣли каменные домы, и то уже во время Романовыхъ; при Годуновѣ жили они въ деревянныхъ, маленькихъ и темныхъ домикахъ. Горницы обивались иногда выбѣленною холстиною, и единственнымъ украшеніемъ ихъ были образа. Домашняя посуда состояла — въ горшкахъ, въ деревянныхъ или оловянныхъ чашахъ и тарелкахъ. Въ одномъ дворцѣ подавали кушанье на серебрѣ; богатые и знатные люди имѣли только чарки и стопы серебряныя. Щи, раз-

* По крайней мѣрѣ не лѣтомъ, какъ надобно думать.

ныя похлебки, каши, пироги, ветчина, всякія жареныя мяса (кромѣ телятины), икра и соленая рыба составляли богатство Русской кухни. Олеарій говоритъ, что старики наши съ похмѣлья ѣдали обыкновенно рубленую баранину съ огурцами, перцомъ, уксусомъ и разсоломъ огурешнымъ; что они крайне любили чеснокъ, и что въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ рѣдко проходилъ запахъ его. Иностранцамъ отмѣнно нравились Русскіе меды: малиновой, вишневой, смородинной и другіе. Что же касается до Италіянскихъ и Французскихъ винъ, то Бояре хотя и получали ихъ черезъ Архангельскъ, однакожь предпочитали имъ водку. Знатные люди не рѣдко давали обѣды и приглашали къ себѣ гостей изъ низшаго состоянія, напримѣръ изъ купцовъ: въ такомъ случаѣ сіи послѣдніе обыкновенно изъявляли благодарность свою дорогими подарками, такъ, что хозяинъ не оставался въ накладѣ. Естьли онъ хотѣлъ дружески обласкать ихъ, то призывалъ жену, чтобы она подчивала гостей водкою; иногда дозволялось имъ даже и цѣловать ее въ губы. Такимъ образомъ нѣкто изъ людей знаменитыхъ въ Москвѣ, угощая Олеарія, вызвалъ его въ другую комнату, гдѣ встрѣтила ихъ хозяйка въ богатой одеждѣ, поклонилась *сперва* мужу, а тамъ гостю; взяла изъ рукъ служанки подносъ съ налитою чаркою, сама отвѣдала и подала Олеарію. Сія молодая, прелестная женщина, исполняя волю супруга, должна была, закраснѣвшись, поцѣловать иностранца, и

вручила ему бѣлую тафтяную ширинку, вышитую золотомъ и серебромъ.

Русскіе обѣдали въ старину часу въ одиннадцатомъ утра, и тотчасъ ложились отдыхать, какъ знатные, такъ и простые люди. Въ сіе время не льзя было итти въ гости ни къ купцу, ни къ Боярину; даже сидѣльцы запирали лавки свои и въ лѣтнее время спали на землѣ передъ ними. Димитрій Самозванецъ никогда не отдыхалъ послѣ обѣда и не ходилъ въ баню: жители Московскіе заключали изъ того, что онъ не Русской!

Жены богатыхъ и знатныхъ мужей вели обыкновенно жизнь праздную и мало думали о хозяйствѣ; вышивали платки и кошельки золотомъ; сидѣли поджавъ руки, или качались на качеляхъ съ служанками. Онѣ рѣдко выходили изъ дому, даже и въ церковь: ибо Русскіе мужья въ старину не стыдились быть ревнивыми. Боярыни, нарядясь великолѣпно, выѣзжали лѣтомъ въ закрытыхъ маленькихъ колясках или *колымагахъ*, обитыхъ *снаружи* краснымъ сукномъ; а зимою въ саняхъ, также закрытыхъ. Всякая изъ нихъ сажала въ ногахъ своихъ *молодую рабу*. Кругомъ шло множество слугъ, иногда до 30 и 40 человѣкъ, говоритъ Олеарій, а на лошади, впряженной въ колымагу или въ сани, висѣли лисьи хвосты. Такъ украшались и Боярскія и Царскія лошади; сихъ послѣднихъ обвѣшивали иногда и соболями.

Иностранцы, бывшіе при Царяхъ въ Москвѣ, находили нашихъ предковъ невѣждами въ сравненіи съ другими европейскими народами; но исключали

изъ сего числа нѣкоторыхъ знатныхъ людей, уже имѣвшихъ довольно свѣдѣній. Такъ на примѣръ, Олеарій чрезмѣрно хвалитъ умъ и любезность Боярина Никиты Ивановича Романова-Юрьева, человѣка веселаго и добродушнаго. Онъ былъ усерднымъ покровителемъ всѣхъ чужестранцевъ въ Москвѣ, любилъ ихъ обычаи, музыку; даже сдѣлалъ себѣ Нѣмецкое платье, ѣздилъ въ немъ иногда на охоту, и не слушался Патріарха Іосифа, который упрекалъ его такою *непристойностію*; однакожь Іосифъ досталъ наконецъ хитростію Нѣмецкое платье Боярина и сжегъ его. Сей Никита Ивановичь не рѣдко спорилъ съ Патріархомъ о Религіи; говорилъ не много, но сильно и рѣзко: ибо онъ, будучи родственникомъ Государевымъ и любимъ всѣми, не боялся досадить ему. — Борисъ Ивановичь Морозовъ, воспитатель Царя Алексѣя Михайловича, описывается иностранцами также весьма умнымъ и любопытнымъ человѣкомъ. Онъ дружески обласкалъ Голштинскихъ Пословъ, бывшихъ въ Москвѣ при Царя Михаилѣ — угощалъ ихъ въ домѣ своемъ, веселилъ соколиною охотою и провожалъ съ музыкою по Москвѣ-рѣкѣ, когда они отправились водою въ Персію. — Патріархъ Никонъ есть важный характеръ для Историка Россіи: Иностранцы отдавали справедливость необыкновенному его разуму. Онъ жилъ, по ихъ извѣстіямъ, весьма хорошо и даже роскошно въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ своихъ; любилъ веселиться съ умными Боярами, любилъ шутить въ разговорахъ. — Впрочемъ Никонъ хотѣлъ всегда стро-

гаго общественнаго благонравія. Такъ, на примѣръ, онъ запретилъ музыку въ столицѣ, думая, что она можетъ развратить нравы; велѣлъ отобрать музыкальные инструменты не только въ питейныхъ, но и во всѣхъ частныхъ домахъ и торжественно сжечь ихъ за Москвою-рѣкою. Одинъ Никита Ивановичь Романовъ не послушался его, и не переставалъ забавляться музыкою въ домѣ своемъ.

Герберштеинъ описываетъ Русскихъ Бояръ и дворянъ весьма гордыми. «Простые люди (говорherитъ онъ) почти не имѣютъ къ нимъ доступа, и «не могутъ въѣхать верхомъ на Боярскій дворъ. «Знатной человѣкъ никогда не ходитъ пѣшкомъ, «боясь тѣмъ унизиться; ему надобно сѣсть на ло«шадь, чтобы видѣться съ сосѣдомъ, живущимъ «отъ него въ десяти шагахъ.» Сей Гербенштеинъ хвалитъ трудолюбіе и воздержность Московскихъ ремесленниковъ, которые, сходивъ въ праздникъ къ обѣднѣ, возвращались домой и снова принимались за дѣло: «ибо они думали» (вотъ точные слова его!) «что однимъ Боярамъ и знатнымъ лю«дямъ можно быть праздными, и что работать «гораздо душеспасительнѣе, нежели гулять и пьян«ствовать. Впрочемъ и самый законъ дозволяетъ «имъ пить медъ и пиво въ одни большіе праздни«ки.» — Еще и во время Великихъ Князей Московскіе купцы знали и твердили пословицу: *товаръ лицомъ продать*. Хитрость ихъ въ куплѣ и продажѣ удивляла Нѣмцовъ, которые говорили: «одинъ Сатана обманетъ Русскаго.» Но естьли иностранецъ ошибкою платилъ Русскимъ купцамъ

лишнія деньги, то они всегда отдавали ихъ назадъ, думая, что пользоваться такою ошибкою есть быть воромъ. — Мастеровые люди наши и въ старину славились отмѣнною переимчивостію. Иностранные художники, пріѣзжавшіе въ Россію со временъ Князя Іоанна, не пускали ихъ наконецъ въ свою мастерскую, боясь, чтобы они не сравнялись съ ними въ искусствѣ.

Къ чести Русскихъ, иностранцы замѣчали въ нихъ великую любовь къ благотворенію. По смерти всякаго богатаго человѣка родственники его, въ теченіе шести недѣль, ежедневно раздавали деньги бѣднымъ людямъ. Купецъ, идучи по утру въ лавку, заходилъ прежде на рынокъ, покупалъ хлѣбъ, и разрѣзавъ его на ломти, отдавалъ нищимъ, которые не только сами питались сею милостынею, но и продавали еще множество сухарей дорожнымъ людямъ изъ остатковъ ея. — По древнему обыкновенію Цари наши, въ первый денъ Пасхи, между заутрени и обѣдни, ходили въ городскую темницу, и сказавъ преступникамъ: *Христосъ воскресъ и для васъ!* дарили каждаго изъ нихъ *новою шубою*, и сверхъ того присылали имъ чѣмъ разговѣться. Зимою обыкновенно получали Бояре запасъ изъ деревень своихъ: тогда ключники ихъ должны были навѣдываться о бѣдныхъ людяхъ и надѣлять ихъ мукою, масломъ и проч.

Такія достохвальныя черты нравовъ мирятъ насъ съ невѣжествомъ и суевѣріемъ нашихъ предковъ.... Они считали Астрономію колдовствомъ. Слыша, что Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ желаетъ

оставить при Дворѣ своемъ Астронома Олеарія, народъ ужасался и говорилъ: «Царь хочетъ имѣть при себѣ волшебника, который по звѣздамъ угадываетъ будущее!» Это испугало Олеарія.... Черезъ нѣсколько лѣтъ пріѣхавъ опять въ Москву, онъ вздумалъ однажды забавлять Дьяка иностранныхъ дѣлъ темною камерою, и показывалъ ему на стѣнѣ предметы, бывшіе на улицѣ: Дьякъ крестился.... Всего страннѣе казалось ему то, что люди и лошади изображались вверхъ ногами и такимъ образомъ двигались. — Голландскій Фельдшеръ, именемъ Квиринусъ, служившій Царю, имѣлъ у себя въ горницѣ скелетъ человѣка. Однажды Квиринусъ игралъ на лютнѣ и вѣтеръ шевелилъ кости, висѣвшія на стѣнѣ противъ раствореннаго окна. Стрѣльцы увидѣли это и разгласили по городу, что Голландскій Фельдшеръ держитъ у себя мертвыхъ и заставляетъ ихъ плясать по лютнѣ. Дѣло дошло до Патріарха, и бѣднаго Квиринуса хотѣли-было сжечь какъ волшебника. Къ щастію, удалось ему изъяснить свое колдовство Князю Ивану Борисовичу Черкаскому, и страшная исторія кончилась тѣмъ, что Фельдшера выслали изъ Россіи, а скелетъ его сожгли за Москвою-рѣкою.

Нарвскій Пасторъ Мартинъ Беръ, бывшій въ Москвѣ при Царѣ Годуновѣ, разсказываетъ слѣдующій анекдотъ: «Царь Борисъ занемогъ подагрою и велѣлъ объявить въ столицѣ, что искусный человѣкъ, который исцѣлитъ его отъ сей «болѣзни, будетъ щедро награжденъ Царскою ми-

«лостію. Жена одного Сына Боярскаго вздумала «тѣмъ воспользоваться, чтобы отмстить мужу своему за разныя его жестокости; пришла во дво«рецъ и сказала, что мужъ ея знаетъ вѣрное стред«ство вылечить Царя, но не хочетъ употребить «его. Боярскаго Сына призываютъ, спрашиваютъ: «онъ божится, что не имѣетъ понятія о Медици«нѣ. Ему не вѣрятъ и грозятъ темницею, даже «казнію. Видя, какъ говорятъ по-Русски, *бѣду не «минуемую*, сынъ Боярскій требуетъ сроку — по«сылаетъ людей своихъ накосить возъ травы, дѣ«лаетъ изъ нее Царю припарки, и—боль утихаетъ, «конечно не отъ лекарства, но сама собою. Царь «увѣрился въ искусствѣ мнимаго врача, и велѣлъ «наказать его за то, что онъ не хотѣлъ сперва по«мочь ему; однакожь наградилъ битаго собольею «шубою, двумя стами рублей денегъ и осьмнад«цатью дворами крестьянъ, обязавъ его подпи«скою не мстить женѣ. Слышно было, что супру«ги жили послѣ того въ совершенномъ мирѣ и со«гласіи.» — При Годуновѣ были въ Москвѣ иностранные Медики, которые лечили какъ Царя, такъ и знатнѣйшихъ Бояръ; но естьли лекарства не дѣйствовали и больной умиралъ на ихъ рукахъ, то имъ надлежало отвѣтствовать за сію неудачу какъ за уголовное преступленіе. Когда Датскій Принцъ, женихъ любезной Ксеніи, занемогъ въ Москвѣ, Борисъ Годуновъ объявилъ Докторамъ, что они жизнію своею заплатятъ за его смерть. Къ нещастью, Принцъ умеръ, и Медики должны были скрыться. Но скоро пришла къ Царю злая по-

дагра, и онъ велѣлъ объявить милостивое прощенiе. — Годуновъ и самъ давалъ Докторскiе патенты. Одинъ изъ его лекарей хотѣлъ ѣхать въ Нѣмецкiй Университетъ, чтобы получить тамъ градусъ Доктора. «Это пустое,» сказалъ Царь: «я знаю «твое искусство, жалую тебя въ первокласные Медики и велю написать патентъ не хуже Университетскаго.» — «Но только Дворъ и Бояре,» говоритъ Маржеретъ, «прибѣгаютъ къ иностраннымъ врачамъ: всѣ другiе Московскiе жители «не вѣрятъ ихъ искусству и лечатся по своему; «а именно, виномъ съ растертымъ порохомъ или «чеснокомъ: что, вмѣстѣ съ жаркою банею, служитъ для нихъ лекарствомъ во всѣхъ болѣзняхъ. «Надобно признаться, что они гораздо здоровѣе «насъ, Французовъ. Въ Россiи очень много людей «за 80, 100 и 120 лѣтъ.»

При Царѣ Михаилѣ Θедоровичѣ былъ въ Россiи Докторъ Павелъ Флемингъ, человѣкъ умной, доброй — и стихотворецъ. Любопытство, видѣть народъ почти неизвѣстный въ Европѣ, завело его въ наше отечество. Онъ пять мѣсяцевъ жилъ въ разныхъ селенiяхъ близъ Новагорода, старался узнать нравы земледѣльцовъ Русскихъ, и въ Нѣмецкихъ стихахъ описалъ ихъ такими красками, какими славный Галлеръ описываетъ нравы щастливыхъ Альпiйскихъ жителей въ извѣстной Поэмѣ своей die Alpen. Я переведу здѣсь нѣкоторые стихи его.... «Любопытство ума заставило меня проститься съ «отечествомъ и съ друзьями, чтобы видѣть страну отдаленную, которую мы знаемъ только по

«злословію сосѣдовъ ея или разсказамъ лживыхъ «путешественниковъ. Благодарю судьбу!.... Доброму сердцу пріятно вездѣ находить хорошее. Въ «землѣ, называемой варварскою, вижу людей до«стойныхъ называться людьми. Земледѣлецъ Рус«ской не мудрствуетъ о свободѣ, но истинно сво«боденъ душею; онъ богатъ, не чувствуя ника«кихъ недостатковъ; цвѣтетъ здоровьемъ, имѣетъ «доброе сердце и не знаетъ, что оно есть рѣдкое «достоинство въ человѣкѣ; живетъ въ низкой хи«жинѣ, имъ срубленной, и доволенъ, что она укры«ваетъ его отъ ненастья и холода; работаетъ ве«село, въ надеждѣ на Бога; наслаждается покоемъ «въ объятіяхъ вѣрной супруги и засыпаетъ слад«ко подъ громкимъ пѣніемъ соловья. Жена ща«стлива повиновеніемъ мужу, и строгость его счи«таетъ знакомъ любви. Онъ не боится воровъ «(бѣдность служитъ ему наилучшимъ стражемъ): «не заботится о будущемъ, вѣря, что небесный «Отецъ печется о людяхъ. Не жалѣйте о невѣже«ствѣ его, ученые мужи Европы! онъ разумѣетъ «добраго сосѣда своего, и думаетъ, что знаетъ все «нужное. Ахъ! народъ сей принадлежитъ еще къ «древнему царству Сатурна: ибо хитрость, ковар«ство, обманы, ему неизвѣстны. Щастливая про«стота, любезная невинность! мы васъ уже не ви«димъ въ странахъ своихъ: кто бы думалъ, чтобы «вы, оставивъ Германію, переселились въ землю «Русскую? Кто могъ бы искать здѣсь добродѣте«лей Астреина вѣка?»

Во время Великаго Князя Ивана Васильевича

начали иностранцы пріѣзжать въ Россію и селиться въ Москвѣ. Онъ и сынъ его, Василій Ивановичь, брали ихъ въ Русскую службу. Послѣ имъ отведено было мѣсто за городомъ, на берегу Яузы, гдѣ на счетъ казны выстроили для нихъ домики. Жены солдатъ Нѣмецкихъ, замѣтивъ что нибудь странное въ Русскихъ, ходившихъ мимо ихъ оконъ, кричали другъ другу: *Кукке, кукке гиръ*, то есть: *смотри, смотри!* Русскіе затвердили это слово, и прозвали Нѣмецкую слободу *Кукуемъ*. Черезъ нѣсколько лѣтъ она запустѣла: иностранцы переселились въ городъ, и богатѣйшіе изъ нихъ начали тамъ строить каменные домы. Лютеране имѣли церковь свою въ Бѣломъ городѣ (близъ нынѣшней Меньщиковой башни); но женская ссора *разрушила ее до основанія.* Олеарій такимъ образомъ говоритъ о семъ случаѣ. Многіе Нѣмецкіе Офицеры, бывшіе въ Русской службѣ, женились на служанкахъ, которыя, гордясь чиномъ мужей своихъ, захотѣли въ церкви сидѣть выше купеческихъ женъ. Послѣднія не соглашались уступить имъ мѣста, и вышла ссора, даже драка. Въ самую ту минуту Патріархъ ѣхалъ мимо, узналъ причину шума, и сказалъ: *когда онѣ входятъ въ церковь не молиться, а гордиться, то имъ лучше не имѣть ее* — и велѣлъ сломать церковь до основанія. Черезъ нѣкоторе время онѣ построили новую въ Земляномъ городѣ; но скоро должны были совсѣмъ переселиться за валъ. Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Московскіе Священники жаловались на то, что Нѣмцы живутъ въ ихъ приходахъ, покупаютъ са-

мыя лучшія мѣста и строятъ большіе домы, съ которыхъ церкви не имѣютъ никакого дохода; но какъ Государь уважалъ иностранцевъ, то сіи жалобы не имѣли успѣха до самыхъ временъ Царя Алексѣя Михайловича. Тогда считалось въ Москвѣ уже болѣе 1000 человѣкъ Нѣмцовъ. Всѣ они носили Русское платье. Однажды Патріархъ — не извѣстно, который, но вѣроятно, что Іосифъ — ѣхалъ по улицѣ, благословлялъ народъ, и замѣтилъ, что нѣкоторые люди въ толпѣ не хотѣли, подобно другимъ, ему кланяться. Сіи люди были иностранцы. Патріархъ, оскорбленный ихъ гордостію, требовалъ отъ Царя, чтобы Онъ приказалъ имъ носить Нѣмецкое платье и тѣмъ отличаться отъ *православныхъ*. «Я не хочу (сказалъ Патріархъ) впредь ошибаться и благословлять иновѣрцевъ.» Черезъ два дни всѣ они должны были одѣться по-своему * — и сверхъ того Царь Алексѣй Михайловичь, уваживъ новыя жалобы Духовенства, запретилъ Нѣмцамъ жить въ городѣ, исключая тѣхъ, которые захотятъ принять Греческую Вѣру. Имъ снова отвели мѣста на берегу Яузы или на *Кукуѣ*. Съ того времени иностранцы, отличенные одеждою, едва смѣли показываться въ городѣ: маль-

* Нѣкоторые не могли такъ скоро сдѣлать себѣ Нѣмецкихъ кафтановъ и надѣвали чужіе. «На одномъ (говоритъ Олеарій кафтанъ тащился по землѣ, а на другомъ не доставалъ до колѣна — что не льзя было видѣть безъ смѣха).

чишки бѣгали за ними по улицамъ, оскорбляли ихъ непристойными словами и дразнили именемъ Кукуя. Наконецъ, лишась терпѣнія, Нѣмцы требовали защиты Царя, и въ прошеніи своемъ говорили, что они, стараясь быть полезными для Россіи, съ горестію видятъ себя предметомъ народной ненависти; что отцы ихъ были щастливѣе, пользуясь милостію Государя Михаила Ѳеодоровича, который, не смотря на свое великое усердіе къ Вѣрѣ Греческой, не дозволялъ Русскимъ обижать иновѣрцевъ. Добрый Царь Алексѣй Михайловичь приказалъ увѣрить ихъ въ своемъ покровительствѣ и всенародно объявить, чтобы никто не смѣлъ оскорблять чужестранныхъ ни словомъ, ни дѣломъ; что всякое преступленіе сего роду будетъ строго наказано, и что жилище Нѣмцовъ должно впредь называться *новою иноземскою Слободою*. Вотъ происхожденіе нынѣшней Слободы Нѣмецкой. Иностранцы продали каменные домы свои въ городѣ, а деревянные перевезли на берегъ Яузы, и были весьма довольны своимъ жребіемъ; отдѣлясь отъ Русскихъ, они лучше могли пользоваться удовольствіями общества между собою и благодарили Царя за то, что онъ велѣлъ имъ ходить въ собственной народной одеждѣ; построили двѣ Лютеранскія и двѣ Реформатскія церкви (Англійскую и Голландскую), и скоро обратили Слободу въ маленькой особенной городокъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ соединился съ Москвою.

Жителямъ Московскимъ извѣстно старое Нѣмецкое кладбище, въ Марьиной рощѣ: я хотѣлъ

узнать, когда оно было оставлено, и спрашивалъ о томъ у Пасторовъ здѣшнихъ Лютеранскихъ церквей; но они не могли отвѣчать мнѣ удовлетворительно. Олеарій пишетъ, что Нѣмцы, Лютеране и Реформаты, переселясь въ Слободу во время Царя Алексѣя Михайловича, обнесли стѣною *новое* кладбище свое: вѣроятно, что въ самое сіе время было оставлено ими старое, отъ Слободы удаленное кладбище, гдѣ они погребали мертвыхъ, живучи въ городѣ. — Достойно замѣчанія, что Цари наши однимъ Католикамъ не позволяли въ Москвѣ свободнаго богослуженія: дѣйствіе взаимной ненависти между Восточною и Западною Церковію! Сія ненависть усилилась еще во времена лже-Димитрія и Польскихъ злодѣйствъ въ Россіи. При осадѣ Смоленска было въ нашей арміи нѣсколько Католиковъ; но, по окончаніи войны, ихъ немедленно выслали за границу. Голштинскимъ Посламъ, ѣхавшимъ въ Персію черезъ Россію при Михаилѣ, объявили именемъ Царя, что въ свитѣ ихъ не должно быть ни одного Католика.

Многіе иностранцы во время Государя Михаила Θеодоровича принимали нашу Вѣру. Нѣкто Графъ Шликъ, молодой человѣкъ, пріѣхалъ въ Россію съ письмомъ Датскаго Короля Христіана VI, и будучи обласканъ Царемъ и Боярами, объявилъ, что онъ желаетъ окреститься по обрядамъ Греческой Церкви. Государь, въ знакъ своего удовольствія, опредѣлилъ ему болѣе тысячи рублей въ годъ жалованья: сумма великая по тогдашнему времени. Всѣ знатнѣйшіе люди были свидѣтелями его кре-

щенія, — и Графъ Шликъ, взятый ко Двору, назвался Княземъ Львомъ Александровичемъ Шлыковымъ или Шлаковскимъ. Онъ зналъ Латинскій и другіе языки, имѣлъ вообще много свѣдѣній, былъ уменъ, ловокъ, и надѣялся жениться на дочери самого Царя, Иринѣ Михайловнѣ; однакожь сія надежда не исполнилась. Король Датскій увѣдомилъ Государя, что мнимый Графъ Шликъ несправедливо называется симъ именемъ, будучи совсѣмъ другой и весьма незнатной фамиліи; но Царь сдѣлалъ только выговоръ новому Русскому Князю и не лишилъ его своихъ милостей. Сей молодой человѣкъ женился потомъ на дочери одного Боярина. — Полковникъ Леслей, Баронъ Петръ Ремонъ и Французскій дворянинъ де Гронъ также приняли въ Москвѣ Греческую Вѣру. Первый служилъ съ великимъ отличіемъ при осадѣ Смоленска, и бывъ щедро награжденъ Государемъ, выѣхалъ изъ Россіи; но черезъ нѣсколько лѣтъ опять возвратился въ Москву, выпросилъ себѣ у Царя большую деревню на берегу Волги, и поселился въ ней съ женою и дѣтьми своими. Русскимъ крестьянамъ не полюбилось работать на чужестраннаго господина: они жаловались, что жена его обходится съ ними весьма безчеловѣчно и даже оказываетъ явное презрѣніе къ обрядамъ Греческой Церкви. Послѣднее обвиненіе было уважено еще болѣе перваго. Леслея и жену его привезли въ столицу и строго допрашивали: они клялись въ своей невинности; но самъ Патріархъ вступился въ сіе дѣло и вмѣстѣ съ Боярами убѣдилъ Государя

не отдавать крестьянъ иновѣрцамъ. Леслей, узнавъ о томъ и крайне желая удержатъ за собою доходную деревню, вызвался перемѣнить Вѣру. Его окрестили, но деревню — отдали другому: ибо крестьяне объявили, что они хотятъ лучше умереть, нежели принадлежать ему. Между тѣмъ Царь опредѣлилъ Леслею хорошее жалованье.

1803 года.

СТАТЬИ ПОЛИТИЧЕСКІЯ

изъ

ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ.

1802 и 1803 года.

I.

ВСЕОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Наконецъ міръ въ Европѣ. Исчезли ужасы десятилѣтней войны, которая потрясла основаніе многихъ Державъ, и, разрушая, угрожала еще *большими* разрушеніями; которая, не ограничиваясь Европою, разливала пламя свое и на всѣ другія части міра, и которая будетъ славна въ лѣтописяхъ подъ страшнымъ именемъ *войны революціонной*. Особеннымъ ея характеромъ было всеобщее волненіе умовъ и сердецъ. Кто не занимался ею съ живѣйшимъ чувствомъ? Кто не желалъ ревностно успѣховъ той или другой сторонѣ? и многіе ли сохраняли до конца сей войны то мнѣніе о вещахъ и людяхъ, которое имѣли они при ея началѣ? Она не только

государства, но и самыя души приводила въ смятеніе.

Какъ послѣ жестокой бури взоръ нашъ съ горестнымъ любопытствомъ примѣчаетъ знаки опустошеній ея, такъ мы воспоминаемъ теперь, что была Европа; сравниваемъ настоящее съ прошедшимъ, и удивляемся великимъ политическимъ измѣненіямъ сего десятилѣтія. Цѣлыя области совсѣмъ исчезли. Гдѣ Польша? * гдѣ Венеція? гдѣ многія Княжества въ Германіи и въ Италіи? Сего мало: надобно, чтобы и въ Африкѣ отдались громы Французской Революціи — гдѣ славные Египетскіе Беи и древніе Мамелюки? Новыя области явились въ Европѣ: здѣсь воскресло древнее имя царство Этруріи; тутъ Ломбардія превратилась въ Чизальпинскую Республику; на островахъ Средиземнаго моря образовалась новая Іонія. Границы государствъ перемѣстились, и Авторы географическихъ Картъ должны снова начать свою работу.

Исторія замѣтитъ, что только одно Европейское государство спаслось отъ кровопролитія *революціонной войны*, а именно Швеція, бывъ два раза въ готовности воевать, сперва съ Французами, а послѣ съ Англичанами. Смерть Густава удалила Шведовъ отъ разрыва съ Республикою: кончина

* Безъ Французскихъ новостей она не вздумала бы перемѣнитъ своего правленія и не раздражила бы Россіи Варшавскимъ кровопролитіемъ: слѣдственно Польша была также жертвою Французской Революціи.

Императора Павла I остановила ихъ непріятельскія дѣйствія противъ Англичанъ.

Исторія замѣтитъ также, что Франція, гдѣ воспылали первыя искры мятежа, послѣ многихъ чудесныхъ перемѣнъ судьбы своей, при заключеніи славнаго для себя мира вошла точно въ старинныя свои границы, то есть границы древней Галліи, съ одной стороны по Рейнъ, а съ другой до внутренней Италіи, съ тою разницею, что Гальскіе народы, соединяясь иногда въ воинскихъ предпріятіяхъ, часто и другъ съ другомъ воевали, не имѣли общаго средоточія, ни единства воли, ни единства дѣйствій; а теперь 50 милліоновъ повинуются законамъ и Генію одного человѣка, устремляютъ политическія силы свои на одинъ предметъ, служатъ (такъ сказать) одною рукою для Правленія и новый Цесарь, новый Кловисъ не страшенъ для новыхъ Галловъ.

Подивимся игрѣ неизъяснимаго Рока: сколько разъ въ теченіе сей войны Республика по всѣмъ вѣроятностямъ разума должна была погибнуть? Въ самомъ началѣ она казалась вѣрною жертвою, безъ искусныхъ Генераловъ, безъ дисциплины, съ толпами людей едва не безоружныхъ или не умѣющихъ владѣть оружіемъ, при ужасномъ безпорядкѣ въ правленіи среди множества недовольныхъ, явныхъ и тайныхъ *внутреннихъ* непріятелей, желающихъ успѣха *внѣшнимъ*, которые въ грозной и стройной многочисленности, подъ начальствомъ славнѣйшаго полководца, съ именемъ лучшихъ Европейскихъ армій, съ опытными и храбрыми

Офицерами, шли.... не побѣдить достойнаго ихъ непріятеля, а только усмирить мятежниковъ, и заняли станъ въ 180 верстахъ отъ Парижа! Еще четыре дни Суворовскаго марша и конецъ Революціи! Уже самые смѣлые Жирондисты, Петіоны и Бриссоты въ отчаяніи своемъ хотятъ бѣжать изъ Парижа, увезти заключеннаго Короля въ южныя провинціи, въ ущелинахъ и на хребтѣ горъ Пиринейскихъ основать вторую Швейцарскую Республику, или погибнуть въ пропастяхъ. Вдругъ соединенныя арміи, въ изступленіи паническаго, *до сего времени* непонятнаго страха, бѣгутъ назадъ, а Дюмурье называетъ себя Ахиллесомъ, жалуетъ другихъ Генераловъ * въ Аяксы, и торжествуетъ безъ побѣды! — Скоро другой благопріятный случай представляется союзникамъ. Принцъ Кобургскій, ученикъ Рымникскаго, побѣждаетъ Французовъ; ихъ славный Ахиллесъ передается къ Австрійцамъ, и хочетъ самъ вести ихъ къ Парижу, въ то время, когда возстаютъ Лавандейцы, бьютъ Республиканцевъ и готовы съ другой стороны также итти къ столицѣ Франціи и мятежа. Европа опять думаетъ, что всему конецъ: consummatum est! Нѣтъ, надобно, чтобы союзники раздѣлились; надобно, чтобы Герцогъ Йорскій пошелъ къ Дюнкирхену и далъ Гушару способъ разбить Англичанъ; надобно, чтобы Принцъ Кобургскій не во время приступилъ къ Мобёжу, и послѣ оставилъ Журдана въ

* Бернонвиля.

покоѣ; надобно, чтобы Король Прусской, пріучивъ Французовъ къ огню сраженій (подобно какъ Шведы учили въ свое время армію Петра Великаго) заключилъ съ ними миръ! — Наконецъ Французы имѣли уже великихъ Генераловъ и многочисленное войско, узнавшее тайну побѣды. Италія, большая часть Германіи была въ ихъ рукахъ; Моро, Гошъ, особливо Бонапарте, дали имъ имя *непобѣдимыхъ*; казалось, что судьба Республики уже рѣшилась къ ея славѣ. Но безумные властелины Директоріи, отправивъ Бонапарте въ Египетъ вмѣстѣ съ ихъ щастіемъ, снова поставили Францію на край бездны. Суворовъ, какъ Цесарь, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ — Ерцгерцогъ разбилъ Журдана — еще 35 тысячь Русскихъ вступаетъ въ Швейцарію — Англо-Россійская армія идетъ къ Амстердаму. Союзники дѣйствовали съ жаромъ и съ твердостію. Французское Правленіе колебалось, утратило свою надежность и довѣренность народа; оно не могло подкрѣплять армій, которыя уже разучились побѣждать, и ждали, такъ сказать, съ часу на часъ конца своего. — Герой Италійскій, Эрцгерцогъ и Генералъ Корсаковъ должны были вдругъ напасть на Массену, разбить, истребить его, вступить черезъ Швейцарію во Франт-Конте и прямо итти къ Парижу, не имѣя передъ собою ни крѣпостей, ни армій. Французы чувствовали свое бѣдственное состояніе, и я помню рѣчь одного изъ знаменитѣйшихъ Членовъ Пятисотнаго Совѣта, Эшассеріо, который уже говорилъ объ эшафотахъ для Республиканцевъ. Можетъ быть

Австрійцы позавидовали славѣ Русскихъ; можетъ быть Тугутъ ошибся въ расчетахъ своей тонкой и глубокой Политики; можетъ быть.... Какъ бы то ни было, но отступленіе Австрійской арміи къ Мангейму все разстроило и перемѣнило въ системѣ войны. Съ сего времени щастіе снова обратилось лицемъ къ Французамъ, и не переставало уже до конца служить имъ. — Такимъ образомъ Республика *три раза* была въ самомъ отчаянномъ состояніи; три раза политическіе Медики осуждали ее на смерть; но Судьба въ теченіе сей войны болѣе, нежели когда нибудь, играла случаями и приводила въ недоумѣніе умъ человѣческой.

Первому году новаго вѣка принадлежала слава общаго мира, который былъ необходимостію всѣхъ народовъ послѣ долговременныхъ бѣдствій. Война не могла уже имѣть прежней цѣли своей: опасныя и безразсудныя Якобинскія правила, которыя вооружили противъ Республики всю Европу, исчезли въ самомъ своемъ отечествѣ, и Франція, не смотря на имя и нѣкототыя Республиканскія формы своего правленія, есть теперь въ самомъ дѣлѣ не что иное, какъ истинная Монархія. Римской Императоръ, потерявъ Брабантъ (гдѣ всегда съ большими издержками надлежало ему имѣть многочисленную армію) и Ломбардію (которая, въ самомъ дѣлѣ приносила ему мало существенной пользы), награжденъ за то Венеціею, которая вводитъ Австрію въ число морскихъ Державъ. Россія и Франція не могли ничего требовать другъ отъ друга: имъ оставалось только возобновить коммер-

ческія связи свои. Миръ Франціи съ Портою даетъ первой многія торговыя выгоды, а для послѣдней спасителенъ тѣмъ, что Англія и Франція обязываются хранить цѣлость ея владѣній. Но Король Сардинскій, Герцогъ Тосканскій и Нѣмецкіе Князья остаются жертвами общаго покоя; они виноваты, ибо слабость есть вина въ Политикѣ!

Миръ Республики съ Англіею казался весьма труднымъ: онъ удивилъ Европу своими условіями. Франція беретъ все назадъ, Англія выигрываетъ только одинъ миръ, платя за то *почти* всѣми своими блестящими завоеваніями и выгодами исключительной торговли, которыми она во всю войну пользовалась, и которыя должно теперь раздѣлить ей съ другими народами. Трудно сказать, что именно заставило Англійское Министерство быть столь великодушнымъ и безкорыстнымъ, но конечно не одно желаніе пресѣчь кровопролитіе и угодитъ народу; такого человѣколюбія и снисхожденія не можетъ предполагать въ Аддингтонѣ и Гаксебури, особливожь зная то, что они дѣйствовали по мыслямъ Питта, которой славенъ умомъ, а не мягкимъ сердцемъ, и которой готовъ былъ цѣлымъ міромъ жертвовать пользѣ своего отечества. Извѣстно, что Аддингтонъ, передъ самымъ подписаніемъ мирныхъ условій, нѣсколько дней провелъ въ деревнѣ съ Питтомъ. Любопытной человѣкъ хотѣлъ бы подслушать сихъ двухъ знаменитыхъ Министровъ, когда они, сидя подъ вѣтьвями какого нибудь величественнаго дерева, разсуждали о судьбѣ міра, угадывали всѣ возможности и сравни-

вали однѣ съ другими! Можетъ быть, они предвидѣли, что Европейскія Державы, желая мира, принудили бы наконецъ Англію исполнить сіе желаніе, самымъ тѣмъ средствомъ, которое хотѣлъ употребить Павелъ I, то есть, закрывъ для нее всѣ свои гавани; можетъ быть, они предвидѣли, что вѣчная война обременила бы Англійской народъ несносными налогами, или произвела бы неминуемое государственное банкрутство; можетъ быть, они въ самомъ дѣлѣ боялись, чтобы Французы рано или поздно не сдѣлали высадки въ Англіи или въ Ирландіи, гдѣ все еще таились искры бунта. Догадки наши будутъ сомнительны; но человѣчество безъ всякаго сомнѣнія благодарно Англійскимъ Министрамъ, что они по осторожности или неосторожности заключили миръ.

Англійской народъ внѣ себя отъ радости. Всѣ Лондонскіе Журналисты прославляютъ Министерство, и старинные противники его, Фоксъ, Шериданъ, Тирней, хвалятъ миръ.... Любопытно было слушать Питта, когда онъ въ собраніи Нижняго Парламента говорилъ о должномъ уваженіи къ Французскому Правительству и къ Бонапарте, называвъ его прежде Корсиканскимъ разбойникомъ! Но Лордъ Гренвиль, бывшій Государственный Секретарь, и Виндамъ, бывшій Министръ военный, прежніе друзья Питтовы, говорили съ великимъ жаромъ противъ мира; особливо Виндамъ, который въ пророческомъ изступленіи воскликнулъ: «Англія погибла! Пусть веселится народъ; «но скоро увидитъ онъ свое заблужденіе! Сіи ра-

«достные огни, пылающіе теперь въ Лондонѣ, ка-«жутся мнѣ печальными свѣтильниками погребе-«нія. Одни непримиримые враги наши воспользу-«ются миромъ, и мы рано или поздно будемъ жерт-«вою ихъ коварно-ласковой улыбки! Они цвѣтами «притворнаго дружелюбія усыплютъ намъ путь къ «могилѣ! Нещастное отечество! гробъ для тебя «уже отверзается!» Краснорѣчивый Экс-Министръ содержаніемъ рѣчи и голосомъ своимъ заставилъ плакать многихъ зрителей и самыхъ Членовъ Парламента. Но чего же хотѣлъ онъ? Вѣчной войны! «Съ Французами, сказалъ Виндамъ, не льзя помириться между прочимъ и для того, что супружество основано у нихъ на одномъ гражданскомъ контрактѣ!» Онъ не удовольствовался другими сильнѣйшими доказательствами.

Экс-Министръ видѣлъ въ будущемъ конечно излишніе ужасы для Англіи; но то правда, что пріобрѣтеніе Гишпанскаго острова Троицы и Голландскаго Цейлана не могутъ наградить ее за войну, которая стоила ей болѣе 3000 милліоновъ рублей; что Франція въ мирное время конечно умножитъ флоты свои, и что Великобританія хотя не скоро, но вѣрно должна утратить первенство свое на море. Островъ Св. Троицы производитъ сахаръ, хлопчатую бумагу и множество разныхъ плодовъ; онъ всего важнѣе для Англичанъ тѣмъ, что доставляетъ имъ удобное средство торговать съ Гишпанскою Америкою. Цейланъ славенъ жемчужною ловлею и своею корицею. Лондонскіе Журналисты говорятъ, что мореплаватели, приближаясь

къ нему, за нѣсколько миль уже чувствуютъ благоуханіе! — Но главнымъ пріобрѣтеніемъ Англіи въ теченіе сей войны * останется слава ея непобѣдимыхъ флотовъ, истребившихъ морскія силы Франціи, Голландіи, Гишпаніи. — Думаютъ, что въ тайныхъ статьяхъ мира Англійское Министерство не забыло нещастныхъ Принцевъ Бурбонскаго Дому и Штатгальтера. Сей послѣдній, выѣзжая изъ Лондона, написалъ къ Королю умное, и хотя благодарное, но гордое письмо, достойное потомка Вильгельмова и Маврикіева.

Естьли Англійской народъ обрадовался миру, то радость Французовъ была еще живѣе и основательнѣе, особливо въ городахъ приморскихъ и торговыхъ, которые съ восхищеніемъ увидѣли *дружественной* флагъ Великобританіи въ своихъ гаваняхъ, и спѣшатъ теперь отправлять корабли во всѣ части свѣта. Усердіе къ Бонапарте дошло до высочайшей степени: со всѣхъ сторонъ пишутъ къ нему благодарныя письма, въ которыхъ называютъ его *спасителемъ Республики*, *первымъ Героемъ всѣхъ вѣковъ*, *единственнымъ*, и проч. и проч. Онъ конечно заслужитъ признательность Французовъ, естьли, разрушивъ мечту *равенства*, которая всѣхъ ихъ дѣлала *равно* нещастными, и возстановивъ Религію, столь нѣжную для сердца въ мірѣ превратностей, не менѣе нужную и для цѣлости государствъ, отеческимъ правленіемъ за-

* Не говорю здѣсь о завоеваніяхъ ея въ Индіи, которыя не имѣли связи съ Французскою войною.

гладитъ бѣдственные слѣды Революціи, дастъ Республикѣ мудрую систему гражданскихъ законовъ, будетъ искреннимъ покровителемъ наукъ, художествъ, торговли, и на семъ основаніи утвердитъ благоденствіе Франціи, миролюбивою Политикою согласивъ ея выгоды съ выгодами другихъ Державъ. Тогда сей Монархъ-Консулъ оправдаетъ дѣло Судьбы, которая возвела его изъ праха на такую степень величія.

Многіе Политики боятся рѣшительнаго вліянія Франціи на участь Европы. «Мы вѣримъ миролюбію и благоразумію Консула Бонапарте, говорятъ они: вѣримъ, что онъ не возмутитъ спокойствія Державъ и будетъ заниматься только внутреннимъ благомъ государства; но когда другой со временемъ заступитъ его мѣсто, и не будучи, подобно ему, насыщенъ воинскою славою, захочетъ лавровъ, имѣя въ своихъ рукахъ Францію и еще три Республики, которыя непремѣнно должны отъ нее зависѣть: что будетъ тогда съ Европою, по крайней мѣрѣ съ Германіею и съ Италіею?» Сей страхъ не совсѣмъ основателенъ. Союзъ Россіи, Австріи, Пруссіи и Англіи можетъ всегда ограничивать внѣшнія дѣйствія Франціи и противоборствовать всякому злоупотребленію силъ ея. На одной сторонѣ сіи четыре Державы, а на другой Французская Республика, Голландская, Швейцарская и Чезальпинская (прибавимъ къ нимъ еще и Гишпанію), составятъ то равновѣсіе, которое нужно для политическаго благосостоянія Европы.

Удалимъ теперь отъ мыслей своихъ все печаль-

ное. Небо прояснилось надъ нами; нѣкоторые остатки тучь видны еще на горизонтѣ, но мы съ сердечнымъ удовольствіемъ смотримъ на свѣтлыя мѣста его. Австрія отдыхаетъ послѣ кровопролитной войны, и Правительство ея старается ввести во всѣ части государственной системы лучшій порядокъ и согласіе. Нѣмецкіе Принцы надѣются на слѣдствіе Регенсбургскаго Сейма или Амьенскаго Конгреса. Голландія, въ самыхъ революціяхъ спокойная и флегматическая, занимается новыми планами для воскресающей торговли своей и отправляетъ Губернаторовъ въ Африку и Америку. Пруссія, Данія и Швеція представляютъ щастливую картину мудраго Начальства и довольныхъ подданныхъ. Россія видитъ на Тронѣ своемъ любезнаго сердцу Монарха, Который всего ревностнѣе желаетъ ея щастія, взявъ себѣ за правило, что добродѣтель и просвѣщеніе должны быть основаніемъ государственнаго благоденствія. Всѣ изданные Имъ законы сообразны съ духомъ времени, и служатъ залогомъ Его человѣколюбивыхъ намѣреній. — Обращая взоръ отъ сѣвера къ югу, видимъ и тамъ пріятныя дѣйствія надежды. На Альпахъ раздается голосъ, требующей возстановленія древней Гельветической свободы, уничтоженной безразсудными Французскими Директорами. Республиканская свобода и независимость принадлежитъ Швейцаріи такъ же, какъ ея гранитныя и снѣжныя горы; человѣкъ не разрушитъ дѣла Природы, и Бонапарте даетъ Телевымъ потомкамъ волю утвердить судьбу свою безъ всяка-

го чуждаго вліянія. Чизальпинская Республика, бывъ долгое время подъ опекою, ожидаетъ наконецъ своей независимости и свободнаго политическаго бытія. Многочисленные Депутаты ея, избранные изъ всякаго состоянія, Епископы и воины, ученые и купцы, спѣшатъ въ Ліонъ, гдѣ Бонапарте вмѣстѣ съ ними назначитъ главныхъ чиновниковъ ихъ Республики, и такимъ образомъ довершитъ свое твореніе, которое всегда было особеннымъ предметомъ любви его. Луціанъ Бонапарте, второй братъ Французскаго Консула, человѣкъ пылкой, умной и краснорѣчивой, будетъ, какъ думаютъ, Чизальпинскимъ Консуломъ или Президентомъ. — Піемонтъ по крайней мѣрѣ спокоенъ. Судьба его не рѣшена; но вѣроятно, что Франція раздѣлитъ его съ Чизальпинскою и Лигурійскою Республикою. Сія послѣдняя должна опять имѣть своего Дожа; слѣдственно Бонапарте умѣетъ иногда предпочитать старое новому. Тоскана, возвышенная имъ на степень Королевствъ, ожидаетъ отъ кроткаго своего Монарха щастливыхъ дней Леопольдовыхъ.—Римскому первосвященнику возвращено все, кромѣ Лаокона, Геркулеса Фарнезскаго, Бельведерскаго Аполлона и славнѣйшихъ произведеній Рафаелевой кисти, о которыхъ Римъ никогда жалѣть не перестанетъ. — Мы не сказали бы ни слова о бѣдственномъ Неаполѣ, естьли бы онъ, напоминая ужасы, въ то же время не напоминалъ о славной дисциплинѣ шести тысячь Русскихъ, которые спасли его отъ дальнѣйшихъ изступленій Италіянской злобы. Нещастлива та

столица, въ которую Государь не спѣшитъ возвратиться! — Мальта была уже давно забыта Исторіею; но теперь снова займетъ въ ней нѣсколько страницъ, бывъ *яблокомъ раздора* между двумя Державами. Ордену возвращается древняя столица; но вѣроятно, что въ его Статутахъ будутъ нѣкоторыя перемѣны, и что для увѣнчанія общаго мира Мальтійскіе Кавалеры великодушно согласятся оставить въ покоѣ и самыхъ невѣрныхъ! — Константинополь торжествовалъ побѣды! Еще съ большею радостію должно ему торжествовать миръ, который служитъ временною опорою для ветхаго Магометова трона. Любопытно знать, на что рѣшится теперь Пасванъ-Оглу, одинъ изъ немногихъ людей въ Европѣ, которые не радуются общему миру! — О Гишпаніи и Португаліи можно сказать единственно то, что первая будетъ зависѣтъ отъ Франціи такъ же, какъ вторая отъ Англіи, съ тою разницею, что Гишпанія хотѣла бы прервать свои узы, и Португалія защищаетъ ими бытіе свое. *Князь мира*, доказавъ, что онъ можетъ быть и *Княземъ войны*, отдыхаетъ на своихъ лаврахъ и пользуется всею довѣренностію Короля.

Желаемъ, чтобы Амьенской Конгресъ былъ въ Исторіи славнѣе всѣхъ Утрехтскихъ и Ахенскихъ Конгресовъ; чтобы съ него началася новая эпоха не только для Политики, но и для самаго человѣчества. По крайней мѣрѣ истинная Философія ожидаетъ хотя сего единственнаго щастливаго дѣйствія ужасной Революціи, которая останется пятномъ осьмаго-надесять вѣка, слишкомъ рано на-

званнаго *Философскимъ.* Но девятой - надесять вѣкъ долженъ быть щастливѣе, увѣривъ народы въ необходимости законнаго повиновенія, а Государей въ необходимости благодѣтельнаго, твердаго, но отеческаго правленія. Сія мысль утѣшительна для сердца, которое въ самыхъ бѣдствіяхъ человѣческаго рода находитъ такимъ образомъ залогъ добра для будущихъ временъ.

Мы желаемъ увѣдомлять нашихъ Читателей о мирномъ благоденствіи Державъ, о полезныхъ учрежденіяхъ во всѣхъ земляхъ, о новыхъ мудрыхъ законахъ, болѣе и болѣе утверждающихъ сердечную связь подданныхъ съ Монархами. Военные громы возбуждаютъ нетерпѣливое любопытство: успѣхи мира пріятны сердцу. Оставляя Издателямъ вѣдомостей сообщать въ отрывкахъ всякаго рода политическія новости, мы будемъ замѣчать только важныя, и *Вѣстникъ Европы* въ продолженіи своемъ можетъ составить избранную библіотеку Литературы и Политики.

Генв. 1802.

II.

О ПОЧЕТНОМЪ ЛЕГІОНѢ.

Въ Монитёрѣ напечатанъ органическій уставъ *Почетнаго Легіона*, который, не смотря на умную, ораторскую рѣчь Луціана Бонапарте, кажется

странною выдумкою. Его не льзя назвать дворянствомъ: ибо онъ не дастъ никакихъ гражданскихъ преимуществъ; не льзя назвать рыцарскимъ Орденомъ: ибо всякой Орденъ имѣлъ какую нибудь цѣль, а Легіонъ никакой не имѣетъ: особенная клятва Членовъ быть защитниками Правленія должна быть клятвою всѣхъ Французовъ. Онъ будетъ наградою храбрости и добродѣтели, говорятъ Консулы: въ чемъ же состоитъ сія награда? въ имени и въ жалованьи; но люди никогда не повѣрятъ имени, естьли они не знаютъ человѣка; оно будетъ всегда пустымъ титуломъ, когда не соединено съ особенными гражданскими выгодами. Что касается до жалованья, то не могло ли Правительство давать пенсіи по извѣстнымъ заслугамъ, безъ всякаго рыцарскаго обезьянства въ такой землѣ, гдѣ сіи учрежденія противны коренпымъ политическимъ законамъ? Какая нужда дѣлить всю Францію на Когорты, назначать удѣлы, заводить большіе и малые Совѣты, то есть, особенныя правленія въ общемъ, и единственно для того, чтобы нѣкоторымъ людямъ дать жалованье? Политическая мудрость соразмѣряетъ во всякомъ отношеніи средства съ дѣйствіями: Почтенный Легіонъ представляетъ удивительную сложность въ средствахъ для произведенія весьма обыкновеннаго дѣйствія. Потомство не на мраморныхъ доскахъ Легіона будетъ искать славныхъ именъ, а въ Исторіи. Естьли Бонапарте и на золотой доскѣ велитъ написать имя Генерала Мену, Европа не будетъ уважать его.—А такъ называемыя *Легіонныя гостинницы*

въ самомъ дѣлѣ не что иное, какъ трактиры; должно вычитать изъ жалованья Членовъ нужную сумму для ихъ содержанія въ сихъ домахъ. Мы еще не упомянули объ одной выгодѣ легіонныхъ воиновъ: въ чрезвычайныхъ засѣданіяхъ Совѣта будутъ говорить похвальное слово всякому, кто умретъ изъ нихъ; это обѣщаетъ по крайней мѣрѣ успѣхи краснорѣчію.

═

III.

О ПОХИТИТЕЛЯХЪ.

Въ Парижскомъ Журналѣ, называемомъ Bulletin de Paris, напечатана статья *о похитителяхъ*, которая обратила на себя общее вниманіе. Авторъ говоритъ, что похитителями должно именовать однихъ бунтовщиковъ, ужасными и беззаконными средствами восходящихъ на престолъ (какъ-то не рѣдко случалось въ Азіатскихъ государствахъ), а не тѣхъ Героевъ, которые присвоиваютъ себѣ власть только для блага согражданъ, вводятъ порядокъ тамъ, гдѣ была анархія, и дѣлаются отцами народовъ. Онъ жалуется на *вѣтренность Исторіи*, называющей сихъ Героевъ оскорбительнымъ именемъ похитителей, и ставитъ въ примѣръ Деіоцеса, который *избавилъ народъ отъ опасныхъ мечтаній свободы*, *съ щастливою дерзостію объявилъ себя первымъ Царемъ Мидійскимъ*, *завелъ бле-*

стящій Дворъ, и новымъ подданнымъ своимъ являлся только въ сіяніи вѣнца Царскаго. «Можно «ли (продолжаетъ Авторъ) называть похитителемъ «мудраго Сиракузскаго Царя Гіерона? Естьли бы «онъ остался простымъ гражданиномъ, то Сира«кузы, изнуренныя анархіею, не сдѣлались бы ща«стливѣйшею страною міра въ его тридцатилѣтнее правленіе.» Издатель сего Журнала есть, какъ извѣстно, важной человѣкъ въ Республикѣ; онъ не даромъ помѣстилъ такую статью — и Лондонскіе Журналисты называютъ ее *манифестомъ*, увѣряя, что Бонапарте хочетъ объявить себя Гальскимъ Императоромъ, надѣть корону на голову, сдѣлать ее наслѣдственною и быть начальникомъ новой династіи. Все возможно; однакожь мы еще не хотимъ вѣрить тому до времени. Видимъ только, что Бонапарте будетъ скорѣе Гіерономъ, нежели Тимолеономъ. Впрочемъ друзья или льстецы его (ихъ, сказываютъ, мудрено различать при Дворахъ) напрасно доказываютъ, что Бонапарте не есть похититель, и заранѣе бранятъ Исторію: нѣтъ, она не назоветъ его симъ именемъ, а скажетъ, что онъ людей считалъ людьми, и даже самъ не хотѣлъ быть выше человѣка. Не Бонапарте свергнулъ Бурбоновъ съ трона; не Бонапарте сдѣлалъ Революцію: онъ только воспользовался ею для своего властолюбія.

IV.

ПАДЕНІЕ ШВЕЙЦАРІИ.

Сія нещастная земля представляетъ теперь всѣ ужасы междоусобной войны, которая есть дѣйствіе личныхъ страстей, злобнаго и безумнаго эгоизма. Такъ исчезаютъ народныя добродѣтели! онѣ, подобно людямъ, отживаютъ свой вѣкъ въ государствахъ; а безъ высокой народной добродѣтели Республика стоять не можетъ. Вотъ по чему монархическое правленіе гораздо щастливѣе и надежнѣе: оно не требуетъ отъ гражданъ чрезвычайностей, и можетъ возвышаться на той степени нравственности, на которой Республики падаютъ. Развратъ Швейцарскихъ нравовъ начался съ того времени, какъ Телевы потомки вздумали за деньги служить другимъ Державамъ; возвращаясь въ отечество съ новыми привычками и съ чуждыми пороками, они заражали ими своихъ согражданъ. Ядъ дѣйствовалъ медленно въ чистомъ горномъ воздухѣ; но благодѣтельное сопротивленіе Натуры уступило наконецъ зловредному вліянію. *Духъ торговый*, въ теченіе времени овладѣвъ Швейцарами, наполнилъ сундуки ихъ золотомъ, но истощилъ въ сердцахъ гордую, исключительную любовь къ независимости. Богатство сдѣлало гражданъ эгоистами, и было второю причиною нравственнаго паденія Гельвеціи. Но древнія гражданскія и политическія связи Швейцаріи могли бы еще долго не разрушиться (ибо древность имѣетъ

удивительную силу), естьли бы злой духъ Французской Революціи не сорвалъ сей, нѣкогда щастливой Республики съ ея основанія. Для новыхъ политическихъ зданій нужно отмѣнное величіе духа одного или многихъ людей: Гельвеція не имѣетъ сихъ Геніевъ, и пять новыхъ Конституцій ея, мелькнувъ, исчезли какъ тѣни.

Октября 1802 г.

═

V.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Президентъ Швейцарскаго Сейма, славный Алойсъ Редингъ, Генералъ Ауфдермауръ и Цирихскій ученый, Гирцель, взяты подъ стражу Французскимъ Генераломъ Неемъ и заключены какъ преступники въ Арбургской крѣпости. Эрлахъ, Ваттенвиль и другіе Бернскіе Аристократы также (какъ слышно) будутъ посажены въ темницу.... Всѣ тѣ, которые занимаются происшествіями времени, судьбою государствъ и человѣчества, по справедливости должны были удивиться такому дѣйствію строгости, напоминающему жестокія правила Революціи. Мы сомнѣваемся въ патріотической добродѣтели Рединга и друзей его, и не хвалимъ Бернской Олигархіи, которую они хотѣли возстановить; но Франціи ли наказывать сихъ гражданъ! Когда бы Сеймъ сопротивлялся, тогда

бы Генералъ Ней имѣлъ неограниченное право завоевателей; но обѣщать мирное посредство и схватить безоружныхъ людей какъ преступниковъ — самыхъ тѣхъ, которыхъ Бонапарте звалъ въ Парижъ для совѣта, и которые торжественно объявили, что они не хотятъ противиться силѣ — кажется намъ великою несправедливостію. Не Франція ли ввергнула Швейцарію въ хаосъ анархіи? не Франція ли способствовала многимъ революціямъ въ Гельветическомъ правленіи? не ея ли Министры были главною опорою тамошнихъ честолюбивцевъ? слѣдственно она менѣе всѣхъ другихъ Европейскихъ Державъ можетъ винить Швейцаровъ; признавъ же, Люневильскимъ трактатомъ, ихъ независимость, должна была отказаться средствъ отъ насилія и деспотизма. Соглашаемся, что послѣдняя Гельветическая Конституція могла бы успокоить Швейцарію; соглашаемся, что Редингъ и друзья его только по личнымъ страстямъ хотѣли испровергнуть ее: но естьли всѣ Кантоны и города пристали къ нимъ, то они уже оправданы. Бонапарте могъ ввести Французское войско въ Гельвецію, но единственно для сохраненія порядка, обузданія черни для свободы выборовъ и законодательныхъ дѣйствій въ сей Республикѣ, а не для того, чтобы сажать въ темницу знаменитыхъ гражданъ, удостоенныхъ общей довѣренности. Каковъ ни есть Редингъ, но сограждане почитаютъ его; вліяніе, которое онъ имѣетъ на общую волю, есть дѣйствіе свободы ихъ, и законно, естьли они составляютъ народъ независимый.

Должно помогать сосѣдамъ, но не должно быть ихъ притѣснителемъ.

Мысль собрать Депутатовъ Гельвеціи въ Парижѣ льститъ самолюбію Консула, но оскорбительна для патріотизма Швейцаровъ, которые умѣли быть свободными гораздо прежде Французовъ, и безъ униженія не могутъ явиться въ передней гражданина Талейрана. Естьли отрасль древней славной фамиліи кажется намъ почтенною; естьли великія дѣла человѣка бросаютъ какой-то лучь на самыхъ отдаленныхъ его потомковъ: то Швейцары могутъ требовать всеобщаго уваженія. Они не Чизальпинцы, пожалованные Консульскимъ указомъ въ преемники древнихъ Римлянъ. Не въ тѣсномъ и шумномъ Парижѣ, гдѣ люди всегда превращали басню Хамелеона въ истину, но среди гордыхъ Альпъ, гдѣ болѣе четырехъ вѣковъ гремѣло имя свободы — на равнинахъ, гдѣ пастухи, одушевленные любовію къ отечеству, истребляли лучшія Европейскія арміи — среди величественныхъ предметовъ Натуры и славныхъ воспоминаній народнаго геройства должны сыны Гельвеціи совѣтоваться о благѣ страны ихъ и средствахъ воскресить патріотизмъ въ гражданахъ. Пусть тамъ легіоны Французскіе въ почтительномъ отдаленіи окружатъ ихъ своими дружескими щитами, чтобы революціонная необузданность — сіе чудовище, которое родилось во Франціи — не мѣшала спокойному дѣйствію умовъ и законодательной мудрости! Пусть Бонапарте, какъ другъ народнаго благоденствія, объявитъ имъ свое мнѣніе о

лучшемъ образѣ правленія для Гельвеціи, не требуя Депутатовъ передъ Консульской тронъ свой! Тогда онъ поступилъ бы какъ великодушный властелинъ и герой добродѣтели; а теперь поступаетъ — какъ *Генералъ Европы*, дающій воинскіе строгіе приказы.

Знаемъ, что власть и сила могутъ смѣяться надъ идеями Филантроповъ; знаемъ, что о вкусахъ спорить не должно (по старинной Латинской пословицѣ), и что иному пріятнѣе жить въ какомъ нибудь великолѣпномъ замкѣ, нежели въ храмѣ богини Кліо; но въ такомъ случаѣ не надобно уже думать о славѣ, не надобно говорить *о потомствѣ*, *справедливости*, *мнѣніи вѣковъ*: ибо не Профекты Сен-Клудскаго замка будутъ писать Исторію.

Слышно, что Министръ Талейранъ изготовилъ уже *новѣйшую* Конституцію для Швейцаріи къ пріѣзду Депутатовъ въ Парижъ. Французы набили руку въ семъ дѣлѣ: нигдѣ не сочиняется столько романовъ и Конституцій, какъ въ Парижѣ!

Гельветическое Правительство обнародовало свое оправданіе, которое еще болѣе обвиняетъ его въ глазахъ народа. Оно говоритъ, что Швейцары заслуживаютъ бѣдствіе, дерзнувъ возстать противъ властей своихъ; но можетъ ли назваться народною та власть, которую ненавидитъ народъ? а сію ненависть заслужило Гельветическое Правительство своею безразсудною жестокостію противъ нещастнаго Цириха. И можетъ ли избранное Республиканское начальство говорить такія грубости *всей* націи, то есть, утверждать, что она безразсудна,

не знаетъ своей пользы и во всемъ виновата? Демосѳенъ жестоко бранилъ Аѳинянъ; но онъ говорилъ какъ простой гражданинъ: а начальство *избранное*, унижая народъ, ослабляетъ собственную силу свою, которую оно единственно отъ него получило. Гельветическое Правительство должно было или молчать или говорить только о заблужденіи *нѣкоторыхъ*, а не *всѣхъ*. Надобно по крайней мѣрѣ сохранять пристойность, когда уже справедливость нарушена.

Къ нещастію, мы не видимъ еще, какъ миръ и благоденствіе могутъ быть возстановлены въ бѣдной Швейцаріи!

Дек. 1802.

VI.

ВЗОРЪ НА ПРОШЕДШІЙ ГОДЪ.

1802 Годъ былъ мирный для Европы, но важный своими великими государственными феноменами. Амьенскій трактатъ, столь удивительный — преобразованіе Чизальпиской Республики (эпоха достопамятная, ежели сія Республика будетъ существовать въ мірѣ, и не есть одна театральная декорація, или домъ, на пескѣ построенный) — великія перемѣны во Франціи: уничтоженіе послѣднихъ законовъ такъ называемой свободы, основаніе рѣшительнаго, твердаго самовластія до смерти

Консула; амнистія для Эмигрантовъ съ единственнымъ исключеніемъ тѣхъ, которые лично ему непріятны; мудрые законы для народнаго ученія во Франціи; въ Англіи — любопытные Парламентскіе споры, смѣшеніе партій, начало новой *Оппозиціи* малочисленной, но сильной талантомъ двухъ Ораторовъ; уничтоженіе *славнаго* налога на доходы, возстановленіе закона личной безопасности; два Сейма въ Европѣ: въ Сициліи и въ Венгріи, изъ которыхъ первый оказалъ болѣе усердія къ своему Двору, нежели вторый, только отчасти исполнившій желаніе и надежду Римскаго Императора; въ Германіи новое раздѣленіе властей и земель, предложенное Россіею и Франціею; въ Баваріи (гдѣ донынѣ царствовалъ самый ревностный Католицизмъ) церковныя реформы и перемѣны въ духѣ Іосифа, бѣдствія Швейцаріи и совершенная утрата ея независимости; въ Турціи миръ Султана съ Пасваномъ; въ Россіи новое мудрое образованіе Министерства и новыя права, данныя Сенату: вотъ великіе предметы для будущаго Историка, поле обширное для ума и сужденій его! — Не забудемъ Короля, сказавшаго съ мудрымъ Соломономъ: *суета суетъ!* и сложившаго съ себя корону, правда, не весьма тяжелую своимъ величіемъ. Явленіе Русскихъ войскъ въ Іонической Республикѣ есть также любопытное дѣйствіе новыхъ, донынѣ безпримѣрныхъ политическихъ связей, сношеній и видовъ.

Главный историческій характеръ нашего времени, Наполеонъ Бонапарте, въ теченіе сего года

вышелъ изъ сомнительныхъ тѣней надежды и страха, и явился въ полномъ свѣтѣ истины, къ стыду романическихъ головъ, которыя въ наше время мечтали о Тимолеонахъ. Наполеонъ лучше ихъ знаетъ дымъ славы. Онъ думаетъ безъ сомнѣнія:

Нещастный! что тебѣ до мнѣнія потомковъ?
Среди могилъ, костей и гробовыхъ обломковъ
Не будешь чувствовать, что скажутъ о тебѣ!
Безуменъ славы рабъ! безуменъ кто Судьбѣ
За сей *кимвальный* звонъ отдастъ узъ доброй воли
Утѣхи пышности, блаженство царской доли!

Между тѣмъ мы должны изъясниться, и сказать, чего сіи забавные Романисты ожидали отъ Консула. Они думали, что Наполеонъ сильною рукою своего Генія остановивъ бурное стремленіе Революціи, воспользуется опытами вѣковъ, всѣми лучшими идеями Философовъ; что онъ дастъ Франціи *почти* совершенное (Монархическое или республиканское) Правленіе, сдѣлаетъ власть могущею, но только благотворною и спасительною, подобною не грозной рѣкѣ, которая безпрестанно можетъ выливаться изъ плоскихъ береговъ своихъ, но тихою и мирною, текущею безъ всякаго помѣшательства среди высокихъ стѣнъ, утвержденныхъ мудрымъ искусствомъ. Они думали, что онъ, совершивъ великое твореніе, сложитъ съ себя всѣ знаки Диктаторскаго достоинства, оставитъ на головѣ своей одинъ вѣнокъ лавровый, уступитъ Консульскій тронъ закону и успокоится, на канунѣ безсмер-

тія, среди народа благодарнаго, въ объятіяхъ славы, подъ кровомъ хижины, въ обществѣ однихъ великихъ мужей Плутарховыхъ: ибо мы, современники, не осмѣлились бы тогда къ нему приближиться, и только издали удивлялись бы его величію. — Надобно признаться, что сей романъ стоитъ Морусовой Утоніи!

Хотя мы никакъ не осуждаемъ Бонапарте, однакожь историческая справедливость заставляетъ насъ примѣтить, что число ревностныхъ обожателей Наполеона весьма уменьшилось въ Европѣ, естьли вѣрить Англійскимъ и Нѣмецкимъ Журналистамъ. Предсказаніе добродушнаго Лафатера можетъ сбыться: онъ говорилъ, что Бонапарте переживетъ славу свою. Такова неблагодарность смертныхъ: кто однажды удивилъ насъ и еще остается на сценѣ, отъ того мы не перестаемъ требовать новыхъ чудесъ и въ случаѣ отказа готовы освистать славнаго Актера. Напрасно друзья Наполеоновы: Секретарь Бурьень, Цензоръ Барреръ, Совѣтникъ д'Анжели, доказываютъ въ своихъ періодическихъ листахъ, что Бонапарте слѣдуетъ примѣру какого-то Мидійскаго Царя; шумная, безразсудная Публика кричитъ: *это старая Геродотова сказка! намъ надобно великаго человѣка!* однимъ словомъ, всего досаднѣе имѣть дѣло съ партеромъ Европы, и Бонапарте поступилъ весьма благоразумно, заключившись въ высокихъ палатахъ Сен-Клу, гдѣ онъ слышитъ только окликъ часовыхъ, умныя привѣтствія Сенаторовъ и Версальскія фразы Шевалье Жокура.

Естьли же мы, переставъ на минуту быть эхомъ иностранныхъ крикуновъ, называемыхъ Журналистами, должны объявить собственное мнѣніе о Консулѣ, то скажемъ, что онъ, умертвивъ чудовище Революціи, заслужилъ вѣчную благодарность Франціи и даже Европы. Въ семъ отношеніи будемъ всегда съ удовольствіемъ хвалить его, какъ великаго Медика, излечившаго головы отъ опаснаго круженія. Пожалѣемъ, естьли онъ не имѣетъ законодательной мудрости Солона и чистой добродѣтели Ликурга, который, образовавъ Спарту, самъ себя навѣки изгналъ изъ отечества!..... Вотъ дѣло героическое, передъ которымъ всѣ Лоди и Маренго исчезаютъ! Черезъ 2700 лѣтъ оно еще воспаляетъ умъ, и добрый юноша, читая Ликургову жизнь, плачетъ отъ восторга.... Видно, что быть искуснымъ Генераломъ и хитрымъ Политикомъ гораздо легче, нежели великимъ, то есть, героически-добродѣтельнымъ человѣкомъ.

═

VII.

ИЗОБРАЖЕНІЕ РЕСПУБЛИКИ.

Французскій Законодательный Корпусъ собрался при стрѣльбѣ пушечной, и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Шапталь, открылъ его пышною рѣчью; но гораздо важнѣе рѣчи Министра есть *изображе-*

ніе Республики, представленное Консулами Законодателямъ. Надобно признаться, что сія картина блеститъ живостію красокъ и плѣняетъ воображеніе добрыхъ людей, которые искренно—и всѣмъ народамъ въ свѣтѣ — желаютъ успѣха въ трудномъ искусствѣ государственнаго щастія. Бонапарте, зная сердца людей, весьма кстати даетъ чувствовать, что онъ не забываетъ смертности человѣка, и думаетъ о благѣ Франціи за предѣлами собственной жизни его. (Que les prémieres magistratures viennent à vaquer, les devoirs et la marche du Sénat sont tracés, etc.) Такія черты всегда имѣютъ сильное дѣйствіе: хочется вѣрить искренности говорящаго, чтобы любить въ немъ твердость духа и добродѣтель. Можно осуждать Бонапарте въ системѣ его правленія; однакожь надобно согласиться, что онъ имѣетъ рѣдкой талантъ повелѣвать людьми и государствами. — Читая съ удовольствіемъ сіе *изображеніе Республики*, мы замѣтили двѣ мысли, которыя не всякому покажутся справедливыми. Бонапарте говоритъ, что Англія *одна* безъ союзниковъ не можетъ нынѣ противиться Франціи: на сухомъ пути, такъ; но Великобританія есть морская Держава, и сражается на моряхъ, гдѣ всѣ соединенные флоты Европы не могли бы безъ дерзости вступить въ бой съ ея непобѣдимымъ флотомъ. Не справедливѣе ли будетъ сказать, что нынѣ одна только Англія въ силахъ воевать съ Французами безъ союзниковъ? Она всегда, когда захочетъ, можетъ

отнять ихъ колоніи и запереть гавани; правда, что и ничего болѣе не сдѣлаетъ. Давно уже Францію сравниваютъ со львомъ, а Великобританію съ китомъ: одинъ грозенъ на берегу, а другой на волнахъ; они взаимною злобою своею не причинятъ большаго вреда другъ другу. — Вторая мысль Консулова, нами замѣченная, рѣшитъ важный вопросъ государственной Морали о пользѣ роскоши: онъ явно возбуждаетъ къ ней Французовъ, для успѣха Ліонскихъ фабрикъ!! Жаль, что нѣтъ уже на свѣтѣ Дидрота и его товарищей *Философистовъ:* какъ они обрадовались бы сему мнѣнію, основанному на ихъ системѣ! Обширность и важность предмета не дозволяютъ намъ вступить здѣсь въ его изслѣдованіе; скажемъ только одно: естьли роскошь не совмѣстна съ чистыми нравами людей, то хорошо ли Законодателю ободрять ее? можетъ ли частное добро перевѣсить общій вредъ? Въ Бретіи многіе люди питаются тѣмъ, что дѣлаютъ прекрасные ножи и кинжалы; но зная, что Италіянскіе Бандиты по большой части тамъ запасаются смертоноснымъ оружіемъ своимъ, доброй человѣкъ не можетъ любить Бретіянскихъ фабрикъ. Нравы должны быть основаніемъ и частнаго и государственнаго щастія; а мы сомнѣваемся въ благонравіи роскошной жены и матери. Когда умѣренность справедливо называется добродѣтелію, то роскошь есть вѣрно порокъ. Ошибки въ системахъ Писателя и Правителя имѣютъ не одинакія слѣдствія: Дидротъ былъ смѣшенъ, утверждая, что мотъ гораздо благодѣтельнѣе того человѣка, кото-

рый питаетъ нищихъ; но Бонапарте законодатель милліоновъ!

Марта, 1803.

═

VIII.

О ВЫСАДКѢ.

Можно сказать, что Европа имѣетъ нынѣ только одну мысль: всѣ умы занимаются Французскою высадкою, для которой благопріятное время наступаетъ. Извѣстно, что въ Октябрѣ и въ Ноябрѣ мѣсяцѣ свирѣпствуютъ югозападные бурные вѣтры, которые могутъ разсѣять флоты Англійскіе; гавани Республики, теперь *осажденныя* ими, будутъ свободны, и Французы, пользуясь щастливою минутою, выдутъ въ море — такъ пишутъ въ Вѣдомостяхъ; такъ думаютъ не только Журналисты и частные люди, но (какъ увѣряютъ насъ) и самые Министры. Страшныя приготовленія Французовъ увѣрили Европу, что Консулъ дѣствительно и непремѣнно хочетъ завоевать Великобританію. Франція вездѣ представляетъ картину ревностной, неусыпной воинской дѣятельности. Дороги усѣяны войсками, которыя спѣшатъ изъ всѣхъ Департаментовъ къ западнымъ и сѣвернымъ берегамъ Республики; большая часть лѣсовъ вырублена; на всѣхъ рѣкахъ строятъ лодки и суда; въ арсеналахъ день и ночь трудится около 300,000

работниковъ. Уже Бонапарте назначилъ Адмирала: Брюи (который нѣкогда весьма щастливо *уходилъ* на моряхъ отъ Англичанъ и привелъ въ Брестъ флотъ Гишпанскій) долженъ командовать *народною флотиліею*, распустилъ флагъ свой въ Кале, и въ торжественной прокламаціи говоритъ Республиканцамъ: «уже гремитъ вопль мщенія. День ужас-«ный готовится. Благопріятный вѣтръ въ нѣсколь-«ко часовъ поставитъ васъ на берега Англіи!» — 180,000 Французовъ собираегся въ разныхъ лагеряхъ для высадки. Главная квартира въ Гентѣ, куда Консулъ немедленно отправится, чтобы, находясь въ цоитрѣ войскъ, управлять ихъ движеніями. Одни увѣрены, что Бонапарте хочетъ самъ командовать экспедиціею; а другіе думаютъ, что онъ останется на берегу, въ ожиданіи успѣха, и поручитъ армію Массенѣ или другому Генералу. О Моро не говорятъ ни слова. Консульская гвардія выступаетъ въ походъ.... «Естьли первая экс-«педиція не удастся (пишутъ изъ Франціи), то мы «отправимъ вторую, а за нею и третью армію....» Это легко сказать, а не сдѣлать; первая удача или неудача должна все рѣшить. Между тѣмъ признаемся, что намъ и нынѣ не хотѣлось бы еще вѣрить сему гигантскому предпріятію. Не уже ли умъ Консула можетъ быть такъ ослѣпленъ желаніемъ мести? Донынѣ онъ во всемъ, или почти во всемъ, имѣлъ успѣхи; но *Фортуна женщина*, говорятъ мудрые. Дерзость бываетъ спасительна только въ крайности: а Франція сильна и велика. Намъ всегда казалось, что мстительность не

входитъ въ здравую Политику. Британцы ненавидятъ величіе Франціи, зная, что ихъ паденіе неименуемо, естьли Республика удержится на той степени могущества, на которую поставилъ ее Бонапарте. Сія ненависть должна ему казаться естественною и даже справедливою, будучи основана на патріотизмѣ. Естьли онъ сохранитъ настоящую силу и вліяніе Франціи на твердой землѣ, то безъ всякихъ отважныхъ предпріятій въ нѣсколько лѣтъ побѣдитъ Англичанъ. Самовластіе ихъ на моряхъ оскорбляетъ всѣ Державы: рано или поздно онѣ могутъ прибѣгнуть къ чему нибудь рѣшительному — могутъ наконецъ затворить свои гавани для Англичанъ, тѣмъ охотнѣе и скорѣе, чѣмъ болѣе Консулъ уважалъ бы достоинство неутральныхъ государствъ и независимость Европы. Пусть Великобританія царствуетъ въ Индіи и владѣетъ всѣми островами на свѣтѣ: ежели не будутъ пускать ея кораблей черезъ Зундъ, то она, уже почти совсѣмъ отрѣзанная отъ южной Европы, безъ сомнѣнія смиритъ гордость свою и захочетъ мира, чтобы Индѣйскіе и Американскіе товары не сгнили въ Лондонскихъ магазинахъ и фабрики ея не остались безъ дѣла. Тогда Бонапарте восторжествовалъ бы совершенно, и гордые враги его признали бы *свободу морей*, которую онъ обѣщаетъ доставить свѣту своею грозною высадкою. Но для ускоренія сей щастливой эпохи ему не надлежало бы вводить войска въ Ганноверъ и наказывать Германію за Англичанъ: дѣйствіе силы оскорбительное для всѣхъ друзей справедливо.

сти — и для самыхъ Кабинетовъ, какъ надобно думать!

Мы удивляемся, что нѣкоторые Политики съ такою легкостiю говорятъ о возможности завоевать Англiю. Какое государство исчезло вдругъ, будучи, подобно Великобританiи, на высочайшей степени величiя? Народы такъ скоро не переходятъ отъ славы къ рабству, — отъ славы, которая доказываетъ силу ихъ духа. 17,000 Англичанъ завоевали Египетъ, гдѣ было столько же Французскаго войска, и притомъ отборнаго: слѣдственно они умѣютъ и на землѣ сражаться. 50,000 человѣкъ милицiи, столько же регулярнаго войска и полмиллiона волонтеровъ не положатъ ружья передъ Консуломъ, когда имъ надобно будетъ спасти отечество и народную независимость. Такой армiи еще никто не побѣждалъ отъ начала мiра. Не только Каналъ, но и берегъ Англiи по всѣмъ вѣроятностямъ долженъ быть могилою для Французовъ. Иное дѣло, естьли бы удалось имъ 40 или 50 тысячь высадить на берега Ирландiи: сiе войско осталось бы безъ сообщенiя съ Францiею, но легко могло бы выгнать оттуда Англичанъ, которыхъ ненавидятъ Ирландцы. Сiя страна есть нынѣ самая нещастная на земномъ шарѣ, будучи театромъ ужаса, казней, остервененiя заговорщиковъ и хотя необходимыхъ, но печальныхъ мѣръ строгаго воинскаго правленiя. Никто изъ жителей не увѣренъ въ своей безопасности; доносы и подозрѣнiе наполняютъ тюрьмы отцами семействъ; въ домахъ безпрестанные осмотры; солдаты штыками отво-

ряютъ дверь въ кабинеты и въ спальни самыхъ знаменитыхъ гражданъ, которымъ дозволяется выходить изъ дому единственно въ назначенное для того время. Естьли Бонапарте въ самомъ дѣлѣ хочетъ отважиться на высадку, то всего вѣроятнѣе, что не Англія, а Ирландія будетъ ея предметомъ.

Но точно ли онъ имѣетъ сіе намѣреніе? Не хочетъ ли единственно того, чтобы Англія, безпрестанно ожидая Французовъ, истощала казну на содержаніе многочисленной арміи, изнуряла народъ податями и не предпринимала важныхъ экспедицій? Въ такомъ случаѣ хвала и слава его хитрости: ибо ему удалось обмануть не только Гакесбури съ Аддингтономъ, но и всю Европу. Напряженіе силъ, въ которомъ видимъ теперь Англію, вредно для ея торговли и промышлености; естьли оно еще долго не прекратится, то народъ безъ сомнѣнія захочетъ мира: чего только, можетъ быть, и желаетъ Консулъ.

Октября, 1803.

ПАНТЕОНЪ
РОССІЙСКИХЪ АВТОРОВЪ.

БОЯНЪ.

—

За нѣсколько лѣтъ передъ симъ въ одной монастырской Архивѣ нашлось древнее Русское сочиненіе, достойное Оссіана, и названное *Словомъ о полку Игоревѣ*. Знатоки нашихъ древностей утверждаютъ, что оно должно быть произведеніемъ XII вѣка. Въ немъ живо описываются бѣдствія Россіи и храбрость сыновъ ея, дикость нравовъ и сила Героевъ. Авторъ неизвѣстенъ; но въ началѣ своей пѣсни онъ именуетъ другаго Пѣснопѣвца, Бояна, славитъ его дарованія и называетъ *Соловьемъ древнихъ лѣтъ*. Мы не знаемъ, когда жилъ Боянъ, и что было содержаніемъ его сладкихъ Гимновъ; но желаніе сохранить имя и память древнѣйшаго Русскаго Поэта заставило насъ изобразить его въ началѣ сего изданія. Онъ слушаетъ поющаго соловья, и старается подражать ему на лирѣ.

Можетъ быть, жилъ Боянъ во времена Героя Олега; * можетъ быть, пѣлъ онъ славный походъ

* Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ *Слова о полку Игоревѣ* можно заключить, что Боянъ жилъ при Князѣ Полоцкомъ Всеславѣ I.

сего Аргонавта къ Царю-Граду, или нещастную смерть храбраго Святослава, который съ горстію своихъ погибъ среди безчисленныхъ Печенѣговъ, или блестящую красоту Ольги, ея невинность въ сельскомъ уединеніи, ея славу на Тронѣ.

НЕСТОРЪ.

Монахъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, родился въ 1056, умеръ около 1120 года.

—

Несторъ жилъ во мракѣ первагонадесять вѣка: и такъ могъ ли быть Тацитомъ? Всѣ лѣтописи тогдашнихъ временъ говорятъ о суевѣрныхъ преданіяхъ, единообразныхъ войнахъ, нападеніяхъ, отраженіяхъ, и молчатъ о томъ, что было бы для насъ гораздо любопытнѣе: о нравахъ, обычаяхъ народовъ, ихъ понятіяхъ, отличныхъ людяхъ, перемѣнахъ въ образѣ жизни, и пр. Не смотря на то, Несторова лѣтопись есть сокровище нашей Исторіи, какъ по своей древности, такъ и по нѣкоторымъ характернымъ чертамъ, важнымъ и, такъ сказать, лучезарнымъ для прозорливаго Историка новыхъ щастливѣйшихъ временъ. На примѣръ, краткая рѣчь Князя Святослава къ его Дружинѣ передъ битвою съ Греками, не есть ли достаточное, славное изъявленіе древняго Русскаго мужества и народной гордости? *Не посрамимъ земли Русскія, но ляжемъ костьми: мертвые бо срама не имутъ. Станемъ крѣпко; иду предъ вами.* Что можетъ быть сильнѣе и разительнѣе? Такихъ золотыхъ мѣстъ довольно въ Несторѣ. Будемъ ему благодарны. Старинныя лѣтописи другихъ народовъ едва ли совершеннѣе нашихъ.

—

НИКОНЪ,

Патріархъ Московскій, родился въ 1613, умеръ въ 1681 году.

Простой чернецъ Кожеозерскаго монастыря и черезъ семь лѣтъ Патріархъ Россіи, знаменитый не ученостію, но благочестіемъ и дѣятельною ревностію къ Вѣрѣ: чему служитъ доказательствомъ исправленіе духовныхъ книгъ и другія церковныя учрежденія его времени. Вдохновенный Христіанскимъ смиреніемъ, Никонъ сложилъ съ себя верховный санъ, и въ тихомъ уединеніи Воскресенскаго монастыря, въ тѣсной кельѣ, осѣненной густыми деревами, провождалъ дни свои, Богу и душеспасительнымъ трудамъ посвященные. Тамъ въ часы отдохновенія, собиралъ * онъ древнія лѣтописи Россіи, извѣстныя нынѣ подъ его именемъ, и служащія основаніемъ нашей Исторіи.

Въ семъ прекрасномъ монастырѣ, окруженномъ богатствами Природы, и донынѣ все еще напоми-

* Но не сочинялъ ихъ.

наетъ Никона и строгое житіе его. Когда цвѣтетъ весна и громкія пѣсни соловьевъ раздаются въ долинахъ Воскресенскихъ, обитатели Москвы посѣщаютъ Новый Іерусалимъ, и съ чувствомъ благоговѣнія входятъ въ кельи смиреннаго Патріарха.

МАТВѢЕВЪ,

(АРТЕМОНЪ СЕРГѢЕВИЧЬ).

Ближній Бояринъ, Намѣстникъ разныхъ городовъ, Царскія большія Печати и Государственныхъ Посольскихъ дѣлъ оберегатель; Приказовъ: Стрѣлецкаго, Казанскаго и другихъ, такожь и Монетнаго Двора Главный Судія. Родился въ 1625, убитъ Стрѣльцами во время бывшаго Московскаго мятежа въ 1682 году.

—

Бояринъ Матвѣевъ, наперсникъ и другъ Царя Алексѣя Михайловича, при юномъ Царѣ Ѳеодорѣ страдалъ семь лѣтъ въ заточеніи, по нелѣпому доносу изверговъ, обвинявшихъ его въ тайномъ сношеніи съ злыми духами; возвратился наконецъ съ честію и славою въ Москву, чтобы чрезъ нѣсколько дней.... умереть на копьяхъ Стрѣлецкихъ! Жертва своихъ достоинствъ, зависти людей и злобы мятежниковъ.

Историкъ народа Россійскаго когда нибудь осѣнитъ гробъ Матвѣева пальмою славы: она, и любовь чувствительныхъ сердецъ остаются послѣднею надеждою добродѣтели въ семъ бурномъ мірѣ.

Мы изображаемъ его здѣсь какъ Автора: онъ сочинилъ Исторію Князей и Царей нашихъ, поднесенную имъ Царевичу Ѳеодору. *

Напомнимъ читателю, что славный Полководецъ Россіи — тотъ, кто именемъ Русскихъ воиновъ заключилъ вѣчный союзъ съ побѣдою — однимъ словомъ, Румянцовъ-Задунайскій былъ правнукъ Матвѣева.

* См. Письма его, изданныя Новиковымъ.

ЦАРЕВНА

СОФІЯ АЛЕКСѢЕВНА.

Родилась въ 1656, скончалась въ 1704 году.

—

Здѣсь не мѣсто описывать характеръ Софіи, которая есть одна изъ великихъ женщинъ, произведенныхъ Россіею. Скажемъ только, что она по уму и свойствамъ души своей достойна была называться сестрою Петра Великаго; но ослѣпленная властолюбіемъ, хотѣла одна повелѣвать, одна царствовать, и наложила на Историка печальный долгъ быть ея обвинителемъ.

Софія занималась и Литтературою; писала Трагедіи, и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ. Мы читали въ рукописи одну изъ ея Драмъ, и думаемъ, что Царевна могла бы сравняться съ лучшими Писательницами всѣхъ временъ, естьли бы просвѣщенный вкусъ управлялъ ея воображеніемъ.

СИМЕОНЪ ПЕТРОВСКІЙ СИТІАНОВИЧЬ

ПОЛОЦКІЙ.

Іеромонахъ, родился въ 1628, умеръ въ 1680 году.

—

Учитель Петра Великаго, просвѣщеннѣйшій мужъ своего времени, Богословъ и Стихотворецъ. Онъ переложилъ въ стихи — или, лучше сказать, въ рифмы: ибо Греческій *метръ* былъ тогда еще не извѣстенъ — не только пѣсни Давидовы, но и самый церковный мѣсяцесловъ; имѣлъ даръ слова, который не есть даръ краснорѣчія; говорилъ и писалъ для современниковъ, слѣдственно не для насъ; но какъ древніе Философы, описывая твореніе міра, всегда начинали съ темнаго, неустроеннаго Хаоса, такъ и философическій изслѣдователь нашего языка долженъ начать любопытный трудъ свой съ произведеній Симеона Полоцкаго.

Извѣстно предсказаніе его о рожденіи Петра Великаго. Стихотворцы часто бываютъ Астрологами, и не всегда обманываются.

ДИМИТРІЙ, ТУПТАЛО.

Святый Митрополитъ и Чудотворецъ Ростовскій и Ярославскій, родился около 1671 года, скончался въ 1709 году.

—

Димитрій, Митрополитъ Ростовскій, не столько извѣстенъ по своему авторству, сколько по святому житію и добродѣтелямъ своимъ; но онъ много писалъ, и въ разныхъ родахъ: *Поучительныя слова* (въ коихъ довольно риторическихъ фигуръ) *о Славянскомъ народѣ, о Всемірной Исторіи, Духовныя Комедіи стихами и Розыскъ*, которымъ хотѣлъ онъ обратить въ истинную вѣру Брынскихъ раскольниковъ, и который писанъ съ жаромъ благочестія. Петръ Великій изъявилъ ему особенное свое благоволеніе за сію книгу. Но важнѣйшее изъ его твореній есть собраніе историческихъ извѣстій о всѣхъ Святыхъ, изданное подъ именемъ Минеи. Примѣчанія достойно то, что Димитрій, посвящая всю жизнь Христіанской добродѣтели, находилъ время и для чтенія Стихотворцевъ. Онъ любилъ Горація, и зналъ наизусть многіе стихи его.*

* См. Келейныя письма Димитрія,

—

ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ.

Архіепископъ Великаго - Новограда и Великихъ-Лукъ, Святѣйшаго Правительствующаго Синода первенствующій Членъ, родился въ 1681 году, умеръ въ 1736 году.

—

Ученый Богословъ и природный Ораторъ. Въ рѣчахъ его, духовныхъ и свѣтскихъ, разсѣяно множество цвѣтовъ краснорѣчія, хотя слогъ ихъ нечистъ и, можно сказать, непріятенъ. Мысль, что Петръ Великій бывалъ часто его слушателемъ; искреннее, жаркое чувство, съ которымъ онъ говоритъ о великихъ дѣлахъ его, обращаясь лично или къ нему самому, или къ его знаменитымъ сподвижникамъ; означеніе славныхъ эпохъ Россіи, и наконецъ щастливыя, живыя черты вдохновеніе истиннаго Генія: вотъ прелесть Ѳеофановыхъ рѣчей, которая всегда будетъ дѣйствовать на Русское сердце! Забывая негладкость языка, плѣняемся ихъ содержаніемъ, и льемъ радостныя слезы, читая слово о незабвенномъ торжествѣ Полтавскомъ, о юномъ, но уже славномъ флотѣ Россійскомъ, о возвращеніи Монарха и чужихъ земель къ подданнымъ и дѣтямъ своимъ. Когда же Ораторъ, въ кипѣніи горести, въ отчаяніи сердца,

восклицаетъ: *что дѣлаемъ? ПЕТРА Великаго погребаемъ!....* И теперь, и теперь еще благодарные сыны отечества рыдаютъ съ нимъ! Преданіе говоритъ, что Феофанъ, сказавъ сіе ужасное слово, не могъ продолжать отъ собственныхъ слезъ и всеобщаго стенанія.

Щастливый вѣкъ Поэзіи и Витійства, когда предметъ ихъ столь великъ и любезенъ!

Въ Ѳеофанѣ сіяетъ уже заря Россійскаго краснорѣчія; но, будучи предшественникомъ Ломоносова, онъ не похитилъ у него славы быть нашимъ лучезарнымъ Фебомъ.

Имъ сочинены многія Богословскія, правоучительныя книги и даже предисловіе къ Морскому Уставу. Какъ мужъ просвѣщенный, благоразумный политикъ и любимецъ ПЕТРА, онъ старался доказывать мудрость всѣхъ новыхъ Его учрежденій; первый открылъ талантъ молодаго Кантемира; ободрялъ, наставлялъ его, и вмѣстѣ съ нимъ писалъ стихи: два человѣка, съ коими, по тогдашнему времени, никто не могъ спорить въ остроуміи и въ учености.

Ѳеофанъ имѣлъ блестящія достоинства, слѣдственно и непріятелей, которые обвиняли его ересью въ умствованіяхъ и въ Теологіи; но въ царствованіи ли ПЕТРА Великаго могло быть опасно такое злословіе?

КНЯЗЬ ХИЛКОВЪ,

(АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧЬ).

Ближній Стольникъ и при Шведскомъ Дворѣ Резидентъ. Годъ рожденія его и смерти нигдѣ не показанъ; а извѣстно только, что онъ умеръ въ Швеціи, и что тѣло его привезено оттуда въ Санктпетербургъ въ 1718 году.

—

Былъ Министромъ Россійскимъ при Дворѣ Карла XII. Петръ Великій находилъ его достойнымъ сей важной, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, должности: слѣдственно онъ заслуживаетъ наше почтеніе.

Заключенный въ Вестерасѣ при началѣ войны, Князь Хилковъ въ скукѣ невольнаго уединенія искалъ способовъ заняться пріятнымъ образомъ, и сочинилъ Ядро Россійской Исторіи, которое лѣтъ 50 было жертвою безмысленныхъ копистовъ, и наконецъ, по возможности исправленное, выдано Г. Миллеромъ. Предлагая извлеченіе изъ нашихъ лѣтописей, Авторъ описываетъ новѣйшіе случаи по словесному преданію и запискамъ современни-

ковъ; иногда же сообщаетъ себѣ догадки и мысли о разныхъ политическихъ предметахъ. Книга его полезна для всякаго, кто желаетъ имѣть легкое свѣдѣніе о Россійской Исторіи, не требуя ни основательной критики, ни красиваго слога.

КНЯЗЬ КАНТЕМИРЪ,

(АНТІОХЪ ДМИТРІЕВИЧЬ).

Тайный Совѣтникъ, Камергеръ и чрезвычайный при Англійскомъ и Французскомъ Дворѣ Посолъ, родился въ 1709, умеръ въ 1744 году.

—

Нашъ Ювеналъ. Сатиры его были первымъ опытомъ Русскаго остроумія и слога. Онъ писалъ довольно чистымъ языкомъ, и могъ по справедливости служить образцомъ для современниковъ, такъ, что раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, *первую* должно начать съ Кантемира, *вторую* съ Ломоносова, *третію* съ переводовъ *Славяно-Русскихъ* Господина Елагина и его многочисленныхъ подражателей, *а четвертую* съ нашего времени, въ которое образуется *пріятность слога.*

Въ стихахъ Кантемировыхъ нѣтъ еще истинной мѣры — долгіе и короткіе слоги смѣшаны безъ разбора — но есть гармонія. Въ прозѣ онъ лучше выражалъ *свои*, нежели чужія мысли; на примѣръ, стиль въ предисловіи къ Фонтенелевой книгѣ о множествѣ міровъ несравненно глаже, нежели въ самомъ переводѣ. Мы имѣли случай видѣть его Министерскія донесенія изъ Лондона и Парижа,

писанныя ясно и правильно. Между прочимъ характеристическое изображеніе Роберта Вальполя, славнаго Министра Англіи, доказываетъ, что Кантемиръ имѣлъ острый взоръ для замѣчанія тайныхъ сгибовъ человѣческаго сердца и легкое перо для описанія своихъ замѣчаній.

Самые просвѣщенные иноземцы чувствовали цѣну его ума и нравственныхъ достоинствъ. Кантемиръ былъ другомъ извѣстнаго Аббата Гуаско и пріятелемъ славнаго Монтескьё. * Любовь къ наукамъ и словесности, слѣдствіе нѣжнаго образованія души, всегда бываетъ соединена съ благороднымъ влеченіемъ къ дружбѣ, которая, питая чувствительность, даетъ уму еще болѣе силы и паренія.

* L'abbé Venuti — пишетъ Монтеськё къ Аббату Гуаско — m'a fait part de l'affliction que vous a causèe la mort de votre ami le Prince Cantemir, et du projet que vous avez formé de faire un voyage dans nos Provinces mèridionales. Vous trouverez partout des amis pour remplacer celui, que vous avez perdu, mais la Russie ne remplacera pas si aisement un ambassadeur du mérite du Prince Cantemir.

ТАТИЩЕВЪ

(ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЬ).

Тайный Совѣтникъ и Астраханскій Губернаторъ. Годъ рожденія его не извѣстенъ, а умеръ въ 1750 году.

—

Ревностный любитель отечественной Исторіи, употребившій тридцат лѣтъ на собраніе всего, что до нее касается; но сей трудолюбивый мужъ, достойный нашего почтенія, вмѣсто Исторіи оставилъ намъ только матеріалы ея, и прибавилъ къ Лѣтописямъ свои замѣчанія. Въ догадкахъ его не всегда находимъ вѣроятность, а въ соображеніяхъ ту ясную простоту, которую любятъ читатели для своего покоя. Онъ заставляетъ насъ еще работать умомъ, и вмѣстѣ съ нимъ теряться въ Хаосѣ противорѣчій. Историкъ долженъ все обдѣлать въ головѣ своей; ему трудъ, а намъ плоды трудовъ его. Мы охотно идемъ за нимъ во мракъ давно прошедшихъ вѣковъ, естьли факелъ его свѣтитъ передъ нами ясно. Г. Татищевъ издалъ между прочимъ весьма любопытные отрывки Лѣтописи, сочиненной будто бы еще прежде Нестора Новогородскимъ

Епископомъ Іоакимомъ; но знатоки нашихъ древностей не хотятъ, къ сожалѣнію, вѣрить истинѣ ея. Впрочемъ онъ былъ рѣдкимъ человѣкомъ (у насъ въ Россіи) по дѣятельности ума своего и страстной охотѣ къ историческимъ наукамъ.

КЛИМОВСКІЙ

(СЕМЕНЪ).

Малороссійской Козакъ. Жилъ около 1724 года.

—

Козакъ и Стихотворецъ. Въ Императорской Библіотекѣ хранится его рукописное сочиненіе о Великодушіи и Правдѣ, въ которомъ много хорошихъ чувствъ и даже хорошихъ стиховъ (безъ опредѣленнаго теченія стопъ.) Сказываютъ, что Климовскій не менѣе семи Греческихъ Мудрецовъ былъ славенъ и почтенъ между его собратьями Козаками; что онъ, какъ вдохновенная Пиѳія, говаривалъ въ бесѣдахъ высокопарными стихами, давалъ пріятелямъ благоразумные совѣты, твердилъ часто пословицу: *Намъ добро и никому зло, то законное житье;* и любопытные приходили издалека слушать его. Малороссійская пѣсня: *не хочу я ничего, только тебя одного*, которую поютъ наши любезныя дамы, есть также, какъ увѣряютъ, сочиненіе Климовскаго, *ученика* природы, къ сожалѣнію *не доученнаго* искусствомъ.

Авторы Россіи, здѣсь изображенные! не стыдитесь видѣть его въ вашемъ обществѣ.

—

БУСЛАЕВЪ

(ПЕТРЪ).

Былъ Діакономъ Московскаго Успенскаго Собора, и жилъ около 1734 года.

—

Авторъ большой Поэмы, названной имъ: *Умозрительство душевное о преселеніи въ вѣчную жизнь Превосходительной Баронессы Марьи Яковлевны Строгоновой* и напечатанной въ 1734 году. Тредіаковскій плѣнялся разными мѣстами сей Поэмы, и восклицалъ: *что выше сего выговорить возможно? что сладостнѣе и вымышленнѣе? что глаже и плавнѣе?* Хотя вкусъ и свидѣтельство творца Тилемахиды не очень надежны, однакожь на сей разъ подпишемъ его судейское опредѣленіе, съ нѣкоторымъ исключеніемъ, и скажемъ, что въ стихотвореніи Буслаева подлино есть и *вымыслъ* и *гладкость*. На примѣръ, въ описаніи Христа многіе стихи прекрасны.

ТРЕДІАКОВСКІЙ
(ВАСИЛІЙ КИРИЛОВИЧЪ).

Надворный Совѣтникъ и Санктпетербургской Академіи Наукъ Краснорѣчія Профессоръ. Родился въ 1703, умеръ въ 1769 году.

—

Естьли бы охота и прилѣжность могли замѣнить дарованіе, кого бы не превзошелъ Тредіаковскій въ стихотворствѣ и краснорѣчіи?

Но упрямый Аполлонъ вѣчно скрывается за облакомъ для самозванцевъ-Поэтовъ, и сыплетъ лучи свои единственно на тѣхъ, которые родились съ его печатію.

Не только дарованіе, но и самый вкусъ не пріобрѣтается: и самый вкусъ есть дарованіе. Ученіе образуетъ, но не производитъ Автора.

Тредіаковскій учился во Франціи у славнаго Ролленя; зналъ древніе и новые языки; читалъ всѣхъ лучшихъ Авторовъ и написалъ множество томовъ въ доказательство, что онъ.... не имѣлъ способности писать.

Однакожъ труды его были не совсѣмъ безполезны. Онъ первый изъяснилъ на Русскомъ языкѣ

мѣру стиховъ, и перевелъ древнюю Исторію, которую по сіе время читаютъ наши Провинціальные Дворяне.

Имя Тредіаковскаго будетъ извѣстно самымъ отдаленнымъ потомкамъ. Сохранимъ же образъ его, и почтимъ въ немъ... трудолюбіе, науки и нещастіе природы.

П. П. Не многіе, можетъ быть, знаютъ слѣдующій анекдотъ. Екатерина II, любя успѣхи Россійскаго языка, желала, чтобы въ избранномъ обществѣ Эрмитажа всѣ говорили по-Русски. Ея воля была закономъ. Но законодатель долженъ предвидѣть и неисполненіе: какое же наказаніе опредѣлила Монархиня для преступниковъ? За всякое иностранное слово, вмѣшанное въ разговоръ, виновный осуждался прочесть сто стиховъ изъ Тилемахиды Тредіаковскаго.

СИЛЬВЕСТРЪ КУЛЯБКА.

Архіепископъ Санктпетербургскій и Ревельскій и Архимандритъ Троицкаго Александроневскаго Монастыря. Родился около 1701, умеръ въ 1761 году.

Сочинилъ много проповѣдей; нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны. Кажется, что онъ самъ не думалъ быть Ораторомъ, и хотѣлъ говорить только простымъ языкомъ Христіанскаго учителя. Слогъ его весьма не чистъ и теменъ, ко вреду многихъ хорошихъ мыслей, разсѣянныхъ въ поучительныхъ словахъ сего Архіепископа.

КРАШЕНИННИКОВЪ

(СТЕПАНЪ....)

Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ Профессоръ Ботаники и натуральной Исторіи. Родился въ 1713, умеръ въ 1755 году.

—

Онъ, живъ четыре года въ Камчаткѣ, описалъ сію любопытную страну, гдѣ человѣкъ поселился вопреки Натурѣ, среди глубокихъ снѣговъ, влажныхъ тумановъ и горъ огнедышущихъ. Въ описаніи его нѣтъ той пріятности, которою талантъ все украшаетъ, не отходя отъ исторической истины; однакожь видѣнъ умъ и хорошее расположеніе. Г. Крашенинниковъ славился въ свое время чистотою и правильностію слога. Его переводъ Квинта-Курція считался совершеннымъ классическимъ; онъ и теперь имѣетъ цѣну свою, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ другими переводами Латинскихъ Авторовъ. — Достойно замѣчанія, что Г. Крашенинниковъ умеръ въ самой тотъ день, какъ отпечатался послѣдній листъ Описанія Камчатки.

БАРКОВЪ

(ИВАНЪ....)

Переводчикъ при Императорской Академіи Наукъ. Когда родился неизвѣстно; умеръ въ 1768 году.

—

Переводъ Горацієвы Сатиры и Федровы басни, но болѣе прославился собственными замыслова-тыми и шуточными стихотвореніями, которыя хотя и никогда не были напечатаны, но рѣдкому неизвѣстны. Онъ есть Русской Скарронъ и любилъ однѣ каррикатуры. Разсказываютъ, что на вопросъ Сумарокова: «Кто лучшій Поэтъ въ Россіи?» *Студентъ* Барковъ имѣлъ смѣлость отвѣчать ему: «Первый Ломоносовъ, а второй я!» У всякаго свой талантъ: Барковъ родился конечно съ дарованіемъ; но должно замѣтить, что сей родъ остроумія не ведетъ къ той славѣ, которая бываетъ цѣлію и наградою истиннаго Поэта.

ГЕДЕОНЪ

Епископъ Псковскій и Нарвскій. Родился въ 1728, умеръ въ 1763 году.

—

Проповѣди Гедеоновы славны, и достойны того. Онѣ исполнены Христіанскаго благочестія, умныхъ разсужденій, нравственныхъ истинъ и самыхъ Ораторскихъ движеній. Слогъ ихъ неравенъ, однакожь ясенъ и вообще имѣетъ довольно гармоніи. Гедеонъ отмѣнно любилъ брать примѣры изъ Исторіи и Натуры (видно, что онъ зналъ хорошо древнихъ Историковъ и Плинія); любилъ также проводить мѣста изъ Святыхъ Отцевъ и Церковныхъ Учителей, всегда кстати и къ истинному украшенію своихъ проповѣдей; однимъ словомъ, былъ ученъ, имѣлъ великій природный разумъ и талантъ краснорѣчія. Его справедливо называютъ вторымъ Ѳеофаномъ. Онъ, можетъ быть, не уступалъ ему въ дарованіяхъ; но талантъ Ѳеофана былъ возвеличенъ чрезвычайными своими предметами. Гедеонъ умѣлъ также пользоваться обстоятельствами времени: на примѣръ, ужасное Лиссабонское землетрясеніе послужило ему матеріею для одного изъ лучшихъ словъ его.

—

ДИМИТРІЙ

(СѢЧЕНОВЪ).

Митрополитъ Новогородскій. Родился 1708, умеръ въ 1767 году.

—

Мы изображаемъ здѣсь Димитрія, какъ Автора многихъ проповѣдей, коихъ достоинство состоитъ не въ искусствѣ Ораторскомъ, но въ чистомъ Христіанскомъ ученіи и въ смѣломъ изображеніи мірскихъ пороковъ. Онъ въ присутствіи Двора громогласно укорялъ льстецовъ и знатныхъ Вельможъ, для которыхъ низкая и личная польза есть обожаемый идолъ. Добродѣтель жизни его давали ему право быть строгимъ на каѳедрѣ. Замѣчанія достойнѣйшая проповѣдь Димитріева есть Слово на день Благовѣщенія, гдѣ онъ изображаетъ состояніе Религіи и служителей ея въ Россіи передъ восшествіемъ на тронъ Императрицы Елисаветы Петровны. Екатерина Великая оказывала отмѣнное уваженіе къ добродѣтелямъ Димитрія, который имѣлъ славу быть ея совѣтникомъ во всемъ, что касалось до нашего Духовенства.

—

ЛОМОНОСОВЪ

(МИХАЙЛО ВАСИЛЬЕВИЧЪ).

Статскій Совѣтникъ, Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ Профессоръ, Стокгольмской и Болонской Членъ. Родился въ 1711, умеръ въ 1765 году.

—

Рожденный подъ хладнымъ небомъ Сѣверной Россіи, съ пламеннымъ воображеніемъ, сынъ бѣднаго рыбака, сдѣлался отцемъ Россійскаго краснорѣчія и вдохновеннаго Стихотворства.

Ломоносовъ былъ первымъ образователемъ нашего языка; первый открылъ въ немъ изящность, силу и гармонію. Геній его совѣтовался только самъ съ собою, угадывалъ, иногда ошибался, но во всѣхъ своихъ твореніяхъ оставилъ неизгладимую печать великихъ дарованій.

Онъ вписалъ имя свое въ книгу безсмертія, тамъ, гдѣ сіяютъ имена Пиндаровъ, Горацієвъ, Руссо.

Современники могли только удивляться ему; мы судимъ, различаемъ, и тѣмъ живѣе чувствуемъ его достоинство.

Лирическое Стихотворство было собственнымъ дарованіемъ Ломоносова. Для Эпической Поэзіи нашего вѣка не имѣлъ онъ, кажется, достаточной силы воображенія, того богатства идей, того всеобъемлющаго взора, искусства и вкуса, которые нужны для представленія картины нравственнаго міра и возвышенныхъ, иройскихъ страстей. Трагедіи писаны имъ единственно по волѣ Монархини; но Оды его будутъ всегда драгоцѣнностію Россійской Музы. Въ нихъ есть конечно слабыя мѣста, излишности, паденія; но всѣ недостатки замѣняются разнообразными красотами и піитическимъ совершенствомъ многихъ строфъ. Никто изъ послѣдователей Ломоносова въ семъ родѣ стихотворства не могъ превзойти его, ниже сравняться съ нимъ.

Проза Ломоносова вообще не можетъ служить для насъ образцомъ; длинные періоды его утомительны, расположеніе словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятно для слуха; но талантъ великаго Оратора блистаетъ въ двухъ похвальныхъ Рѣчахъ его, которыя и теперь должно назвать однимъ изъ лучшихъ произведеній Россійскаго, собственно такъ называемаго, Краснорѣчія.

Естьли Геній и дарованія ума имѣютъ право на благодарность народовъ, то Россія должна Ломоносову Монументомъ.

СУМАРОКОВЪ

(АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ).

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Св. Анны Кавалеръ, родился 1718, умеръ въ 1777 году.

—

Имя Сумарокова было въ свое время такъ же велико, какъ имя Ломоносова. Одинъ славилъ Елисавету на лирѣ и на каѳедрѣ Академической: другой плѣнялъ Ея чуствительность драматическими картинами на сценѣ. Оба талантами своими украсили и прославили время Ея царствованія. Имя того и другаго напоминаетъ щастливое рожденіе нашего *новаго* Стихотворства.

Сумароковъ еще сильнѣе Ломоносова дѣйствовалъ на публику, избравъ для себя сферу обширнѣйшую. Подобно Вольтеру, онъ хотѣлъ блистать во многихъ родахъ — и современники называли его нашимъ Расиномъ, Мольеромъ, Лафонтеномъ, Буало. Потомство не такъ думаетъ; но зная трудность первыхъ опытовъ и невозможность достиг-

нуть вдругъ совершенства, оно съ удовольствіемъ находитъ многія красоты въ твореніяхъ Сумарокова и не хочетъ быть строгимъ критикомъ его недостатковъ.

Уже ѳиміамъ не дымится передъ кумиромъ; но не тронемъ мраморнаго подножія; оставимъ въ цѣлости и надпись *Великій Сумароковъ!....* Соорудимъ новыя статуи, естьли надобно; не будемъ разрушать тѣхъ, которыя воздвигнуты благородною ревностію отцовъ нашихъ!

Но признавая (вмѣстѣ со всѣми) басни Сумарокова лучшимъ его твореніемъ, мы не сравниваемъ ихъ съ Лафонтеновыми, которыя плѣняютъ любезной простотою и живописными стихами. Русской бассенникъ можетъ нравиться только легкостію и рѣзкою сатирою; Лафонтенъ такъ же колетъ глаза пороку, но всегда съ видомъ неизъяснимаго добродушія: Сумароковъ язвитъ сильнымъ стихомъ безъ пощады.

Въ Трагедіяхъ своихъ онъ старался болѣе описать *чувства*, нежели представлять *характеры* въ ихъ эстетической и нравственной истинѣ; не искалъ чрезвычайныхъ положеній и великихъ предметовъ для трагической живописи, по въ надеждѣ на пріятную кисть свою, основывалъ Драму всегда на самомъ обыкновенномъ и простомъ дѣйствіи; любилъ такъ называемыя *прощальныя сцены*, для того, что онѣ извлекали слезы изъ глазъ чувствительной Елисаветы; и называя Героевъ своихъ именами древнихъ Князей Русскихъ, не думалъ соображать свойства, дѣла и языкъ ихъ съ

характеромъ времени. Но многіе стихи въ его Трагедіяхъ нѣжны и милы; многіе сильны и разительны. Довольно для вѣчной славы Поэта, открывшаго въ Россіи Сцену Мельпомены!

ЭМИНЪ ѲЕДОРЪ....

Титулярный Совѣтникъ и Кабинетный Переводчикъ. Родился 1735, умеръ въ 1770 году.

—

Самый любопытнѣйшій изъ романовъ Г. Эмина есть собственная жизнь его, какъ онъ разсказывалъ ее своимъ пріятелямъ, * а самый неудачный — Россійская его Исторія. Онъ родился въ Польшѣ, былъ воспитанъ Іезуитомъ, странствовалъ съ нимъ по Европѣ и Азіи, неосторожно заглянулъ въ Гаремъ Турецкій, для спасенія жизни своей принялъ Магометанскую Вѣру, служилъ Янычаромъ, тихонько уѣхалъ изъ Константинополя въ Лондонъ, явился тамъ къ нашему Министру, снова крестился, пріѣхалъ въ Петербургъ и сдѣлался — Русскимъ Авторомъ. — Вотъ богатая матерія для шестя или семи томовъ! Сочинивъ *Мирамонда*, *Ѳемистокла*, *Эрнеста и Доравру*, *Описаніе Турецкой Имперіи*, *Путь къ спасенію*, онъ издавалъ журналъ подъ именемъ *Адской Почты*, и наконецъ увѣнчалъ свои творенія *Россійскою Исторіею*, въ которой ссылается на *Полибіевы из-*

* См. Опытъ Историческаго Словаря.

вѣстія о Славянахъ, на *Ксенофонтову Скиѳскую Исторію* и множество другихъ книгъ, никому въ мірѣ неизвѣстныхъ. Ученый и славный Шлецеръ всего болѣе удивляется тому, что Академія напечатала ее въ своей Типографіи. — Впрочемъ Г. Эминъ неоспоримо имѣлъ остроуміе и плодовитое воображеніе; зналъ, по его увѣренію, болѣе десяти языковъ, и хотя выучился по-Русски уже въ среднихъ лѣтахъ, однакожь въ слогѣ его рѣдко примѣтенъ иностранецъ.

МАЙКОВЪ ВАСИЛІЙ....

Онъ хотѣлъ итти по слѣдамъ Сумарокова: писалъ Трагедіи, Басни, Оды, Эклоги, Эпистолы, которыя въ свое время нравились Публикѣ, хотя и тогда не считались превосходными. Но истинное дарованіе его обнаружилось въ двухъ комическихъ Поэмахъ: *Игрокъ Ломбера* и *Елисей или раздраженный Вакхъ*. И въ той и въ другой находимъ воображеніе, то забавную важность, то шутливое остроуміе. Многія каррикатуры въ *Елисеѣ* живописны, и точно Русскія; онѣ никогда не теряютъ цѣны своей. — Г. Майковъ не зналъ иностранныхъ языковъ, и потому Дидеротъ, обѣдая съ нимъ во дворцѣ, * сказалъ ему черезъ переводчика: «угадываю, какъ пишутъ Господа Сумароковъ и «Херасковъ, которые читаютъ Французскихъ Ав- «торовъ; но я желалъ бы знать по-Русски, чтобы «видѣть въ стихахъ вашихъ Поэта оригинальна- го.» Такое заключеніе несправедливо. Знаніе язы-

* Екатеринѣ Великой угодно было познакомить Дидерота съ Русскими Авторами и пригласить ихъ къ обѣду.

ковъ не мѣшаетъ оригинальности, и всякой истинный, зрѣлый талантъ имѣетъ свою физіогномію. Можно также не знать иностранныхъ языковъ и быть все еще подражателемъ; какимъ и былъ Г. Майковъ во многихъ своихъ твореніяхъ, взявъ себѣ за образецъ Сумарокова.

ПОПОВСКІЙ

(НИКОЛАЙ....)

Профессоръ. Родился около 1730 года; умеръ въ 1760 году.

—

Онъ всего болѣе извѣстенъ переводомъ славнаго Опыта о человѣкѣ, Essay on man. Ломоносовъ называлъ Поповскаго надеждою Россійскаго Парнасса и весьма усердно хвалилъ его. Въ самомъ дѣлѣ нѣкоторыя мѣста *Опыта* переведены очень хорошо, хотя и не съ подлинника, а съ Французскаго. Судьба сего творенія на Русскомъ языкѣ всѣмъ извѣстна: Ценсура ослабила въ немъ многіе стихи; но умъ Автора и талантъ переводчика сохранили печать свою. — Локково сочиненіе *о воспитаніи* и Горацієва Эпистола *о стихотворствѣ* переведены такъ же Г. Поповскимъ. Стихи его лучше прозы, довольно ясной, но не довольно гладкой, хотя и въ первыхъ онъ не успѣлъ еще достигнуть до возможнаго совершенства: къ сожалѣнію, Г. Поповскій скончался на тридцатомъ году отъ рожденія, будучи Профессоромъ Краснорѣчія при Московскомъ Университетѣ; и за

нѣсколько дней до смерти сжегъ всѣ свои рукописи, щитая ихъ недостойными напечатанія: такая строгость вкуса бываетъ знакомъ необыкновеннаго дарованія. — Если бы онъ пожилъ долѣе, то Россія конечно могла бы гордиться его изящными произведеніями.

ПОПОВЪ

(МИХАЙЛО....)

Секретарь Коммиссіи Сочиненія Законовъ.

—

Его сочиненія, стихи и проза, изданы вмѣстѣ подъ именемъ *Досуговъ*; а пѣсни были нѣсколько разъ особливо напечатаны: слѣдственно онѣ нравились Публикѣ; многія изъ нихъ замысловаты и нѣжны.... Вообще стихи Г. Попова не *пусты мыслями*; въ нихъ есть и щастливыя выраженія, хотя слогъ не всегда чистъ и пріятенъ.

Сей Авторъ любилъ Русскія древности и сочинилъ описаніе Славянскаго богослуженія, которое Левекъ перевелъ и выдалъ за историческое, не зная, что оно не имѣетъ никакой достовѣрности: ибо Религія Россійскихъ Славянъ въ самомъ дѣлѣ намъ неизвѣстна. Несторъ не говоритъ объ ней почти ни слова. Въ деревняхъ нашихъ сохранились сказки о *Лѣшихъ* и *Русалкахъ*; въ припѣвѣ старыхъ пѣсенъ слышимъ имена *Дидо*, *Ладо* — и болѣе ничего не знаемъ. Такъ по крайней мѣрѣ скажетъ Историкъ, который умѣетъ отличать истины отъ басенъ.

Переводы Г. Попова были въ великомъ уваженіи: особливо Тассовъ *Освобожденный Іерусалимъ*, о которомъ Екатерина Вторая упоминаетъ съ похвалою въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Вольтеру.

(Писано въ 1802 году.)

О БОГДАНОВИЧѢ

И

ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

О БОГДАНОВИЧѢ

и

ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ. *

—

Коллежскій Совѣтникъ Ипполитъ Ѳеодоровичь Богдановичь родился въ 1743 году, Декабря 23, въ щастливомъ климатѣ Малороссіи, въ мѣстечкѣ Переволочномъ, гдѣ отецъ его былъ при должности; ему и нѣжной матери онъ единственно обязанъ своимъ образованіемъ. — Таланты иногда долго зрѣютъ, но всегда рано открываются: уже въ дѣтствѣ Богдановичь страстно любилъ чтеніе, рисованіе, музыку и стихотворство.

Въ 1754 году отвезли его въ Москву и опредѣлили въ Юстицъ-Коллегію Юнкеромъ. Президентъ

* Съ величайшею благодарностію Авторъ воспользовался извѣстіями, доставленными ему почтеннымъ братомъ творца *Душеньки*, Иваномъ Ѳедоровичемъ Богдановичемъ, но прибавилъ къ нимъ и нѣкоторые анекдоты, слышанные имъ отъ людей, которые были коротко знакомы съ покойникомъ.

ея, Г. Желябужскій, замѣтилъ въ немъ особенную склонность къ наукамъ, и дозволилъ ему учиться въ Математической школѣ, бывшей тогда при Сенатской Конторѣ. Но Математика не могла быть наукой человѣка, рожденнаго для Поэзіи; числа и линеи не питаютъ воображенія. Богдановичь, утомленный Ариѳметикою и Геометріею, отдыхалъ за твореніями Ломоносова, котораго лира гремѣла и плѣняла тогда Россіянъ, еще не строгихъ судей въ Поэзіи, но уже чувствительныхъ къ великимъ красотамъ ея.

Драматическое Искусство сильно дѣйствуетъ на всякую нѣжную душу; разборчивость вкуса приходитъ только съ лѣтами и съ тонкимъ образованіемъ душевныхъ способностей: не мудрено, что пылкой молодой человѣкъ, увидѣвъ въ первый разъ драматическія представленія, сіи живыя картины страстей, такъ плѣнился ими, что готовъ быть сдѣлать безразсудность. Однажды является къ Директору Московскаго Театра мальчикъ лѣтъ пятнадцати, скромной, даже застѣнчивой, и говоритъ ему, что онъ дворянинъ и желаетъ быть актёромъ! * Директоръ, разговаривая съ нимъ, узнаётъ его охоту къ ученью и стихотворству; доказываетъ ему неприличнотть актёрскаго званія для благороднаго человѣка; записываетъ его въ Университетъ и беретъ жить къ себѣ въ домъ. Сей

* Это слышалъ я отъ самаго безсмертнаго творца Россіады.

мальчикъ былъ Ипполитъ * Богдановичь, а Директоръ Театра (что не менѣе достойно замѣчанія) Михайло Матвѣевичь Херасковъ. И такъ щастливая звѣзда привела молодаго ученика Музъ къ ихъ знаменитому любимцу, который, имѣя самъ великій талантъ, умѣлъ открывать его и въ другихъ. — Тогда Богдановичь узналъ правила языка и стихотворства, языки иностранные, и пріобрѣлъ другія свѣдѣнія, необходимыя для надежныхъ успѣховъ дарованія; наука не даетъ таланта, но образуетъ его. Творецъ Россіады былъ ему полезенъ наставленіями, совѣтами и примѣромъ. Богдановичь учился въ классахъ, писалъ стихи, которые печатались въ Журналѣ, выходившемъ при Университетѣ.** Они были еще далеки отъ совершенства, но показывали въ Авторѣ способность къ нему приближиться.

Кромѣ Михайла Матвѣевича Хераскова (который былъ тогда Членомъ Университета) молодой Стихотворецъ нашъ имѣлъ еще ревностнаго покровителя въ Князѣ Михайлѣ Ивановичѣ Дашковѣ. Уваженіе, оказанное къ юному таланту, достойно всегда признательнаго воспоминанія, добрыхъ сердецъ: сей нѣжный цвѣтъ, отъ знаковъ холодности и не вниманія, часто безъ всякаго плода увядаетъ. Но къ чести Русскихъ замѣтимъ, что

* Піитическое имя Ипполита пріятнѣе ушамъ безъ отчества.

** Въ Полезномъ Увеселеніи.

молодые люди съ дарованіемъ всегда находили и находятъ у насъ дѣятельное покровительство, особливо если нравственный характеръ ихъ возвышаетъ цѣну ума, какъ въ Ипполитѣ Богдановичѣ, который отличалъ себя и тѣмъ и другимъ — а всего болѣе милымъ *простосердечіемъ*, свойственнымъ любимцу Аполлонову....

Сынъ Фебовъ не рожденъ быть тонкимъ знатокомъ
Обычаевъ, условій свѣта;
Невинность, простота видна въ дѣлахъ Поэта.
Ему вселенная есть домъ,
Гдѣ онъ живетъ съ чужими
Какъ съ братьями родными;
Свободу и покой любя,
Не мыслитъ принуждать себя.

Нѣкоторые Поэты составляютъ исключеніе изъ сего правила; но таковъ былъ Лафонтенъ—и Богдановичь! Осьмнадцати лѣтъ онъ казался еще младенцемъ въ свѣтѣ; говорилъ, что думалъ, дѣлалъ, что хотѣлъ; любилъ слушать умные разговоры и засыпалъ отъ скучныхъ. Къ щастію, Поэтъ жилъ у Поэта, который требовалъ отъ него хорошихъ стиховъ, а не рабскаго наблюденія свѣтскихъ обыкновеній, и забавляясь иногда его невинностію, любилъ въ немъ какъ дарованіе, такъ и рѣдкое добродушіе. Богдановичь отъ искренности своей казался иногда смѣлымъ; но естьли слово его оскорбляло человѣка, то онъ готовъ былъ плакать отъ раскаянія; чувствовалъ нужду въ осторожности и черезъ десять минутъ слѣдовалъ опять движенію

своей природной откровенности: слабость души нѣжной и прекрасной, которая иногда и самую долговременную опытность побѣждаетъ!.... Стихотворецъ нашъ, богатый единственно риѳмами, не могъ сыпать золота на бѣдныхъ, но (какъ сказалъ любезной переводчикъ Греевой Элегіи).

Дарилъ нещастныхъ онъ, чѣмъ только могъ — слезою!

Пріязнь находила въ немъ самую ревностную услужливость. Однажды, ночью, сдѣлался пожаръ близъ знакомаго ему дома: онъ забылъ крѣпкой сонъ молодаго человѣка, дурную погоду, разстояніе, и въ одномъ камзолѣ явился тамъ предложить услуги свои. — Хозяинъ и хозяйка, столь любезные и почтенные, обходились съ нимъ какъ съ роднымъ: онъ во всю жизнь сохранилъ къ нимъ сердечную привязанность. — Но мы еще должны замѣтить одну черту характера его, едва ли не во всѣхъ Поэтахъ явную и рѣзкую — чувствительность: къ любезности женской, которая всегда служила вдохновеніемъ для стиховъ пріятныхъ. Кто рожденъ быть Поэтомъ Грацій, въ томъ рано обнаруживается сія нѣжная симпатія съ ихъ подругами — но симпатія часто безмолвная. Молодой стихотворецъ видѣлъ, обожалъ, краснѣлся и вздыхалъ только въ нѣжныхъ мадригалахъ. Какая строгая женщина могла оскорбиться такими чувствами?

Въ 1761 гаду Богдановичь опредѣленъ былъ въ надзиратели надъ Университетскими классами съ чиномъ Офицера, а по восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II, въ Члены Коммисіи

торжественныхъ приготовленій, и сочинялъ надписи для воротъ Тріумфальныхъ. Въ 1763 году, черезъ покровительство Княгини Екатерины Романовны Дашковой, * онъ вступилъ переводчикомъ въ штатъ Графа Петра Ивановича Панина, и въ то же время издавалъ Журналъ, ** въ которомъ сія знаменитая любительница Русской Словесности участвовала собственными трудами своими. Уже дарованіе его съ блескомъ обнаружилось тогда въ переводѣ Вольтеровыхъ стихотвореній, а всего болѣе въ Поэмѣ на разрушеніе Лиссабона, которую Богдановичь перевелъ такъ удачно, что многіе стихи ея не уступаютъ красотѣ и силѣ Французскихъ. Напримѣръ:

Богъ держитъ цѣпь въ рукахъ, но ею Онъ не связанъ.
\- -
Когда Творецъ такъ благъ, почто же страждетъ тварь?
\- -
Я живъ, я чувствую, и сердце отъ мученья
Взываетъ ко Творцу и проситъ облеченья....
О дѣти бѣдныя всемощнаго Отца!
На то ли вамъ даны чувствительны сердца?
\- -

* «Благодѣтельницы фамиліи Богдановичей,» прибавляетъ И. Ѳ. Б. въ своихъ извѣстіяхъ: «ибо и братъ «его обязанъ ей своимъ воспитаніемъ.» — Мы должны были сохранить сіе изъявленіе благородной признательности.

** Подъ титуломъ *Невинное Упражненіе.*

Кому, о Боже мой! Твои судьбы извѣстны?
Всесовершенный зла не можетъ произвесть.
Другаго нѣтъ Творца, а зло на свѣтѣ есть.
- - - - - - - - - - - - - - - - - -
Одинъ лишь можетъ Онъ дѣла Свои открыть,
Исправить немощныхъ и мудрыхъ умудрить.
- - - - - - - - - - - - - - - - - -
Отверженъ Эпикуръ, оставленъ мной Платонъ:
Бель знаетъ болѣ ихъ — но можно ль основаться?
Держа вѣсы въ рукахъ, онъ учитъ — сомнѣваться!
И не пріемля самъ системы никакой,
Всѣ только опровергъ, сражаяся — съ собой,
Подобно какъ Самсонъ, лишенный глазъ врагами,
Подъ зданьемъ палъ, его разрушеннымъ руками!
- - - - - - - - - - - - - - - - - -
Калифа нѣкогда, оканчивая вѣкъ,
Въ послѣдній часъ сію молитву къ Богу рекъ:
«Я все то приношу Тебѣ, о Царь вселенной!
Чего нѣтъ въ благости Твоей всесовершенной:
Грѣхи, невѣдѣнье, болѣзни, слезы, стонъ!»
Еще прибавить могъ къ тому *надежду* онъ.

Такіе стихи, написанные молодымъ человѣкомъ двадцати лѣтъ, показываютъ рѣдкой талантъ для стихотворства; нѣкоторые изъ нихъ можетъ осудить только набожный, строгій Христіанинъ, а не Критикъ; но и въ первомъ случаѣ долженъ отвѣтствовать Вольтеръ, а не Богдановичь. — Вмѣстѣ съ переводами печатаны въ семъ Журналѣ и многія его сочиненія, изъ которыхъ иныя отличаются нѣжностію и хорошими мыслями; на примѣръ слѣдующіе стихи къ Клименѣ:

Чтобъ щастливымъ намъ быть,
Я буду жить за тѣмъ, чтобъ мнѣ тебя любить;
А ты люби меня за тѣмъ, чтобъ могъ я жить.

Въ 1765 году Богданочичь, считаясь въ Иностранной Коллегіи Переводчикомъ, издалъ маленькую Поэму *Сугубое Блаженство*. Онъ раздѣлилъ ее на три пѣсни: въ первой изображаетъ картину золотаго вѣка, во второй успѣхи гражданской жизни, наукъ и злоупотребленіе страстей, а въ третьей спасительное дѣйствіе законовъ и царской власти. Сей важный предметъ требовалъ зрѣлости дарованій: еще Стихотворецъ нашъ не имѣлъ ее; однакожь многіе стихи умны и пріятны. Поэтъ складно и хорошо описываетъ наслажденія человѣка въ его невинности:

Въ тотъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совершенство,
Природою одной и сердцемъ наученъ;
Какъ всякій взоръ ему казалъ его блаженство
И всякимъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ:
Пять чувствъ ему вещей познаніе открыли,
Которое его ко щастію вело,
И чувства лишь къ его довольствію служили;
Не зналъ * онъ ихъ тогда употреблять во зло.
Невинности его не развращали страсти;
Желаній далѣ нуждъ своихъ не простиралъ;
Желалъ того, что онъ всегда имѣлъ во власти
И слѣдственно имѣлъ онъ все, чего желалъ.

* Послѣ: *не зналъ*, должно сказать *какъ* — то есть, *не зналъ, какъ употреблять во зло*.

Хорошо также описаны, въ піитическомъ видѣніи, различныя славы Царей....

Безчисленные зрю тамъ скипетры, державы,
И разные вѣнцы для кроткихъ или злыхъ.
Одни получатся народною любовью,
Предзнаменуя миръ, спокойство, тишину;
Другіе купятся злодѣйствами и кровью:
Имъ будетъ ненависть покорствовать въ плѣну. *
Пребудутъ первые спокойны, безопасны,
И слава возгласитъ по свѣту имя ихъ;
Но будутъ наконецъ послѣдніе нещастны,
Собою дѣлая нещастными другихъ.

Сія Поэма, приписанная тогда его Высочеству, Августѣйшему Наслѣднику трона, заключается слѣдующими прекрасными стихами:

Учись, Великій Князь, числомъ примѣровъ сихъ,
Великимъ быть Царемъ, великимъ человѣкомъ,
Ко щастью Твоему и подданныхъ Твоихъ.

Она, сколько намъ извѣстно, не сдѣлала сильнаго впечатлѣнія въ публикѣ. Лавровой вѣнокъ сплетался для Автора, но еще невидимо.

Въ 1766 году, опредѣленный въ должность Секретаря Посольства къ Саксонскому Двору, Богдановичь отправился въ Дрезденъ съ Министромъ, Княземъ Андреемъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ. Любезность сего Посланника. блестящія

* Лучшій стихъ въ Поэмѣ.

собранія его въ домѣ, хорошія знакомства, живописныя окрестности города и драгоцѣнности Искусствъ, въ немъ соединенныя, сдѣлали тамошнюю жизнь весьма пріятною для Богдановича, такъ, что онъ всегда любилъ воспоминать объ ней: она безъ сомнѣнія имѣла щастливое вліяніе и на самый піитическій талантъ его. Но, гуляя по цвѣтущимъ берегамъ Эльбы и мечтая о Нимфахъ, которыхъ они достойны; плѣняясь одушевленною кистію Корреджіо, Рубенса, Веронеза, * и собирая въ ихъ картинахъ милыя черты для своей *Душеньки*, которая уже занимала его воображеніе, онъ въ то же время описывалъ Конституцію Германіи и соглашалъ удовольствія человѣка свѣтскаго, любителя Искусствъ, Поэта съ должностію ученаго Дипломата.

Въ 1658 году возвратясъ изъ Дрездена, онъ совершенно посвятилъ себя Литтературѣ и Стихотворству, перевелъ разныя статьи изъ Энциклопедіи, Вертотову Исторію бывшихъ перемѣнъ въ Римѣ, мысли Аббата Сен-Пьера о вѣчномъ мирѣ пѣснь Екатеринѣ Микеля Анджело Джіанетти (за которую имѣлъ щастіе быть представленъ сей великой Государынѣ) выдавалъ 16 мѣсяцевъ Журналъ, подъ титуломъ Петербургскаго Вѣстника, и наконецъ, въ 1775 году, положилъ на олтарь Грацій свою *Душеньку*. Богдановичь съ удовольствіемъ говаривалъ послѣ о времени ея сочиненія.

* Всѣмъ извѣстна Дрезденская картинная галлерея.

Онъ жилъ тогда на Васильевскомъ Острову, въ тихомъ, уединенномъ домикѣ, занимаясь музыкою и стихами: въ щастливой безпечности и свободѣ; имѣлъ пріятныя знакомства; любилъ иногда выѣзжать, но еще болѣе возвращаться домой, гдѣ Муза ожидала его съ новыми идеями и цвѣтами..... Мирныя, неизъяснимыя удовольствія творческаго дарованія, можетъ быть самыя вѣрнѣйшія въ жизни! Не рѣдко призраки суетности и другихъ страстей отвлекаютъ насъ отъ сихъ любезныхъ упражненій; но какой человѣкъ съ талантомъ, вкусивъ ихъ сладость, и послѣ вверженный въ шумную, дѣятельную праздность свѣта, среди всѣхъ блестящихъ забавъ его не жалѣлъ о плѣнительныхъ минутахъ вдохновенія? Сильный, хорошій стихъ, щастливое слово, искусный переходъ отъ одной мысли къ другой, радуютъ Поэта какъ младенца, и не рѣдко на цѣлый день дѣлаютъ веселымъ, особливо, естьли онъ можетъ сообщать свое удовольствіе другу любезному, снисходительному къ его авторской слабости! Оно живо и невинно; самый трудъ, которымъ его пріобрѣтаемъ, есть наслажденіе; а впереди ожидаетъ Писателя благоволеніе добрыхъ сердецъ. Говорятъ о зависти: но ея жалкія усилія не рѣдко еще болѣе способствуютъ торжеству дарованій, и всегда, какъ легкія волны, отражаются твердымъ подножіемъ, на которомъ талантъ возвышается, въ честь отечеству, ко славѣ разума и въ память вѣка. . .

Басня Психеи есть одна изъ прекрасѣйшихъ Миѳологій и заключаетъ въ себѣ остроумную аллего-

рію, которую стихотворцы затмили наконецъ своими вымыслами. Древняя басня состояла единственно въ сказаніи, что богъ любви сочетался съ Психеею (душею), *земною* красавицею, и что отъ сего брака родилась *богиня наслажденія*. Мысль аллегоріи есть та, что душа наслаждается въ любви божественнымъ удовольствіемъ. Апулей, славный остроумецъ и колдунъ, по мнѣнію народа Римскаго, сочинилъ изъ нее любопытную и даже трогательную сказку, совсѣмъ не въ духѣ Греческой Миѳологіи, но похожую на волшебныя сказки новѣйшихъ временъ. Лафонтенъ плѣнился ею, украсилъ вымыслъ вымыслами и написалъ складную повѣсть, смѣшавъ трогательное съ забавнымъ и стихи съ прозою. Она служила образцомъ для Русской *Душеньки*; но Богдановичь, не выпуская изъ глазъ Лафонтена, идетъ *своимъ* путемъ и рветъ на лугахъ цвѣты, которые укрылись отъ Французскаго Поэта. Скажемъ безъ аллегоріи, что Лафонтеново твореніе полнѣе и совершеннѣе въ эстетическомъ смыслѣ, а *Душенька* во многихъ мѣстахъ пріятнѣе и живѣе, и вообще превосходнѣе тѣмъ, что писана стихами: ибо хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы; что труднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ Искусствахъ. Надобно также замѣтить, что нѣкоторыя изображенія и предметы необходимо требуютъ стиховъ для большаго удовольствія читателей, и что никакая гармоническая, цвѣтная проза не замѣнитъ ихъ. Все чудесное, явно несбыточное, принадлежитъ къ сему роду (слѣдственно и басня *Ду-*

шеньки). Случаи неестественные должны быть описаны и языкомъ необыкновеннымъ; должны быть украшены всѣми хитростями Искусства, чтобы занимать насъ повѣстію, въ которой нѣтъ и тѣни истины, или вѣроятности. Стихотворство есть пріятная игра ума, и богатѣе обыкновеннаго языка, разнообразными оборотами, измѣненіями тона, особливо въ вольныхъ стихахъ, какими писана *Душенька*, и которые, подобно Англійскому саду, болѣе всякаго правильнаго единства обнаруживаютъ умъ и вкусъ Артиста. Лафонтенъ самъ это чувствовалъ, и для того не рѣдко оставляетъ прозу; но онъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, естьли бы совсѣмъ оставилъ ее и написалъ Поэму свою, отъ начала до конца, въ стихахъ. Богдановичь писалъ ими, и мы всѣ читали его; Лафонтенъ прозою; и романъ его едва ли извѣстенъ одному изъ пяти Французовъ, охотниковъ до чтенія. Правда, что есть люди, которые не любятъ стиховъ — такъ же, какъ другіе не любятъ музыки и прекрасныхъ женщинъ; но такая антипатія есть чрезвычайность, и мы изъ учтивости — ничего не скажемъ о сихъ людяхъ!

Желая *украсить гробъ* сего любезнаго Поэта *собственными его цвѣтами*, напомнимъ здѣсь любителямъ Русскаго стихотворства лучшія мѣста *Душеньки*. Она не есть Поэма Героическая; мы не можемъ, слѣдуя правиламъ Аристотеля, съ важностію разсматривать ея *басню*, *нравы*, *характеры* и *выраженіе* ихъ; не можемъ, къ щастію, быть въ семъ случаѣ педантами, которыхъ боятся Гра-

ціи и любимцы ихъ. *Душенька* есть легкая игра воображенія, основанная на однихъ правилахъ нѣжнаго вкуса; а для нихъ нѣтъ Аристотеля. Въ такомъ сочиненіи все правильно, что забавно и весело, остроумно выдумано, хорошо сказано. Это, кажется, очень легко — и въ самомъ дѣлѣ не трудно — но только для людей съ талантомъ. Пойдемъ же, безъ всякаго ученаго масштаба, въ слѣдъ за Стихотворцемъ; и чтобы лучше цѣнить его дарованіе, будемъ сравнивать *Душеньку* съ Лафонтеновымъ твореніемъ.

Мы уже говорили о томъ, что Богдановичъ не рабски подражалъ образцу своему. На примѣръ, въ самомъ началѣ онъ весьма забавно описываетъ добраго Царя, отца Героини,

Который свѣту былъ полезенъ,
Богамъ любезенъ;
Достойно награждалъ,
Достойно осуждалъ;
И естьли находилъ въ подсудныхъ злыя души,
Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши;
Завистникамъ велѣлъ, чтобъ щастіе другихъ
Скучало взорамъ ихъ,
И не моглибъ они покоемъ наслаждаться;
Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть,
На золото глядѣть,
И золотомъ прельщаться,
Но имъ не насыщаться;
Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,
И ихъ потомкамъ въ казнь давалась та же спѣсь,
Какая видима осталась и поднесь.

У Лафонтена нѣтъ о томъ ни слова. И какъ все пріятно сказано! какъ перемѣна стиховъ у мѣста и щастлива! — Любезное имя, которымъ Богдановичь назвалъ свою Героиню, представляетъ ему щастливую игру мыслей, которой Лафонтенъ могъ бы позавидовать:

Звалась она *Душа* по толку мудрецовъ:
А послѣ, въ повѣстяхъ старинныхъ знатоковъ,
У Русскихъ *Душенькой* она именовалась,
И пишутъ, что тогда
Изыскано не безъ труда
Къ ея названію приличнѣйшее слово,
Которое еще для слуха было ново.
Во славу *Душенькѣ* у насъ отъ тѣхъ временъ
Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то любовь въ своемъ законѣ.

Это одно гораздо лучше всякаго подробнаго описанія Душенькиныхъ прелестей, котораго нѣтъ ни у Богдановича, ни у Лафонтена: ибо они не хотѣли говорить слишкомъ обыкновенно. — Жалобы Венеры въ Русской Поэмѣ лучше, нежели во Французской сказкѣ, гдѣ она также въ стихахъ. Читатели могутъ судить.

Амуръ! Амуръ! вступись за честь мою и славу;
Яви свой судъ, яви управу.
Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней слыхать:
Простая смертная, ругаяся богами,
Не ставитъ ни во что твою безсмертну мать;
Уже и нашими слугами
Осмѣлилась повелѣвать,

И въ областяхъ моихъ надъ мной торжествовать.
Могу ли я сносить и видѣть равнодушно,
Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно?
За ней гоняяся, отъ насъ отходятъ прочь
Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры.

- - - - - - - - . - - - - - - - - - - - - - - -

Юпитеръ самъ по ней вздыхаетъ день и ночь,
И слышно, что беретъ себѣ ее въ супруги:
Гречанку наглую, едва ли царску дочь,
Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги!
Какой ты будешь богъ, и гдѣ твой будетъ тронъ,
Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ,
Который у тебя отниметъ лукъ и стрѣлы,
И нагло покоритъ подвластны намъ предѣлы?
Ты знаешь, какъ сыны Юпитеровы смѣлы:
 По волѣ ходятъ въ небеса,
И всякія творятъ на свѣтѣ чудеса.
И можно ли терпѣть, что Душенька собою,
Безъ помощи твоей, во всѣхъ вселяетъ страсть,
Какую возжигать одинъ имѣлъ ты власть?
Она давно уже смѣется надъ тобою,
И ставитъ въ торжество себѣ мою напасть.
 За честь свою, за честь Венеры,
 Яви ты строгости примѣры;
Содѣлай Душеньку постылою навѣкъ,
 И столь худою,
 И столь дурною,
Чтобъ всякой отъ нее чуждался человѣкъ;
Иль дай ты ей въ мужья, ктобъ всѣхъ сыскался хуже
Чтобы нашла она себѣ тирана въ мужѣ,
 И мучила себя,
 Жестокаго любя;
Чтобы ея краса увяла,
 И я покойна стала.

Лафонтенова Венера, сказавъ, что изъ Пафоса бѣжали къ Душенькѣ всѣ Игры и Смѣхи, продолжаетъ:

L'un de ces jours je lui vois pour époux
Le plus beau, le mieux fait de tout l'humain lignage,
Sans le tenir de vos traits ni de vous;
Sans vous en rendre aucun hommage.
Il naitra de leur mariage
Un autre Cupidon qui d'un de ses regards
Fera plus mille fois que vous avec vos dards.
Prenez y gard; il vous y faut songer.
Rendez la malheureuse, et que cette cadette,
Malgré les siens épouse un étranger,
Qui ne sache où trouver retraite;
Qui soit laid, et qui la maltraite,
La fasse consumer en regrets superflus,
Tant que ni vous ni moi nous ne la craignions plus.

Для чести Русскаго таланта мы не побоялись длинной выписки. Богдановичь и мыслями и выраженіями побѣждаетъ опаснаго совмѣстника. Онъ гораздо приличнѣе заставляетъ сказать Венеру, что *самъ Юпитеръ* можетъ жениться на *Душенькѣ*, а *не лучшій изъ смертныхъ красавцевъ*, отъ котораго нельзя было родиться второму Купидону. Стихи: *ты знаешь, какъ сыны Юпитеровы смѣлы — и столь худою и столь дурною — и мучила себя, жестокаго любя*, живы и прекрасны: Лафонтеновы только изрядны, кромѣ: sans le tenir de vos traits, ni de vous, гдѣ одно сказано два раза для наполненія стиха. — Венерино шествіе у Лафонтена эскизъ, у Богдановича картина. Первый

сказалъ: l'un (Тритонъ) lui tient un miroir fait de cristal de roche, а второй:

Несетъ отломокъ горъ кристальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность объявляетъ
И радость на ея челѣ.
«О естьлибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ!»
Но тщетно онъ того желаетъ!
Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ;
Останется одинъ лишь камень — и *прог.*

Лафонтенъ говоритъ: Thètis lui fait ouir un concert de Sirenes. *Богдановичь*:

Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь,
Мѣшаютъ съ былью небылицы,
Ее стараясь превознесть.
- - - - - - - - - - - - - - - - - - -
Сама Өетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ!

Послѣдняя черта забавна. Өетида рада веселить Венеру, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы влюбчивый богъ морей не выѣзжалъ къ ней на встрѣчу съ трезубцемъ своимъ! — Лафонтенъ:

Tous les vents attentifs retiennent leurs haleines;
Le seul Zéphir est libre, et d'un souffle amoureux
Il caresse Venus, se joue à ses cheveux;

Contre ses vêtemens par fois il se courrouce.
L'onde pour la toucher à longs flots s'entrepousse
Et d'une egale ardeur chaque flot à son tour
S'en vient baiser les pieds de la mère d'Amour.

Французскіе стихи хороши, но Русскіе еще игривѣе и живѣе:

Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры, древни наглецы.
Иной власы ея взвѣваетъ;
Но вдругъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ,
И съ ними спутавшись летитъ.
Гонясь за нею, волны тамъ
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ.

Такъ Стихотворцы съ талантомъ подражаютъ. Богдановичь не думалъ о словахъ Лафонтеновыхъ, а видѣлъ передъ собою шествіе Венеры и писалъ картину съ натуры.

Что Французъ остроумно говоритъ прозою, то Русской не менѣе остроумно, и еще милѣе сказалъ въ стихахъ. Всѣ любовники оставляютъ красавицу. Народъ приходитъ въ ужасъ отъ небывалаго чуда, и Венера грозитъ государству еще новыми бѣдствіями, естьли не принесутъ ей въ жертву самой Душеньки....

Но Царь и вся родня
Любили Душеньку безъ мѣры;

Безъ ней пріятнаго не проводили дня:
Могли ль предать ее на мщеніе Венеры?
И всѣ въ единый гласъ,
Богинѣ на отказъ,
Отвѣтствовали смѣло,
Что то не сбыточное дѣло.
Иные подняли на смѣхъ ея олтарь;
Другіе стали горько плакать;
Другіежь не дослушавъ такать,
Когда лишь слово скажетъ Царь;
Иные Душенькѣ въ утѣху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда къ стыду богинь ее боготворили;
И что Венеры къ ней и ненависть и месть
Ея умножатъ честь.
Царевнѣ жь тѣ слова хотя и лестны были,
Но были бы милѣй,
Когда бы ихъ сказалъ какой любовникъ ей.
Отъ гордости она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ;
Но втайнѣ часто унывала,
Себя несчастной называла,
И часто въ горестныхъ слезахъ
Къ Амуру такъ взывала:
«Амуръ, Амуръ, веселій Богъ!
«Зачто ко мнѣ суровъ и строгъ?
«Давно ли всѣ меня ласкали?
«Въ побѣдахъ я вела часы;
«Могла плѣнять, любить по волѣ:
«Зачтожь теперь въ нещастной долѣ?
«Къ чему полезны мнѣ красы?
«Бѣднѣйшая въ поляхъ пастушка
«Себѣ находитъ пастуха;

«А я одна — —,
«Не бывъ дурна, не бывъ лиха!»

Сія жалоба Душеньки отмѣнно любезна своею простотою. Но въ доказательство нашего безпристрастія согласимся, что темный отвѣтъ Оракула лучше выраженъ во Французскихъ стихахъ. Отчаяніе красавицы, и то, что она говоритъ своему отцу, желая предаться въ волю таинственной Судьбы, также совершеннѣе и трогательнѣе въ Лафонтенѣ. Онъ разсказываетъ прозою: одно легче другаго. За то нѣкоторыя мѣста лучше въ стихахъ Богдановича. Лафонтенова Псиша говоритъ: Qu'on me mette sur un chariot, sans cocher ni guide; et qu'on laisse aller les chevaux à leur fantaisie: le sort les guidera infailliblement au lieu ordonné. Стоитъ ли эта бездушная проза слѣдующихъ стиховъ? Душенька

Сказала всей роднѣ своей,
Чтобъ только въ путь ее какъ должно снарядили,
И въ колесницу посадили,
Пустя на волю лошадей,
Безъ кучера и безъ возжей.
«Судьба, сказала, будетъ править;
Судьба покажетъ вѣрный слѣдъ
Къ жилищу радостей иль бѣдъ,
Гдѣ должно вамъ меня оставить.»

Вотъ славное преимущество языка Поэзіи! Есть-ли Стихотворецъ умѣетъ побѣждать трудности и ставить каждое слово въ своемъ мѣстѣ, то са-

мыя простыя выраженія отмѣнно нравятся, и прозаистъ далеко назади остается.

Ужасы Душенькина путешествія изображены во Французской сказкѣ какъ дѣйствительные ужасы, а въ Русской съ пріятною шутливостію:

Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ
Встрѣчали новой страхъ:
Ужасныя пещеры,
И къ верху крутизны
И къ бездиѣ глубины.
Инымъ являлись тамъ Мегеры;
Инымъ летучи Дромадеры,
Инымъ драконы и Церберы.
- - - - - - - - - - -
Царевнина кровать
Въ рукахъ несущихъ сокрушилась,
И многіе отъ страха тутъ
Не мало шапокъ пороняли,
Которы на подхватъ драконы пожирали.
Иные по кустамъ одежды изодрали,
И наготы имѣя видъ,
Едва могли прикрыть отъ глазъ стороннихъ стыдъ.
Осталось наконецъ лишь нѣсколько булавокъ
И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.

Надобно быть въ весьма дурномъ расположеніи, чтобы не засмѣяться отъ двухъ послѣднихъ стиховъ. Мы жалѣемъ, что Стихотворецъ нашъ предпочелъ здѣсь важному описанію каррикатуру: она хороша.

Какъ ни складно, ни красно описываетъ Лафонтенъ Купидоновъ дворецъ, сады, услужливость

Нимфъ, но проза его не дѣлаетъ мнѣ такого удовольствія, какъ слѣдующіе стихи Богдановича:

Явился передъ ней
Прекрасный видъ аллей
И рощей и полей.
Высокіе балконы
Открыли царство тамъ и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды
И чудные сады.
Оттуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чертоги,
Какіе созидать удобны только боги;
И тамо Душеньку, къ прохладѣ отъ дороги,
Въ готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору вмѣсто водъ повсюду собирали.
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри,
И составляли мыла,
Какими моются восточные Цари,
И коихъ вѣдома живительная сила.
Царевна со стыдомъ
Со споромъ и трудомъ,
Какъ водится при томъ,
Взирая на обновы,
Какія были тамъ на выборъ ей готовы,
Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы.
Полки различныхъ слугъ, предъ тѣмъ отдавъ поклонъ,
Безъ горя не могли оттуда выттп вонъ,
И даже за дверьми, не будучи въ услугѣ,
Охотно слѣдъ ея лобзали на досугѣ.
Зефиры лишь одни, имѣя входъ вездѣ,
Зефиры хищные, за тѣмъ, что ростомъ мелки,
Нашли въ дверяхъ и окнамъ щелки,

Прокрались между Нимфъ и спрятались въ водѣ,
Гдѣ Душенька купалась.

Богдановичь, угощая и веселя музыкою Героиню во дворцѣ Купидоновомъ, составилъ оркестръ свой лучше Лафонтена, и велѣлъ даже, весьма кстати, невидимо управлять имъ самому Аполлону; но жаль, что хоръ пѣвицъ его, хваля любовь, не повторилъ на Русскомъ языкѣ слѣдующей строфы гимна Французскаго:

Sans cet amour tant d'objets ravissans,
Lambris dorés, bois, jardin et fontaines
N'ont point d'appas qui ne soien languissans,
Et leurs plaisirs sont moins doux que ses peines.
Des jeunes coeurs cest le suprême bien:
Aimez, aimez — tout le reste n'est rien.

Въ доказательство, что Поэты, вопреки старинному злословію, умѣютъ быть иногда скромными, и Французъ и Русской не хотѣли описать перваго свиданія Душеньки съ Амуромъ. Послѣдній отдѣлался отъ читателей пріятною шуткою, говоря, что эта сцена осталась навѣки тайною между супругами...

Но только поутру примѣтили Амуры,
Что Нимфы межъ собой смѣялись подъ тишкомъ,
И гостья, будучи стыдлива отъ натуры,
Казалась между ихъ съ завѣшеннымъ ушкомъ.

Въ изображеніи палатъ съ ихъ драгоцѣнностями я люблю статую Душеньки...

Смотря на образъ сей, она сама дивилась;
Другая статуя казалась въ ней тогда,
Какой не видывалъ никто и никогда.

Черта прекрасная! взята съ Французскаго (elle demeura longtems immobile, et parut la plus belle statue de ces lienx); но выраженная въ стихахъ, болѣе нравится... Люблю также разныя живописныя изображенія Душеньки:

Въ одномъ она, съ щитомъ престрашнымъ на груди,
Палладой нарядясъ, грозитъ на лошади,
И болѣ, чѣмъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ.

Въ другомъ видимъ передъ нею Сатурна, который

Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ,
Прямитъ свой дряхлый станъ, желаетъ быть моложе,
Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки,
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки.
А тамъ она видна, подобяся Царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ.
Прекрасной Душеньки за честь и красоту
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету;
Летятъ великою толпою;
Летятъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною;
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихой нравъ,
Полей не обагряетъ кровью,
И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея пылаетъ къ ней любовью.

На третьей картинѣ Зефиръ списываетъ съ нее портретъ; не боясь нескромности,

Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть красотъ;
И многія изъ нихъ, конечно чудесами,
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.

Всего же болѣе люблю обращеніе Поэта къ красавицѣ:

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
По образу ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта;
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ —
И только ты одна прекраснѣе портрета.

Просто и такъ мило, что, можетъ быть, никакое другое мѣсто въ Душенькѣ не дѣлаетъ въ читателѣ столь пріятнаго впечатлѣнія. Всякому хочется скаазать сіи нѣжные, прекрасные стихи той женщинѣ, которая ему всѣхъ другихъ любезнѣе; а послѣдній стихъ можно назвать золотымъ. — Мы не пеняемъ Автору, что онъ не хочетъ далѣе описывать Купидонова дворца,

Гдѣ все плѣняло взглядъ
И было безподобно,
Но всюду тамъ умомъ
Я Душеньку встрѣчаю,
Прельщаюсь, и потомъ
Палаты забываю.

Но съ палатами Стихотворецъ забылъ и хозяина; забылъ, между портретами, упомянуть объ его изображеніяхъ. Скрываясь отъ Душеньки, Амуръ долженъ былъ показаться ей хотя на картинѣ.

Лафонтенъ представилъ на обояхъ разныя *чудеса* Купидоновы: на примѣръ, ужасный хаосъ, приводимый его рукою въ стройность...

Que fait l'Amour? Volant de bout, en bout,
Ce jeune enfant, sans beaucoup de mystere,
En badinant vous debrouille le tout,
Mille fois mieux qu'un sage.

Какъ бы хорошо могъ Богдановичь сказать это въ Русскихъ стихахъ! какъ бы хорошо могъ, слѣдуя Лафонтену, описать приступы любопытной Душеньки къ невидимому Амуру и его отговорки, столь остроумныя! Necessairement je suis Dieu ou je suis Démon. Si vous trouvez que je suis Démon, vous me hairez; et si je suis Dieu, vous cesserez de m'aimer ou du-moins vous ne m'amierez plus avec tant d'aideur: car il s'en faut bien qu' on aime les Dieux aussi violemment que les hommes. Но Поэтъ нашъ, какъ Поэтъ, не любилъ закона и принужденія; хотѣлъ брать не все хорошее въ образцѣ своемъ, а что слегка и само собою попадалось ему въ глаза —

Любя свободу я мою,
Какъ вздумается мнѣ, пою.

Довольно, что Богдановичь, проходя иногда мимо красотъ Лафонтеновыхъ, щедро замѣнялъ ихъ собственными и разнообразными. Умѣя быть нѣжнымъ, забавнымъ, онъ умѣлъ и колоть — даже кровныхъ своихъ, то есть Стихотворцевъ. Вводя Душеньку въ Амурову библіотеку, онъ говоритъ:

Царевна тамъ взяла читать стихи;
Но ихъ читаючи какъ будто за грѣхи,
Узнала въ первый разъ мучительную скуку,
И бросивъ ихъ подъ столъ, притомъ, зашибла руку.
Носился послѣ слухъ, что будто наконецъ
 Несчастныхъ сихъ стиховъ творецъ,
 Указомъ Аполлона
 Навѣки согнанъ съ Геликона;
И будто Душенька, боясь подобныхъ *скукъ*, *
 Иль ради сохраненья рукъ,
 Стиховъ съ недѣлю не читала,
Хотя любила ихъ и нѣкогда слагала.

Сей нещастный, согнанный съ Геликона, былъ конечно не похожъ на Богдановича, котораго Душенька съ удовольствіемъ могла бы читать даже и тогда, какъ онъ съ піитическою искренностію описываетъ лукавство ея въ гибельную ночь любопытства. Злыя сестры уговорили ее засвѣтить лампаду во время сна Купидонова....

Прекрасна Душенька употребила тутъ
 И хитрость и приворство,
 Какія свойственны женамъ,
Когда онѣ, дѣла имѣя по ночамъ,
Скорѣе какъ нибудь покой даютъ мужьямъ.
Но хитрости ль ея въ то время успѣвали,
Иль самъ клонился къ сну отъ дѣйствія печали:
 Онъ мало говорилъ, вздохнулъ,
 Зѣвнулъ,
 Заснулъ.

* Скука не употребляется у насъ во множественномъ числѣ.

Это напоминаетъ одинъ изъ славнѣйшихъ стиховъ въ Lutrin и стоитъ десяти прозаическихъ страницъ Лафонтеновыхъ.

Въ описаніи Душенькиныхъ бѣдствій нѣкоторыя черты также гораздо щастливѣе у Богдановича; на примѣръ, трогательное обращеніе его къ жалкой изгнанницѣ:

Умри, красавица, умри! твой сладкой вѣкъ
Съ минувшимъ днемъ уже протекъ;
И естьли смерть тебя отъ бѣдствій не избавитъ,
Сей свѣтъ, гдѣ ты досель равнялась съ божествомъ,
Отнынѣ въ скорбь тебѣ наполненъ будетъ зломъ,
И всюду горести за горестьми представитъ.
.
Къ нещастію тебя оставилъ Купидонъ.
Твой рай, твои утѣхи,
Забавы, игры, смѣхи,
Прошли какъ будто сонъ.
Вкусивши сладости, кто въ мірѣ ихъ лишился,
Любя съ любимымъ разлучился,
И радости себѣ уже не чаетъ впредь.
Легко почувствуетъ, безъ дальнѣйшаго слова,
Что лучше Душенькѣ въ сей долѣ умереть.

Стихотворецъ нашъ, описывая съ Лафонтеномъ всѣ образы смерти, избираемые Душенькою, прибавляетъ отъ себя еще одинъ, не весьма піитическій, но игриво и забавно имъ представленный:

Избравъ крѣпчайшій сукъ, послѣдвій шагъ ступила
И къ вѣтьви свой платокъ какъ должно прицѣпила,
И въ петлю Душенька головушку вложила.

О чудо изъ чудесъ!
Потрясся долъ и лѣсъ;
Дубовый, грубый сукъ, на чемъ она повисла,
Съ почтеніемъ къ ея прекрасной головѣ
Пригнулся такъ какъ прутъ — — —
И здраву Душеньку поставилъ на травѣ;
И вѣтви всѣ тогда, нанизъ влекомы ею,
Иль сами волею своею,
Шумѣли радостно надъ нею,
И съединяючи концы,
Свивали разны ей вѣнцы.
Одинъ лишь наглый сукъ за платье зацѣпился,
И Душенькинъ покровъ въ верху остановился;
Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ
Другое чудо изъ чудесъ — —

Вольность бываетъ маленькою слабостію Поэтовъ; строгіе люди давно осуждаютъ ихъ, но снисходительные многое извиняютъ, естьли воображеніе неразлучно съ остроуміемъ, и не забываетъ правилъ вкуса. Когда горы и лѣса, видя *чудо*, восклицали, что Душенька всѣхъ на свѣтѣ прекраснѣе,

Амуръ, смотря изъ облаковъ,
Прилѣжнымъ взоромъ то оправдывалъ безъ словъ!

Поэту хотѣлось сказать, что Душенька прошла *сквозь огнь и воду*, и для того онъ заставляетъ ее броситься въ пламя, когда Наяды не дали ей утонуть въ рѣкѣ....

Лишь только бросилась во пламя на дрова,
Какъ вдругъ невидимая сила
Подъ нею пламень погасила;

Мгновенно дымъ исчезъ, огонь и жаръ потухъ;
Остался только лишь потребный теплый духъ,
За тѣмъ, чтобъ ножки тамъ Царевна осушила,
Которая въ водѣ не давно замочила.

Это смѣшно, и разсказъ имѣетъ всю точность хорошей прозы. — Лафонтенъ, для разнообразія своей повѣсти, вводитъ исторію Философа-рыболова: въ Душенькѣ она могла бы только остановить быстроту главнаго дѣйствія. Сказки въ стихахъ не требуютъ *множества* вымысловъ, нужныхъ для живости прозаическихъ сказокъ. Богдановичь упоминаетъ о старомъ рыбакѣ единственно для того, чтобы Душенькѣ было кому пожаловаться на ея нещастіе....

Ты помнишь бытность всѣхъ временъ
И всякихъ въ мірѣ перемѣнъ:
Скажи, какъ свѣтъ стоитъ съ начала,
Встрѣчалось ли когда кому
Нещастье равно моему?
Я рѣзалась и въ петлю клалась,
Топилась и въ огонь бросалась;
Но въ горькой участи моей,
Прошедъ сквозь огнь, прошедъ сквозь воду,
И всѣми видами смертей
Приведши въ ужасъ всю природу,
Противъ желанія живу
И тщетно смерть къ себѣ зову.
.
Но кто ты? старецъ вопросилъ. .
«Я Душенька — люблю Амура.»

Послѣдній стихъ прекрасенъ и трогателенъ, не смотря на шутливый тонъ Автора. — Объявленіе Венеры, прибитое на всѣхъ перекресткахъ, взято съ Французскаго, но гораздо смѣшнѣе на Русскомъ.

Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,
И Душеньку Амуръ Венерѣ въ стыдъ хвалилъ;
Она же Душенька румяна унижаетъ,
Мрачитъ передъ собой достоинство бѣлилъ;
. .
Она же Душенька, имѣя стройный станъ,
Прелѣстные глаза, пріятную усмѣшку;
. .
Она же взорами сердцамъ творя изъянъ:
. .
Того или инаго ради,
Венера каждому и всѣмъ
О гнѣвѣ на нее своемъ
По должной формѣ объявляетъ.

Въ обращеніи Душеньки къ богинямъ всего забавнѣе представлена важность Минервы, которая, занимаясь астрономическими наблюденіями и хвостами Кометъ, съ презрѣніемъ говоритъ бѣдной красавицѣ,

Что міръ безъ Душеньки стоялъ изъ вѣка въ вѣкъ;
Что въ обществѣ она не важной человѣкъ;
А паче какъ хвостомъ Комета всѣхъ пугаетъ,
О Душенькѣ тогда никто не помышляетъ.

Богдановичъ хотѣлъ осмѣять Астрономовъ, которые около 1775 году, естьли не ошибаюсь, пу-

гали людей опасностію Кометы. Но должно признаться, что о ревнивой Юнонѣ Лафонтенъ говоритъ еще забавнѣе Русскаго Стихотворца. Вотъ его слова: «Пастушкѣ нашей не трудно было найти «Юнону. Ревнивая жена Юпитерова часто сходитъ «на землю, чтобы освѣдомляться о супругѣ. Псиша «встрѣтила ее гимномъ, но воспѣла одно могуще«ство сей богини, и тѣмъ испортила дѣло свое. На«добно было хвалить ея красоту, и какъ можно «усерднѣе. Царямъ говори объ ихъ величіи, а Ца«рицамъ совсѣмъ объ другомъ, естьли хочешь «угодить имъ. Юнона отвѣчала, что должно нака«зать смертныхъ прелестницъ, въ которыхъ влю«бляются боги. За чѣмъ они таскаются на землю? «развѣ на Олимпѣ еще мало для нихъ красавицъ?» Богдановичь шутитъ только на щетъ Юпитеровыхъ метаморфозъ: здѣсь Лафонтенъ тонѣе. Но скоро Поэтъ нашъ беретъ верхъ, описывая ошибку людей, которые, видя въ Венериномъ храмѣ Душеньку въ крестьянскомъ платьѣ, щитаютъ ее богинею и шепчутъ другъ другу на ухо:

Венера здѣсь тайкомъ!
Венера за столбомъ!
Венера подъ платкомъ!
Венера въ сарафанѣ!
Пришла сюда пѣшкомъ!
Конечно съ пастушкомъ!

Здѣсь короткіе стихи на одну риѳму прекрасно выражаютъ быстроту народныхъ словъ. И съ какимъ любезнымъ простосердечіемъ говоритъ Душенька раздраженной Венерѣ,

Колѣна преклоня:
Богиня всѣхъ красотъ! не сѣтуй на меня!
Я сына твоего прельщать не умышляла.
Судьба меня, судьба во власть къ нему послала.
Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ
Дивятся завсегда малѣйшей красотѣ.
Сама искала я упасть передъ тобою;
Сама желала я твоею быть рабою.

Богдановичь поступилъ также гораздо милостивѣе съ своею Героинею, нежели Лафонтенъ, который заставалъ Венеру немилосердо сѣчь ее розгами! Какое варварство! Русская Душенька *служитъ* только трудныя, опасныя *службы* богинѣ, совершенно въ тонѣ Русскихъ старинныхъ сказокъ, и прекрасно; идетъ за живою и мертвою водою, къ змѣю Гарыничу, и такъ хорошо, съ женскою хитростію, ублажаетъ его:

О змѣй Гарыничь, Чудо-Юда!
Ты сытъ во всяки времена;
Ты ростомъ превзошелъ слона,
Красою помрачилъ верблюда;
Ты всяку здѣсь имѣешь власть;
Блестишь златыми чешуями,
И смѣло разѣваешь пасть,
И можешь всѣхъ давить когтями!
Пусти меня, пусти къ водамъ!

Богдановичь, приводя Душеньку къ злому Кащею, не сказываетъ намъ его загадокъ: жаль! здѣсь былъ случай выдумать нѣчто остроумное. Но Авторъ уже довольно выдумывалъ, спѣшитъ

къ концу, отдохнуть на миртахъ вмѣстѣ съ своею Героинею, и мимоходомъ еще описываетъ Тартаръ несравненно лучше Лафонтена. Какъ скоро Душенька показала тамъ ногу свою, все затихло....

Церберы перестали лаять,
Замерзлый Тартаръ началъ таять.
Подземна царства темный царь,
Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ:
Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ... начавши рѣчь, запнулся,
И съ роду первый разъ
Въ то время улыбнулся!

Сими прекрасными стихами заключаемъ нашу выписку. Амуръ соединяется съ Душенькою, и Богдановичь, вспомнивъ аллегорическій смыслъ древней басни, оканчиваетъ свою Поэму хвалою душевной, вѣчно неувядаемой красоты, въ утѣшеніе, какъ говоритъ онъ, всѣхъ земныхъ не красавицъ.

Замѣтивъ хорошія и прекрасныя мѣста въ *Душенькѣ*, скажемъ, что она конечно не вся писана такими щастливыми стихами; но вообще столь пріятна, что благоразумный Критикъ, чувствительный къ красотамъ Искусства и дарованія (а судъ другихъ есть пустословіе или злословіе) не захочетъ на счетъ ея доказыватъ своей тонкой разборчивости, и не забудетъ, что Ипполитъ Бог-

дановичъ *первый* на Русскомъ языкѣ игралъ воображенiемъ въ легкихъ стихахъ: Ломоносовъ Сумароковъ, Херасковъ, могли быть для него образцами только въ другихъ родахъ.

Мудрено ли, что Душенька единогласно была прославлена всѣми любителями Русскаго Стихотворства? Шесть или семь листовъ, съ безпечностiю брошенныхъ въ свѣтъ, перемѣнили обстоятельства и жизнь Автора. Екатерина царствовала въ Россiи: Она читала Душеньку съ удовольствiемъ и сказала о томъ Сочинителю: что могло быть для него лестнѣе? Знатные и придворные, всегда ревностные подражатели Государей, старались изъявлять ему знаки своего уваженiя, и твердили наизусть мѣста, замѣченныя Монархинею. Тогдашнiе Стихотворцы писали эпистолы, оды, мадригалы въ честь и славу творца Душеньки. *Онъ былъ на розахъ*, какъ говорятъ Французы.... Но многiя блестящiя знакомства отвлекли Богдановича отъ жертвенника Музъ въ самое цвѣтущее время таланта * — и вѣнокъ Душеньки остался единственнымъ на головѣ его. Хотя онъ и неувядаемъ, однакожь любители дарованiй не перестанутъ жалѣть, что Поэтъ нашъ имъ удовольствовался и не захотѣлъ новыхъ. Онъ доказалъ, къ нещастiю, что авторское славолюбiе можетъ имѣть предѣлы! Правда, что Богдановичь еще писалъ, но мало, или съ небреженiемъ, какъ будто

* Ему тогда было съ небольшимъ 30 лѣтъ.

бы *не-хотя*, или въ дремотѣ Генія. Иной сказалъ бы, что Поэтъ, любя свою Душеньку, *хотѣлъ* оставить ей честь быть единственнымъ, изящнымъ творенiемъ его таланта. — Отъ 1775 до 1789 году онъ сочинилъ *Историческое изображенiе Россiи*, часть I (опытъ легкiй, несовершенный, но довольно прiятный) — лирическую Комедiю: *Радость Душеньки*, Драму *Славяне*, и двѣ маленькiе театральныя пiесы изъ Русскихъ пословицъ. Сама Екатерина ободряла Богдановича писать для театра, и въ знакъ Своего благоволенiя пожертвовала ему табакерку за *Радость Душеньки*, а за Драму *Славяне* перстень. Въ первой есть забавная сцена, пиръ боговъ, гдѣ Момусъ смѣшитъ своимъ *божественнымъ* простосердечiемъ; а во второй двадцати-пяти-лѣтнее торжество Славянъ въ честь великой Государынѣ, которая навѣки основала ихъ благоденствiе, тронуло въ представленiи всѣхъ зрителей: ибо сiю Драму играли въ то время, когда совершилась четверть вѣка по восшествiи на тронъ Екатерины. — Исполняя также волю сей Монархини, онъ издалъ Русскiя пословицы, въ которыхъ сохранились драгоцѣнные остатки ума нашихъ предковъ, ихъ истинныя понятiя о добрѣ и мудрыя правила жизни. Мы должны еще упомянуть о мелкихъ его стихотворенiяхъ, напечатанныхъ въ Собесѣдникѣ: нѣкоторыя изъ нихъ отличаются замысломъ и вкусомъ. — Но ни которая изъ прiятныхъ бездѣлокъ Богдановича не была такъ извѣстна и славна, какъ его пѣсня: *мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ*. Она сдѣлалась *народною*,

и до нынѣ — не смотря на множество новыхъ любимыхъ пѣсенъ — сохраняетъ свое достоинство. Въ ней есть истинная *затѣйливость* и нѣжная простота, которыя равняютъ ее съ лучшими Французскими пѣснями. Что можетъ быть простѣе и любезнѣе слѣдующихъ куплетовъ:

«Далабъ ему я посохъ свой:
Мнѣ посохъ надобенъ самой;
И чтобъ звѣрей остерегаться,
Съ собачкой мнѣ не льзя разстаться.

Въ пустынной скучной сторонѣ
Свирѣлки также нужны мнѣ.
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считала стада.»

Пастушка говоритъ тогда:
«Пускай пастухъ придетъ сюда;
Чтобъ не было убытка стаду,
Я сердце дамъ ему въ награду!»

Онъ перевелъ также всѣ лучшіе Французскіе стихи, написанные въ честь Екатерины, Вольтеровы, Мармонтелевы, и проч. Сіи Поэты умѣли хвалить Великую языкомъ благороднымъ, и Богдановичь не унижалъ его. На примѣръ, онъ такъ заставляетъ говорить Мормонтеля на Русскомъ языкѣ:

О ты, Которая въ законахъ и геройствѣ
Совмѣстниковъ Своихъ далеко превзошла, —
Божественный примѣръ Монархамъ подала

Пещися подданныхъ о щастьи и спокойствѣ!
Являй всегда Твоей величество души,
И славныхъ дѣлъ своихъ начатки соверши!
Щастливому въ Твоемъ владѣніи народу
Осталося имѣть едину лишь свободу.

Въ переводѣ его Вольтеръ, подобно какъ и въ оригиналѣ, то важенъ, то забавенъ, говоря:

И гдѣ Великій Петръ людей содѣлать могъ,
Екатерина тамъ содѣлала Героевъ...
- -
Трудится день и ночь возставить всѣхъ покой,
И межъ трудовъ ко мнѣ писать находитъ время.
Тогда же Мустафа, гордясь предъ Визиремъ,
Въ чертогахъ роскошью безчувственною дышетъ,
Зѣваетъ въ праздности, не мыслитъ ни о чемъ,
И никогда ко мнѣ, въ прибавокъ, онъ не пишетъ!

Занимаясь стихотворствомъ Богдановича, мы забыли службу его. Въ 1780 году онъ былъ опредѣленъ въ новоучрежденный тогда Государственный Санктпетербургскій Архивъ Членомъ, въ 1788 Предсѣдателемъ его, а въ 1795 отставленъ съ полнымъ жалованьемъ, служивъ 41 годъ.—Наконецъ, въ 1796 году, онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Тогдашнія бѣдствія Европы, разительная картина непостоянствъ Фортуны въ отношеніи къ людямъ и къ государствамъ, самая свѣтская печальная опытность, могли въ добромъ и нѣжномъ сердцѣ его произвести склонность къ мирному уединенію. Пріятный климатъ, любезныя воспоминанія дѣтства и самая вѣрнѣйшая связь въ мірѣ, дружба

родственная, влекли Богдановича къ щастливымъ странамъ Малороссіи. Онъ пріѣхалъ въ Сумы съ намѣреніемъ вести тамъ жизнь свою въ кругу ближайшихъ родныхъ и наслаждаться ея тихимъ вечеромъ въ объятіяхъ Природы, всегда любезной для чувствительнаго сердца, особливо для Поэта. Первые дни и мѣсяцы казались ему совершеннымъ очарованіемъ; никогда душа его не бывала такъ свободна и безмятежна. Уже никакія мечты не тревожили ея спокойствія. Мирная совѣсть; пятьдесятъ лѣтъ проведенныхъ въ наблюденіи строгихъ правилъ чести; кроткая, но всегдашняя дѣятельность благородныхъ способностей человѣка: ума образованнаго и зрѣлаго, воображенія еще не угасшаго; чтеніе Авторовъ избранныхъ; обхожденіе съ людьми добрыми и близкими къ сердцу; самое единообразіе простой жизни, любезное въ нѣкоторыхъ лѣтахъ, были щастіемъ Богдановича, истиннымъ и завиднымъ, котораго желаютъ всѣ люди, живущіе для славы собственной и пользы другихъ въ шумѣ свѣтскомъ, и котораго милымъ образомъ украшаютъ они *въ мысляхъ* послѣдніе дни свои въ мірѣ, дни отдохновенія и покоя!... Но

Пристанища въ семъ мірѣ нѣтъ!...

Здѣсь должны мы осторожно повторить извѣстіе неясное, хотя и вѣрное. Руссо на шестомъ десятилѣтіи жизни испыталъ всю силу романической страсти, забавной въ глазахъ молодаго

свѣтскаго Адониса, но трогательной для человѣколюбиваго наблюдателя. Можно съ покойною совѣстію шутить надъ старикомъ Селадономъ; но для *особенной* и *случайной* привязанности нѣтъ сроку: всегда можно любить, пока сердце живо — и взоръ чувствительной женщины изъявляетъ намъ симпатію. Самолюбіе, нѣкоторымъ образомъ справедливое въ человѣкѣ достойномъ; имя дружбы, которымъ часто закрываемъ любовь отъ самихъ себя; надежда быть — естьли не прелестнымъ, то хотя пріятнымъ, и нравиться самымъ тѣмъ, чтобы не думать нравиться — заводятъ иногда и не Поэтовъ весьма далеко.... Не знаемъ обстоятельствъ; но кто, и зная ихъ, могъ бы безъ нарушенія правилъ скромнаго благоразумія открыть свѣту подробности сердечной связи? Скажемъ только, что тихая, мирная, щастливая жизнь Богдановича вдругъ сдѣлалась ему несносною. Онъ долженъ былъ разлучиться съ другомъ и братомъ... Какъ остаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ все напоминало ему и блаженнѣйшіе часы для сердца и неожидаемыя ихъ слѣдствія? Оскорбленное самолюбіе бываетъ антидотомъ любви, но жестокимъ!... И всякая сильная перемѣна чувствъ ужасна въ то время, когда мы близки къ западу жизни, и когда Натура предписываетъ человѣку *спокойствіе*, какъ необходимое условіе еще возможнаго для него щастія! Надежда замѣнить потерю облегчаетъ ее въ молодости; но лѣта отнимаютъ у насъ сіе дѣйствительное утѣшеніе. Мы слышимъ только голосъ строгаго разсудка, который запре-

щаетъ даже и жаловаться на судьбу!... Мысль о послѣднихъ годахъ нашего любезнаго Стихотворца печальна для всякаго, кто умѣетъ воображать себя на мѣстѣ другихъ.

Въ 1798 году онъ переселился въ Курскъ. — Александръ восшелъ на тронъ; и когда всѣ Патріоты съ радостными надеждами устремили на Него взоры, Богдановичь взялъ лиру, уже давно имъ оставленную — и юный Монархъ въ знакъ Своего благоволенія прислалъ ему перстень. Муза *Душеньки* имѣла славу и щастіе нравиться Великой Екатеринѣ: Августѣйшій Внукъ Ея могъ ли не удостоить ее Своего вниманія?

Въ началѣ Декабря 1802 году Богдановичь занемогъ, бывъ всегда не крѣпкаго сложенія; томился четыре недѣли, и кончилъ жизнь 6 Января, въ горести родныхъ друзей и всѣхъ любителей Руской Словесности: ибо онъ еще не дожилъ до глубокой маститой старости, которая бываетъ послѣднимъ знакомъ Небеснаго благоволенія къ земнымъ странникамъ, облегчая ихъ переходъ въ вѣчность.

Говорятъ, что жизнь и характеръ Сочинителя видны въ его твореніяхъ; однакожь мы, любя послѣднія, всегда спрашиваемъ о первыхъ у тѣхъ людей, которые лично знали Автора. Всѣ знакомые и пріятели Богдановича единогласно хвалятъ его свойства, тихой нравъ, чувствительность, безкорыстіе и какую-то невинную веселость онъ сохранилъ до старости, и которая дѣлала его пріятнымъ въ дружескомъ обществѣ. Никто не замѣ-

2097

чалъ въ немъ авторскаго самолюбія. Богдановичь даже рѣдко говаривалъ о Поэзіи и Литтературѣ, и всегда съ нѣкоторою застѣнчивостію, бывшею природнымъ свойствомъ его. Не мудрено, что онъ не любилъ Критики, пугающей всякое нѣжное самолюбіе, и признавался, что она своею грубою строгостію могла бы совершенно отвратить его отъ Авторства.

Друзья Богдановича — которыхъ онъ, однажды нашедши, не терялъ никогда — а еще долѣе любители Русскихъ талантовъ сохранятъ его память: ибо творецъ *Душеньки* будетъ извѣстенъ потомству — какъ Стихотворецъ пріятный, нѣжный, часто остроумный и замысловатый.

1803 года.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Bayerische Staatsbibliothek München

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenīja Karamzina

Bd.: 1

Sanktpeterburg' 1848

P.o.rel. 3470-12,1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036448-8